

Следы иезуитов

Ричард В. Томпсон

THE FOOTPRINTS OF THE JESUITS.

BY
R. W. THOMPSON,

EX-SECRETARY OF THE NAVY, AND AUTHOR OF "THE PAPACY
AND THE CIVIL POWER."

"It was very difficult, not to say impossible, that the Church could recover a firm or durable peace so long as the said society existed."—POPE CLEMENT XIV.

"THE Jesuits, by their very calling, by the very essence of their institution, are bound to seek, by every means, right or wrong, the destruction of Protestantism. This is the condition of their existence, the duty they must fulfill, or cease to be Jesuits."—NICOLINI, of Rome.

CINCINNATI: CRANSTON & CURTS.
NEW YORK: HUNT & EATON.

1894.

Электронная книга проекта "Гутенберг" по следам иезуитов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Следы иезуитов

Автор: Ричард У. томпсон

Дата выхода: 1 апреля 2020 г. [Электронная книга № 61731]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

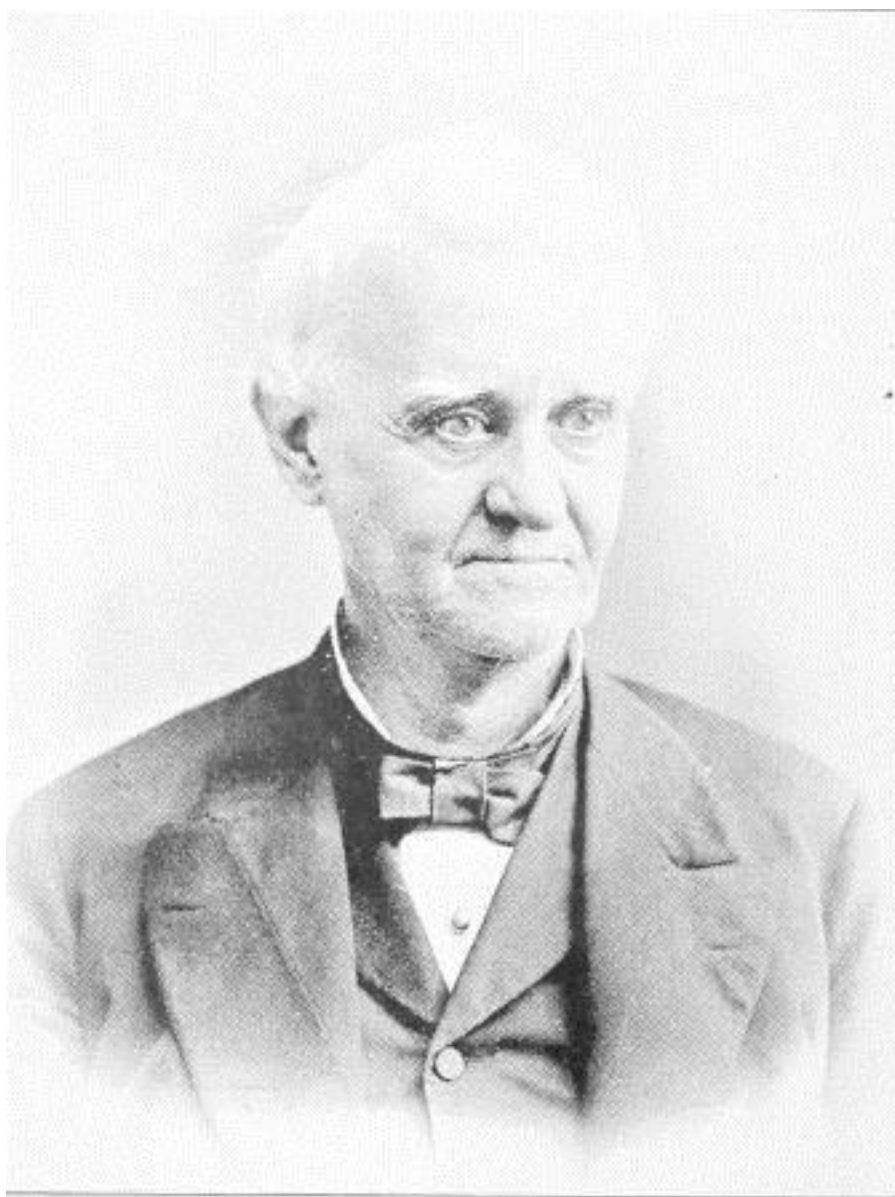
Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Clarity, Грэмом Макретом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СЛЕДЫ ИЕЗУИТОВ" ***

Электронная книга проекта Гутенберга "Следы иезуитов" Ричарда У. (Ричард Виггинтон) Томпсона

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Посмотреть <https://archive.org/details/footprintsofjesu00thom>

R. B. Thompson.

Р. В. Томпсон.

Следы иезуитов.

АВТОР Р. У. ТОМПСОН,

Бывший министр военно-морского флота и автор книги "Папство и гражданская власть".

"Было очень трудно, если не сказать невозможно, чтобы Церковь могла восстановить прочный мир, пока существовало упомянутое общество". — Папа Климент XIV.

"Иезуиты, по самому своему призванию, по самой сути своего института, обязаны стремиться любыми средствами, правильными или неправильными, к уничтожению

протестантизма. Это условие их существования, долг, который они должны выполнить, иначе перестанут быть иезуитами". — Николини, Рим.

ЦИНЦИННАТИ: КРЭНСТОН И КЕРТС.

НЬЮ-ЙОРК: ХАНТ и ИТОН.

1894.

Авторские права

ОТ CRANSTON & CURTS,

1894.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Гражданские институты Соединенных Штатов не могли бы сформироваться без разделения Церкви и государства и не смогли бы продолжать существовать, если бы они снова объединились. Христианство не смогло бы сохранить свою первобытную чистоту, если бы политика и религиозная вера были смешаны воедино; точно так же государство не смогло бы сохранить свою способность обеспечивать общее благосостояние, если бы находилось под властью церковной власти. Наш успех как нации в основном объясняется тем фактом, что эти чувства глубоко укоренились в сознании американцев.

Партия, обязавшаяся вернуть папе светскую власть, которую отнял итальянский народ, обязательно должна носить *политико-религиозный* характер, поскольку она предлагает вмешиваться в мирские дела одной из европейских наций. И если попытка сделать это оправдана тем, что такое восстановление связано с религиозным долгом, любой может увидеть, что обязательство в Соединенных Штатах такое же, как и в Италии, поскольку законы Бога не меняются в соответствии с требованиями человеческих дел.

Во времена, предшествовавшие Реформации, светские дела правительств должны были соответствовать указаниям церковной власти, то есть папы римского, и считалось необходимой и существенной частью религии, что этот союз должен продолжаться, независимо от степени невежества и унижения населения. Основатели нашего правительства исходили из другой теории, полагая, что их долг - отделить "дела Божьи" от "дел кесаря", чтобы каждое могло достичь совершенства в своей отдельной сфере. Следовательно, ясно, что *политико-религиозная* партия в этой стране, обязавшаяся объединить Церковь и государство в Италии вопреки воле итальянского народа, не только должна выступать против одного из основополагающих принципов нашего правительства, но и нарушать общественный покой.

На мой взгляд, также ясно, что нация действует политически, а не религиозно, когда она принимает решение о структуре своего временного правительства, то есть о том, будет ли ее делами управлять абсолютный или выборный монарх, или с помощью механизма, предусмотренного писаной конституцией. Поэтому я воздерживался от обсуждения или критики религиозных убеждений — как они понимаются в американском смысле — до тех пор, пока это не стало предлогом для изменения этого мнения, столь широко распространенного в

этой стране. Это был бы тяжелый день для народа Соединенных Штатов, если бы его убедили позволить какой бы то ни было власти, мирской или духовной, в стране или за рубежом, разделить с ним какую-либо часть их политической власти или в какой-либо степени диктовать меры их гражданского устройства.

Напоминая тем, в чьи руки может случайно попасть эта книга, об их гражданских обязательствах при нашей популярной форме правления, я счел абсолютно необходимым описать характер иезуитов, но для которых, по моему мнению, это было бы лишь немногим поводом для беспокойства. Это общество не имеет ничего общего с американскими идеями или принципами. Она представляет монархизм в его самой деспотической и отвратительной форме, требуя от каждого из своих членов изображать самое низменное раболепие и принимать это унижение как абсолютно необходимую часть религиозной веры. У него была история, не похожая ни на одно другое общество в мире. Указывая на его происхождение и прослеживая его следы среди народов, я полагался на самый несомненный авторитет, большая часть которого представлена авторами-иезуитами. Тщательное изучение свидетельств не оставит у читателя сомнений относительно одиозности, которая с самого начала лежала на обществе, а также в том, каким образом оно нарушало спокойствие народов, бросало вызов самим папам, когда выступало против них, и пренебрегало интересами, благополучием и гармонией Церкви, которой, по его словам, служило, когда этого требовал ее генерал.

Я счел важным проследить некоторые из ведущих событий, произошедших при понтификатах Григория XVI, Пия IX и Льва XIII вплоть до настоящего времени. Только так можно понять весь смысл революции, которая привела к единству Италии и свержению светской власти папы римско-католическим населением, и что связано с требованием ее восстановления. При этом я рассматривал только те вопросы, которые являются *политико-религиозными* в том смысле, который распространен среди народа Соединенных Штатов, и которые нельзя сделать частью религиозной веры, не совершая насилия над признанным духом наших гражданских институтов. Таким образом, я избежал любого конфликта с теми, кто предпочитает римско-католическую форму вероисповедания протестантской, по той простой причине, что у меня нет ни цели, ни желания подвергать сомнению их право на это. Мне кажется, что конституционная гарантия, защищающая это право, должна удовлетворять всех, и ее нельзя нарушать, не подвергая опасности наше правительство. Следовательно, все, чего я желаю, будет достигнуто, если мне удастся убедить вдумчивых римских католиков в том, что для всех нас будет намного лучше, если они откажутся принять *политико-религиозное* учение иезуитов как часть своей религиозной веры и будут довольствоваться тем, что не будут вмешиваться в политические дела своих братьев-христиан в Италии. Они могут сохранять верность правительству так же патриотически, как и истинные протестанты, не ослабляя своей преданности духовным доктринам, которые преобладали в их Церкви до того, как падение Римской империи позволило папам возложить на их головы светскую королевскую корону. С этой целью я бы, если будет позволено, со всей искренностью обратился к этой части нашего населения и призвал бы их интеллект проявить не меньше, чем патриотизм. И если кто-нибудь из них прочтет этот том и внимательно рассмотрит его содержание, он увидит, что все, что я написал, основано на надежде, что протестанты и католики Соединенных Штатов будут жить вместе в согласии христианского братства, подражая друг другу в том, что больше всего способствует их взаимному счастью, и сохранит для их общего потомства гражданскую и религиозную свободу, гарантированную нашей Конституцией и законами.

Существует множество свидетельств того, что иезуиты приняли свободный кодекс морали, на основе которого они построили систему "морального богословия", столь же несовместимую с истинными учениями римско-католической религии, как и с устоявшимися доктринами всех христиан-протестантов. Но я воздержался от любого обсуждения этих вопросов не только потому, что это в достаточной степени сделано Паскалем и Бертом во Франции и многочисленными американскими авторами, но и потому, что моя главная цель - показать, что триумф иезуитов в этой стране привел бы к такому положению вещей, которое поставило бы под угрозу наши гражданские институты. В качестве религиозных доктрин, необходимых для спасения, они учат следующему: что государство должно воссоединиться с Церковью и быть обязано подчиняться ее духовным заповедям при принятии законов; что римско-католическая религия должна быть установлена законом как единственная истинная религия, а любая другая форма религиозных верований должна рассматриваться и наказываться как ересь; что наряду с этим уничтожением свободы религиозных убеждений должны быть наложены соответствующие ограничения на свободу слова и печати; что Римско-католическая церковь должна быть признана организацией, освобожденной от подчинения всем нашим законам, касающимся владения и управления недвижимого имущества; что духовенство этой Церкви также должно быть освобождено от подчинения законам, как и другие граждане, и должно подчиняться только тому, что может предписать папа римский; и что наша система образования в обычных школах должна быть полностью уничтожена. Если бы в этих делах иезуиты добились успеха, нашему правительству неизбежно пришел бы конец; и то, что содержится в этом томе, было написано исключительно с целью сделать этот вопрос ясным и осязаемым для обычного читателя. Я написал это с точки зрения американского гражданина, глубоко убежденного в том, что это самая процветающая страна в мире, а не с точки зрения теолога. Об обязанностях первых перед правительством я предполагаю, что они кое-что узнали как из инстинкта, так и из образования; но о метафизических тонкостях теологов я себя не утруждаю.

Я знаю, как трудно избежать обвинения в духе преследования со стороны тех, кто, подобно иезуитам, ничего не допускает для честного расхождения во мнениях. Однако нельзя допускать, чтобы это мешало простой и очевидной обязанности защищать наши гражданские институты от любого нападения на них, независимо от того, кем и от чьего имени будут сформированы атакующие силы. Поэтому, сознавая, что в этой книге меня могут обвинить в немилости те, кому я не причинил бы никакого вреда в ответ, я высказался откровенно и справедливо и ничего не написал со злым умыслом.

R.W.T.

Terre Haute, 1894.

Содержание.

ГЛАВА I.

ВВОДНАЯ.

Отмена светской власти Папы Римского—Папа повелевает восстановить ее—Организация для этой цели—Обязанности американских граждан,

ГЛАВА II.

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА, ОСНОВАТЕЛЬ ОРДЕНА.

Игнатий Лойола, основатель Общества иезуитов — Его Первоначальная цель
реформировать Церковь и основать свое Общество в Палестине — потерпела неудачу, он
был вынужден получить одобрение Папы Римского — Это было сделано Павлом III после
внесения поправок в Конституцию, 32

ГЛАВА III.

КОНСТИТУЦИЯ ОБЩЕСТВА.

(Конституция иезуитов) Полностью монархический — Заменяет Бога Генералом на
Земле—Грех совершается без оскорбления, когда Генерал приказывает это—Генерал
Независим от Папы—Общество подчиняется только ему, 49

ГЛАВА IV.

УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВОМ.

Лойола, "Солдат удачи" — Его монархическое правление — Его непопулярность среди
доминиканских монахов —Его заговоры против францисканцев в Сарагосе и осуждение
церковными властями —Его успех, достигнутый только с помощью монархической власти, 66

ГЛАВА V.

БОРЬБА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ.

Поведение иезуитов в Толедо в Испании—Противодействие им церковных властей—Они
снова получают защиту от королевской власти—Попытка проникнуть во Францию—
Противодействие им французского народа—Длительная борьба, 84

ГЛАВА VI.

БОРЬБА ЗА ФРАНЦИЮ.

Продолжающаяся борьба иезуитов за проникновение во Францию — Соппротивление
парламента —Их интриги и опора на королевскую власть—Совет в Пуасси, на котором
присутствовал генерал—иезуит, который подавил дискуссию с протестантами—Их опора
на Екатерину Медичи — Ее помощь в Варфоломеевской резне, 99

ГЛАВА VII.

ОБЩЕСТВО ВЪЕЗЖАЕТ в ГЕРМАНИЮ.

Попытки иезуитов попасть в Германию — Меньше трудностей, чем во Франции— Когда
они добрались туда, протестанты и католики жили в мире—Немецкий колледж иезуитов в
Риме—Обучение немецкой молодежи измене как религиозному долгу, 114

ГЛАВА VIII.

ИЕЗУИТЫ В АНГЛИИ.

Заговоры иезуитов в Англии —Их противодействие религиозной терпимости—
Противодействие Елизавете со стороны папы Римского и суд над ней в Риме—Папский
указ о ее низложении и освобождении английского народа от верности ей, 130

ГЛАВА IX.

ВЛИЯНИЕ ИЕЗУИТОВ В ИНДИИ.

Миссия иезуитов в Индии—Навязывание Ксаверия монахам в Гоа —Его мнимые чудеса, 152

ГЛАВА X.

В ПАРАГВАЕ.

Иезуиты в Парагвае — Их правительство индейцев — Их сопротивление власти испанского и португальского правительств, 168

ГЛАВА XI.

ПОРТУГАЛЬЦЫ И ИЕЗУИТЫ.

Конфликт между португальцами и иезуитами—Обвинения против них предъявлены папе Бенедикту XIV —Расследование, заказанное им, 183

ГЛАВА XII.

ВВЕДЕНЫ ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ.

Иезуиты становятся идолопоклонниками из-за поклонения Брахме в Индии и Конфуцию в Китае, 196

ГЛАВА XIII.

ПАПСКОЕ ПОДАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

Общественное мнение вынудило Климента XIII пообещать подавление иезуитов, но он был убит — Они были подавлены Климентом XIV, который был отравлен — Его Указ о подавлении, 217

ГЛАВА XIV.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

Иезуиты уклоняются от Указа папы, подавляющего их, и ищут убежища в России и Пруссии — они были восстановлены Пием VII, чтобы помочь "Союзным державам" увековечить монархизм, 236

ГЛАВА XV.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСПАНИЮ.

Иезуиты возвращаются в Испанию - Они поддерживают Фердинанда VII в попрании Конституции — Они пробуждают революционный дух в народе, 257

ГЛАВА XVI.

РЕВОЛЮЦИИ В ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ.

Регрессивную политику Григория XVI — он держит итальянцев в подчинении австрийской армии — сменяет Пий IX во время революции, 282

ГЛАВА XVII.

СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПЫ СВЕРГНУТА.

Пий IX не в состоянии утихомирить Революцию —Он изгоняет иезуитов из Италии—Италия объединяется с Сардинией—Установлена независимость Италии и отменена Светская власть папы Римского —Условия примирения, предложенные Виктором Эммануилом и отвергнутые Папой Римским —Новое правительство предано анафеме, 306

ГЛАВА XVIII.

ПАПСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

Различие между Церковью и папством—Назначение Пия IX—Требование восстановления светской власти—Акт непогрешимости—Лев XIII избран—Получил образование у иезуитов—Отказался мириться с современным прогрессом—Его Энциклика—Требует 329

светской власти—Предпочитает средневековье—Его иезуитское воспитание,

ГЛАВА XIX.

НЫНЕШНЯЯ ПОЗИЦИЯ ПАПСТВА.

Верующим в Соединенных Штатах требуется организовать для восстановления
Светской власти—Этот вопрос международный—Их противодействие политике этой
страны—Мнение Льва XIII о свободе прессы—Он осуждает разделение Церкви и
государства—Политико-религиозные вопросы,

347

ГЛАВА XX.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Доктрины, которых придерживался Лев XIII до того, как стал папой —Союз Церкви и
государства—Абсолютное повиновение Церкви,

366

ГЛАВА XXI.

ВЕРХОВНАЯ ЦЕРКОВЬ.

Церковь — владычица всех народов - Ее право требовать Всеобщего повиновения—
Школьный вопрос —Mgr. Сатолли, вице-папа — Его теория, продиктованная Папой —
Наши обычные школы еретичны — Должны быть заменены приходскими школами, где
преподается религия,

388

ГЛАВА XXII.

ИЕЗУИТСКИЕ УЧЕНИЯ.

Доктрины Фомы Аквинского — Также доктрины иезуитов —*Де юре и де факто*
правительств — Соединенных Штатов Последнее, и им можно сопротивляться—Упорство
в этих Учениях,

407

ГЛАВА XXIII. ПАПСКАЯ НЕПОГРЕШИМОСТЬ.

Декрет о непогрешимости — Его Принятие Ватиканским собором — Его Определение и
значение — Расширяет юрисдикцию Папы Римского — Дает ему власть над политико-
религиозными вопросами во всем мире,

427

ГЛАВА XXIV.

ЦЕРКОВЬ И ЛИТЕРАТУРА.

Учение Папы посредством литературы—Обвинение американских институтов—Атака на
свободы людей—Свободные институты еретичны—Религия требует их свержения,

443

ГЛАВА XXV.

ИНТРИГИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Светская власть, вредная для Церкви—Привела к ее распаду—Поддерживается
притеснениями—Предназначена для проверки Реформации—Существенная для нее
непогрешимость—Влияние иезуитов на Тридентском соборе—Искажения Священного
Писания—Непогрешимость, не установленная Тридентским собором,

463

ГЛАВА XXVI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Ватиканский собор—Действие Декрета о непогрешимости—Булла *Unam Sanctam*
Бонифация VIII—Абсолютное господство над народами и нациями—Необходимость

479

защиты от этого в Соединенных Штатах—Важность общих школ—Обязанность сохранять их свободными от контроля иезуитов,

Следы иезуитов.

ГЛАВА I.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Американский народ впитал от ассоциации дух своих гражданских институтов и готов в любое время отразить любое прямое нападение на них. Однако они так активно заняты своими разнообразными занятиями, что многие из них не осознают необходимости задаться вопросом, закончился или не закончился конфликт между противоположными принципами правления, который привел к нашей национальной независимости, — другими словами, окончательна ли победа основателей Республики над монархизмом.

Те, кто одержал эту победу, намеревались восполнить это кажущееся отсутствие бдительности с помощью какой-либо системы образования, которая должна была усвоить принципы и мнения людей, как постоянный оплот против агрессии. Это было бы достигнуто давным—давно, если бы к отеческим советам президентов Вашингтона и Мэдисона прислушались так, как они того заслуживают, - что мы должны обучать "нашу молодежь науке управления",^[1] под эгидой и защитой национальных властей. Вместо этого мы считали себя достаточно защищенными нашей системой государственного школьного образования, находящейся под контролем государства, и в основном полагались на это, чтобы подготовить наших детей к гражданству и самоуправлению. До сих пор мы не были замеченыгiously беспокоит опасение, что это приведет к неудаче, и по этой причине он был сохранен с большой популярностью единодушие. Однако сейчас на него нападают с применением насилия, и, очевидно, с целью его полного уничтожения. Следовательно, обязательства, от которых мы не можем по праву уклониться, требуют от всех нас достаточно длительного отдыха от наших активных занятий, чтобы выяснить, если возможно, почему это происходит — какие мотивы движут нападающими — и желают ли они заменить наши принципы правления другими, возвращая нас на курс, который мы торжественно отвергли.

В дополнение к другим произведениям аналогичного характера, но менее талантливым, есть одно, широко распространенное в этой стране, вышедшее из-под пера писателя, выдающегося своей образованностью и способностями. Автор без утайки утверждает, что то, что он называет "католицизмом" — то есть то, чему учили римские папы, когда они были светскими монархами, — было более полезным для мира и более цивилизующим по своему влиянию на человечество, чем протестантизм, не только с социальной, но и *сполитической*, религиозной и литературной точек зрения. Его аргумент исходит из точки зрения иезуитов и может быть резюмирован в одном предложении: протестантизм поставил человечество в гораздо худшее положение, чем оно было во времена правления папских королей.^[2]

Эта работа была призвана нейтрализовать эффект, произведенный трудами Гизо, великого французского историка, который с помощью красноречивых и непревзойденных рассуждений утверждал, что человечество улучшилось со всех точек зрения под влиянием протестантизма. Соответственно, она была переведена с испанского, на котором и была первоначально

написана, на французский и немецкий языки и получила широкое распространение во Франции и Германии. Среди иезуитов она вскоре приобрела репутацию неопровержимой и по этой причине в конфликте между прогрессом и регрессом рассматривалась как тяжелое орудие в бою — подходящее оружие для атаки на протестантизм и его институты, находящиеся в центре его наибольшей силы. Поэтому она была переведена на английский язык и напечатана двумя издательствами в Соединенных Штатах для распространения среди американского народа. Прилагается американское предисловие, в котором подтверждаются эти положения: *первое*, что протестантизм принуждает своих приверженцев к неверию своими вариациями веры; *второе*, что цивилизация не только зародилась, но и процветала при "католицизме", когда ее тормозил протестантизм, который неблагоприятен для нее; и, *третье*, что принципы протестантизма несовместимы со счастьем человечества и "неблагоприятны для гражданской свободы".

Это предисловие, явно несущее на себе отпечаток иезуитизма, было предназначено для того, чтобы заранее уведомить американских читателей о том, что три вышеприведенных положения сохраняются в основной части работы, и подготовить их умы к их принятию. Его перепечатка и распространение в Соединенных Штатах не могло иметь никакой другой цели, кроме как привить населению этой страны веру в то, что преимущества, которые, по мнению жителей этой страны, они извлекли из протестантских институтов, на самом деле абсолютно вредны для них, и что их положение улучшилось бы за счет возрождения того, что существовало в средние века, до Реформации.

Уделяя особое внимание политическим вопросам и обсуждая их с иезуитской точки зрения, этот автор представляет простую, отчетливую и практическую проблему между прогрессом и регрессом. Он намеревается донести до сознания своих читателей так же ясно, как, по-видимому, до его собственного, что правительства, построенные по монархическому плану, приносят обществу больше счастья и процветания, чем правительства, основанные на протестантском плане самоуправления. Очевидно, именно с надеждой на распространение этой веры эта работа была переиздана и распространена в Соединенных Штатах настолько широко, что, как полагают, она стала общепринятым авторитетом среди врагов протестантизма-иезуитов. Однако, если это не поможет ничего другого, это уведомит наше протестантское население о том, что среди них существует мощное влияние, которое бескомпромиссно враждебно принципам, лежащим в основе всей структуры их правительства. И, будучи таким образом проинформированными, их безразличие было бы чуть ли не преступным; потому что их ловкие агрессоры истолковали бы его как страх перед возможными последствиями или приписали бы его своей неспособности успешно противостоять аргументам, представленным в этой работе, автор которой является признанным монархистом.

Различия между народным и монархическим правительствами хорошо известны и проявляются при каждом сравнении, которое возникало в ходе событий, начиная с Реформации шестнадцатого века. Первые достигли своего наивысшего триумфа там, где преобладает протестантизм, и в его присутствии вторые были вынуждены либо полностью отказаться от своих притязаний, либо ослабить свои требования абсолютизма. До тех пор, пока Реформация не стала свершившимся фактом, монархизм поддерживался путем объединения Церкви и государства и использования их совместной власти для принуждения масс к повиновению. Таким образом, полученное доминионом самоуправление было осуждено народом как ересь и государственная измена, караемая по желанию тех, кто держал бразды правления в своих

руках. Потребовалось много лет конфликта, чтобы изменить это положение дел; и когда народ Соединенных Штатов был в ходе событий поставлен в условия выбирать между этой системой принуждения и той, которая была естественным результатом протестантизма, и создавать правительство для себя, их мудрости хватило, чтобы заверить их, что любой принятый ими планправления приведет к провалу, если только они не проведут различие между своей политикой и своей религией, отделив Церковь от государства и так оформив свои гражданские институты, чтобы сохранить за собой только весь суверенитет над ними. Если бы какая-либо из этих важнейших предпосылок была опущена, все усилия по улучшению их состояния привели бы к провалу, как известно всем читателям истории. Однако вместо провала они создали правительство, которое пережило превратности более чем ста лет, теперь обеспечивает защиту более чем шестидесяти миллионам людей и достигло самого командного положения среди ведущих наций; если, конечно, его влияние на счастье и процветание человечества не превосходит влияние любой из них. В этом мы можем быть уверены, что мера его успеха была такова, что пробудила у других народов желание подражать его примеру; и что конфликты мнений, которые сейчас волнуют мир, дают разумную надежду на то, что народное право на самоуправление может быть менее чем через столетие признано повсеместно. С этой целью американский народ обязан внести свой вклад, отражая каждый удар, направленный против его институтов со стороны внутренних или внешних противников, особенно когда эти удары направлены, как некоторые из них, против фундаментальных принципов их правительства.

Влияние нашего примера находит яркую иллюстрацию в революции в Италии 1870 года, которая отменила светскую власть, или царствование, папы римского, отделила государство от Церкви и установила конституционную форму правления вместо абсолютного монархизма, который почти непрерывно господствовал на протяжении многих столетий. Огни этой революции горели долгое время, первоначально разожженные репрессиями, которые были настолько усилены, что народ больше не мог их терпеть. Их кульминационным моментом стало принятие Соборного указа, названного "Догматической конституцией", в котором было объявлено, что папа непогрешим и не может ошибаться в вопросах, касающихся веры или морали; то есть в таких сферах правительственных, социальных и индивидуальных обязанностей, которые на данный момент должен решать только папа римский о включении их в свою духовную и папскую юрисдикцию. Этот акт считался завершением "плана иезуитов", который незадолго до этого так разгневал итальянский народ, что папа Пий IX был вынужден изгнать членов этого одиозного общества из Рима. Следствием этого было то, что пожары, разжигаемые народным возмущением, становились все жарче, и погасить их стало невозможно, кроме как обеспечив полный успех революции. Поэтому успели высохнуть чернила, которыми был написан этот декрет о папской непогрешимости, как итальянский народ с необычайным единодушием решил отвергнуть его не только потому, что это было введение нового принципа веры, доселе непризнанного, но и потому, что они легко могли видеть, что это поставит их самих и их детей после них под власть иезуитов и диктовку. Они понимали, что его принятие повлечет за собой их обязательство подчиниться абсолютному светскому правлению папы, в выборе которого они не имели права голоса, и тем, кого он сочтет нужным поставить над ними, годными или непригодными, и таким образом положить конец всем народным требованиям права на политическое самоуправление. Это не касалось вопроса религиозной веры, поскольку вера была передана им их отцами; ничего такого, что касалось бы их долга перед Богом, кроме того, что самонадеянные люди, преследуя свои собственные эгоистичные цели, стремились превратить папу в Бога на земле, а себя - в его полномочных представителей.

Находясь исключительно под влиянием этого убеждения и воодушевленные успехом, которого добился народ Соединенных Штатов, они просто отменили светскую власть папы римского и создали конституционную форму гражданского правления, которая налагает удовлетворительные ограничения на власть их короля и учреждает представительные политические институты, которые обеспечивают, чтобы их голос был услышан при принятии государственных законов. В этом они сделали большой шаг в направлении правления "народом, для народа и посредством народа". Они отбросили политический абсолютизм, который иезуиты называют "католицизмом", и заняли положение и достоинство независимого народа. Они превратили олигархию, управляемую священниками, в нацию. По этой причине, и только по этой, они стали особыми объектами недоброжелательства иезуитов по той простой причине, что монархическое общество иезуитов никогда, с самого своего основания, не смягчалось в своем мстительном противостоянии любой форме гражданского правления, которая признает народ источником политической власти. В соответствии с самыми фундаментальными принципами его организации, ему предписано сочувствовать чувству личной независимости или позволять своим членам приобретать мужское достоинство, необходимое для участия в делах правительства.

Перед лицом того факта, что итальянский народ не изменил религиозным убеждениям, которые он с непоколебимой верностью поддерживал на протяжении сотен лет, а также перед лицом успехов протестантизма, признанных всеми, иезуиты используют вымогаемый декрет о папской непогрешимости в качестве основы аргументации, доказывающей, что папа божественно наделен таким духовным суверенитетом над нациями и народностями, который дает ему право предписывать, по его собственной личной воле и удовольствию, такие законы и предписания, касающиеся как веры, так и морали, которые необходимы для управления обществом и поведения отдельных лиц во всем мире. весь мир. В пределах этой экстраординарной и неограниченной юрисдикции они не делают различия между духовными и мирскими лицами, никогда не упуская возможности сделать власть над первыми достаточно всеобъемлющей, чтобы охватить последние, соответственно, как решит сам папа. Отсюда они делают вывод, что эта папская юрисдикция не подлежит никаким другим ограничениям, кроме тех, которые он установит, и что, следовательно, она может быть законно расширена таким образом, чтобы требовать подчинения от всех и отменять все требования, противоречащие ей. И результат, к которому они приходят — логично следуя этой посылке — заключается в том, что отказ от повиновения папе римскому в пределах этой всеобъемлющей юрисдикции нарушает закон Божий и является ересью. Следовательно, поскольку иезуиты верят, что отделение Церкви от государства итальянским народом является ересью, они также должны верить, что все гражданские институты, выросшие в результате этого разделения, такие как институты Соединенных Штатов, не только несут на себе проклятие Божье, но и являются богоизбранными посланниками небес, которые привели их в этот огромный круг папского владычества.

Наделяя этими полномочиями только папу римского, они полностью игнорируют все, что связано с первоначальной и примитивной организацией христианской церкви, и особенно тот важный факт, что только в начале VI века римскому епископу удалось получить отличительный титул папы римского.^[3] До этого времени они осуществляли в Риме только такие полномочия, как митрополичьи епископы в других местах — каждый из них назывался *papa* или папа римский. Когда римский епископ путем узурпации приобрел исключительный титул *the* папы римского, другие столичные епископы были низведены до состояния неполноценности и подчинения, и тогда ему потребовалась только светская власть, чтобы обеспечить ему власть и

юрисдикцию, на которые теперь претендуют для него иезуиты. Потребовалось несколько сотен лет конфликта внутри Церкви и с гражданскими властями, чтобы достичь этого, и в конце концов это было достигнуто только путем подчинения бессильных королей и таким образом объединения власти Церкви с властью государства, чтобы держать в подчинении невежественное население. И теперь, когда итальянцы, после того как они более тысячи лет подвергались этому унижению и обнаружили, что все источники их процветания иссякли, отменили и уничтожили эту незаконную и узурпированную светскую власть и взяли в свои руки управление своими собственными мирскими делами — повинувшись примеру, поданному им народом Соединенных Штатов, — иезуиты прилагают все свои силы, чтобы отменить этот популярный вердикт и снова ввергнуть их в ту мрачную пропасть, из которой они сбежали.

Иезуиты - искусные спорщики. Когда они говорят о том, что папство примиряется с любой формой правления, они придерживаются того значения, что оно не вмешивается — ни в монархиях, ни в республиках — в такие местные и ограниченные дела, которые относятся к общим интересам общества в управлении графствами, поселками, городками и муниципалитетами. Они могут проводиться без жалоб, как при одной форме правления, так и при другой, и считаются такими мирскими делами, которые папа может исключить из своей духовной юрисдикции без какого-либо нарушения божественного закона. Но когда меры государственной политики выходят за рамки этих местных и ограниченных сфер и затрагивают вопросы, которые папа решает как имеющие отношение к Церкви, папству, вере или морали, это относится к его юрисдикции, и, согласно иезуитам, он обладает божественным правом регулировать и направлять их. Так что, когда создаются гражданские институты — неважно, в какой форме, — которыми Церковь и государство разделены и гарантируется свобода религиозных убеждений, как это предусмотрено Конституцией Соединенных Штатов, они попадают под эту неограниченную юрисдикцию папы римского, и он может вынести им такой приговор осуждения, какой сочтет необходимым для поддержания своей собственной непогрешимости, а также своей духовной и светской власти. Если во исполнение этой экстраординарной духовной власти папа и генеральный орден иезуитов в Риме объединятся в указе о том, что всем таким институтам должно быть противопоставлено сопротивление и ниспровержение, иезуитское ополчение всегда готово подчиниться, потому что это один из фундаментальных принципов их общества, согласно которому при таком приказе, касающемся чего-либо, касающегося Церкви, папства, веры или морали, неповиновение карается божественным гневом.

Прежде чем вступить в Рим со своими победоносными войсками в надежде умиротворить папу римского, Виктор Эммануил, освободитель итальянского народа, обратился с нежным письмом к папе Пию IX, назвав его "главой католичества" и выразив надежду и намерение, что не должно быть сделано ничего, что противоречило бы "неприкосновенности суверенного понтифика и его духовной власти, а также независимости Святого Престола". Но этот добрый настрой не встретил взаимности со стороны вспыльчивого папы, который взволнованно отверг попытку умиротворения. Вслед за этим победоносные войска вступили в город Рим и положили конец светскому владычеству папы, которое давило на итальянский народ сокрушительным грузом почти четырнадцать столетий. Затем папа, потеряв свою королевскую диадему — и ничего более — и намереваясь предписать, что она должна быть возвращена обратно, как символ веры, приказал своему кардиналу-государственному секретарю уведомить об этом Виктора Эммануила. Это он сделал следующим образом:

"Я имею приказ от его святейшества заявить, и нижеподписавшийся настоящим заявляет от августейшего имени его святейшества, что такая узурпация лишена всякой силы, недействительна и что она никогда не может нанести никакого ущерба неоспоримым и законным правам на власть и владение, будь то самого святого отца или его преемников на вечные времена; и, хотя осуществлению этих прав можно насильственно препятствовать, однако его святейшество знает свои права, намерен сохранить их в неприкосновенности и *в надлежащее время вновь вступить в их фактическое владение.*

Это выразительные слова, и каждый иезуит истолковывает их как означающие, что, имея прямое одобрение непогрешимого папы, они налагают религиозную обязанность повиновения на всех членов своего общества, и что будет оскорбительно для Бога, если они прекратят свою борьбу за восстановление светской власти до того, как она будет завершена. Следовательно, они настолько расширяют духовную юрисдикцию и авторитет папы, что делают вопрос о восстановлении его мирской власти международным, так что у него будет божественное право требовать от всех исповедующих христианство повиноваться ему во всех вопросах, относящихся к этому вопросу, независимо от того, при каком правительстве или в какой части мира они могут жить. Отказ от этого послушания считается ими ересью. Следовательно, когда римско-католический народ Италии отменил светскую власть папы римского, оставаясь во всех других отношениях верным историческим и традиционным учениям Церкви, иезуиты обратились с организованным призывом ко всем римским католикам по всему миру объединиться в политико-религиозную партию, чтобы восстановить светскую власть, и таким образом научить своих братьев-христиан в Италии, что они не имеют права управлять собой по законам, которые они сами создали, и что, нерелигиозно отстаивая это право, в подражание еретическому народу Соединенных Штатов, они сами стали еретиками. Фактически, иезуитский призыв обращен к населению, совершенно чуждому народу Италии, приглашая это иностранное население ниспровергнуть гражданские институты, которые последние установили для себя, путем насильственной замены папы римского в качестве произвольного и безответственного монарха, без какого-либо конституционного контроля, на конституционного короля, полномочия которого были достаточно ограничены. Сам папа, когда он понял, что вот-вот потеряет свою корону, заговорил о двухстах миллионах римских католиков, рассеянных по всему миру, которые должны были быть возбуждены к этому конфликту с итальянским народом; и иезуиты считают, что на них возложена особая обязанность собирать силы этой великой папской армии и направлять ее передвижения. В этом качестве и с этой тайной целью они распространились по густонаселенным районам Соединенных Штатов, толпясь в наших городах и используя свою неутомимую энергию в работе по воспитанию значительной части нашего народа, как старого, так и молодого, в религиозной вере в то, что их христианский долг - сорвать корону с головы конституционного короля Италии, куда ее поместили приверженцы их собственной религиозной веры, и вернуть ее папе римскому, с головы которого они ее сняли, используя ту же суверенную власть, к которой призывал народ Соединенных Штатов, когда закладывал основы своих собственных институтов.

Это серьезная вещь, слишком серьезная, чтобы ею пренебрегать, - знать, что под защитой либерализма наших законов среди нашего народа рассеяны те, кто стремится вовлечь нас в союзы, которые не могут иметь другой цели, кроме как нарушить спокойствие нации и поставить под угрозу общественное благосостояние. Жертвы, принесенные американским народом во имя права на самоуправление, дают ему право быть предоставленным самому себе и беспрепятственно пользоваться этим правом. Они показали себя достаточно мудрыми, чтобы

понимать причины, приведшие к распаду прежних наций, и достаточно осмотрительными, чтобы избегать их. Среди этих причин союз Церкви и государства всегда занимал видное место; поэтому они сочли необходимым положить конец этому союзу, оставив Церковь независимой в духовном плане, а государство - в равной степени в мирской сфере. Это разделение представляет собой великий и важный политический факт, полностью отличный от любых форм или принципов религиозной веры, и практически воплощает американскую идею, увековеченную в протестантизме, о том, что право на совершенную и ничем не ограниченную свободу совести вытекает не из уступок духовных или светских монархов, а из неотъемлемых законов природы. Принимая во внимание прошлый опыт человечества, им казалось очевидным, что наилучшей формой правления является та, которая гарантирует каждому человеку это естественное право, которым можно пользоваться как политическим правом без каких-либо ограничений. Никаким другим способом свободное народное правительство никогда не станет возможным. Они также верили, что человечество достаточно долго находилось в состоянии неполноценности и рабства из-за совместного влияния Церкви и государственного деспотизма, и что, поскольку им провидением был предоставлен во владение новый и неразвитый континент, было не только мудро, но и лучше для них и их потомства, что при установлении своего правительства они должны сделать дальнейший союз Церкви и государства невозможным, если только какая-нибудь чуждая сила не окажется достаточно сильной, чтобы свергнуть их институты, или они не придут в упадок из-за коррупции, порожденной этим роковым союзом, как пали другие правительства. Это был эксперимент, до сих пор безуспешный, и поэтому множество людей по всему миру наблюдали за ним с большим беспокойством. Если и были те, кто считал эксперимент неразумным и, вероятно, обреченным на провал, то прошло совсем немного времени, прежде чем их сомнения рассеялись благодаря достигнутым результатам — результатам, которые все, кто по праву имеет право на американское гражданство, теперь принимают как драгоценное наследство от основателей Республики. Наши институты больше не являются экспериментом; они стали реальной и свершившейся реальностью. И сейчас не время для нас думать о возвращении к рабству монархизма, на что мы должны указать желанием сделать это, отказав народу Италии в праве последовать нашему примеру, отделив Церковь от государства и управляя собой по законам, которые они сами создали. Те, кто призывает нас к этому, являются советниками зла.

То, что иезуиты недовольны разделением Церкви и государства, является фактом слишком очевидным, чтобы его можно было опровергнуть. Отсюда готовность, с которой они участвуют в организации в этой стране политико-религиозной партии, обязавшейся восстановить светскую власть папы римского, несмотря на то, что такая партия осуждается духом наших институтов и рассматривается широкой общественностью как невежливая, нецелесообразная и опасная; и поскольку они решили навязать нам этот вопрос, нам не позволено оставаться равнодушными к нему или уклоняться от нашей гражданской ответственности перед правительством, имеющим право на нашу патриотическую преданность. От такого вопроса нельзя уклониться, и его необходимо встретить с бесстрашием и подобающей искренностью. Если человеку сообщить, что ядовитая гадюка свернулась под подушкой, на которую он собирается положить голову, он инстинктивно будет искать средства, необходимые, чтобы спастись от ее клыков. Итак, когда становится известно, что хитрые и ловкие противники, такие как иезуиты, замышляют заговор против заветных и жизненно важных принципов наших институтов, обязанность ознакомиться с их принципами, политикой и историей становится императивной. Поскольку мы предупреждены, у нас не будет оправданий тому, что мы не вооружены.

Мы не должны делать ничего, ни сейчас, ни в будущем, что было бы запрещено нашим национальным характером или либерализмом, который мы так высоко ценим. Наша Конституция в полной мере защищает права на свободу слова, свободную мысль и свободную прессу, все из которых должны считаться неприкосновенными; но явно совершается насилие над духом патриотизма, который гарантирует эту защиту, когда от любой части нашего населения требуется, чтобы они участвовали в работе по отмене, в какой бы то ни было степени, того, что основатели правительства считали фундаментальным. Нам запрещено подчиняться чему-либо, что имеет тенденцию, даже при возможности, подчинить людей какому-либо суверенитету, духовному или светскому, более высокому, чем они сами, в таких вопросах, которые касаются их собственного счастья и благоденствия. Следовательно, тем, кто стремится достичь этого, было бы неплохо узнать, что мир достаточно велик для них и для нас; что есть другие области, где есть лучшие основания для надежды на повторное соединение фрагментов разрушенных монахий; и что, когда они пользуются терпимостью наших институтов, чтобы подорвать их основы, они становятся нарушителями мирного и гармоничного круга, где, если бы не они, царили бы всеобщий мир и тишина.

В своем конфликте с итальянским народом за возвращение светской власти путем свержения установленного им Конституционного правительства папа не мог найти другого столь грозного союзника, как иезуиты, и никого с такой непримиримой ненавистью к либерализму и народному правительству. Их общество настолько сплочено и компактно, что его ряды невозможно разрушить. Они везде одинаковы, движимые общим порывом, под диктовку своего полководца в Риме. Они смертельные враги гражданской и религиозной свободы. Ничто, стоящее у них на пути, не может стать настолько священным, чтобы избежать их мести. Протестантизм не принес плодов, с которыми они когда-либо мирились. Они считают Реформацию, породившую его, преступным сопротивлением единственной законной власти на земле — той, которая исходит от Церкви и государства вместе взятых. Они верят, что состояние человечества в средние века, шатавшееся под тяжестью феодального гнета, было предпочтительнее современного прогресса и просвещения; что возвращение к тому периоду способствовало бы человеческому счастью; что политическое право народа на самоуправление не может быть противопоставлено высшему праву папской и монархической власти; что прогресс развивающихся стран обманчив и необоснован; и что институты, гарантирующие гражданскую и религиозную свободу, если их не остановить какой-либо силой принуждения, достаточно сильной, чтобы положить им конец, приведут через ересь к разрушению общества, к социальному краху и запустению. Если бы в период Реформации это общество не было создано с явной целью противодействия его влиянию, знание разницы между первоначальным христианством и преобладающими догмами могло бы привести к таким реформам, которые позволили бы христианам жить вместе в мире и согласии. Но когда должен был быть отправлен голубь с оливковой ветвью христианского милосердия, это общество возникло в мозгу разочарованного военного авантюриста и сразу же начало сеять семена раздора. Почти с самого начала она была нарушителем мира наций, страдая только от тех, кто оказывал ей покровительство, чтобы избежать ее проклятий и заговоров.

Члены этого общества многочисленны и влиятельны в Соединенных Штатах. Они постоянно увеличиваются, главным образом за счет присоединения к ним своих обученных и дисциплинированных товарищей из Европы, но также и за счет обращения в веру ничего не подозревающих молодых людей, которых соблазняют их тщеславные и высокомерные претензии на роль педагогов. Они, как и всегда, эгоистичны и мстительны — не терпят

сопротивления и ни в чем не идут на компромисс. У них нет ни страны, ни домов, ни семей, ни дружбы за пределами своего ордена — никаких сердечных привязанностей, которые придают очарование жизни и общению в обществе, — от них требуется отказаться от всего этого и подготовить себя к беспрекословному повиновению своему генералу, чьи приказы, правильные или неправильные, хорошие или дурные, они торжественно поклялись выполнять, не обращая ни малейшего внимания на последствия. Упорно отказываясь примириться с формами и методами христианской цивилизации, которые преобладают среди нашего протестантского населения, они используют все ресурсы, которыми могут располагать, в попытке остановить их. Они настаивают на том, что Церковь и государство должны быть объединены, где бы они ни были разделены, и что основой такого союза должно быть подчинение государства Церкви. Самоуправление народа рассматривается ими как нарушение божественного закона, и по этой причине оно с полным правом может быть отвергнуто как еретическое, когда его свержение может быть обеспечено. Они не допустят, чтобы у государств, народов или отдельных лиц существовали какие-либо права против того, что они считают прерогативами своего общества, как определено их генералом, который, по их мнению, обладает божественным правом расширять или сокращать их по своему усмотрению. Власть и независимость папы римского не должны быть ограничены ни в духовной, ни в мирской сфере, за исключением случаев, когда интересы их общества требуют иного; они должны быть полными, абсолютными, неоспоримыми в той мере, в какой это определено им самим. Его свобода должна быть такой, чтобы он мог по своему собственному усмотрению ограничивать свободы всех других. Его духовный суверенитет должен включать в себя все, что он примет в рамках этого. Ни существование, ни масштабы этого суверенитета не должны ставиться под сомнение ни перед каким человеческим судом; но он один должен определять это, вместе с характером повиновения, которого он должен добиваться. И если в ходе папской экономики он когда-нибудь сочтет необходимым держать в одной руке эмблемы гармонии и мира, это беспокойное и бескомпромиссное общество всегда готово вложить в другую руку жезл наказания.

Следовательно, конфликт мнений, в который оказались вовлечены протестанты Соединенных Штатов, вызван не ими самими. Они являются невольными участниками этого конфликта. Оно возникло в духе агрессии, который преобладает среди тех, кто испытывает большую симпатию к чуждой силе, чем к праву самоуправления, и, из-за их особой пригодности к работе, оно привлечет каждый иезуитский язык и перо в стране. Из-за этого чувство долга и безопасности требует, чтобы были поняты история и характер этого опытного и могущественного противника — чужака по рождению, росту и чувствам; а также причины, которые привели к изгнанию иезуитов из каждой страны Европы, общественная ненависть, которая лежала на них в течение многих лет, продолжающееся нарушение ими мира между народами и окончательное подавление и упразднение их общества одним из лучших и наиболее просвещенных пап. Принимая во внимание обязанность сохранять наши гражданские институты такими, какие они есть, не только для нас самих и наших детей, но и для множества людей, которые будут искать под ними защиты, мы не имеем права оставаться безразличными или бездействующими в присутствии таких нападающих, которые самодовольно бросают вызов нам в лицо и стремятся пропитать свободную и чистую атмосферу наших школ и семинарий ядом монархизма. "Перед коварными уловками иностранного влияния, - сказал Вашингтон, - ревность свободного народа должна постоянно пробуждаться, поскольку история и опыт доказывают, что иностранное влияние является одним из самых пагубных врагов республиканского правительства".

СНОСКИ:

[1] Восьмое послание Вашингтона и второе послание Мэдисона.

[2] Сравнение протестантизма и католицизма по их влиянию на цивилизацию Европы, преподобный И. Бальмес.

[3] Всеобщая церковная история. Альзог. Том. I, стр. 674. Этот признанный папский авторитет, чтобы быть как можно более точным, устанавливает его в 510 году.

ГЛАВА II.

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА, ОСНОВАТЕЛЬ ОРДЕНА.

Для обычного читателя не имеет большого значения, какое место в истории отведено Игнатию Лойоле, за исключением того факта, что он был основателем общества иезуитов и прожил достаточно долго, чтобы наложить на него отпечаток своей личности. Он воспользовался этой организацией, чтобы поддерживать среди ее членов тщеславное и нечестивое предположение о своем равенстве Богу, и таким образом достиг такой полной власти над ними, что в объяснение и оправдание их рабского послушания они представляют его как обладающего чудесными силами. Они приписывают ему совершение большего количества чудес, чем Христу, и без колебаний заявляют, что он не только вернул мертвых к жизни, но и в одном примечательном случае дал жизнь ребенку, родившемуся мертвым! Глупые истории этого персонажа, рассказанные о нем с кажущейся серьезностью, не могут иметь никакого другого эффекта, кроме как навязывать и поощрять невежественных и суеверных людей, и, несомненно, повторяются его биографами-иезуитами с этой целью. Похоже, они так и не осознали, что мир стал мудрее и что прошел период, когда вымыслы и мифы можно было объявлять реальностью.

"Жизнь Лойолы" была написана вскоре после его смерти Рабаденирой, одним из его последователей-иезуитов, который близко знал его. Конечно, при таких обстоятельствах его заявление о личных характеристиках, по-видимому, было достоверным. То, что он изложил в первом издании, якобы основывалось на его собственных знаниях и на том, что он узнал от "близких друзей" и "неразлучных спутников" Лойолы. И, представив перед собой эти факты и полностью обдумав их, он заявил, что его "святость не была оправдана чудесами". Однако несколько лет спустя было сочтено целесообразным полностью отменить эту уступку и заменить ее другой, более выгодной для иезуитов. Соответственно, в другом издании того же труда утверждается, что чудеса, творимые Лойолой, были "подтверждены самыми достоверными доказательствами и тщательным изучением".[4] Эти утверждения находятся в прямом конфликте и не могут быть правдой оба. Первое несет на себе отпечаток правдивости, потому что соответствует человеческому опыту, в то время как на последнем слишком отчетливо видны следы пальцев иезуитов, чтобы ввести в заблуждение любой вдумчивый и интеллигентный ум.

Чрезвычайно странно, что в нынешний читающий и просвещенный век иезуиты ссылаются на эти мнимые чудеса, чтобы доказать, что божественная сила и авторитет были дарованы Лойоле, потому что Бог избрал его для достижения особых целей от его имени; в то время как те самые вещи, которые, как они утверждают, ему было провиденциально предназначено победить,

произошли вопреки ему, его преемникам и всем их последователям. Подавление Реформации и искоренение протестантизма — его законных плодов — были общепризнанными целями его самого и его общества, потому что, по их мнению, проклятие Божье лежало на них как на проявлении непростительной ереси. Для достижения этих целей он превратил членов своего общества в компактное ополчение и вложил в их руки оружие, выбранное им самим, объяснив им, что они были специально отобраны в качестве исполнителей Божественного возмездия. И все же Реформация прогрессировала до тех пор, пока не обозначила новые пути развития для наций; а протестантизм расширил свое благотворное влияние до тех пор, пока сегодня он не стал управляющей силой в человеческих делах и даже завладел местами, где папство когда-то управляло с суверенной и неоспоримой властью. И великая работа, начатая таким образом, несмотря на проклятия иезуитов, еще не закончилась; ибо протестантизм все еще продолжает создавать новые нации, возвышать и совершенствовать народы и делать человечество свободнее, счастливее, и более процветающим; в то время как с тех пор, как иезуиты существовали как общество, не было времени, когда они не были бы одиозны во всех частях света и не рассматривались как замышляющие зло и нарушители общественного спокойствия. Как может вдумчивый ум объяснить эти результаты каким-либо известным процессом человеческого рассуждения, если бы было правдой, что Лойола обладал божественной силой, дарованной ему специально с целью уничтожения протестантизма как ереси? И как, если его общество иезуитов было провидением наделено способностями для достижения его целей, могло случиться, что один из мудрейших и лучших пап — о непогрешимости которого теперь заявляют, был вынужден осудить его путем категорического подавления и заявить, исходя из торжественных обязанностей своего священного сана, что оно не достойно более длительного существования? Но оставляя пока эти вопросы без ответа, здесь достаточно сказать, что никакие качества, которыми обладал Лойола, какими бы они ни были, не могут обязать нынешнюю эпоху признать его общество как имеющее право на любые такие привилегии и иммунитеты, которые освобождают его от проверки своей реальной ценности общепринятыми правилами, применимыми к человеческому поведению и делам. Теперь его должны судить по этим правилам; и если будет установлено, что его поведение было отмечено неправильным и несправедливым, его хвастливое заявление о превосходстве покажется каждому следователю просто тщеславным и самонадеянным.

Нельзя отрицать, что Лойола был проницательным человеком и строил свои планы с полным и разумным пониманием целей, которые он имел в виду. Занимаясь формированием конституции иезуитов, он был знаком с проблемами, существующими в Церкви, и с преобладающими общественными настроениями относительно их причин, то есть непригодности к надлежащему выполнению духовных функций тех, на кого возложено их осуществление. Сами иезуиты утверждают это, объясняя необходимость своего становления как нового общества, заявляя, что многочисленные существовавшие тогда ордена — такие как бенедиктинцы, доминиканцы, францисканцы, минориты и другие — были некомпетентны остановить упадок Церкви из-за их собственной потребности в реформе. Этот момент в их истории должен привлечь самое пристальное внимание, потому что он в заметной степени показывает основу их предполагаемого превосходства над всеми другими обществами и орденами, которые с течением времени получили санкцию Церкви. И это тщательное изучение желательно, более того, поскольку будет видно, что картины деморализации, преобладающие среди духовенства, как они были нарисованы реформаторами в их наиболее ярких красках, были подтверждены самим Лойолой, чтобы оправдать создание его общества иезуитов не только потому, что оно

представляло бы собой отдельную, независимую и превосходящую организацию, но и вернуло бы всех инакомыслящих к повиновению, которое он сделал своим главным и фундаментальным принципом.

Один из ведущих иезуитских авторитетов — автор, на которого общество полагается в распространении информации о той части своей истории, которую оно считало благоприятной, — пытается отстаивать утверждение, что для Лойолы было абсолютно обязательным возложить обязанность "реформировать мораль народа Рима" непосредственно в тени Ватикана. Он представляет эту задачу как "самую трудную и важную, поскольку в то время народ был сильно деморализован и предавался самым ужасным излишествами", несмотря на то, что папское правительство с полными и абсолютными полномочиями существовало там в течение всего периода средневековья — почти тысячи лет. Не довольствуясь только утверждением, что люди были деморализованы, этот же автор утверждает, кроме того, что Лойола "стремился реформировать монашеские ордена и возродить духовенство со святым рвением", [5] таким образом, утверждая, что монашеские ордена и духовенство были деморализованы, как и люди, и нуждались в новом хранителе их морали, другом и лучшем, чем любая Церковь. если бы они когда-либо были предоставлены, они должны были быть уполномочены регулировать свое поведение. В дальнейшем объяснении причин, по которым Лойола пожелал основать общество иезуитов, он представляет его как обращавшегося непосредственно к папе римскому Павлу III с таким аргументом: "Представляется, что это общество абсолютно необходимо для искоренения тех злоупотреблений, от которых страдает Церковь". [6] И в другом месте, ссылаясь на состояние Церкви в Германии, он говорит, что это было "в основном связано с невежеством людей и, что еще опаснее, с недостатками священства, отдавшего удовлетворению своих собственных страстей. Во всем городе Вормс был только один священник, достойный уважения". [7] Ни Лютер, ни реформаторы не могли бы использовать более подходящие слова, чтобы оправдать себя; равно как и те, кто в настоящее время комментирует пороки, царившие тогда среди духовенства, не могут выражаться более сильным языком. Хорошо установленный исторический факт заключается в том, что такое же положение вещей существовало во всех ведущих странах Европы, начиная с Рима и распространяясь во всех направлениях, имея папство в качестве общего центра. Поэтому, когда иезуиты проклинали Лютера и других реформаторов за то, что они провозгласили необходимость реформы в Церкви из-за деморализации духовенства, они показывают, что у них короткая память, поскольку они забывают, что их общество было оправдано его основателем под предлогом той же необходимости.

Лойола был также полностью проинформирован о прогрессе, достигнутом Реформацией, и, несомненно, убедил себя поверить, что необходимость реформы будет осознана другими людьми с меньшими амбициями, чем у него, которые, вероятно, будут искать ее где-то еще, кроме папства, под покровительством которого выросло так много зла, если только он не сможет остановить прогресс Реформации путем создания каких-то новых и противоположных влияний, которые он сможет контролировать сам. В нем не было задействовано никаких фундаментальных положений христианской доктрины; а если бы они и были, вся жизнь Лойолы доказывает, что он счел бы их менее важными по сравнению со своей главной целью - препятствовать просвещению общества свободной религиозной мыслью и удерживать его в повиновении авторитету, превосходящему его самого. Дружелюбный автор, которого уже цитировали, заявляет, что его целью было "восстановить те принципы подчинения и дисциплины, которые только и могут гарантировать повиновение законной власти". [8] то есть на

объединенную власть Церкви и государства, поскольку никакая другая в то время не считалась им легитимной или когда-либо считалась его обществом с тех пор.

Острый и проницательный интеллект Лойолы позволил ему предвидеть, что, если не будет открыт какой-либо новый метод противодействия последствиям Реформации, уже начавшийся распад Церкви остановить будет невозможно. Трудности, связанные с этой проблемой, усугублялись тем фактом, что папство было неспособно остановить свой собственный упадок; и, соответственно, он напряг свои изобретательские способности не для того, чтобы реформировать доктрину — поскольку в этом не было необходимости, кроме тех моментов, которые амбициозные папы вставляли в примитивную веру, — а для того, чтобы предотвратить упадок папской и церковной власти. Несомненно, его целью было, чтобы какой бы план он ни принял, он заменил старые методы, к которым Церковь давно привыкла и которые получили одобрение многочисленных пап на протяжении многих веков. Он намеревался приступить к эксперименту, главная рекомендация которого заключалась в том, что для этого требовалось прокладывать новые пути, отдавая предпочтение тем, которые получили одобрение древности. Но на каждом своем шаге он тщательно следил за тем, чтобы все, что ни делалось, делало ему честь в достижении тех целей, которые были подсказаны жгучим рвением и честолубием солдата; другими словами, если за этим следовали хорошие результаты, их следовало приписывать ему самому, а не папе, ни Церкви, ни древним монашеским орденам. Предполагая, как он явно и делал, что все это вместе взятое не смогло остановить прогрессирующую коррупцию духовенства, выросшего под их длительным покровительством, его изобретательный и амбициозный ум был воодушевлен надеждой заставить мир осознать, что он один может придать организованной власти Церкви и государства энергию и эффективность, необходимые для удержания общества в повиновении. Имея ум, полностью пропитанный принципом абсолютного монархизма, он не считал возможным или желательным достичь этого каким-либо иным способом, кроме как сделав это центральным и контролирующим элементом любого плана. Соответственно, в уставе общества иезуитов, который был результатом его размышлений, он предусмотрел закрепление в своих собственных руках, как высшего или общего, такой абсолютной власти, которая подчиняла бы всех его членов его личной воле, чтобы держать их всегда и при всех возможных обстоятельствах в совершенном и беспрекословном повиновении, отказываясь от их права мыслить так же полностью, как если бы они никогда им не обладали. С помощью этого метода он намеревался уничтожить всякую личную независимость, чтобы свобода мысли ни при какой возможности не существовала в обществе. Он намеревался превратить всех, кто попадал в круг его влияния, из вдумчивых и рефлексирующих людей в простых человеческих автоматов, и так вылепить их, чтобы каждый из них был низведен до универсального уровня унижительной покорности. Таким образом он надеялся остановить дальнейшее развитие народного разума, чтобы те, кто был вырван из старых колес деспотизма, могли быть снова ввергнуты в них, а те, кто этого не сделал, должны были оставаться там в невежестве и суевериях. Он предполагал, что это приведет к поражению Реформации, и в этом случае он и его общество, как создатель и исполнители плана, будут наслаждаться славой этого достижения. Если бы он когда-либо демонстрировал какие-либо свидетельства великой святости жизни, это предположение об эгоистичных амбициях можно было бы опровергнуть; но он был известен только как начинающий солдат, ранняя жизнь которого характеризовалась такими безумствами и беззакониями, какие царили при королевских дворах в то время. Он не сделал ничего, что могло бы возвысить его над характером авантюриста.

В первоначальной конституции иезуитов не было ничего необходимого для христианской веры или устоявшихся доктрин Римской церкви. Он предусматривал организацию избранной группы людей, объединенных вместе якобы для поддержания того, что Лойола предпочитал называть великой славой Божьей — "*ad maiorem Dei gloriam*" — такими неопределенными методами, которые могли время от времени доводиться до их сведения их генералом, и без установления каких-либо ограничений ни на его усмотрение, ни на авторитет. Не было никаких претензий на то, чтобы что-то добавлять или отнимать от устоявшихся доктрин или догматов Церкви; ибо это могло быть сделано только папой, или Генеральным советом, или двумя державами, действующими совместно - в единстве. Было бы прямым порицанием Церкви признать необходимость этого или обратиться за разрешением предпринять это - равносильно утверждению, что она не смогла обеспечить необходимые средства для поддержания истинной веры после многих веков неограниченного могущества. Долгом Лойолы, как верного сына Церкви, было не меньше, чем долгом тех, кто был менее претенциозен, считать ее веру и доктрины уже совершенными. Поступи он иначе, это оказало бы помощь и утешение Лютеру и Реформации. Следовательно, его заявление о необходимости организации нового общества или порядка с особыми, доселе неизвестными методами ясно указывало на желание действовать отдельно от существующих методов и авторитетов Церкви.

Однако независимо от того, какие претензии выдвигал Лойола или каковы были его тайные замыслы, нет ни малейших оснований сомневаться в том, что его метод создания и организации нового общества не имел никакого отношения к принципам христианской веры — другими словами, что существующие методы были пригодны для всех практически осуществимых и необходимых целей и без этого. Следовательно, оно было чисто временным; то есть оно относилось исключительно к управлению людьми, чтобы привести их к беспрекословному повиновению той власти, которая была установлена над ними. Не было ничего, кроме этого, чего Церковь и древние монашеские ордена уже не обладали бы силой осуществить. "Упражнения", которые он предписывал, были, это правда, духовного характера — такие, как покаяние и умерщвление плоти, — но Церковь уже предусмотрела их, и они строго соблюдались монашескими орденами. Обещание нанять их, данное членами общества иезуитов для содействия их собственному духовному благополучию, было лишь второстепенным по отношению к тому долгу, который они уже имели перед Церковью. Следовательно, хотя эти "упражнения" соответствовали существующим обязательствам, налагаемым Церковью, новое общество, спроектированное Лойолой, должно было предоставить механизм, необходимый для строгого послушания — для обучения и дисциплинирования всех, на кого оно могло повлиять, ради этой единственной цели. И для того, чтобы эффективно добиться этого послушания себе и своему новому обществу, полностью исключив как Церковь, так и папу римского, он изначально задумал, чтобы члены общества были ответственны только перед своим генералом, от которого должны исходить все законы и постановления для их управления. Папа, как глава Церкви, не имел ни малейшей власти над этими членами, предоставленной ему первоначальной конституцией; и не предполагалось, что они должны подчиняться какой-либо другой власти, кроме власти своего генерала, потому что он, и только он, был признан единственным представителем Бога на земле. Во всем этом не было ничего духовного в том смысле, в каком Церковь определяла духовные вещи и христианский мир понимал их; но это делало общество, как его планировал Лойола, всего лишь мирским — простым полицейским корпусом, обученным и дисциплинированным только для повиновения, без права ни спрашивать, ни решать, были ли команды их начальника

правильными или неправильными. Поэтому ни один разумный человек не должен удивляться, узнав тот факт, что папа колебался, давать ли обществу свое одобрение, когда Лойола впервые потребовал от него папской ратификации конституции.

То, что первоначальным намерением Лойолы было, чтобы его новое общество требовало от своих членов клятвы верности только ему и тем, кто сменит его в правительстве, а не Церкви или папе, ясно видно из того факта, что когда он нашел нескольких сочувствующих друзей, которые объединились с ним, он не представил план организации папе на утверждение, чтобы сделать его религиозным орденом, подобным доминиканскому, францисканскому и другим древним орденам, но попросил только у него разрешения для себя и друзей отправиться миссионерами в Святую Землю, где они будут жить. трудиться над обращением неверных турок в христианство. То, что он тогда намеревался действовать, в той мере, в какой это касалось движений и деятельности его общества, независимо от Церкви и папы римского, подтверждается самым несомненным авторитетом. Автор "Житий святых", произведения, получившего высочайшее одобрение, говорит: "В 1534 году, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, святой Игнатий и его шестеро спутников, одним из которых был Франциск [Ксавье], поклялись на Монмартре посетить Святую Землю и объединить свои труды для обращения неверных; или, если это окажется невыполнимым, припасть к ногам папы и предложить свои услуги везде, где он сочтет нужным их нанять".[9]

Таким образом, будет видно, что вопрос о том, сообщит ли Лойола папе о своем новом обществе и плане его организации и попросит его папского одобрения, был полностью обусловлен. Он уже сформировал первичную организацию и получил от Ксавьера и его пяти других партнеров необходимый обет послушания, благодаря которому они полностью подчинили себя его власти и контролю. Если для него окажется "практически осуществимым" основать свое новое и независимое общество на Святой Земле, которая представляла собой обширное и заманчивое поле деятельности, несомненно, его тайной целью было сделать это, не ставя в известность папу о своей конституции, и таким образом основать в Азии организацию, независимую от папы и подчиняющуюся только ему. Но если бы оказалось, что это "практически невозможно", тогда, и только тогда, он и его спутники "бросились бы к ногам папы и предложили бы свои услуги" ему и Церкви. Его военное честолюбие, еще не угасшее, было явно вновь разожжено надеждой, что перед ним откроется целый континент, где он найдет восточные методы подчинения, строго соответствующие тем, которые он желал внедрить, и где он сможет беспрепятственно создавать такие влияния, которые, будучи внедрены в Европу, могли бы противодействовать тем, которые уже были созданы Реформацией. Но только после того, как он обнаружил, что ему в этом препятствуют, он намеревался посвятить себя и своих товарищей непосредственной работе по попытке остановить прогресс Реформации в Европе, где существующие методы сопротивления ей были неподвластны ему. Основателю ордена иезуитов было достойно просить папу одобрить этот великий миссионерский план и в то же время скрывать от него свою тайную цель действовать от имени нового общества, враждебного древним монашеским орденам и подчиняющегося только ему одному. В том, что это сокрытие было изучено и преднамеренно, не может быть никаких разумных сомнений; и поскольку это был первый шаг, предпринятый Лойолой в осуществлении своего плана, он, таким образом, практиковал такое двуличие и обман по отношению к Церкви и папе, что эти качества вполне могут считаться основополагающими в

обществе иезуитов. И в странной и богатой событиями истории этого общества есть достаточно доказательств того, что с того времени и по настоящее время оно неизменно оставалось верным примером своего основателя.

Его первые успехи, несомненно, польстили самолюбию Лойолы и вселили в него надежды. Преуспев в получении согласия папы римского на то, что он и его спутники станут миссионерами в Святой Земле, не раскрывая при этом существования или характера своего общества, все они были рукоположены в священники с этой целью, поскольку ни один из них ранее не был допущен к священнической должности. Вооружившись таким образом, они отправились в Палестину, держа план и принципы своей организации запертыми в собственном сознании, а окончательный замысел их амбициозного лидера был известен, вероятно, только ему одному. Они, должно быть, начали свое путешествие с радостными сердцами и восторженными надеждами, которые вскоре, однако, были охлаждены тем, что Лойола, должно быть, считал печальным несчастьем, вероятно, первым, с которым он столкнулся с тех пор, как получил ранение в битве при Пампелуне, которое обезобразило его личность настолько, что он больше не мог участвовать в веселых празднествах королевского двора. Добраться до Палестины им помешала война, которая тогда велась между императором Карлом V и турками, и после годичного отсутствия они были вынуждены вернуться в Европу, обескураженные, как вполне можно предположить, своей неудачей. Это придало новый аспект судьбе Лойолы. Его первое продвижение к независимости и обретению власти не привело к чему-либо благоприятному для его честолюбия, и, следовательно, ему стало необходимо найти какое-нибудь более многообещающее поле деятельности, где подобные неудачи, с которыми он столкнулся, скорее всего, больше не повторятся. В Европе было много возможностей для миссионерского труда; но теперь он впервые столкнулся с фактом, что его общество не могло заниматься этой работой в присутствии многочисленных уже существующих религиозных орденов, не получив на это явного одобрения папы римского, чтобы таким образом придать ей религиозный характер в той мере, в какой это одобрение могло бы ее придать. Он, очевидно, не рассчитывал на кризис, который сделал бы необходимым представить положения своей конституции папе римскому или сделать их известными кому-либо еще, кроме тех, кто должен был стать членами его общества, и были готовы отказаться от своего мужского достоинства настолько полностью, чтобы поклясться в беспрекословном послушании ему и его преемникам как единственным представителям и наместникам Бога на земле. Нельзя предположить, что человек такой пронизательности, какой он, несомненно, обладал, не предвидел бы трудности с получением одобрения папой конституции, которая унижала его, возлагая на генерала нового общества более высокие полномочия, чем ему доверила Церковь. Но он зашел слишком далеко, чтобы отступить, и у него было слишком много мужества, чтобы попытаться это сделать; ибо в его мужестве никогда не сомневались ни на поле боя, ни где-либо еще; и когда он счел абсолютно необходимым посетить Рим, чтобы получить санкцию папы, он сделал это в сопровождении Лефевра и Ленеца, двух своих товарищей. Однако перед их отъездом из Виченцы в австрийской Италии, где они собрались, Лойола счел важным объявить своим последователям, вероятно, впервые, название, которое он решил дать своему обществу. Таким образом, Он проинструктировал их: "Тем, кто спросит, кто мы такие, мы ответим, что мы Солдаты Святой Церкви, и мы формируем *"Общество Иисуса"*."^[10] Это, очевидно, было вызвано необходимостью, которая тогда стояла перед ним. Он не счел целесообразным принимать такое обозначение или объявлять их "Солдатами Святой Церкви" до тех пор, пока их попытка занять независимое положение в Палестине не потерпела неудачу. Следовательно, эти

признания, сделанные перед поездкой в Рим, справедливо следует рассматривать как простую меру предосторожности, продиктованную необходимостью получения одобрения папы. Существующие религиозные ордена получили свои названия от своих основателей; но нечестивое использование Лойолой священного имени Сына Божьего ясно указывало на то, что он намеревался выдвинуть перед своим обществом притязания на святость, превосходящую все остальные. Или же это предполагалось как прикрытие для задуманных им практик, которые не выдержали бы проверки при свете. В том, что это было задумано как размышление о существовавших тогда древних монашеских орденах и выражение превосходства над ними, сомневаться не приходится. С любой точки зрения, это было, мягко говоря, дерзко и самонадеянно и в целом оскорбительно для христианского мира.

Во время визита Лойолы в Рим Павел III был папой римским. Когда было запрошено его одобрение нового общества, он счел необходимым, в качестве меры предосторожности, изучить этот вопрос с величайшей тщательностью; ибо до тех пор ему не было предоставлено возможности узнать конечные цели Лойолы или механизм, который он сконструировал для их осуществления. Подозревал ли папа его в сокрытии или нет, сейчас сказать невозможно; но то, что у него были основания для этого, очевидно из самых благоприятных отчетов о первоначальной официальной беседе между ними. Именно тогда папе римскому впервые стало известно, что конституция, в соответствии с которой было организовано общество иезуитов, требовала торжественной клятвы, согласно которой все члены обязывались "безоговорочно повиноваться своему начальнику",^[11] без возможности двусмысленности или мысленных оговорок; то есть самому Лойоле как первому генералу и его окружению. с тех пор время от времени появлялись преемники. Со стороны папы потребовалось лишь немного размышлений, чтобы понять, что ни Церковь, ни папство не могли извлечь из этого никакой выгоды, а скорее нанесли бы вред; по той причине, что это создало бы общество, находящееся под защитой обоих и, в то же время, абсолютно независимое от обоих. Поэтому он колебался, очевидно, полагая, что его одобрение при таких обстоятельствах затянет его в глубокие воды, из которых будет нелегко выбраться, и передал вопрос комитету кардиналов для тщательного расследования, с тем чтобы его окончательное решение основывалось на полной информации.

Лойола был слишком проницателен, чтобы не предвидеть эту трудность; но он явно надеялся каким-то образом избежать ее, либо обходя, либо преодолев мост, иначе он не просил бы папу утвердить первоначальную конституцию, в которой она содержалась. Он, конечно, не желал и не рассматривал никаких изменений в своей первоначальной конституции или плане; и поэтому, когда Павел III поколебался и назначил комитет кардиналов для их тщательного изучения, он, должно быть, почувствовал некоторую степень замешательства, которому его гордый и амбициозный военный дух до сих пор не привык безропотно подчиняться. Однако он не мог не видеть, что если окончательное решение папы окажется неблагоприятным для него, это неизбежно приведет к гибели его общества, на которое он с непомерным честолюбием возлагал свои надежды. Это событие стало самым серьезным кризисом в его личной судьбе, с которым он когда-либо сталкивался. Успех сулил ему длинный список триумфов; поражение - ничего, кроме безвестности. У него не было таких интеллектуальных ресурсов, которые позволяли бы ему встречаться с теми, у кого они были, поскольку он посещал школу только после того, как достиг зрелого возраста, и тогда не проявил никаких особых способностей к обучению. Какими бы способностями он ни обладал, они были направлены на управление людьми, его способность к этому развилась во время службы в армии; и поэтому он, должно быть, испытывал сознание того, что, если ему не удастся получить санкцию папы, его карьера

будет серьезно, если не полностью, остановлена. Будущее папства зависело от успешного приучения людей к послушанию; и Лойоле, понимая это, не составило бы труда убедить папу в том, что общество, подобное его, специально созданное для того, чтобы лишить людей способности рассуждать и низвести своих членов до уровня простых бездумных машин, с большей уверенностью приведет к такому результату, чем самые худшие формы абсолютного деспотизма, которые на протяжении стольких веков держали восточный мир в подчинении.

Но смущение Лойолы не было равносильно замешательству. Возможно, он никогда раньше лично не общался с Павлом III; но он понимал папство, его желания и необходимости и имел достаточно возможностей изучить характер и проникнуть в мотивы папы. Для этого он был специально подготовлен — мало кто из живущих превосходил его в этом отношении — и, построив свое общество на теории, что люди не представляют ценности, если их не убедить уступить свою личность вышестоящим, он воспользовался случаем, чтобы обратиться к папе с такими аргументами, которые убедили бы его в том, что повиновение авторитету, которое он ввел в своем обществе, было именно тем, чего требовали существующие потребности папства, чтобы спасти его от свержения. Теперь легко увидеть — хотя папа, возможно, тогда не обладал достаточной проницательностью, чтобы обнаружить это, — что он не намеревался вести дела недвусмысленно и со всей откровенностью с папой до тех пор, пока оставалась перспектива добиться своего иным способом. Очевидно, у него было точное представление о том, что подразумевается под терминами "признание" и "уклонение" в смысле кажущегося согласия, в то время как на самом деле согласия нет. Таким образом, чтобы устранить возражения папы и заручиться его одобрением, он предложил включить в конституцию своего общества еще одно и новое обязательство, предусматривающее, что члены должны также давать обет "послушания Святому Престолу и папе *временно*, с прямым обязательством отправиться без вознаграждения в любую часть мира, в которую папе будет угодно их отправить".^[12] Эти слова должны быть прочитаны критически, чтобы их значение, как оно было задумано Лойолой и с тех пор всегда интерпретировалось иезуитами, не могло быть понято превратно. Их истинный смысл заключается в том, что, хотя члены общества должны были подчиняться папе, а также своему генералу, это было ограничено в отношении первого и абсолютно во втором; это означает, что, поскольку номинально у них должно было быть два руководителя, власть обоих должна была, для всех практических целей, сосредотачиваться в одном. На самом деле, как наглядно продемонстрировал последующий опыт, это новое положение не изменило характера и не ограничило объем обязательства беспрекословного повиновения генералу-иезуиту. Его наиболее существенной особенностью было то, что члены церкви должны были отправляться туда, куда прикажет папа, без какой-либо компенсации; но в отношении этой и всех других обязанностей и способа их исполнения они должны были подчиняться своему генералу. Они не могли получать никаких указаний, кроме тех, которые исходили от него, и всем этим они должны были повиноваться как исходящим непосредственно от Бога. Эта поправка не создала никаких особых отношений — или, по сути, вообще никаких — между папой римским и обществом, поскольку он не поддерживал с ним прямых сношений. И это только создало такие отношения между папой и генералом, которые обязали последнего посылать членов церкви туда, куда хотел первый, без вознаграждения. Они оставались рабами генерала, а не рабами папы. Они подчинялись генералу, а не папе, если только генерал не приказывал им сделать это, и в этом случае они подчинялись только последнему. Но Павел III не разгадал хорошо скрытых намерений Лойолы и, возможно, даже не подозревал о них, учитывая его стремление остановить распад Церкви и угрозу упадка папства. Как бы то ни было, хитроумная уступка,

сделанная ему Лойолой, удовлетворила его, несмотря на противодействие одного из комитета кардиналов, и он издал свою папскую буллу, одобряющую общество иезуитов как религиозный орден. Эта клятва верности папе, однако, была соблюдена или уклонялась соответственно, как того время от времени требовали интересы общества. Его история показывает выдающиеся примеры, когда решения пап подвергались осуждению и сопротивлению, а также когда к самим папам относились с презрением и неповиновением. Когда иезуиты находили убежище и защиту под властью пап, они возвышали их до абсолютного равенства с Богом; когда же было иначе, они не повиновались им и клеветали на них.

СНОСКИ:

[4] Критический и Phi. Словарь. Автор: Бейл. Статья "Лойола", том. III, стр. 889, примечание.

[5] История Общества Иисуса. Дориньяк. Том. I, стр. 14. Эта работа была переведена Клементсом и опубликована Уолшем в Цинциннати в 1865 году.

[6] История Общества Иисуса. Дориньяк. Том I, стр. 22.

[7] Там же., стр. 40.

[8] История Общества Иисуса. Дориньяк. Том I, стр. 40.

[9] Жития святых. Преподобный Альбан Батлер. Том XII, статья "Святой Франциск Ксаверий", 3 декабря, стр. 603.

[10] Дориньяк. Т. I, стр. 11-12.

[11] История иезуитов. Николини. Страница 27.

[12] История иезуитов. Николини. Страница 27.

ГЛАВА III.

КОНСТИТУЦИЯ ОБЩЕСТВА.

Все обстоятельства, сопутствовавшие возникновению и учреждению общества иезуитов, в совокупности с безошибочной ясностью объясняют мотивы, которые, должно быть, влияли на умы и побуждали Лойолу действовать на каждом шагу, который он предпринимал. Они ясно показывают, что его руководящей и контролирующей целью было организовать группу людей, каждый из которых должен быть приведен к безоговорочному повиновению авторитету своего генерала и держать себя в готовности, пока существует общество, делать, без малейшего изучения результатов, все, что он прикажет сделать, так, чтобы у них не было собственной воли или мнения по любому вопросу, над которым он должен утвердить юрисдикцию. Сделав это центральным и наиболее фундаментальным принципом конституции, он поставил свое общество в прямой антагонизм ко всякому интеллектуальному прогрессу и просвещению - ко всему, что имело тенденцию облагораживать человечество. Поэтому никому не следует удивляться тому, что она произвела в мире больше беспорядков, чем любая другая

организация, которая когда-либо существовала; или, если бы она была ликвидирована, могла бы когда-либо существовать снова.

Конституция хранилась в секретных архивах общества более двухсот лет, и, как говорят, многие ее детали были неизвестны даже значительной части членов, чье безропотное повиновение, должно быть, низвело их до положения дрессированных животных. Это сокрытие обществом, считающим себя религиозным, не могло быть благоприятным для христианства и, должно быть, было следствием какого-то зловещего мотива, как показали последующие события. Это справедливый вывод из нежелания, с которым была передана конституция, когда французское правительство потребовало ее обнародования. Факты, связанные с работой французского парламента, когда они вынудили общество обнародовать их, оправдывают мнение о том, что, должно быть, существовала какая-то особая причина для его долгого сокрытия, и что общественная ненависть, столь долго питавшаяся к нему во Франции, объяснялась, среди прочего, секретностью его работы. И если учесть, что решительные меры, принятые парламентом для вымогательства конституции путем извлечения ее из тайника, были предприняты в то время, когда протестантизм вообще не имел контроля над общественными делами Франции, это убедительно доказывает, что целостность общества вызывала подозрения у французского народа, пока он был верным приверженцем Римской церкви. Такой факт, как этот, указывает на то, что каждый иезуит готов отрицать в случае необходимости, что там, где общество было наиболее известно, оно вызывало наибольшее подозрение и неприязнь.

Весь механизм этого общества был превосходно спроектирован для достижения его полной консолидации. Хотя Лойола не был ни богословом, ни образованным человеком, получив почти все свое образование после тридцати лет, все же он понимал, гораздо лучше, чем многие, кто приобрел более высокую интеллектуальную культуру, источники и мотивы человеческого поведения; и это, дополненное хитростью, которая никогда его не покидала, составляло его главную черту. Поскольку его единственной целью было господствовать над другими, обещая им место в раю в награду за то, что они перестанут воспитывать себя, он старательно исключал всех, кого нельзя было низвести до этого низкого состояния с помощью тренировок, дисциплины и образования. Соответственно, прежде чем заявитель мог быть допущен к испытательному сроку, вся его жизнь и характер тщательно изучались генералом, если это было в его силах; но если нет, то лицами, wybranными в качестве шпионов, которые должны были "жить с ним и изучать его", чтобы иметь возможность проникнуть в его самые тайные мысли. [13] При поступлении он должен был исповедаться настоятелю, который, по его признанию, занимал "место Христа, Господа нашего" и от которого ничего не должно было скрываться — "не возражать, не противоречить и ни в коем случае не демонстрировать мнение, противоречащее его мнению". [14] Когда испытуемый был признан этими тестами пригодным для членства, то есть когда было установлено, что у него нет собственной воли, но он по природе и склонности приспособлен к состоянию полного рабства, от него требовалось признать генерала общества занимающим место Бога и обладающим абсолютной властью над ним, с правом требовать от него абсолютного повиновения. Он был низведен до состояния простой неодушевленной машины, не имеющей никакой возможности распоряжаться своими собственными эмоциями, мнениями или действиями. Это обязательство таким образом выражено в конституции: "Он должен относиться к вышестоящему как к Христу Господу и должен стремиться к совершенному смирению и отрицанию своей собственной воли и суждения, во всем сообразуя свою волю и суждение с тем, что желает и судит вышестоящий". [15] И, чтобы гарантировать, за исключением возможности ошибки, полную

утрату всякой индивидуальности и низвести испытуемого до минимально возможной деградации, его безоговорочное послушание определяется и требуется в следующих словах: "Что касается святого послушания, эта добродетель должна быть совершенной во всех отношениях — в исполнении, в воле, в интеллекте — выполнение того, что предписано, со всей быстротой, духовной радостью, и настойчивостью; убеждение себя, что все справедливо; подавление каждой собственной отвратительной мысли и суждения в определенном послушании; ... и пусть каждый убедит себя, что тот, кто живет в послушании, должен быть движим и направляем под Божественным Провидением своим начальником, точно так же, как если бы он был трупом (*perinde ac si cadaver esset*), который позволяет двигать и вести себя в любом направлении".[16]

Было бы трудно найти в любом письменном или устном языке слова, более выразительные, чем эти, для полного искоренения всякого чувства личности, если только это не какие-то другие слова, используемые в том же обществе для выражения тех же или эквивалентных идей. В пражском издании "Институтов" формулировка одного из его постановлений приводится следующим образом: "Нашим братьям надлежит быть выдающимися в истинном и абсолютном послушании, в отречении от всякой личной воли и суждения".[17] Иезуит Бартоли в своей "Истории Лойолы" выражает значение конституции по существу теми же словами, таким образом: "*Полное отречение от своей собственной воли, от своего собственного суждения*".[18] В другом месте он говорит, что члены должны действовать "согласно желанию вышестоящего".[19] Снова: "Что может быть более полным, чем наше подчинение приказам наших начальников во всем, что касается нашего жизненного положения, мест, в которых мы должны жить, занятий, офисов, в которых мы должны работать".[20] И снова это подчинение воле и суждению вышестоящего, или генерала, называется "отказом от собственного суждения", "уничтожением себя", "полным послушанием, полной зависимостью от воли других, совершенным отказом от личной репутации".[21]

Это самоотречение, это рабство ума - худшая форма рабства, чем рабство тела. Последнее налагает оковы на конечности, первое заклепывает кандалы на разум. Краткое сравнение проиллюстрирует это. Методы наказания рабов за неповиновение менялись соответственно тому, были ли хозяева гуманны или нет. Некоторые были вынуждены терпеть пытки одиночного заключения и голодания; других заставляли носить железные кандалы до тех пор, пока они постепенно не вгрызались в свою плоть; и многие спаслись только с помощью плети. Во всем этом испытанию подвергалась лишь животная способность переносить физические страдания — разумы жертв были оставлены свободными молить о милосердии и защите Провидения, согласно их собственной воле и совести. Но этот иезуитский метод обучения стажеров и послушников обеспечению их безоговорочного повиновения своим начальникам превосходит все, что относится, особенно в наше время, к отношениям хозяина и рабов. Оно пренебрегает интересами и судьбой души, ее отношениями к Богу и вечности, подменяя простого человека страстями и импульсами других людей в качестве окончательного арбитра человеческого поведения и наделяя его властью открывать и закрывать двери рая по своему личному усмотрению. Именно для того, чтобы заставить его безоговорочно согласиться с этим, от иезуита требуется отречься от своего индивидуального "я", выбросить из головы идею о том, что Бог дал ему бесценную способность мыслить и размышлять, и унижить себя до такой степени, чтобы у него не было собственной воли или суждения относительно будущего состояния своей души. Считая себя простым трупом — мертвым ко всему в жизни, кроме унижительного повиновения генералу, — он соглашается принимать его приказы как равные Божьим и

признавать приговор, который он мог бы счесть нужным вынести ему в этой жизни, вместо суда Божьего в жизни грядущей.

Существует огромное количество накопленных свидетельств по этим пунктам, которые, очевидно, считались фундаментальными и незаменимыми. Помимо вышеупомянутых унижительных обетов, для управления послушниками установлены строгие правила. Число 34 звучит следующим образом: "По голосу настоятеля, точно так же, как если бы он исходил от Христа Господа, мы должны быть максимально готовы, оставляя все, что угодно, даже букву алфавита, незаконченной, хотя и начатой". Правило 35 определяет "святое послушание" как "отречение от всякого собственного мнения и суждения, противоречащего ему [то есть тому, что им заповедано делать], с определенным слепым повиновением". Правило 36 выражено в следующих словах: "Пусть каждый член церкви убедит себя, что те, кто хочет жить в послушании, должны позволить нести себя и управлять Божественным Провидением через вышестоящих, точно так, как если бы они были трупом, который можно нести, как нам заблагорассудится, и который позволяет обращаться с собой любым способом; или как палка старика, которая везде служит любой цели, для которой тот, кто ее держит, решит ее использовать".^[22] Точно такие же идеи выражены в одном из обетов, который Лойола сделал заметным и который дается Бартоли в его биографии следующим образом: "Я должен рассматривать себя как мертвое тело, без воли или разума, как маленькое распятие, которое без сопротивления поворачивается по воле того, кто его держит, как посох в руках старика, который использует его по своему усмотрению". , и так, как это ему больше всего подходит".^[23]

Человеческий разум недостаточно изобретателен, чтобы обнаружить меньшую глубину унижения, чем это, — более полный отказ от всех облагораживающих качеств и инстинктов мужественности. Если ими когда-либо обладали, воспоминание о них должно быть стерто, чтобы в уме не осталось места ни для одной щедрой эмоции. Когда Шекспир задумал идею "безмозглого раба", он, должно быть, имел перед глазами портрет иезуита после того, как тот был дисциплинирован и сформирован под руководством мастера Лойолы, который не оставил своим последователям личного чувства истины, или добра, или справедливости, сделав их отречение настолько основательным, что, даже зная о добре и зле, правде и лжи, они были приучены безразлично подчиняться тому и другому, как приказывали их начальники. Он не допускал никаких колебаний, не слышал никаких доводов, не принимал ни извинений, ни оправданий. Весь их долг состоял в слепом и беспрекословном повиновении ему в мыслях, словах и поступках, независимо от того, какие последствия могли последовать или какой вред был причинен. То, что от совести у них осталось, должно было стать настолько черствым, что они стали нечувствительны ни к чести, ни к стыду, все чувства совести были погашены, как будто их никогда и не существовало — подобно огоньку задутной свечи. Нигде больше в мире, в пределах цивилизации, не была достигнута такая точка абсолютного уничтожения индивидуальности. Нигде больше от человека не требуется признавать себя "трупом", "мертвым телом", "маленьким распятием", "посохом" в руках другого, без воли, или мысли, или чувствительности, или эмоций, за исключением тех, которые будут продиктованы теми, чьему господству он позорно подчинился. Это само совершенство тирании, которое с радостью открыли бы для себя самые бессердечные деспоты, известные истории.

Обычно слишком мало внимания, даже внимательными изучающими историю, уделяется этому предположению о равенстве со Христом — этой тщетной претензии на состояние божественного совершенства, которое признает, что единственное человеческое существо

обладает на земле властью Бога. Несомненно, это правда, что множество людей с добрыми намерениями были введены этим в заблуждение, убедившись в ложной вере в то, что наиболее выдающейся чертой плана искупления Христа была замена его самого простым человеком, которому единственному из всего человечества он присвоил свои собственные божественные атрибуты. Первоначальное предложение такого положения, должно быть, потрясло христианский разум; и его утверждение в качестве символа веры может быть разумно объяснено тем фактом, что суеверия и невежество средневековья позволили монархизму в Церкви и государстве увековечить себя, требуя принятия этого догмата в том виде, в каком он был открыт самим Христом. В доказательство его отвращения к здравому смыслу человечества уместно заметить, что христианский мир с тех пор упорно трудился, чтобы избавиться от этого заблуждения, и, по всей вероятности, давно бы сделал это, если бы не общество иезуитов, которое постоянно поддерживало его как существенную часть своего механизма. То, что это осуждается и отвергается разумом, в наш просвещенный век не требует никаких аргументов для доказательства. Если бы Создатель задумал, чтобы у него был такой представитель на земле после вознесения Христа, он передал бы ему свои божественные атрибуты такими проявлениями своей собственной силы, которые мир не мог бы неправильно понять — либо такими простыми и мирными событиями, которые засвидетельствовали рождение и божественность Спасителя, либо такими потрясениями природы, которые сопровождали вручение скрижалей закона Моисею. При полном отсутствии каких бы то ни было видимых и разумных свидетельств этой божественной цели, претензия на нее как на простое средство приобретения власти над другими и требования от них послушания является не чем иным, как самонадеянным и тщеславным нечестием. Оно стремится свергнуть Бога с престола, упразднив судилище, где он объявил, что предстанет все человечество; ибо что значит меньше этого сказать, что подчинение приказам генерала-иезуита гарантирует, вне всякого сомнения, доступ в царство небесное? Бог явно сохранил за собой эту великую прерогативу; и тот, кто утверждает, что она относится к земному служению при сотворении человека, порицает божественную власть и оскорбляет Величие небес, требуя, чтобы Творец отрекся от своего трона. Более того, если бы Бог намеревался наделить божественными качествами какого-либо отдельного человека, то это противоречило бы справедливой оценке его характера, а также всему человеческому опыту, предполагать, что он избрал бы генерала общества, которое с самого своего возникновения было притчей во языцех среди народов, на котором лежал такой тяжелый груз ненависти, что оно было с позором изгнано из каждой нации Европы; чудовищные деяния которого вынудили доброго и добродетельного папу подавить и упразднить его, чтобы обеспечить мир и благоденствие Церкви; и члены которого до сих пор остаются верующими. пробираясь через те же самые страны, тихо и тайно, подобно призракным явлениям, которые, как предполагается, передвигаются по ночам под покровом темноты.

Но конституция иезуитов доходит до еще большей степени нечестия. После того, как послушник с помощью вышеуказанных методов был превращен в бездумный и неподатливый механизм, подобный куску дерева или мрамора, вырезанному рукой художника, перед ним настолько открывается путь его будущего раболепия, что он может полностью понять, как он должен доказать верность своим обетам, выполняя все, что прикажет генерал, или не делая того, что он запретит. Здесь вдумчивый читатель, для которого эти откровения в новинку, независимо от того, какую форму религиозной веры он может исповедовать, скорее всего, остановится в изумлении от сознательно провозглашаемой цели пренебречь законами государств,

общественной моралью и даже Богом, когда генерал прикажет выполнить что-либо из вышеперечисленного. Ниже приводятся слова конституции, приведенные Николини:

"Никакая конституция, декларация или какой-либо образ жизни не могут влечь за собой обязательства совершить грех, смертный или простительный, если только вышестоящий не прикажет это во имя Господа нашего Иисуса Христа или в силу святого послушания, которое должно выполняться в тех случаях или лицами, когда будет сочтено, что это в значительной степени приведет к особому благу каждого или к общей выгоде; и вместо страха оскорбления пусть действуют любовь и желание всякого совершенства, чтобы могли последовать еще большая слава и восхваление Христа, нашего Создателя и Господа".

Этот язык следует перечитать и внимательно просмотреть; ибо при первом взгляде кажется, что он написан так, чтобы создать почву для двусмысленности - практики, в которой иезуиты за долгое время приобрели непревзойденное мастерство. Однако это может быть легко истолковано в свете того, что говорит Бартоли. По его словам, новичок должен отдать себя "полностью в руки Бога и того, кто занимает место Бога своей властью", которым, конечно же, является генерал или вышестоящий. Указав, что от послушника требуется принять этот обет: "Во всем, что не является греховным, я должен исполнять волю моего настоятеля, а не свою собственную", он расширяет обязанности того же обета со следующей конкретикой: "Если мне кажется, что настоятель приказал мне сделать что-то против моей совести или в чем, по-видимому, есть что-то греховное, если он придерживается противоположного мнения, а у меня нет уверенности, я должен положиться на него. Если мои неприятности продолжатся, я должен отложить в сторону свое собственное суждение и довериться своим сомнениям одному, двум или трем людям и положиться на их решение. Если все это меня не удовлетворит, значит, я далек от совершенства, которого требует мое религиозное состояние. Я больше не должен принадлежать себе, но моему Создателю и тем, кто управляет от его имени, и в чьих руках я должен быть как мягкий воск, чего бы он ни пожелал от меня потребовать".^[25] Другой обет, также данный Бартоли, показывает, что такое же послушание должно быть как порочному и аморальному, так и добродетельному начальнику; то есть, что по воле бога я должен подчиняться ему. религия, которую исповедуют иезуиты, не имеет никакого значения, поскольку речь идет об обязательстве подчиняться его толкованию законов Бога и морали, мудр он или неразумен, святой или грешник. В нем говорится: "Верить в то, что вещь должна быть такой, потому что так приказывает высший, - это последняя и самая совершенная степень. Мы не можем достичь этой ступени, не признав в лице нашего настоятеля, будь он мудрым или неблагоразумным, святым или несовершенным, авторитет самого Иисуса Христа, которого он представляет".^[26] И, таким образом, дается другой обет, иллюстрирующий характер этого послушания: "Что касается собственности, я должен полагаться только на вышестоящего, ничего не считать своей личной собственностью, а себя, во всем, чем я являюсь, статуей, которая позволяет себя раздевать, независимо от обстоятельств, и не оказывает сопротивления".^[27]

Требуется лишь обычная проницательность, чтобы истолковать все это; его значение слишком ясно, чтобы ввести в заблуждение. Конституция, согласно Николини, запрещает совершение греха — не абсолютно, а условно; то есть, "если только вышестоящий не прикажет это во имя Господа нашего Иисуса Христа"; что означает, как может понять даже необразованный ум, что бывают случаи, когда санкция Христа может быть использована для оправдания совершения греха; или, другими словами, когда генерал иезуитов, в силу того, что он представляет Бога на

земле, может по своей личной воле превратить порок в добродетель! Иезуиту не разрешается делать что-либо за свой счет или по своему собственному суждению, что было бы равносильно греху; но он должен делать по приказу генерала то, что он по своей собственной совести считает грехом; потому что, поскольку генерал стоит на месте Бога, он обязан принять это как не грех. Слово "если только" в том виде, в каком оно используется в конституции, является простым отрицанием, которое разъясняет ясный смысл предложения таков: если генерал не приказывает членам общества совершать грех, им не разрешается совершать самостоятельно то, что он считает грехом; но если он отдает такой приказ во имя Христа, тогда они могут грешить, не опасаясь последствий ни в этом мире, ни в мире грядущем. Каждый просвещенный христианин, независимо от его формы веры, должен считать это богохульством, потому что это предполагает, что генерал может успешно использовать божественную власть Христа, чтобы санкционировать совершение греха или потворствовать и прощать его после совершения. Это предположение распространяется в полной мере на принятие решения о том, что является грехом, а что нет, рассматривая его только применительно к "конкретному благу каждого" члена общества или к его "общей пользе", а не к закону Божьему. Все, что потребуется от любого из них, по приказу генерала, "будет сделано", если команда будет дана "во имя Господа нашего Иисуса Христа"! Ничто не может быть допущено, чтобы встать на пути этого. "Никакая конституция, декларация или любой образ жизни" — даже закон Божий - не могут быть противопоставлены общему! Он занимает место Бога, и ему следует повиноваться, независимо от того, что может быть поставлено под угрозу мир и благополучие множества людей или что народы будут потрясены от центра до периферии. Общество иезуитов должно одержать верх, даже если восторжествует всеобщая анархия или весь мир будет покрыт обломками вселенского крушения!

Здесь не должно быть ошибки, поскольку рассматриваемая доктрина жизненно важна для иезуитов. Их общество могло существовать без него не больше, чем часы могли бы отсчитывать время после снятия с них главной пружины. Хотя, в отличие от Николини, Бартоли не приводит точных слов конституции, этот важный обет, изложенный им в его "Жизни Лойолы", имеет, по существу, тот же смысл. По его словам, значение этого ясно заключается в том, что генерал, "мудрый или неблагоразумный, святой или несовершенный", стоит "на месте Бога"; что, хотя абстрактно совершать грех, когда действие совершается по личному усмотрению, все же, если генерал прикажет это, а совесть иезуита восстанет против этого, потому что он считает это грехом, он должен "положиться" на генерала, а не на себя; то есть он должен настолько закрыть свой разум, что никакие убеждения совести не проникнут в него. И пока он не достигнет этого состояния тупого и рабского повиновения, он "далек от совершенства, которого требует его религиозное состояние". И, чтобы свести дело к самому простому предложению, иезуит обязан "верить, что что-то должно быть, потому что так приказывает настоятель"; так что, если он прикажет совершить грех, иезуит обязан не рассматривать это как грех, потому что Бог через генерала приказывает это! Это точно так же, как если бы было сказано, что грех может быть оправданно совершен во имя Бога, когда бы этого ни потребовало "особое благо каждого" или "общая выгода" общества. Разумеется, не требуется никаких аргументов, чтобы показать, что эта власть генерала считается достаточно всеобъемлющей, чтобы оправдать сопротивление или скрытое противодействие конституции и законам любого государства или нарушение любого договора, подряда или присяги, которые должны стоять на пути общества в его борьбе за всеобщее господство.

Здесь у нас есть информация из двух источников, касающаяся доктрины иезуитов по вопросу, имеющему первостепенное значение. Николини был коренным итальянцем и проживал в Риме, где, несомненно, имел доступ к лучшим и наиболее надежным источникам информации. Бартоли были иезуитом и, должно быть, был знаком с принципами и учениями общества, иначе оно не пользовалось бы его доверием и покровительством как биографа Лойолы. Они не расходятся во мнениях по существу относительно общего принципа, который запрещает грех в абстрактной форме и возлагает личную ответственность, но оправдывает его совершение по приказу генерала ордена иезуитов. Следовательно, очевидно, что из этого общего принципа, изложенного ими обоими, следует, что, когда генерал потребует совершения какого-либо преступления, или нарушения какого-либо обязательства, или присяги, или конституции, или закона, или совершения какого-либо действия, каким бы вероломным или бесстыдным оно ни было, - во всех или любом из этих случаев иезуит должен выполнять его приказы, "не опасаясь оскорбления". Таким образом, генерал ставится выше всех правительств, конституций и законов и даже выше самого Бога! Нет таких государственных законов, никаких правил морали, установленных обществом, никаких принципов религиозной веры, установленных какой-либо Церковью - включая даже саму Римскую Церковь, — которым иезуит не обязан был бы противиться, когда ему прикажет это сделать его генерал, независимо от того, приведет ли это к войне, революции или кровопролитию, или к потрясению общества с самых его основ. Все сосредоточено на благе общества, и все остальное должно подчиняться ему. Неудивительно, что иезуитские казуисты нашли в этом положении своей конституции источник той отвратительной и деморализующей максимы, что "средства оправдываются целью"; другими словами, если, по мнению генерала, цель считается правильной, какой бы преступной или греховной она ни была, она становится освященной и может быть достигнута без "страха оскорбления".

И это еще не все. После того, как, как говорит Николини, "таким образом, была перенесена преданность иезуита с его Бога на его генерала, конституция переходит к обеспечению этой преданности от любого конфликта с естественными привязанностями или мирскими интересами".^[28] Это не позволяет ничему — никаким сердечным привязанностям или земным интересам любого рода или природы вообще - вмешиваться между иезуитом и его настоятелем. Если у него есть семейные узы, он должен разорвать их; если есть друзья, он должен отказаться от них; если есть собственность, он должен передать ее начальнику и принять обет абсолютной и крайней бедности; фактически, он должен сделать себя нечувствительным ко всем чувствам, или эмоциям, или ощущениям, которые, возможно, могли бы возникнуть из инстинкта или привычек мышления в его собственном уме. Что касается собственности, конституция предусматривает, что "он выполнит работу великого совершенства, если будет распоряжаться ею на благо общества". И продолжая эту тему, со ссылкой на ПАвнешних привязанностей, он продолжает: "И, что его пример может сиять перед людьми, он должен убрать все сильные привязанности к своим родителям, и воздерживаться от неподобающего желание обильной распределение вытекающих из такого невыгодного любовь."^[29] Он не должен связываться с каким-либо лицом письмом без его проверки вышестоящим начальством, которое должно прочитать все адресованные ему письма до их доставки; разумеется, разрешая отправлять или доходить до него только тем письмам, которые будут одобрены. "Он не должен покидать дом, кроме как в такое время и с такими товарищами, какие разрешит начальник; и в пределах дома он не должен разговаривать без ограничений ни с кем по своему усмотрению, но только с теми, кто будет назначен начальником".^[30] Ему не разрешается выходить из дома, если его не

сопровождают двое братьев в качестве шпионов за его поведением, и пренебрежение одним из них правдиво сообщать о том, что сделали и сказали другие, считается греховным. И чтобы убедиться, что все члены отражают только продиктованные им мнения, они обязаны соблюдать абсолютное единообразие следующим образом: "Пусть все думают, пусть все говорят, насколько это возможно, одно и то же, согласно апостолу. Поэтому пусть не допускаются никакие противоречивые доктрины ни из уст в уста, ни в публичных проповедях, ни в письменных книгах, которые не должны быть опубликованы без одобрения и согласия генерала; и, действительно, следует избегать любых расхождений во мнениях относительно практических вопросов".[31] Комментируя эти вещи, Николини наиболее уместно говорит: "Таким образом, никто, кроме генерала, не может воспользоваться правом высказать единственную оригинальную мысль или мнение. Почти невозможно представить себе силу, особенно в прежние времена, генерала, имеющего в своем абсолютном распоряжении такое количество интеллекта, воли и энергии".[32]

Если бы существовали какие-либо доказательства того, что иезуиты, как общество, отказались от каких-либо принципов или политики, носящих на себе печать одобрения Лойолы, не было бы никакой необходимости, кроме той, которая побуждает к историческому исследованию, в тщательном и критическом их изучении. Но их нет. Напротив, будет видно, что по самой своей природе они не подвержены изменениям, пока существует общество. Память о Лойоле до сих пор хранится с глубокой преданностью. Ему поклоняются как святому, и слова, произносимые им, вызывают такое же почтение, как и слова, произнесенные Спасителем. Поэтому кажется невозможным избавиться от убеждения, что это необычное общество не похоже ни на одно другое, существующее сейчас или существовавшее до сих пор в мире. То, что это было задумано активным умом амбициозного и ориентированного на мир энтузиаста, который был разочарован тем, что не добился военных отличий, на которые он рассчитывал, является неопровержимым выводом из фактов, хорошо известных в его личной истории. Его тщеславие и властолюбие послужили отправной точкой его организации, в соответствии с которой к человеку относились как к неспособному к разумному размышлению, пригодному лишь для того, чтобы стать безропотным инструментом тех, кто осмеливается кощунственно утверждать, вопреки любому божественному откровению, что Бог наделил их одних властью подчинять мир. Его план действий с самого начала был прямым осуждением всех древних религиозных орденов, равно как и методов, принятых Церковью после многовекового опыта. Когда он задумывал это, его главной целью, несомненно, было, как объяснялось ранее,[33] сделать себя и своих преемников независимыми и превосходящими папу и Церковь. Его предполагаемый антагонизм к обоим был достаточно очевиден тем фактом, что его первоначальная конституция сосредоточила абсолютную и безответственную власть в руках генерала его общества; и последующее введение имитируемого обета ограниченной верности папе — что было вызвано степенью необходимости, доходящей почти до принуждения — не имело никакого другого эффекта, кроме как подвергнуть испытанию стратегическую изобретательность более чем одного генерала изобретением уловок, чтобы уклониться от него. В поддержку этой идеи общество не поддерживает никаких отношений ни с папой, ни он с ним. Все его члены независимы от него. Они являются созданиями и инструментами только генерала. Они повинуются ему, и никому другому. Если он, как глава общества, не считает нужным выполнять приказы папы — как это часто случалось, — вопрос остается только между папой и им, а не с обществом. Единственная точка единства находится между генералом и членами; и этим общество хвастается со своим обычным тщеславием. Перечисляя методы, с помощью которых

его продолжительность считается гарантированной, Бартоли говорит: "Вождь - это строгий союз между членами и руководителем, вытекающий из полной зависимости, которая является результатом совершенного повиновения. Игнатий установил в обществе *монархическую форму правления* и передал все управление орденом в руки генерала с абсолютной властью, независимой от всех людей, за единственным исключением суверенного понтифика. Тогда генерал принял окончательное решение как в выборе начальства, так и во всем, что касается членов роты".^[34] Это в достаточной степени показывает, что папа имеет дело только с генералом, а он один с обществом; кроме как через последнего, первый не может связаться с членами или сообщить им свою волю; и даже когда папа общается с генералом, вся обязанность послушания последнего состоит в отправке членов общества в любую часть мира, которой папа будет руководить, без вознаграждения. И именно благодаря этим средствам общество образует то, что Бартоли называет "одним прочным целым", номинально имеющим две головы, но практически подчиняющимся только одной.

Едва ли было необходимо говорить, что общество существовало при "монархической форме правления", поскольку такая организация не могла существовать ни в какой другой форме. Фактически, она превосходит в этом отношении любой когда-либо известный институт, не исключая самых тиранических деспотизмов, из-за которых восточные народы веками находились в рабстве. До времен Лойолы ни одному человеку никогда не приходила в голову — а если и приходила, то признание этого неизвестно истории — мысль о том, что простые учения Христа, которые легко истолковываются, могут быть искажены в извинение за превращение человечества во множество бездумных трупов без собственных мыслей, мнений или мотивов, так что они должны беспрекословно подчиняться диктату одного человека, который, чтобы подготовить их к совершенному послушанию, требовал, чтобы лучшие привязанности их сердец были погашены, и ничто великодушное, доброе или благородное не допускалось в их жизни. существовать в них. Абсолютизм не мог быть продвинут дальше, ибо нет степени унижения ниже той, которой должен достичь иезуит. Каким бы искусственным в искусстве, или сведущим в литературе, или изысканным в манерах, или очаровательным в ораторском искусстве он ни стал, его совесть превратилась в трусость, и он расстался со своей мужественностью, как со старой одеждой, которую можно сбросить по своему желанию. Ни один его портрет не может быть более правдивым, чем тот, что нарисован дружелюбным пером Бартоли, который хвастливо заявляет нам, что "обществу не нужны члены, руководствующиеся человеческим уважением".^[35] Согласно этому биографу Лойолы, для этого нужны только те, кто с полным презрением относится к мнению мира, те, кто гасит в своих умах всякое чувство похвалы или стыда и кто закрывает все пути, по которым благородные, великодушные или патриотические порывы проникают в сердца людей. Они, по-видимому, думают, что Бог, создав человека "по своему образу и подобию" и наделив его способностью вдохновлять мысли, парализовал его лучшие чувства простым развлечением и оставил его способным только к слепому повиновению властному хозяину, который требует от него нарушать все самые нежные семейные отношения, как если бы они вели к нечестию, и который рассматривает все высшие общественные добродетели как пороки, когда они не способствуют достижению его честолюбивых целей, и любую форму порока как добродетель, когда она способствует.

СНОСКИ:

- [13] Конституция. Часть I, глава i, § 3. *Алуд Николини: История иезуитов*, стр. 32.
- [14] Конституция. Часть IV, глава x, § 5. *Алуд Николини: История иезуитов*, стр. 33.
- [15] Постоянный. Часть III, глава i, § 23. *Там же*.
- [16] Постоянный. Часть VI, глава i, § 1. *Там же*.
- [17] Иезуиты, их Конституция и учение. Автор: Картрайт. Страница 15, примечание.
- [18] История Св. Игнатий Лойола. Автор Бартоли. Том II, стр. 46.
- [19] *Там же.*, стр. 47.
- [20] *Там же.*, стр. 49.
- [21] *Там же.*, стр. 51.
- [22] История иезуитов. Штейнмец. Том I, стр. 251, N. 1.
- [23] Бартоли. Т. II, с. 93.
- [24] Конституция. Часть VI, глава v, § 31. *Apud Nicolini*, p. 34.
- [25] Bartoli, Vol. II, стр. 92, 93.
- [26] *Там же.*, стр. 95.
- [27] *Там же.*, стр. 94.
- [28] Николини, стр. 34.
- [29] Конституция. Часть III, глава i, § 7-9. *Apud Nicolini*, pp. 34, 35.
- [30] Постоянный. Часть III, глава i, § 2, 3. *Алуд Николини*, стр. 36.
- [31] Постоянный. Часть III, глава i, § 18. *Apud Nicolini*, p. 36. Эти общие вопросы также рассматриваются в "Бартоли", т. II, главы. iv и v, стр. с 33-78.
- [32] Николини, стр. 36.
- [33] Предыдущая глава. ii, стр. 41.
- [34] Бартоли, Т. II, стр. 88.
- [35] Bartoli, Vol. II, с. 85.
-

ГЛАВА IV.

УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВОМ.

Любой читатель последних двух глав может увидеть — без признания Бартоли на этот счет, — что правительство общества иезуитов полностью монархическое и основано на патернализме, установленном имперскими правителями в доказательство их божественного права управлять. Подобно этим правителям, Лойола утверждал, что человечество не способно управлять собой, и поэтому Провидение предопределило, что им могут по праву и мудро управлять только вышестоящие, независимо от того, приобретают ли они и поддерживают свое превосходство путем мошенничества, интриг или насилия. Он наблюдал за обществом, когда оно привыкло уделять лишь небольшое внимание, если вообще уделяло, структуре и деталям правления, и оставляло все вопросы, представляющие общественный интерес, на откуп каналам, созданным теми, кто ими управлял с целью сохранения своей собственной власти. И поэтому он подражал их имперскому примеру, сделав этот принцип патернализма фундаментальной основой своего общества; но превзошел деспотизм древности, поработив как умы, так и тела его членов и уничтожив у них всякое чувство личности. Следовательно, это общество никогда не было примирено с какой-либо другой формой правления, кроме абсолютной монархии, и никогда не сможет примириться, пока оно будет существовать. Без абсолютизма в его самой крайней форме он утратил бы свою силу сплочения и развалился бы на куски так же неизбежно, как корабль отклоняется от курса, когда сломан руль.

Ознакомившись таким образом с конституцией и организацией этого общества и принципами, которые лежат в их основе, не менее важно выяснить, как они осуществлялись самим Лойолой и его непосредственными преемниками; ибо в противном случае невозможно познать его истинный характер. У него есть своя история — созданная им самим и, в значительной степени, тогда, когда она не подвергается проверке со стороны других, — и пока мы не познакомимся с этим, будет трудно, если не невозможно, понять яростную и неустанную враждебность, с которой он сопротивлялся всем, кто пытался преградить ему путь к вселенскому господству, включая даже пап и Церковь. Если у какого-либо другого общества когда-либо и была подобная история, то она не была написана.

Когда Лойола получил одобрение своего общества от Павла III, он, несомненно, совершил великий триумф — больший, чем любой из известных ему ранее. Это дало ему возможность предвидеть, что, когда бы впоследствии этого ни потребовали его собственные интересы или интересы общества, в его власти было бы, имея в своем распоряжении рабское войско, создать междоусобное соперничество с самим папством. Можно предположить, что папа действовал исходя из того, что он считал благом Церкви, и с должным чувством собственной ответственности; но Лойола не испытывал такого чувства. Опираясь всего лишь на горстку фанатиков, которые были не в состоянии противостоять его настойчивости и от которых он, вероятно, скрывал свои скрытые замыслы, он сосредоточил всю свою энергию на единственной цели - сосредоточении власти в своих руках, не утруждая себя выяснением, за чей счет это может быть достигнуто или какие средства для этого следует использовать. У папы был свой собственный характер главы Церкви, который нужно было поддерживать, в то время как Лойола был простым "солдатом удачи", ищущим приключений и движимым личными амбициями приобрести власть и славу с помощью организации, с которой папа не был знаком, но которую он создал тайно, чтобы сделать возможной любую форму маскировки или лицемерия, необходимую для достижения его желаемых целей. Было бы несправедливо утверждать, в отсутствие явных доказательств, что папа действовал иначе, чем руководствуясь в первую очередь интересами Церкви, и в то же время он явно не желал ослаблять папскую, то есть свою собственную, власть. Хотя он приказал созвать то, что впоследствии стало

Триденским собором, он не отличался как папа-реформатор, поскольку считалось, что он был вынужден совершить этот акт, чтобы противодействовать имперской политике Карла V, который угрожал Национальному собору в своих собственных владениях. Тем не менее, возможно, что были проведены какие-то реформы, на которые он дал бы свое согласие, при условии, что они не ослабили авторитет папства. Ни один из этих мотивов не повлиял на Лойолу. Он приписывал развращенность духовенства и беспокойное состояние Церкви слабоумию пап и их неспособности успешно бороться с надвигающимся злом. Находясь под таким влиянием, он, очевидно, надеялся с помощью своего нового общества привести в действие такие инструменты, которые противодействовали бы существующему злу таким образом, чтобы обеспечить славу этого достижения себе и своему обществу. Несомненно, он желал таким образом снискать такую славу, которая затмила бы само папство. О презрительном пренебрежении и неповиновении пап, выступавших против притязаний иезуитов, мы еще увидим много убедительных доказательств.

В этой связи не следует забывать, что непогрешимость папы римского в то время не была общепринятой частью веры Церкви. Попытки сделать это таковыми, если бы они были предприняты, оказались бы бесплодными ввиду недавних понтификатов Иоанна XXIII, Юлия II и Александра VI, а также постановлений Констанцского и Базельского соборов, а также общих настроений христианского мира. Хотя в Церкви были некоторые, кто придерживался этой доктрины, все же она была далека от того, чтобы быть одобренной большинством, и фактически никогда не становилась частью веры до нашего времени, когда она была продиктована Собору Ватикана в Риме Пием IX и была вынуждена принять окончательное решение без свободного обсуждения. Мистер Гладстон привел список пап-еретиков до времен Лойолы, ни один из которых не мог быть непогрешимым, если только непогрешимость и ересь не могли гармонично сочетаться в одном сознании в одно и то же время. Григорий I считал притязание на универсальность — необходимое условие непогрешимости — "кощунственным, антихристианским и дьявольским". Даже Иннокентий III признавал, что папа может "согрешить против веры и, таким образом, подвергнуться суду Церкви". Адриан VI заявил, что папа может ошибаться в вопросах веры. Зефирин и Каллист оба проповедовали ересь, утверждая, "что Бог Отец воплотился и пострадал вместе с Сыном". Либерий придерживался арианского вероучения, самой известной из всех ересей, и осуждал ортодоксального Афанасия. Феликс II был арианом, и все же был внесен в список святых. Зосима осуждал ересь пелагианства. Вигилий был по обе стороны баррикад в споре о Трех главах. Иоанн XXII осудил Николая III и Климента V как еретиков. Гонорий был осужден и отлучен от церкви за ересь Общим собором в Константинополе. Следовательно, мистер Гладстон, чья большая образованность и мудрость признаны всеми, счел себя вправе утверждать, что "таким образом, сами папы на протяжении более чем трех столетий публично признавали, во-первых, что Вселенский собор может осудить папу за открытую ересь; и, во-вторых, что папа Гонорий был справедливо осужден за ересь". [36]

Борьба в Англии за "католическую эмансипацию" охватывала период продолжительностью более четверти века после злополучной унии, в результате которой Ирландия отказалась от своей независимости. Оно закончилось так близко к настоящему времени, что некоторые из живущих еще, возможно, помнят ликование, которое оно вызвало среди друзей Ирландии. Оно касалось практического политического вопроса, хотя и имело полурелигиозный аспект. Со стороны Ирландии настаивалось на том, что, поскольку ирландцы были признаны британской конституцией подданными Соединенного Королевства, они имели право занимать гражданские должности и участвовать в законодательной деятельности парламента. Этому долгое время

успешно сопротивлялись английское правительство и народ на том основании, что в соответствии с религией, которую исповедовали ирландцы, папа считался непогрешимым и, следовательно, обладал духовной властью вмешиваться в мирские дела и политику Великобритании. Поскольку европейские народы всегда понимали, что это было законным следствием этой доктрины, для ирландского дела стало абсолютно необходимым показать, что религия, господствовавшая в Ирландии, не включала ее; другими словами, что ирландский народ не верил, что папа непогрешим. В доказательство этого ирландская иерархия с необычайной серьезностью настаивала на том, что три ведущих университета Франции и три не менее выдающихся в Испании осудили и отвергли эту доктрину, и что ирландский народ принял их мнение. Кроме того, несколько ирландских епископов были допрошены комитетом Палаты общин и дали показания о том же самом. Это склонило чашу весов в пользу "ирландской эмансипации", и спор закончился принятием этой меры обеими палатами парламента.

Таким образом, нет ничего, что указывало бы на то, что Лойола считал Павла III или любого другого папу непогрешимым. Напротив, поскольку эта доктрина не была частью веры Церкви, и от него не требовалось верить в нее, из всего, что мы можем сейчас узнать об их общении, можно сделать справедливый вывод, что он считал папу подверженным ошибкам и, следовательно, приверженным ложной и ошибочной системе церковного управления, которая привела к пагубным результатам, и которую он хотел заменить своей собственной, лучшей и более эффективной системой под своим собственным руководством. И все современные факты в совокупности показывают, что он намеревался, согласно первоначальной Конституции иезуитов, довести папу, а через него и Церковь, до признания его и его преемников непогрешимыми, потому что они были объявлены стоящими на месте Христа, и им следовало соответственно повиноваться. Какие бы блага он ни предполагал даровать Церкви, они должны были, по его замыслу, иметь значение только для тех благ, которые он предназначил для себя и своего общества.

Поправка к первоначальной конституции, требующая верности папе, была просто политической мерой и целесообразностью со стороны Лойолы, которая была предложена ему, как мы видели, после того, как он прибыл в Рим и обнаружил, что это единственный способ развеять сомнения папы и получить одобрение его нового общества. Таким образом, интерпретируемая в свете всех фактов, эта поправка сводится только к признанию папы римского главой Церкви, но не непогрешимым, поскольку в то время это не было частью веры Церкви. Однако в то же время Лойола был достаточно прозорлив, чтобы предусмотреть в конституции непогрешимость генерала своего общества, объявив его равным Богу, занимающим место Христа и осуществляющим его власть. Он ожидал, что папа признает это своим актом утверждения первоначальной конституции и создания общества как религиозного ордена, в подражание древним монашеским орденам. Понимал ли папа конституцию так или нет, сейчас решить невозможно; но совершенно очевидно, что Лойола понимал, о чем свидетельствует тот факт, что обет каждого члена обязал его придерживаться этой веры как одного из абсолютно контролирующих принципов организации. Но Лойола более наглядно продемонстрировал свою проницательность, предоставив в тайной, но практической работе общества лазейку для уклонения от клятвы повиновения папе всякий раз, когда генерал считал это целесообразным, как, как впоследствии выяснится, он часто делал. Здесь уместно повторить для иллюстрации, что папе римскому не разрешалось вступать в непосредственные сношения с отдельными членами общества. Он был обязан рассматривать их только как компанию, члены которой не имели никакой власти над самими собой, и им было

категорически запрещено заявлять какие-либо индивидуальные претензии на независимое мышление или действие. Следовательно, папа мог донести свои желания, или мнения, или приказы до общества только через их генерала; то есть, по мнению Лойолы, так же как и по мнению общества, подверженный ошибкам глава Церкви мог сообщить о своих желаниях непогрешимому главе общества! Если бы последний занимал место Бога и произносил его суды — как заявляли члены церкви в своих клятвах и утверждает конституция, — тогда любое нарушение его повелений с их стороны было бы не только ересью внутри общества, но и каралось генералом, независимо от того, что мог бы сделать или сказать папа. Следовательно, непогрешимый глава иезуитов стал в глазах общества выше подверженного ошибкам главы Церкви во всем, что касалось мнений, чувств или действий ее членов. Человек почти поставил бы себя в тупик, если бы стал утверждать, что в случае конфликта между папой и генералом — что часто случалось — общество колебалось бы, подчиняться ли генералу или не повиноваться папе.

Этот момент требует тщательного рассмотрения, поскольку именно в нем командирские способности и проницательность Лойолы проявились наиболее ярко. Обществу разрешается знать своего генерала только по всем вопросам, связанным либо с обязанностями, либо с поведением. Он, а не папа римский или какая-либо другая власть на земле, определяет, что члены церкви должны или не должны делать во всей сфере деятельности отдельных лиц или компаний. От членов клуба требуется и они дают торжественные обеты думать его мыслями, произносить его слова, выполнять его команды и подавлять все эмоции, не соответствующие его собственным. И поэтому иногда случалось, в точном соответствии с планом Лойолы, что иезуиты повиновались папе, когда их генерал приказал им сделать это; в то время как в других случаях они игнорировали его желания и выступали против них, потому что так приказал их генерал. Он один является богом общества, и ничто, кроме его электрического прикосновения, не может пробудить их мертвые тела к жизни и действию. Пока он не заговорит, они подобны змеям, свернувшимся кольцами в своих зимних могилах, безжизненным и бездействующим; но в тот момент, когда он отдает приказ, каждый член команды мгновенно вскакивает на ноги, оставляя незавершенным все, что могло бы с ним случиться, готовые напасть на того, на кого он может потребовать нападения, и нанести удар туда, куда он направит удар, чтобы быть пораженным. Подводя итог, можно сказать, что если папа принимает решение в соответствии с волей генерала, ему повинуются, потому что в этом случае члены церкви проявляют повиновение генералу, согласно своему обету, а не папе, о желаниях которого они знают только через генерала; тогда как, когда бы папа ни принимал решение вопреки воле генерала, ему не повинуются, если генерал того потребует, потому что члены церкви религиозно поклялись принимать его приказы как непогрешимо выражающие волю Бога. Для них высшим судом в мире является суд под его председательством. Он один равен Богу. Все другие решения могут быть обжалованы; но его решение необратимо.

Народы Европы начали настолько сильно ощущать влияние Реформации — в упомянутый здесь период — особенно в Германии, что осознали тот факт, что обрушившиеся на них бедствия, а также упадок Церкви были связаны с длительным союзом Церкви и государства. И их растущий интеллект заставил их, по крайней мере, подозревать, если не абсолютно предвидеть, что тайное и загадочное общество, подобное иезуитскому, будет иметь тенденцию скорее увеличивать, чем уменьшать это зло. То, что иезуиты столкнулись с этим подозрением с самого начала, так же ясно доказано историей, как и любой другой факт. Терпеливое расследование покажет, как им сопротивлялись во Франции, Англии, Германии, Испании и Португалии, так же

ясно, как можно проследить течение реки от ее горных истоков до моря. И тот, кто не потрудится ознакомиться с ходом событий, вызванных этим сопротивлением, будет далек от точного знания философии истории. Также, когда он получит эту информацию, его нисколько не удивит, что после того, как Лойоле удалось обеспечить себя и своих преемников средствами возможного превосходства над папой и Церковью, он столкнулся также с огромным сопротивлением существующих религиозных орденов, а также почти всего христианского народа, когда он предпринял внедрение своего нового и странно устроенного общества в различных государствах Европы. Даже тогда, еще до того, как иезуиты практически продемонстрировали свою способность к интригам, общественное мнение было убеждено, что организация содержала элементы зла, если не реальной опасности, которые общество обязано было подавлять, а не позволять развиваться. С того времени и по настоящее время не произошло ничего, что могло бы развеять это общее впечатление, но многое усилило и подтвердило его. Это настолько прочно укоренилось в умах англоговорящей расы, что они изобрели и добавили в свой язык новое слово "иезуитизм", обозначающее крайнюю степень "хитрости, обмана, лицемерия, увиливания, обманных действий для достижения определенной цели". В жизни и характере Лойолы не было ничего, что могло бы развеять это впечатление; напротив, поскольку все его действия были окутаны тайной, и публика не испытывала к нему симпатии, а он сам не испытывал симпатии к публике, все его поведение вызывало подозрения против него и его общества. Соответственно, даже с помощью, которую, как можно предположить, он получил от папы римского, ему пришлось дюйм за дюймом прокладывать себе путь среди христианских народов Европы — факт первостепенной важности.

Орден доминиканцев существовал под покровительством Церкви более трехсот лет и прославился той ролью, которую он сыграл в войне на уничтожение, начатой Иннокентием III против альбигойцев за отстаивание права на свободу религиозной мысли и богослужения. Таким образом, доминиканцев не сдерживало сочувствие ни к одной из ересей, которые Лойола выразил желание подавить; будучи далеки от этого, они искали наиболее активные и верные методы положить конец всей ереси. Следовательно, можно считать несомненным, что они охотно приняли бы иезуитов в качестве помощников в работе по сдерживанию прогресса Реформы, если бы они не увидели в Лойоле нечто, вызывающее их негодование, а не дружбу. Поведение иезуитов в Саламанке, в Испании, оказало такое влияние в высокой степени. Мельхиор Кано, один из самых выдающихся и ортодоксальных доминиканских монахов, увидев Лойолу и беседовавший с ним в Риме при обстоятельствах, позволивших ему составить представление о его характере, без колебаний осудил иезуитов как самозванцев. То, что он сказал лично о Лойоле, заслуживает особого внимания и выразилось в следующих выразительных словах:

- Когда я был в Риме, мне пришло в голову повидаться с этим Игнатием. Он сразу же, без предисловий, начал говорить о своей добродетели и о преследованиях, которым он подвергся в Испании, нисколько этого не заслужив. И множество могущественных вещей он излил относительно откровений, которые получил свыше, хотя в раскрытии не было никакой необходимости. Это побудило меня смотреть на него как на тщеславного человека и ни в малейшей степени не верить в его откровения". Ссылаясь также на иезуитов как на общество, сформированное и управляемое Лойолой, он сказал, что "предчувствовал пришествие Антихриста и считал иезуитов его предшественниками", и обвинил их в "распущенности" и совершении "отвратительных мистерий".[37]

Это был первый опыт, который Лойола получил, имея дело с таким заметным противником, как Мельхиор Кано, и он понял необходимость каким-то образом заставить его замолчать, чтобы сохранить его личное влияние. Таким образом, это дало ему возможность — возможно, первую — продемонстрировать свою пригодность к лидерству, а также проинструктировать свое общество о не прямых и искусных методах, с помощью которых, как он ожидал, оно, при необходимости, достигнет своих целей. Посредством папской буллы, одобряющей общество, и авторитета, который, как он утверждал, был ему им дарован, ему удалось побудить генерала доминиканцев сделать Мельхиора епископом и отправить на Канарские острова, что удалило его из Испании и было равносильно изгнанию. Успех, которого он добился таким образом, был, однако, недолгим; ибо Мельхиор смирился со своим изгнанием лишь на короткий период и, вернувшись в Испанию, возобновил свою атаку на иезуитов, которая затем стала более яростной и неприкрытой, чем прежде. Он продолжал это до тех пор, пока был жив, и после своей смерти оставил такое пророческое предупреждение: "Если члены общества будут продолжать в том же духе, в каком они начали, дай Бог, чтобы не наступило время, когда короли захотят противостоять им и не найдут средств для этого!"[38]

События, заслуживающие несколько более подробного описания, произошли также в Испании, в Сарагосе, потому что они объясняют, как общество с самого начала обучалось и дисциплинировалось под непосредственным руководством Лойолы. "Как ветка гнется, так и дерево склоняется" - пословица, не менее применимая к такому компактному организму, как иезуиты, чем к отдельным людям. Лойола понимал это и, не теряя времени, после того как навел порядок в своем обществе, обучил членов искусству обходить своих противников — искусству, которое их преемники, отнюдь не забыв, усовершенствовали. На этом начальном уроке он также научил их тому, что они были вправе пренебрегать любыми человеческими законами, стоящими на пути их успеха; что общественное мнение, идущее вразрез с их интересами, не имеет права ни на какое уважение; и что, неуклонно придерживаясь принципа монархизма, на котором зиждется их общество, они могут уверенно обращаться за помощью к монархам, чтобы обеспечить себе успех в любом конфликте с народом. Более того, он учил их, что они имеют право сопротивляться властям Церкви, когда последние пытаются остановить их прогресс. И таким образом, почти на заре существования общества его основатель неизгладимо запечатлел в сознании каждого члена идею своего превосходства над всеми слоями общества, над всеми древними монашескими орденами и даже над самой Церковью, когда ее авторитет использовался для сдерживания их прогресса. Все это появится в конфликте, который будет детализирован.

Город Сарагоса был столицей Арагона, где закон строгими и недвусмысленными положениями запрещал "возведение часовни или монастыря на определенном расстоянии от установленной приходской церкви или религиозной общины". Иезуиты нашли место, которое они хотели занять, но им было запрещено делать это этим законом, которому подчинялись все остальные и который общественность желала сохранить по удовлетворительным причинам. Закон, однако, несколько не сдерживал их; и, полностью игнорируя его и открыто бросая вызов государственным властям, они заявили о своем праве вступить во владение и возвести на нем здание для своих собственных нужд. Они предложили посягнуть на права августинцев, когда францисканцы — оба они были древними религиозными монашескими орденами — объединились с первыми в сопротивлении этому угрожающему нарушению общественного права, которое до того времени повсеместно одобрялось обоими этими орденами и общественностью в качестве разумной меры государственной политики. Но иезуиты не

придавали значения никакому закону, когда он ставил препятствия на их пути, и, следовательно, упорствовали в своей цели, несмотря на протесты августинцев и францисканцев, которых жители Сарагосы почитали за их святость. Спор вскоре приобрел такое значение, что генеральный викарий Церкви издал официальный приказ от имени и по поручению Церкви, которым он запретил иезуитам возводить свое новое здание в запретных пределах. Любая другая группа людей, проявляющая хоть малейшее уважение к Церкви и ее официальным представителям, по крайней мере, заколебалась бы после этого. Но иезуиты проявляли не больше уважения к церковному достоинству и авторитету генерального викария, чем они намеревались проявить к существующему публичному праву или к двум протестующим монашеским орденам. Следствием этого было то, что генеральный викарий был вынужден в подтверждение своей власти представителем Церкви объявить иезуитов еретиками за их вопиющее неповиновение и пригрозить им отлучением от церкви, если они не прекратят. Он объявил их проклятыми и обрушил на них громы анафемы. Но иезуиты, понимая, сколько силы заключено в единственной руке Лойолы, остались невозмутимыми. Эти раскаты грома, заставлявшие содрогаться даже монархов, были бессильны против его приказов, которые были доведены до сведения его последователей настоятелем, следившим за интересами общества в Сарагосе. Последний приказал, чтобы церемония освящения запретной земли продолжалась вопреки как закону, так и приказам главного викария; и обезумевшие и нелояльные иезуиты подчинились ему. Это был новый опыт для жителей столицы Арагона, которые раньше не видели ничего подобного, и они пришли в ярость и основательно возбудились. Они встали на сторону августинцев и францисканцев, а также "священников и монашествующих", которые их защищали, и продолжили демонстрировать свое возмущение таким публичным и решительным образом, что в этом нельзя было ошибиться. Историческое утверждение состоит в том, что "изображения иезуитов, низвергнутых в ад легионами дьяволов, были выставлены на улицах, и людям даже внушалось, что город осквернен присутствием иезуитов, которые, как было объявлено, принесли в него ересь, и что вся Сарагоса была отлучена от церкви и останется таковой до тех пор, пока они ее не покинут". Этот отчет по существу приводится всеми, кто взялся писать историю иезуитов, но он взят у Дориньяка, одного из их основателей. Самые способные защитники, язык которых здесь процитирован. Далее он объясняет оценку, с которой жители Сарагосы относились к иезуитам, будучи послушными вере Римской церкви, в следующих словах: "В конце концов, население, на чувства которого таким образом воздействовали, стало более неистовым; и, подойдя к дому иезуитов, они забросали камнями, разбив оконные стекла и угрожая обитателям мстью, в то время как процессия, подобная уже описанной, прошествовала вокруг злополучного дома, издавая крики неодобрения, поношения и осуждения".[39]

В вопросе, который включал в себя, как это имело место, простое применение общепризнанного публичного закона, долг иезуитов был ясен и прост, не допускал никаких двусмысленностей. Как и все другие, пользовавшиеся защитой закона, они были обязаны подчиняться государственным властям, к которым добавлялось их обязательство подчиняться также генеральному викарию как официальному органу Церкви. Но читатель не должен быть настолько введен в заблуждение, чтобы предположить, что на них повлияла какая-либо подобная идея или что они были хоть в малейшей степени обескуражены суровым церковным и народным порицанием, полученным ими в Сарагосе. Никто лучше Лойолы не понимал, какой полный контроль можно получить над чувствами, мнениями и поведением индивидов путем образовательного обучения; и он принял меры предосторожности, чтобы дисциплинировать

новичков своего общества с момента их посвящения таким образом, чтобы сделать их слепое и пассивное повиновение эффективным методом укрепления его влияния и власти над ними. Из событий в Сарагосе совершенно очевидно, что одним из первых уроков, которые они усвоили, была та форма послушания, которая требовала от них пренебрегать любым законом вообще, когда им приказывали их начальники, не интересуясь и не заботясь о том, какие последствия могут за этим последовать, как для общества, так и для отдельных людей. Следовательно, когда под совместным влиянием государственных властей, Церкви и возмущенного населения Сарагосы они были вынуждены отказаться от возведения своего нового здания на запретной территории, они рассматривали это просто как приостановку, а не как заброшенность, все еще намереваясь тем или иным способом одолеть это множество противников и помешать исполнению закона. С этой целью они прекратили свою деятельность, по-видимому, уступая существующей необходимости. Однако на этом этапе своей истории они усвоили свой первый урок двуличия и обмана — и продолжение доказывает, насколько хорошо они его усвоили, — показав, что, хотя они и были явно сбиты с толку, они не считали себя побежденными. Сам Лойола не был знаком с поражением, когда успех в какой-либо мере зависел от стратегических интриг с имперскими правителями, все из которых полностью понимали, что его общество представляет собой самый абсолютный монархизм, существовавший тогда в Европе, и по этой причине, если не по какой-либо другой, требовало от них предоставить ему все возможные степени защиты, особенно там, где, как в Сарагосе, народ предпринял активные шаги, требующие соблюдения закона. Он также подготовился к тому, чтобы избежать поражения в любом вопросе, касающемся иезуитов, закрепив в их умах убеждение, как религиозное чувство, что не было такой высокой и похвальной степени мужества, какую проявляли они, когда их послушание доходило до сопротивления чему бы то ни было и кто бы ни стоял у них на пути, когда им приказывали делать это в интересах общества, в которое, как он требовал, они верили, было для "вящей славы Божьей"! Он учил их считать это мужеством, но называть это так было бы неправильным употреблением терминов, ибо в своем истинном смысле мужество пробуждает лучшие и наиболее облагораживающие способности ума. Вместо этого чувство, которое он внушал, проистекало из того безразличия к общественному мнению и нечувствительности к стыду, которые, как признает Бартоли, являются необходимой чертой иезуитского воспитания. Это скорее можно сравнить с животным инстинктом тигра, который, после того как его желанная жертва однажды сбежала, побуждает его после этого приближаться к ней крадущимися шагами, пригибаясь в укрытии, пока не придет время, когда можно будет успешно совершить последний рывок.

Настоятель иезуитов в Сарагосе был слишком хорошо осведомлен о политике, диктуемой Лойолой, чтобы не понимать, в чем заключалась главная и реальная сила общества. Несомненно, обладая полным знанием замыслов Лойолы и соответствуя всем его целям, подобно тому, как человеческая форма высечена из безжизненной глыбы мрамора, он сразу же приступил к призыву о помощи монархической власти правительства Испании, чтобы привести генерального викария Церкви, августинских и францисканских монахов, вместе со священниками и религиозными деятелями, которые их придерживались, а также народ и местные власти Сарагосы к полному унижению у его ног. Таким образом, тогда перед иезуитами впервые открылось новое и широкое поприще, на котором их подстрекали проявить свои замечательные способности к интриганству. Их должны были практически научить тому, с какой легкостью они могли добиться вмешательства монархической власти, чтобы попортить права древних религиозных и монашеских орденов, нарушить общественные законы, бросить вызов

духовным представителям Церкви и заставить людей осознать, насколько они бессильны повлиять на политику общества, изменить его принципы или воспрепятствовать его прогрессу к окончательному господству, к которому оно стремилось.

Карл V был тогда императором; но, поскольку он отсутствовал в Испании, его дочь, принцесса Джейн, была исполняющей обязанности регента, полностью обладая императорской властью. Настоятель иезуитского ордена в Сарагосе обратился к ней с аргументами, которые, хотя и не сохранились, можно справедливо предположить, что они сводились к необходимости создания и сохранения общества как наилучшего и наиболее надежного метода увековечения монархического принципа, настолько необходимого для королей, что, если бы он был разрушен, они не смогли бы существовать; или, если бы они существовали, их полномочия были бы значительно уменьшены, и они были бы в некоторой степени подчинены контролю общественного мнения. Регентша была полностью проинформирована о решимости своего императорского отца придерживаться этого принципа при любой опасности и осознавала тот факт, что у него не было никакого выбора в отношении методов достижения этой цели. Она понимала, насколько хорошо он подходил по своему нерешительному поведению для любой чрезвычайной ситуации, с которой мог столкнуться; и что она не ошиблась в его характере, история подтверждает фактами, что, хотя он был уроженцем Нидерландов, он преследовал своих соотечественников за то, что они осмелились отстаивать свободу совести для себя; и в одно время участвовал в заговоре с королем Франции против папы, в другое - с папой против короля Франции, а в третье преуспел в том, чтобы склонить протестантов Германии к наступательному союзу против обоих. Как представитель такого монарха, столь беспринципного в отношении средств, используемых им самим или другими в его интересах, регент охотно и легко откликнулся на призыв настоятеля—иезуита. Презирая закон и общественное мнение и считая, что у народа нет прав, которые короли были обязаны признавать, она приняла сторону иезуитов в Сарагосе и сразу же приступила к осуществлению мер, необходимых для обеспечения их победы над всеми их противниками. Папский нунций в Испании был легко привлечен на ту же сторону, потому что это была королевская сторона; и, поддержанные таким образом, иезуиты вскоре достигли цели, к которой они так стремились, триумфальным возвращением в Сарагосу и принудительным подчинением генерального викария, августинцев, францисканцев, священников и народа! Никакая комбинация, которую все это могло бы тогда образовать, больше не могла противостоять могуществу и наглости иезуитов, подкрепленных огромной монархической властью, которую Карл V передал в руки регента. Историк-иезуит Дориньяк рассказывает все это в похвалу своему обществу, хвастливо сообщая своим читателям, как генеральный викарий был "вынужден снять запрет на отлучение от церкви" и как иезуиты благодаря этому получили возможность мирно "вступить во владение своим домом" и занять его без дальнейшего сопротивления. Конечно, все их противники были подавлены не из-за какого-либо изменения мнения по отношению к иезуитам, а потому, что они боялись ослушаться регента, державшего в своих руках власть безжалостного Карла V. И иезуиты, охваченные тщеславием, вдохновленные успехом, прошли маршем по улицам Сарагосы сквозь подавленную и униженную толпу в таком заметном ликовании, которое красноречиво свидетельствовало о том, с каким безразличием и презрением они смотрели на человеческие институты и законы, или права монашеских орденов, или санкцию местной церковной власти, или муниципальные постановления, или интересы и чувства людей, или на все это вместе взятое, когда они брались обуздать их честолюбие или подчиниться какому-либо иному послушанию, чем то, которое они поклялись соблюдать. их начальник.[40]

Эти подробности при обычных обстоятельствах могли бы показаться скучными обычному читателю, но они оправданы необходимостью показать, как иезуиты добились своего первого знаменательного триумфа. С тех пор был длинный список подобных триумфов, которым это способствовало. Сами события, поскольку они связаны просто с занятием и использованием участка земли, сравнительно незначительны; но они служат, гораздо лучше, чем многие более масштабные, для демонстрации выдающихся и наиболее опасных качеств иезуитов. Они демонстрируют их абсолютное пренебрежение ко всем правам и интересам, вступающим в конфликт с их собственными, и то, насколько тщательно Лойоле удалось сделать это руководящим и кардинальным принципом общества; и их значение увеличивается тем фактом, что дело в Сарагосе положило начало политике, которую иезуиты неуклонно проводили на протяжении всей своей истории, варьируя свои методы в соответствии с характером целей, которых они стремились достичь. В этом смысле они являются вводными для их правильной оценки.

СНОСКИ:

[36] Рим и новейшие религиозные моды. Гладстон. Страницы с 94 по 102. Здесь указано, что "генерал-иезуит Линец [Лайнез] решительно выступал за папскую непогрешимость на Тридентском соборе ... но Собор оставил этот вопрос нерешенным".

[37] История иезуитов. Штейнмец. Том I, стр. 378.

[38] История иезуитов. Штейнмец. Том I, стр. 380-381.

[39] История Общества Иисуса. Дориньяк. Том I, стр. 82-83.

[40] Daurignac, Vol. I, стр. 84, 85.

ГЛАВА V.

БОРЬБА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ.

Помощь, оказанная иезуитам в Сарагосе регентом от имени императора Карла V, очень ободрила их. Это дало им уверенность в королевском сочувствии монархическим принципам их конституции и научило их, как успешно вызывать это сочувствие в будущих спорах со своими противниками, хотя последние могли быть священнослужителями, находящимися на активном служении Церкви.

В Толедо, в Испании, они также столкнулись с серьезным сопротивлением. Из-за различных злоупотреблений и "многих суеверных обычаев", которые преобладали среди них, кардинал-архиепископ Толедо был вынужден осудить их в публичном постановлении, которым он запретил христианам исповедоваться перед ними "под страхом отлучения" и потребовал, чтобы "все священники исключили их из отправления таинств". Из этого, конечно, следует понять, что они, должно быть, были виновны в каком-то экстраординарном и вопиющем поведении, иначе с ними не обошелся бы так сурово такой выдающийся церковный деятель, как кардинал-архиепископ, которому было доверено управление делами Церкви в Толедо. Никакие другие

предположения не могут быть приняты во внимание, особенно учитывая тот факт, что, помимо этого решительного доноса, он наложил запрет на их колледж в Алькале. Следовательно, невозможно избежать вывода о том, что их поведение навлекло поношение на общество и нанесло ущерб Церкви. Но опять, как и в Сарагосе, иезуиты не были смущены запретом церковного порицания и организовали сопротивление против кардинала-архиепископа, как они это сделали против генерального викария в Сарагосе. Их первой попыткой было добиться вмешательства папы римского, который, как они предполагали, находился под влиянием Лойолы, его нунция в Испании и архиепископа Бургосского. Они надеялись таким образом преодолеть всякое сопротивление. Но эти усилия оказались тщетными по той причине, что кардинал-архиепископ был настолько глубоко убежден в их недостойности, что не мог отступить от своей цели и сурово продолжал осуждать их. Таким образом, не сумев получить желаемой помощи от властей Церкви, они обратились за помощью к светской и монархической власти правительства, как они это сделали в Сарагосе. Благодаря своему успеху у регента они были полностью уверены в том, что все, кто служил Карлу V, были в постоянной готовности сделать все необходимое для защиты своего общества, даже от высших должностных лиц Церкви, из-за его тенденции сохранять и увековечивать принцип монархизма. Они чувствовали себя в полной безопасности под королевской и имперской защитой, прекрасно понимая, какой властью обладали монархи того периода, особенно Карл V в Испании. Соответственно, им удалось возбудить дело против кардинала-архиепископа, который был вызван в королевский суд Испании, чтобы объяснить, почему он чинил какие—либо препятствия на пути иезуитов - почему, другими словами, он осмелился отрицать их абсолютную власть над регулярно учреждаемым церковным трибуналом в Толедо. Лойола понимал, как повлиять на испанский двор, и, несомненно, был полностью убежден, что, имея на своей стороне Карла V, он легко сможет повергнуть всех своих врагов к своим ногам; и в данном случае он не был разочарован. Королевский суд вынес решение в пользу иезуитов, и кардинал-архиепископ был осужден и заставлен замолчать. Чтобы избежать тюрьмы инквизиции, он, наконец, подчинился, и иезуиты одержали еще одну победу над выдающимся священнослужителем Церкви.[41]

Покровительство короля Португалии позволило им беспрепятственно въехать в Португалию. Это настолько возбудило их предвкушение блестящего и успешного будущего, что они посвятили себя приобретению богатства и впали в такие пороки, которые в те дни почти неизменно сопутствовали успеху как среди духовенства, так и среди мирян. Николини говорит, что, получив "огромное богатство" в Португалии, они "смягчили строгость своего поведения, вели жизнь, полную удовольствий и разврата", пока король "не начал относиться к ним неодобрительно", а народ перестал уважать их. У них был колледж в Коимбре, который, по его словам, очень мало походил на монастырь. Будучи больше не в состоянии, как в Испании, с доверием обращаться к королевской власти за защитой — поскольку уверенность короля Португалии в их христианской целостности была поколеблена, - Лойола, еще живой, был вынужден сместить провинциала и ректора колледжа из кажущегося уважения к общественному мнению. Новый ректор, бегая и крича по улицам, как сумасшедший, и бичевая свои обнаженные плечи, пока они не покрылись кровью и пылью, настолько преуспел в возбуждении страхов и суеверий иезуитов, что они были вынуждены провести в колледже такие реформы, которые позволили им в некоторой степени, но не полностью, восстановить свое влияние.[42]

Тех, кто не изучал историю и характер иезуитов, немало озадачивает, как было получено огромное богатство, которое они приобрели в Португалии и других местах, когда от каждого

члена ордена требовалось дать обет "крайней бедности". Однако для иезуита нет ничего легче, чем удовлетворить свое собственное мнение по этому вопросу с помощью казуистического метода рассуждения, который позволяет ему избежать этой или любой другой трудности. Бартоли, биограф Лойолы, объясняет это в нескольких словах. "Обет бедности, - говорит он, - не лишает лицо, находящееся под судом, права собственности на имущество, которым оно владело ранее, и возможности приобрести большее, пока оно не достигнет определенного положения, хотя оно действительно лишено права пользования своим имуществом и не может, как и исповедующий религию, распорядиться ни единым фартингом без согласия своего начальника".^[43] И он повторяет ту же идею в другом месте, говоря: "Обет бедности не исключает владения собственностью".^[44] Непосвященные умы могут быть смущены этим, но для иезуита это ясно и незамысловато. Он понимает, что его обет "крайней бедности" не требует от него расставаться с тем имуществом, которое у него есть, и не запрещает ему приобретать больше, если он может. При этом есть только одно условие — он должен находиться в распоряжении вышестоящего начальника. И таким образом, с помощью казуистов это замечательное общество, состоящее только из тех, кто торжественно поклялся в своем абсолютном презрении к богатству, в несколько периодов своей истории становилось самым богатым в мире и стало бы таким снова, если бы ему позволили идти своим путем. Таким образом, обет "крайней бедности" означает в сознании иезуитов великолепные дворцы, мраморные церкви, великолепные университеты и, фактически, поглощение такого количества богатства, какое может быть приобретено с помощью всевозможных интриг, группой людей, которые хвастаются, что они вырвали из своих сердец все человеческое сочувствие, и смотрят на все самые нежные отношения общества с презрением. Ни в одном письменном языке нет слов, способных полностью донести до обычных умов иезуитскую идею "крайней нищеты". Один из отцов-иезуитов, которого цитирует Бартоли, называет это "богатой бедностью", поскольку он также называет рабство общества "свободным рабством".^[45] Познакомившись с этим удивительно ловким использованием слов, мы, возможно, вскоре научимся понимать, что подразумевается под белой тьмой и чернотой солнечного света.

Во всех странах Европы первое впечатление об иезуитах было крайне неблагоприятным для них, причем наиболее решительным среди тех, кто наиболее отличался преданностью Церкви. В жизни Лойолы не было ничего, что внушало бы доверие ни к нему, ни к его плану операций. На него смотрели как на авантюриста, отказавшегося от военной службы только потому, что его лицо было обезображено раной, чтобы добиться отличия в каком-нибудь другом занятии. Некоторые священнослужители — как в случае с доминиканцем Мельхиором — были склонны упрекать его в самонадеянности, предполагающей святость и превосходство; в то время как другие из них, такие как генеральный викарий в Сарагосе и кардинал-архиепископ Толедо, считали его учения склонными поощрять ересь не только из-за их новизны, но и потому, что они богохульно признавали его и всех последующих настоятелей иезуитов равными Богу как по атрибутам, так и по власти. Они не могли убедить себя в том, что христианство требует от них признания Лойолы непогрешимым, в то время как папа, согласно существующей вере Церкви, оставался подверженным ошибкам. Таким образом, Лойола был окружен затруднениями, которые лишили бы мужества почти любого другого человека. Он, однако, был скорее укреплен, чем ослаблен сопротивлением, ибо принадлежал к тому классу людей, которые нуждаются в возбуждении конфликта и подстегивании необходимостью, чтобы развить свои командирские качества. Он хорошо и умело разработал свои планы и, обладая совершенным знанием состояния общества, приготовился черпать власть из единственных источников, признанных

обладателями власти, то есть от папы как главы Церкви и монархов как обладателей абсолютной власти. Пока он мог пользоваться их объединенной поддержкой, он почти не боялся людей, которым он мог легко оказать сопротивление и унижить, как это было в Сарагосе. Вскоре он понял, что может легко убрать со своего пути противостоящих церковников, пока он может сохранять монархизм в качестве ведущего и центрального принципа своего общества; и поэтому он направил все свои усилия на подавление Реформации и на сохранение союза Церкви и государства, чтобы придать дополнительную силу монархизму, к которому, как к сдержанной силе, он мог прибегать всякий раз, когда этого требовали интересы его общества и неотложность его дел. В то время как основная часть общества была неспособна проникнуть в его тайные цели и мотивы, даже при жизни Лойолы произошло достаточно событий, чтобы возбудить всеобщее подозрение против него самого и целостности его общества, из-за чего он столкнулся с таким серьезным противодействием внедрению его общества в Испанию и его потере влияния и репутации в Португалии, оба этих государства были в высшей степени преданы римско-католической религии. В соответствии с общим правилом, что "одни и те же причины приводят к одним и тем же результатам", оппозиция Лойоле и его обществу во Франции стала более ожесточенной и затяжной, чем в Испании или Португалии. Причину этого можно найти в особенностях существующей там церковной организации; но по какой бы причине это ни возникло, долгий и утомительный спор, который в конце концов обеспечил допуск иезуитов во Францию, не просто исторически поучителен, но и проливает поток света на политику и характер иезуитов.

Французские христиане в течение длительного периода отказывались признавать за папой право вмешиваться в мирские дела этого королевства. Они так настойчиво придерживались этой позиции, что то, что они считали своими "свободами", стало общепризнанным основанием Французской или галликанской церкви, в отличие от Папской церкви в Риме. Они считали себя находящимися под юрисдикцией папы римского в духовных вопросах — то есть в той мере, в какой это касалось религиозной веры, — но утверждали, что внутренняя политика Франции в управлении ее собственными светскими и внутренними делами не может быть настолько смешана с христианской верой, чтобы наделять папу каким-либо правом диктовать эту политику или вмешиваться в нее. По этим вопросам среди них было полное единодушие до времен Лойолы, а если и существовали какие-либо противоположные настроения, то они были слишком незначительны, чтобы повлиять на общественное мнение.

Когда была впервые предпринята попытка внедрить иезуитов во Францию, знание об их деятельности в других местах привело к убеждению — во всяком случае, к страху, — что общество не могло существовать там, не вступая в конфликт с галликанскими свободами и не подчиняя французских христиан иностранной власти, более одиозной, чем власть папы римского, которому они упорно отказывались предоставить какую-либо светскую власть над ними. Тогда они были готовы, как и всегда, обращаться к папе за регулированием всех дел Церкви, которые касались религиозной веры; но для них было невозможно признать высшую юрисдикцию, на которую претендовал Лойола, не наделив его властью и отличиями, в которых они отказывали папе, и не создав угрожающий антагонизм свободам, которыми они долгое время пользовались и которые отличали их от другого римско-католического населения Европы. Они легко могли понять, что если бы иезуитам под руководством такого амбициозного авантюриста, как Лойола, было разрешено установить эту юрисдикцию, это, несомненно, привело бы к вмешательству его общества в мирские дела и интересы королевства. Следовательно, галликанские христиане, поддерживаемые своими высшими церковными

властями, решительно сопротивлялись вторжению иезуитов во Францию. Они не могли бы поступить иначе без смиренной и абсолютной конфискации своих хваленых свобод. Поскольку ни Лойола, ни его последователи не испытывали никакого уважения к этому христианскому чувству, несмотря на то, что оно поддерживалось с необычайным единодушием во Франции, и упорствовали в попытках насадить среди него иезуитское общество с целью его уничтожения, завязалась захватывающая и ожесточенная борьба, в которой иезуиты продемонстрировали свое обычное пренебрежение общественным мнением и всем остальным, что стояло на пути их успеха. Ни интересы французской церкви, ни чувства и желания французского народа, ни возможность подвергнуть опасности дело христианства, ни какие-либо другие соображения, кроме их собственного триумфа, не имели для них значения, когда вступали в противоречие с их тайными планами и целями.

Иезуиты обратились за помощью к папе римскому, а через него и к королю Франции, чтобы объединенным влиянием духовной и светской властей они могли оказать на французскую церковь и народ такое давление, которое сделало бы их бессильными противостоять посягательству на свободы, издавна находившиеся в религиозном почитании. Их очевидной целью было сосредоточить этот союз Церкви и государства на том, что они считали единственной "законной властью", с особым намерением привить вере галликанских христиан принцип "беспрекословного повиновения" любой политике, которая должна быть продиктована интересами этого объединения, будь то в духовных или мирских делах. Понимая, с какой готовностью папа уступил мольбам и влиянию Лойолы в одобрении его общества, несомненно, предполагалось, что его с такой же готовностью убедят заручиться сотрудничеством короля, светская власть которого, таким образом, будет задействована для того, чтобы заставить французскую церковь и народ подчиняться всему, что будут диктовать иезуиты. План был искусно спланирован и демонстрировал не только деспотическую политику иезуитов, но и их непревзойденную способность к хитрости и интриганству.

Во время правления Генриха II Франция в значительной степени освободилась от осложнений, в которые она была вовлечена при жизни Франциска I, его отца, возникших в результате затяжного противостояния, в котором заметные роли играли император Карл V и папа римский. Таким образом, он получил возможность обратить свое внимание на внутренние дела, что поставило его в условия, благоприятные для принятия любых методов процедуры, которые обещали привести общество в полное повиновение монархическому правлению; или, как он, вместе с Лойолой и иезуитами, считал это, "законной власти". Лойола не мог не понимать, что случай был для него как нельзя более кстати, и поэтому воспользовался им с предельной оперативностью, воспользовавшись всем, что казалось благоприятным для достижения целей, которые он желал достичь. Реформация продвигалась с поразительной быстротой, и ничто так не возбуждало его честолюбия, как надежда остановить ее развитие; ибо без стимулирующего влияния этой цели его занятию угрожал бы скорый конец, и его общество прекратило бы существование почти в момент своего зарождения. Это привело бы к тому, что он опустился бы до не приметного положения, одинаково осуждаемого церковью и народом как нарушитель общественного спокойствия.

В дополнение к тому, чего достигла Реформация в Германии, где ее защитники были вдохновлены присутствием, бесстрашием и красноречием Лютера, ее влияние настолько распространилось во Франции, что встревожило всех, кто видел в ней вероятную потерю власти и конец тем притеснениям, с помощью которых они так долго и успешно поддерживали свою

власть. Протестантские церкви были возведены не только в Париже, но и во всех главных городах и в каждой провинции Франции. Генрих II воспринимал все это с крайним недовольством и поэтому был в состоянии благосклонно относиться к предложениям с любой стороны, которые могли бы дать надежду сдержать надвигающуюся волну народного просвещения и протестантского прогресса. Он унаследовал от своего отца самую сильную неприязнь к тому, что он называл "новой религией", главным образом из-за, несомненно, ее тенденции ставить под угрозу абсолютизм монархии. И он также унаследовал дух преследования, который из-за снисходительности перерос дух его отца. Все изучающие французскую историю знакомы с главными событиями его правления, которые побудили Генриха Наваррского, впоследствии Генриха IV, Антония де Бурбона, Луи де Конде, адмирала де Колиньи, Франсиса д'Андело и других лордов объединиться с реформаторами и встать во главе гугенотов. С такими присоединениями гонимые протестанты Франции стали грозными во всех частях страны, и Генрих II использовал все свои королевские ресурсы для изобретения методов их подавления, цель, которую он редко упускал из виду. Где бы ни появлялся протестантизм, дух преследований поднимался, чтобы погасить его. Выдающийся французский историк говорит: "За время правления Франциска I, в течение двадцати трех лет, была проведена восемьдесят одна казнь за ересь. За двенадцать лет правления Генриха II по той же причине было казнено девяносто семь человек; и на одной из этих казней Генрих II лично присутствовал на площади перед Собором Парижской Богоматери - зрелище, которое Франциск I всегда отказывался видеть". Он также утверждает, что во время правления Генриха II и за год до его смерти "в Дофини, Нормандии, Пуату и Париже было приведено в исполнение пятнадцать смертных приговоров", и что за этот период уголовное законодательство против еретиков было значительно ужесточено.[46]

Франциск II ничем так не отличался, как своей бескомпромиссной враждебностью к Реформации, ко всем ее законным плодам и к тем, кто исповедовал протестантизм. Он находился полностью под властью Гизов, которые были самыми кровавыми и безжалостными преследователями во Франции. Чтобы обозначить свою покорность им, он издал королевскую прокламацию, которую они продиктовали, о сносе домов, в которых протестанты собирались для религиозных богослужений. Протестантские собрания были объявлены незаконными, и те, кто посещал их, карались смертью, как и те, кто укрывал их и защищал. Примерно за пять месяцев этого безжалостного правления "восемнадцать человек были сожжены заживо за ересь", то есть за то, что исповедовали протестантскую религию.[47]

В этих условиях Франция открыла для иезуитов широкое и привлекательное поле деятельности. Неуклонно помня о главной цели своей организации — подавлении Реформации, — они, должно быть, жаждали возможности применить на практике свою особую тактику не только для достижения этой заветной цели, но и для того, чтобы привести галликанских христиан в такое повиновение папству, чтобы подчинить светские дела Франции власти Рима, когда они рассчитывали стать, благодаря влиянию Лойолы на папу, главными исполнителями папских наказов. Кардинал Лотарингии — один из гизов — был полностью солидарен с ними; и поскольку он сыграл важную роль в диктовке политики преследований Генриха II и Франциска I, он, должно быть, радовался возможности заручиться помощью иезуитов в деле, столь близком по духу ему и им. Он был "необычайно тщеславен; крайне эгоистичен; искусен в искусстве притворства, которым пользовался без зазрения совести", — и эти качества, должно быть, привлекли к нему внимание иезуитов, поскольку они, обладая тем же, несомненно, были отмечены им самим. На то, что он был честолобив и пользовался особым расположением папы,

указывает множество должностей, которые он занимал одновременно. Помимо того, что он был кардиналом, он занимал два архиепископских сана, шесть епископств и был настоятелем каждого из четырех монастырей.[48]

Такой человек, как кардинал Лотарингский, мог, конечно, оказать самую существенную помощь иезуитам, как иезуиты могли оказать ему. Он и Лойола были *"благородным братством"*, каждый из которых обладал такими качествами, которые позволяли ему стать опытным помощником другого в достижении общей цели. После того как ему удалось объединить против французских протестантов всех, кто находился под королевским влиянием, он поспешил в Рим, где под непосредственным покровительством папы римского пожелал лично договориться с Лойолой о введении иезуитов во Францию. Чтобы облегчить эту меру, он предложил учредить инквизицию во Франции с целью уничтожения еретиков в соответствии с методом, применявшимся против альбигойцев Иннокентием III и который после многих лет неиспользования был успешно возрожден в Италии, Испании и Португалии под папским покровительством и защитой. Он был принят с заметным отличием в Риме как папой, так и Лойолой; и, не испытав никаких трудностей в получении их одобрения предложенного им плана операций, он вернулся во Францию, чтобы привести его в исполнение путем искоренения протестантизма, уничтожения свобод галликанских христиан и восстановления единства религиозной веры с помощью инквизиционного принуждения. Он обнаружил, что король по-прежнему испытывает к нему полную симпатию, и, следовательно, без труда добился от него королевской грамоты-патента, в которой он давал свое согласие иезуитам въехать во Францию в качестве организованного религиозного общества, построить дом и колледж в Париже и *"жить там по их правилам и уставам"*. [49]

Эти факты— изложенные со всей возможной краткостью, показывают, какими экстраординарными средствами пользовался Лойола при своей жизни, чтобы навязать свое общество во Франции в противовес галликанской церкви, почти всей массе галликанских христиан и народу. Полагаясь на помощь папы римского, короля, кардинала Лотарингского и тех придворных, которые толпились вокруг королевского дворца и вторили королевской воле, он рассчитывал преодолеть всякое сопротивление и, используя ужасную машину инквизиции, стать хозяином Франции или подготовить почву для этого своим преемникам. И таким образом, сам основатель и созидатель иезуитского общества закрепил в нем одну из его ведущих и наиболее отличительных черт — полное пренебрежение ко всему, что не способствует достижению его собственных целей.

Но врагов иезуитов во Франции было не так легко привести к покорности, как предполагали кардинал Лотарингии, папа римский и Лойола. Мощной комбинации, которую они сформировали при содействии короля и его придворных, было недостаточно, чтобы устранить или нейтрализовать глубоко укоренившуюся антипатию, существовавшую во Франции к иезуитам. Приказы короля не были обязательными без одобрения парламента, который был высшим общественным представительным органом Франции. Когда королевские грамоты-патенты, допускающие иезуитов, были представлены парламенту, они были отклонены с большим единодушием по общепризнанной причине, что их введение во Франции нанесло бы ущерб общественному благосостоянию и галликанским христианам.[50] Основная масса французского духовенства и весь профессорско-преподавательский состав университета Парижа также решительно выступили против иезуитов. Король, оскорбленный таким противодействием его королевской воле и напустивший на себя вид монархического

превосходства, приказал парламенту зарегистрировать его письма-патенты. Но парламент снова отказался и обратился за советом к архиепископу Парижа — главному церковному деятелю Церкви. Архиепископ также принял решение против иезуитов. Богословский факультет университета единогласно обвинил их, среди прочего, в высокомерной самонадеянности при присвоении "необычного титула имени Иисус" и в приеме в свое общество "всевозможных людей, какими бы преступными, незаконными и позорно известными они ни были". Далее они объявили общество "опасным в вопросах веры, способным нарушить покой Церкви, ниспровергнуть монашеские ордена и более приспособленным к разрушению, чем к созиданию". Это суровое обвинение становится еще более важным и бросающимся в глаза из-за того факта, что ему отдавали предпочтение не протестанты, а римские католики, которые на протяжении многих веков верно придерживались того учения Церкви, которое преобладало повсеместно, до того, как папы, в подражание светским монархам, создали папскую систему. В дополнение ко всему архиепископ Парижский издал против них интердикт, запрещающий им выполнять какие-либо священные функции.^[51] Епископ Парижский ввел другие запреты, и все духовенство осудило иезуитов с кафедр. Плакаты с осуждением их были расклеены по улицам. В конце концов общественное негодование против них стало настолько сильным, что они были изгнаны из Парижа и вынуждены искать убежища в другом месте. Однако они сделали это так же, как и тогда, когда народные волнения вынудили их покинуть Сарагосу; то есть с кажущейся видимостью покорности, но с реальной целью возобновить свои усилия, когда возникнет какой-нибудь случай, сопровождаемый более благоприятными обстоятельствами -когда королевская власть могла быть более успешно использована для того, чтобы бросить вызов галликанской церкви и народным настроениям. Это было в то время, было с тех пор и является по сей день существенной частью тактики иезуитов, в проведении которой они упорны и неутомимы. И там, где они пользовались объединенной помощью пап и монархов, Церкви и государства, они, как правило, добивались успеха среди населения, не пробужденного протестантским влиянием к справедливому пониманию своих собственных прав и достоинства. В рассматриваемом нами случае им не пришлось долго ждать, прежде чем король, кардинал Лотарингии, и их союзники, пользующиеся покровительством папы римского, обеспечили им заметный триумф над общественным мнением Франции. Созданная с этой целью организация нуждалась в их помощи в кровавом и благоприятном деле преследования, и это послужило предлогом для их внедрения во Францию, несмотря на ненависть, которой они пользовались почти повсеместно. Николини говорит: "Вскоре их призвали во Францию, чтобы помочь и поддержать эту чудовищную и жестокую гекатомбу, этот кровавый разгул священников и королей — Святого Варфоломея".^[52]

Таким образом, на данный момент представлено ясное и отчетливое представление о том, какой оценки придерживались иезуиты при жизни их основателя со стороны тех, кто был непоколебимо послушен христианскому учению Римской церкви. Ни одна из отмеченных здесь оппозиций не исходила от протестантов, но только от тех, кто был приверженцем Церкви, которой, по утверждению иезуитов, они служили. Оно возникло у тех, кто имел наиболее благоприятную возможность познакомиться с общим характером и целями Лойолы, многие из которых, по всей вероятности, имели возможность видеть его и беседовать с ним, как это сделал доминиканский монах Мельхиор. Его хвастовство необычайной святостью, его частые беседы с Христом и Девой Марией и его нечестивое притворство, что он занимает место Бога в мире и, подобно ему, обладает чудесными способностями, ввели в заблуждение очень немногих, кроме тех, кто стал его приспешниками или тех, кто ожидал извлечь выгоду из союза

с ним. Мы увидим все это еще более полно в последующих событиях, сопровождавших окончательное внедрение общества во Франции, и все это в совокупности показывает методы, с помощью которых с течением времени оно стало ненавистным христианскому населению Европы, было с позором изгнано из всех христианских стран и, наконец, когда его беззакония больше нельзя было терпеливо сносить, было подавлено и упразднено папой, известным своей христианской добродетелью и чистотой жизни.

СНОСКИ:

[41] История иезуитов. Николини. Страница 80. История иезуитов. Штейнмец. Том. I, стр. 382-83.

[42] Николини, стр. 82-83.

[43] История Св. Игнатий Лойола. Автор Бартоли. Том II, стр. 57.

[44] Там же., стр. 58.

[45] Там же., стр. 234.

[46] Очерки истории Франции. Сокращено по Гизо, Гюстав Массон. Страницы 283-285.

[47] Там же., стр. 287.

[48] Церковь Франции. Джервис. Том. I, стр. 129. История иезуитов. Штайнмец. Том. I, стр. 390, и примечание 1.

[49] Steinmetz, Vol. I, стр. 391-92.

[50] Там же., стр. 392.

[51] Steinmetz, Vol. I, p. 395; Nicolini, p. 86; *Apud* Cretineau, Vol. I, стр. 320; Кудретт, том. I, стр. 42.

[52] Николини, стр. 88.

ГЛАВА VI.

БОРЬБА ЗА ФРАНЦИЮ.

Факты, изложенные в последней главе, неопровержимо доказывают, что настойчивые усилия иезуитов по созданию своего общества во Франции в качестве признанного религиозного ордена с самого начала были коварными и скрытными, если не подстрекательскими. Епископ Клермонский — вероятно, под влиянием кардинала Лотарингского — был благосклонен к ним; и, будучи владельцем дома в Париже, он предложил им его, чтобы они могли внедрить иезуитский метод воспитания. Но ни французский парламент, ни университеты, ни Галликанскую церковь не удалось убедить отозвать свое несогласие. Следовательно, чтобы косвенным образом осуществить то, что было запрещено законом и общественным

настроением, иезуиты открыли колледж в Клермоне, в пределах епархии и под покровительством епископа, а также за пределами города Парижа.[53]

Ко времени смерти Генриха II рост протестантизма во Франции стал заметным. Историк-иезуит Дориньяк представляет это как "бедствие" - как "плачевное положение вещей", — которому стало необходимо противодействовать самыми активными и действенными средствами. Но поскольку ничто не могло поколебать стабильность жителей Парижа, было сочтено необходимым охватить население этого города постепенными подходами, по примеру военных командиров. Соответственно, епископ Памье был вынужден обратиться за помощью к иезуитам в своей епархии, и ему не составило труда найти достаточное их количество для участия в этой миссии, поскольку они находились в постоянной готовности подчиняться приказам своего настоятеля. Эти миссионеры-иезуиты представлены как те, кто заставил многих, исповедовавших протестантизм, отказаться от своих "еретических заблуждений", и как те, кто начал свой образовательный план действий с основания колледжа в Памье. Что бы они ни делали, они безоговорочно подчинялись учениям своего общества, поскольку хвастливо заявляют, что из-за них с протестантами обращались как с не обладающими гражданскими правами, достойными уважения; поскольку "их книги были уничтожены, а проповедники вынуждены были бежать".[54] Но иезуиты все еще не могли этими насильственными средствами проникнуть в Париж, объединенная оппозиция галликанских христиан и протестантов, которые к этому времени стали достаточно многочисленными, чтобы принять участие в полемике, была достаточно серьезной, чтобы не допустить их.

Хотя нет никаких свидетельств прямого и позитивного союза между галликанскими христианами и протестантами, все же очевидно, что их объединенное противостояние иезуитам породило между ними такие общие чувства, которые существенно смягчили резкость, которая ранее разделяла их. Это видно из того факта, что большое и влиятельное число первых — особенно многие в парламенте и при университетах — были склонны предоставить последним "полную свободу в распространении своих доктрин и контроле над своим духовенством".[55] Даже король, каким бы фанатиком он ни был, был вынужден, вследствие их быстро растущего влияния, предоставить протестантам некоторые уступки, от которых ему было бы гораздо приятнее отказаться. Они оказали такую важную услугу государству, как солдаты армии Франциска I, который вознаграждал их патриотизм преследованиями, и проявили такое заметное мужество в бою, что он был вынужден, явно против своей воли, признать их силой, которую нельзя презирать или с которой нельзя шутить, если только нельзя применить силу, чтобы полностью сокрушить их. Особенно это стало заметно после того, как принц Конде стал признанным лидером гугенотов. Таким образом, страх гораздо больше, чем дух терпимости, повлиял на то, что король признал за протестантами права гражданства, которые он предоставлял так неохотно, что его уступка была почти отрицанием. Самым ценным считалось предоставление протестантам права собираться на открытую конференцию в Пуасси и рассматривать такие вопросы, которые касались их собственных интересов и религиозных убеждений. Искренность и честность их религиозных убеждений внушали им веру в то, что если бы они когда-нибудь могли быть представлены на суд разума, то были бы если и не полностью оправданы, то признаны имеющими право на правовую защиту в рамках открытой профессии. По этой причине они сочли конференцию в Пуасси благоприятным предзнаменованием и с удовлетворением приветствовали ее созыв. Однако их лестные ожидания не оправдались. Не предполагалось, что разум и аргументы должны были что-либо значить в присутствии единственной "законной власти" - Церкви и государства; иезуиты были готовы и полны самой

трепетной заботы продемонстрировать, что высший долг жизни состоит в "беспрекословном повиновении" — закрытии всех путей, по которым свет мог достичь умов и совести толпы. Свидетельства этого можно найти в том, что произошло в Пуасси, где впервые в истории Франции генералу иезуитов было разрешено появиться на общественном собрании в качестве представителя ордена и пресечь любое расследование вопросов, для рассмотрения которых конференция была специально назначена, за исключением духовенства. С этого времени протестантам на каждом шагу напоминали, что бессонные глаза иезуитов постоянно следят за ними, готовые загнать их в их убежища, передать инквизиции или преследовать с неутомимой бдительностью вплоть до полного истребления.

Ссылаясь на конференцию в Пуасси и на либеральность, проявленную королем по отношению к протестантам, когда он согласился, чтобы они присутствовали на ней, Дориньяк сообщает своим читателям, что папа "с болью и сожалением наблюдал" за этой тенденцией к либерализму и свободе религиозной мысли; и что, чтобы проконтролировать развитие событий в этом направлении, он приказал Лайнезу — непосредственному преемнику Лойолы на посту генерала иезуитов — присутствовать на конференции в Пуасси с целью предотвращения какого-либо урегулирования существующих религиозных разногласий и отсрочки окончательного решения вопроса о статусе протестантов. до тех пор, пока по ним не сможет принять решение Тридентский совет. Никто не может сомневаться, что целью папы было привести дело к такому состоянию, которое потребовало бы всеобщего подчинения постановлениям этого Собора, путем убеждения, если возможно, но и принуждения, если необходимо. С той же целью французский двор продолжал свои усилия по учреждению ордена иезуитов в Париже, хорошо понимая, какую эффективную помощь они охотно оказали бы в работе по подавлению любой тенденции к либерализму и свободе религиозных убеждений. Враждебность парламента к иезуитам, однако, была настолько решительной и жестокой, что он по-прежнему отказывался подчиняться королевскому приказу; и дела оставались в таком состоянии до тех пор, пока смерть Генриха II не привела к появлению других влияний. Затем было сочтено необходимым призвать на помощь Екатерину Медичи, мать нового короля Франциска II, "чтобы выступить смелым фронтом против вторжений ереси, сразу же *вынудив* парламент признать и принять иезуитов".^[56] Было нетрудно заручиться помощью Екатерины, которая всегда была готова пообещать все, что угодно, лишь бы ввести протестантов в заблуждение или уничтожить, отдавая большое предпочтение последним. Благодаря ее влиянию и авторитету были изданы королевские приказы, предписывающие парламенту ратифицировать и зарегистрировать патент на иезуитские грамоты, которые были подготовлены Генрихом II перед его смертью. Не следует упускать из виду, что это была попытка *вынудить* иезуитов прибыть в Париж вопреки неоднократным протестам парламента, университетов, ведущих церковных властей Галликанской церкви, всего сообщества галликанских и протестантских христиан; и, фактически, вопреки существующим законам и общественным настроениям людей. Подобный факт не только показывает, но и является убедительным доказательством того, что иезуиты были готовы бросить вызов всем этим влияниям и игнорировать любой существующий закон или обычай, который налагал на них малейшие ограничения, их целью было не только помочь королю и папе в уничтожении "свобод" галликанской церкви и христиан и, таким образом, подчинить Францию временному господству папства, но и навсегда уничтожить свободную религиозную мысль, которую привнес протестантизм. "Но, - говорит иезуит Дориньяк с явным сожалением, - парламент был таким же несговорчивым, как всегда", по-прежнему отказываясь подчиниться приказу короля или

позволить иезуитам войти в Париж. Если бы все это противодействие желаниям парижан было результатом импульса, внезапно возникшего в результате быстро меняющихся событий, на это можно было бы не обращать внимания как на внезапную вспышку и забыть. Но это было результатом твердой, устоявшейся и решительной папской политики, которая развивалась уже несколько столетий и в которой было намеренно решено упорствовать до тех пор, пока ересь протестантизма не будет уничтожена, а свободная религиозная мысль не станет невозможной. Такое состязание было наиболее благоприятно для иезуитов, потому что они видели в достижении этих результатов достижение высших целей своего общества. Имея в виду подобную ставку, поддерживаемые королем и папой римским, они упорно шли своим путем с неослабевающей бдительностью, считая самые серьезные трудности, с которыми они сталкивались, сущими пустяками по сравнению с целью, которой они надеялись достичь. Чтобы они могли быть уверены в королевском сочувствии, Екатерина Медичи легко убедила короля Франциска II издать "новые патентные грамоты с *приказами* об их немедленной регистрации парламентом, несмотря на протесты ассамблеи и епископа Парижского".^[57] Но парламент, по-прежнему непреклонный, передал их четырем факультетам университета, "что указывает, - говорит Дориньяк, - на склонность "не подчиняться даже власти королевской семьи"", самое тяжкое преступление, которое в те дни считалось вопиющим грехом. Заключение четырех факультетов состояло в том, что иезуиты были "неприемлемы", основанное на удовлетворительных причинах, которые были полностью приведены. Это упрямство было непростительным, и, поскольку его нельзя было преодолеть прямыми средствами, иезуиты, в конце концов, были вынуждены прибегнуть к косвенным мерам, явно намереваясь, в случае успеха, вернуть себе те позиции, которые они могли бы быть вынуждены потерять. Соответственно, они изменили свою тактику и, чтобы устранить существующие препятствия, заявили в петиции королю, что в случае допуска в Париж они будут подчиняться законам страны и "Церкви Франции", цели, о которой они никогда раньше не заявляли и которую, как показали последующие события, они тогда не намеревались выполнять. Но парламент не был пойман в ловушку этим иезуитским приемом и в ответ предложил королю отозвать свое возражение против иезуитов при условии, что они перестанут "применять к обществу имя Иисуса; и что, более того, они не должны рассматриваться как религиозный орден в Парижской епархии, а обозначаться просто как члены общества",^[58] исключительно с гражданскими правами. Вероятно, это была простая уловка, поскольку иезуиты не могли согласиться на это предложение без саморазрушения. Однако это показывает, насколько сильной была оппозиция обществу.

Все христианское население Парижа, включая как галликанцев, так и протестантов, было повергнуто в состояние сильного возбуждения, когда Карл IX вззошел на трон в качестве преемника Франциска II. Протестанты боялись полного истребления; а галликанские христиане были убеждены, что главной целью иезуитов, папы римского и монархических правителей страны было изменить судьбу Франции, приведя страну к унижительному повиновению Риму, как в религиозных, так и в светских делах, без какого-либо отношения к их системе церковного управления или к целостности их древней христианской веры. Карл IX был всего лишь ребенком, ему было всего девять лет, и, следовательно, он был всего лишь созданием своей матери, Екатерины Медичи, чье знакомство с придворными интригами позволило ей, как опекунше короля, воспользоваться всеми полномочиями королевы-регентши, независимо от чувств или воли французского народа. Она полагалась исключительно на обладание полномочиями и прерогативами королевской семьи для поддержания своей власти; и, будучи

итальянкой, ее характер был так же близок к характеру принца, изображенного Макиавелли, ее соотечественником, как и у любого другого правителя, который когда-либо правил. Она всегда была щедра на обещания, когда считала их необходимыми для достижения своих целей; но никогда не считала себя связанной ими помимо собственного удовольствия. Она нарушала их по своему желанию, когда этого требовали ее королевские или личные интересы. В своих отношениях с французскими гугенотами она практиковала вероломство до такой степени, что заставила бы покраснеть щеки турецкого султана. Таким образом, она была подходящим инструментом в руках папских властей и иезуитов для подчинения Франции и французских христиан Риму — цель, которая, как итальянка и иностранка, была для нее особенно привлекательна. Она заставила короля уступить или с готовностью уступила сама, поскольку у короля не было собственной воли, мольбам иезуитов, снова потребовав от парламента, чтобы он дал согласие на их учреждение в Париже без дальнейших проволочек. Но иезуиты все еще были настолько несносны, что парламент продолжал колебаться и потребовал объяснения причин столь сомнительного шага, вступившего в конфликт с общественным мнением. В качестве пояснения, один из ведущих иезуитов, по словам Дориньяка, "с большим красноречием" "ясно и энергично разоблачил планы и прожекты кальвинистов", или протестантов, и "махинации и сговор, существующие между ними и университетом с целью достижения своих целей"; то есть их объединенные усилия по установлению во Франции свободы религиозных убеждений — формы ереси, которую ученики Лойолы торжественно поклялись искоренить. Это открытое признание единственного мотива, повлиявшего на иезуитов, придало спору такую деликатность и важность, что парламент передал его на рассмотрение Генеральных штатов, как представителя всей нации, или следующего Национального церковного совета. Таким образом, мы находим постоянно накапливающиеся наиболее убедительные свидетельства упорства иезуитов и того, как упорно и серьезно им сопротивлялась лучшая и наиболее просвещенная часть французского народа.

Иезуиты, несомненно, были сильно сбиты с толку и огорчены этим продолжающимся сопротивлением и были вынуждены обращаться за помощью ко всем доступным кругам. Следовательно, дворянство Оверни было убеждено вступить за них, ходатайствуя о допуске общества во все города этой провинции, очевидно, полагая, что, если это будет сделано, иезуиты вскоре рассеются по всей стране. То, что полное уничтожение протестантизма было единственной и окончательной целью, которую они преследовали, достаточно доказывается тем фактом, что в их петиции королю, в которой они просили о введении иезуитов, они сказали: "Если король не желает, чтобы вся Овернь впала в ересь, необходимо, чтобы Общество Иисуса было допущено во Францию".^[59]

За этими разбирательствами вскоре последовал Национальный совет французской церкви в Пуасси, которого, как мы видели, протестанты ожидали с таким нетерпением, ожидая его как случая, когда им будет позволено изложить причины своих религиозных убеждений. На нем присутствовали королева-регентша, король и весь королевский двор, представляющие монархическую власть; пять кардиналов, сорок архиепископов и епископов и множество врачей от имени Церкви; несколько министров-кальвинистов, представляющих эту форму веры; и Генрих, король Наварры, и принц Конде, представляющие гугенотов и общие протестантские настроения в пользу религиозной свободы. Такой орган при обычных обстоятельствах мог бы позволить протестантам реализовать свои надежды, по крайней мере, в той степени, в какой они убедили власти правительства в том, что они лояльны к нему и послушны всем его приказам, за исключением одного - желания иметь свободу следовать своей совести в

поклонении Богу. Но Лайнез, генерал-иезуит, также был там, чтобы потребовать соответствия требованиям папства и своего общества, чтобы не допускалось никаких дискуссий и чтобы от всех требовалось "беспрекословное повиновение" властям. Для него и для его общества было невозможно сохранить союз Церкви и государства без этого; и если бы это не было сделано, их совместный монархизм оказался бы под угрозой. Соответственно, он приложил особые усилия, чтобы указать королю и королеве-матери на "неприличие и опасность" свободного обсуждения вопросов религиозной веры теми, кто был склонен защищать протестантизм, на таком собрании. Дориньяк говорит, что Лайнез был "потрясен и опечален страшными богохульствами, сорвавшимися с уст некоего Петра Мученика, монаха-отступника", который осмелился свободно выражать свое мнение. Он считал неприличным присутствовать на подобных мероприятиях кому бы то ни было, кроме теологов, то есть тех, чей разум уже сформировался и приучен к послушанию. Этот упрек оскорбил королеву-мать, которая покинула Совет. Но это не смутило генерала-иезуита, которого не так-то легко было заставить отказаться от своей цели. Он досконально знал характер ее величества и сказал принцу Конде: "Она великая лицемерка", полагая, как он, несомненно, и делал, что, что бы она ни сделала или ни сказала, он, в конце концов, заставит ее подчиниться целям иезуитов. Вскоре он получил убедительное доказательство своей власти, поскольку королева, король и знать больше никогда не появлялись на Совете, и генерал-иезуит взял дело в свои руки.^[60] Вместо того, чтобы привести конференцию к каким-либо практическим результатам, хотя бы в малейшей степени благоприятным для свободы совести, Лайнезу удалось заставить ее внести свой вклад в меры, касающиеся допуска иезуитов во все части Франции.^[61] Протестанты были встревожены, а иезуиты торжествовали. Затем Лайнез стал лидером ортодоксальной партии и с этого времени пользовался влиянием, которого не приобрел сам Лойола. Позже мы увидим, насколько далеко простиралось это влияние и каким контролирующим оно было.

После того, как Лайнез покинул Собор в Пуасси, окрыленный триумфом, он сразу же отправился на Генеральный совет Трента, который в то время заседал, в качестве специального легата папы — Пия IV, — который обнаружил в нем такие качества, которые, как он предполагал, могли пригодиться для улучшения положения папства. Это было первое появление генерала-иезуита в таком органе или в других общецерковных собраниях, и, следовательно, оно датирует начало новой эры в истории Римской церкви. Христианство господствовало более полутора тысяч лет без помощи такого общества, как иезуиты; но поскольку эта замечательная организация была задумана беспокойным умом Лойолы с единственной целью подавления Реформации и всех ее просветительских влияний, она была с готовностью принята папскими властями как ценная помощь, после того как папа дал ей свое согласие. Таким образом, Лейнез был встречен Тридентским советом с необычными проявлениями радости и энтузиазма. Прелаты Собора, несомненно, были уведомлены о его успехе в Пуасси в обретении власти над Екатериной Медичи, а через нее и над королем и двором Франции, а также над протестантами. Ему было оказано предпочтение перед всеми представителями древних религиозных орденов Церкви, и когда последние пожаловались на это на том основании, что иезуитское общество возникло совсем недавно, Совет вынес решение против них из-за важных услуг, которые иезуиты, благодаря своей компактной организации, могли бы оказать делу папства. И чтобы продемонстрировать это предпочтение иезуитов перед другими орденами, чтобы в нем нельзя было ошибиться, для Лайнеза была приготовлена кафедра на видном месте в зале Совета, чтобы все, что он говорил, было отчетливо слышно.^[62] Монашеские ордена были недовольны

низшим положением, которое им таким образом было присвоено, и роптали, но ничего не могли с этим поделать.

Подобный прием, подобный этому, со стороны столь выдающегося сообщества прелатов, как Тридентский собор, был хорошо рассчитан, чтобы разжечь гордыню и честолюбие иезуитов — особенно Лейнца — и зародить в их умах веру в то, что если они продолжают проводить осторожную, но агрессивную политику Лойолы, то приведут к повиновению папу и все церковные власти Церкви. Очевидно, общество считало это конечной целью, намеченной Лойолой; и Лайнез был достаточно опытен в методах правления, чтобы понимать необходимость добиться от Тридентского собора признания превосходства иезуитов над монашескими орденами. Ему еще не удалось добиться допуска общества во Францию, и это он, очевидно, рассматривал как важный шаг в этом направлении. Каким бы лестным ни был его прием Советом, это было не все, чего он желал. Он счел необходимым предпринять дополнительный шаг, чтобы получить от Совета полное одобрение причин, приведенных Лойолой для обоснования создания своего общества. Соответственно, после того, как Собор рассмотрел вопросы веры и догматики, он приступил к исследованию "причин зла, поразившего Церковь". Это открыло чрезвычайно широкое поле для исследований и привело, несомненно, к тому, чего желал Лайнез, к заключению, изложенному Дориньяком, "что этими причинами были, главным образом, невежество и безнравственность значительной части духовенства и монашеских орденов", и что "лучшим средством от этого великого зла было подготовить христианские поколения с помощью хорошей системы образования".^[63] Это означает, что любые попытки переформировать существующее духовенство и древние ордена были бы тщетны, но что средство правовой защиты заключается в обучении других и будущих поколений. Легко видеть, что этот вывод был неизбежен в соответствии с доктриной, установленной тем же Собором и подтвержденной также иезуитами, что духовенство, ведущее добродетельный образ жизни, и те, кто ведет порочный образ жизни, обладают одинаковой силой и авторитетом в Церкви.

Это был большой триумф Лайнеза и его общества, поскольку Тридентский собор конкретно одобрил основания, на которых Лойола оправдал создание общества иезуитов; то есть некомпетентность Церкви реформировать себя без посторонней помощи, помимо существующего духовенства и монашеских орденов, и необходимость того, чтобы образовательная организация, подобная иезуитской, поддерживалась авторитетом и дисциплиной для этой цели.^[64] И, таким образом, оснащенные столь важным подтверждением, иезуиты сразу же предположили, что были созданы с Божественного одобрения исключительными просветителями мира и наделены полномочиями входить в каждую нацию по своему желанию и таким образом обучать и дисциплинировать "христианские поколения", чтобы низвести их до общего уровня послушания объединенной власти Церкви и государства.

Без одобрения, полученного иезуитами от Тридентского собора, их можно было бы вообще не пускать в Париж или, во всяком случае, их въезд в этот город был бы значительно отложен. Как бы то ни было, антипатия к ним оставалась настолько сильной и всеобщей среди галликанских христиан, что их допуск в конце концов был получен только при условии, что они принесут торжественную клятву не делать ничего, что могло бы ущемить свободы Галликанской Церкви; что они подчинятся законам страны, которые признавали папу главой Церкви, но отказывали ему в праве отлучать короля; или налагать интердикт на королевство; или осуществлять какую—

либо юрисдикцию в отношении мирских вопросов; или отстранять епископов от их должностей; или осуществлять какую-либо власть по закону. легат, если только он не уполномочен королем; и что они, более того, будут поддерживать те положения закона, которые наделяют Генеральный совет Церкви властью, превышающей власть папы римского, - другими словами, что папская непогрешимость не является частью христианской веры.^[65] Есть множество оснований полагать, принимая во внимание как предшествующие, так и последующие события, что, когда иезуиты давали эту клятву, они не имели ни малейшего представления о том, что связаны ею. Совесть ни одного иезуита никогда не была связана такой клятвой.

Авторитет Лейнеза, при описанных обстоятельствах, стал достаточно мощным, чтобы позволить ему влиять на решения королевы-матери и французского двора, и, оказавшись таким образом поддержанным, незадолго до того, как политика иезуитов начала приносить свои законные плоды. Конечно, его наиболее заряженные батареи были немедленно направлены против протестантов, в ереси которых он объяснял все существующие пороки того времени. Вскоре представился случай для этого. Протестанты ходатайствовали о "местах отправления культа", то есть просто о том, чтобы им разрешили совершать богослужения в специально отведенных местах в соответствии с их совестью. Лейнез полностью понимал значение этого и те цели, которых это в конечном счете достигло бы, если бы протестантская петиция была удовлетворена. Его острая проницательность позволила ему понять, что если бы различия между протестантизмом и папством стали предметом интеллектуальной дискуссии на форуме, где человеческий разум имел право заявить о себе, триумф первого над вторым был бы обеспечен. Поэтому, верный своим собственным инстинктам и учению своего общества, он выступил с протестом Екатерине Медичи против удовлетворения молитв протестантов и в своем мемориале по этому вопросу "так убедительно указал ей на опасность для Церкви и государства, которую повлечет за собой такая уступка, что, оценив его аргументы, она отказалась санкционировать возведение протестантских мест отправления культа".^[66]

Эти факты, основанные на авторитете иезуитов и которыми хвалятся их историки, представляют собой наиболее осязаемое и неоспоримое доказательство заговора Екатерины Медичи и иезуитов, после того как последние получили допуск во Францию, с целью подавления свободы религиозного отправления культа и таким образом формировать политику Церкви и государства, чтобы сделать ее существование невозможным. Это был гнусный и отвратительный заговор, но цели, которые предстояло осуществить, оправдывали его в глазах королевы, Лейнеза и всех его сторонников. Это был кардинальный пункт исповедуемой иезуитами политики — наиболее заметная черта их организации. Никакое воображение не обладает достаточной плодотворностью, чтобы представить себе состояние, в которое был бы ввергнут цивилизованный мир, если бы этот заговор, помимо его временного и кровавого триумфа во Франции, стал достаточно могущественным, чтобы диктовать правительства современных государств. Галликанские христиане на протяжении веков успешно сопротивлялись всем попыткам папства вмешаться в мирские дела Франции; и хотя они расходились во мнениях с протестантами по вопросам религиозной веры, эти две силы были объединены в противостоянии иезуитам из-за прямой враждебности последних к обоим. Каждый мог видеть, что приход общества во Францию, находящуюся под контролем и владычеством чуждой державы, был бы внесением тревожащего и враждебного элемента, который положил бы конец согласию и гармонии, которые тогда быстро возникали между двумя христианскими общинами. Этому иезуиты намеревались предотвратить любыми средствами, которые им удавалось применить; ибо с самого начала своего существования они выступали

против всего, что не могли подчинить. Поэтому они осознали важность того, чтобы монархическая власть была на их стороне — особенно когда они увидели, что ею обладает такая королева, как Екатерина Медичи, — чтобы, вступив с ней в сговор против галликанских христиан и протестантов, они могли уничтожить свободы первых и полностью подавить дух свободного исследования, провозглашаемый последними. Всегда имея перед собой эти цели, иезуиты считали их достаточными для оправдания любой формы интриги; и они были достаточно знакомы с качествами королевы, чтобы знать, что она обладала такой любовью к власти и способностью к заговорам, что они могли успешно играть на ее амбициях и предрассудках для достижения своих целей.

Нет ни одного интеллигентного читателя французской истории, который не был бы знаком с шагами, предпринятыми этой вероломной королевой-регентшей после допуска иезуитов в Париж, чтобы вызвать ужасную Варфоломеевскую резню — событие, настолько тесно связанное с другими, бесспорными авторами которого они были, что нужно закрыть глаза, чтобы не увидеть свидетельств, указывающих на их причастность к этой позорной операции. Им понадобилась такая кровавая работа, чтобы добиться господства над Францией; и хотя с тех пор их не раз с позором изгоняли с французской земли, они возвращались снова и снова, чтобы мучить ее народ, который при своей Республике все еще продолжает осознавать, как неустанно они трудятся для полного свержения всех форм народного правления.

СНОСКИ:

[53] Daurignac, Vol. I, стр. 36.

[54] Daurignac, Vol. I, стр. 103-104.

[55] Там же., стр. 104.

[56] Daurignac, Vol. I, стр. 105.

[57] Daurignac, Vol. I, стр. 105.

[58] Daurignac, Vol. I, стр. 106.

[59] Daurignac, Vol. I, стр. 107.

[60] Daurignac, Vol. I, стр. 108-109.

[61] Церковь во Франции. Автор: Джервис. Том I, стр. 146.

[62] Daurignac, Vol. I, стр. 111-112.

[63] Там же., стр. 114.

[64] Daurignac, Vol. I, стр. 177-178.

[65] Николини, стр. 177-178.

[66] Daurignac, Vol. I, стр. 110.

ГЛАВА VII.

ОБЩЕСТВО ВЪЕЗЖАЕТ В ГЕРМАНИЮ.

Утвердившись в Германии, иезуиты столкнулись с меньшими трудностями, чем в Испании, Португалии или Франции. Причиной этого могли быть расовые различия. Население, проживавшее на берегах Средиземного моря и Атлантики, произошло от ранних кельтов и легко перешло на латинизацию. Они приняли традиционную религию Рима; сравнительно мало знали о Библии, которая была для них запечатанной книгой; и получили свою христианскую веру только от римского духовенства. Ни в одном из их языков не было слова, обозначающего свободу в смысле права, вытекающего из закона природы. У них свобода выражала идею избирательного права, предоставляемого властью и подлежащего изъятию по своему усмотрению. Следовательно, они безоговорочно подчинились Риму и признали, что это согласуется с Божественной волей, согласно которой никакая иная религия, кроме римской, не должна признаваться или допускаться, и что сила может быть оправданно применена для подавления всех остальных, когда это будет сочтено необходимым. Следовательно, поначалу они были склонны сопротивляться иезуитам — или, по крайней мере, смотреть на них с подозрением — поскольку Лойола объявил главной причиной создания общества то, что древние монашеские ордена и духовенство своими пороками подвергли Церковь опасности. Это казалось еретическим, и поэтому поначалу они проявляли по отношению к нему и его последователям свою обычную нетерпимость. Они предпочитали старую систему, к которой привыкли, всему новому, что касалось Церкви или веры. Соответственно, мы обнаруживаем, что среди латинского населения влияние папы римского стало необходимым для принятия и учреждения общества иезуитов. Они подчинились только его авторитету, потому что считали неповиновение ему ересью.

С немцами было иначе. Как потомки древних германцев, они имели некоторые представления о естественной свободе и выразили стремление к народному правлению путем избрания своих королей. Священное Писание попало в их руки еще в четвертом веке, когда епископ Ульфила перевел Евангелия и часть Ветхого Завета на готский язык, тем самым сделав их доступными для людей и стимулировав желание читать и понимать их. Это создало чувство индивидуальности, которое вскоре стало более распространенным, чем где бы то ни было в Европе, что сделало немцев разумной и толерантной расой. Поэтому их терпимость к появлению иезуитов предотвратила любое народное волнение. К тому времени влияние Реформации значительно расширилось и произвело впечатление на умы большого числа немецкого народа. Утвердился протестантизм, и население разделилось на две религиозные партии — римско-католическую и протестантскую. Но эти партии, испытывавшие по отношению друг к другу старую тевтонскую либеральность и терпимость, жили вместе в совершенном мире и гармонии, каждая поддерживала свою собственную религиозную веру и богослужение без вмешательства другой. Среди протестантов также были разногласия — одни были последователями Лютера, а другие Кальвина. Но между католиками и протестантами не было религиозной розни. Согласно немецкому обычаю того периода, происходили серьезные споры о доктринах, но никакой суматохи — ничего, что могло бы нарушить покой общества. Преследования из-за религиозных различий были совершенно неизвестны; преследователь считался бы врагом общества. Истинный дух христианства восторжествовал — естественное следствие той же формы религиозной свободы, которая была обеспечена институтами Соединенных Штатов и которая могла бы сейчас существовать во всем христианском мире, если бы не пагубное влияние

иезуитизма. Венецианский посол, находившийся в то время в Германии, так описывает мирное положение немецких христиан:

"Одна сторона привыкла мириться с другой настолько хорошо, что в любом месте, где проживает смешанное население, практически не обращают внимания на то, является ли человек католиком или протестантом. Таким образом, перемешаны не только деревни, но даже семьи, и существуют даже дома, где дети принадлежат к одному вероисповеданию, в то время как родители - к другому, и где братья придерживаются противоположных вероисповеданий. Католики и протестанты, действительно, вступают в браки друг с другом, и никто не обращает на это никакого внимания и не возражает против этого".[67]

Немецкий автор, которому мы обязаны приведенным выше отрывком, говорит, кроме того, "Даже многие князья католической церкви в Германии пошли еще дальше и назначали людей, которые были убежденными протестантами, на должности при своих дворах в качестве советников, судей, магистратов или любых других должностей, которые это могли быть, без какого-либо противодействия". И это, добавляет он в примечании, "вовсе не были исключительные случаи".[68]

Несмотря на то, что Германия наслаждалась этим состоянием спокойствия и безмятежности под влиянием той религиозной терпимости, которая является естественным следствием всех учений Христа и полностью подтверждается его примером, это не доставляло ни удовольствия, ни удовлетворения церковным сторонникам папства в Риме. Они видели в этом угрозу разрушения папской системы и крушение своих честолюбивых надежд, если каким-либо образом не удастся полностью искоренить этот дух религиозной терпимости и либерализма. Они считали протестантизм и свободу, породившую его, еретическими, наихудшими и вопиющими нарушениями закона Божьего. Как положить конец этой свободе и уничтожить все ее плоды - вот практический вопрос, волновавший ум папы. Он был достаточно готов последовать примеру Иннокентия III в его обращении с альбигойцами, начав гонения в Германии и передав протестантов инквизиции, поскольку это соответствовало бы каноническому праву. Но на пути были трудности, которые нелегко было преодолеть. Инквизиция вряд ли могла продолжать свою смертоносную работу в Германии так же успешно, как среди латинских народов, приученных к послушанию. Немцы не были такими покладистыми. И, кроме того, влияние Реформации, под влиянием импульса, данного ей мужественным примером Лютера, достигло некоторых из самых могущественных князей Германии, которые встали бы прочной стеной защиты от всех подобных посягательств. Они не желали подчиняться папскому приказу, когда тот требовал, чтобы папским эмиссарам было позволено по своему усмотрению сжигать на кострах своих собственных подданных и опустошать их дома. Срок отлучения от церкви почти истек. Его так часто использовали для удовлетворения личных амбиций пап, а также в пустяковых и мирских целях, что он быстро приобрел дурную славу. Его влияние было настолько ослаблено, что оно в значительной степени утратило свою эффективность. Протестантские церкви не могли быть закрыты запретительными эдиктами. Попытка освободить немецкий народ от верности своим князьям была бы такой же безрезультатной, как приказ короля Канута, когда он приказал волнам океана отступить. Любая форма папского проклятия и анафемы была бы бесполезна.

Каким бы больным ни было сердце папы при мысли об этой перспективе, столь пагубной для его честолюбия, он не был доведен до полного отчаяния. Он не оставлял надежды вернуть

немецких князей к старой религии и использовать их в качестве светских помощников в таких мерах принуждения, которые будут сочтены необходимыми для приведения народа к повиновению. Он обнаружил, что старое церковное оружие несколько затупилось, и огляделся в поисках другого. Казалось, наконец-то удача улыбнулась папе, когда, оглядевшись вокруг, он остановил свой взгляд на иезуитах — недавно завербованном "ополчении Церкви", — которые, не испытывая ни чувства гордости, ни стыда, были приучены к беспрекословному повиновению, не останавливаясь, чтобы поинтересоваться, хороша или плоха работа, которую от них требуют, благородна или неблагородна. Призванные папой, вероятно, по предложению самого Лойолы, иезуиты были так же готовы повиноваться, как последний был готов приказывать, вплоть до заговора против мира в Германии или любой другой стране, где были возведены барьеры для защиты общества от агрессии. Но метод процедуры отнюдь не был ясен. Каким бы храбрым ни был Лойола, он не мог рискнуть послать свою маленькую армию в Германию с открытой демонстрацией инструментов преследования в их руках. Они не могли выступить в качестве открытых защитников папских догматов, поскольку не могли говорить или понимать немецкий язык. Если бы они даже были в состоянии заявить о своих взглядах и целях, они не смогли бы противостоять сильному негодованию и пламенному красноречию учеников Лютера и Кальвина. Случай, таким образом, потребовал от Лойолы проявления его острой проницательности — той удивительной проницательности, которая никогда не покидала его и которую после своей смерти он сумел передать своему преемнику. Порядок процедуры, который он в конце концов избрал, наводит на серьезные размышления, особенно для народа Соединенных Штатов.

Если верно, что "история повторяется" и что нации, движущиеся по определенным циклам, следуют друг за другом в своих курсах, воспоминание о том факте, что многие из них, некогда процветавшие, прекратили свое существование, побуждает нас с особой осторожностью исследовать отношения, которые те же самые иезуиты установили между собой и нашими учреждениями. Они не изменились, но по-прежнему являются страстными и мстительными последователями Лойолы, и нам полезно знать, нет ли свидетельств того, что, если им будет позволено, они могут повторить здесь то, что их общество по приказу своего основателя пыталось сделать в Германии под предлогом того, что Бог назначил их для организации заговора против любой свободной и не зависимой нации, которую они не смогли бы подчинить иным способом. Народ Соединенных Штатов тратит свое время на поиск тысячи объектов и на расследование тысячи вопросов, которые и на тысячную долю не так важны для него, как этот.

Военные уже давно привыкли резервировать саперов и минеров в качестве помощников в чрезвычайных ситуациях войны. Они всегда нападают под прикрытием, приближаясь медленно и скрытно, как тигр или кошка. Они не рискуют ввязываться в настоящий конфликт и никогда не подставляют себя под свинцовый град битвы. Когда стены крепости не могут быть разрушены прямым штурмом, они тайно подрывают их; и когда фитиль поджигается, обойма взрывается, а мертвецы разбегаются во все стороны, они возвращаются в свои укрытия невредимыми, чтобы разделить награду за победу.

Лойола был умелым и отважным солдатом, прекрасно знакомым со всеми планами и стратегиями войны. При организации своего общества он использовал свои знания как о мотивах людей, так и о передвижениях армий. Поэтому, когда он представил папе предложенные им методы действий, он принял меры предосторожности, чтобы убедить его в их важности и необходимости, заявив, что как их глава он должен рассматривать себя

"как представителя Христа, главнокомандующего небесным воинством" и как участвующего в "военном служении Христу" с армией, связанной торжественными клятвами беспрекословно повиноваться ему "во всех частностях и на все случаи жизни".^[69] Следовательно, также, говоря о своем обществе, он сказал: "Мы должны быть всегда готовы выступить против врага и быть всегда готовы преследовать его или напасть на него, и по этой причине мы не должны рисковать привязывать себя к какому—либо определенному месту";^[70] это означает, что иезуиты должны тайно бродить по всему миру, не имея жилья и не подчиняясь какой—либо противостоящей власти, "преследовать" протестантов, где бы они ни находились, - как флибустьеры в море, - не оставляя за собой следов.

"Главной задачей" иезуитов, по словам Грейзингера, было добиться единственного направления образования, чтобы, передав молодежь в свои руки, они могли формировать ее по своему собственному образцу и, удерживая их на низком уровне пассивного и "не требующего повиновения", подготовить их к тому, чтобы они стали послушными рабами монархической и папской власти. Никому не нужно объяснять впечатляющий характер юношеского ума или то, как наложенный на него отпечаток становится неизгладимым. Лойола понимал это и, осознавая невозможность остановить прогрессивное развитие Германии под протестантским влиянием или искоренить дух терпимости, царивший там как среди протестантов, так и среди римских католиков, любыми обычными методами папского принуждения, он коварно спланировал план возвращения Германии в подчинение папе посредством иезуитского обучения в немецких школах. Процесс был медленным, это правда, но ставка была велика; и никто лучше него не мог знать, насколько уверенно можно было бы выиграть, если бы умы молодежи были стеснены и затуманены учением иезуитов.

В иезуитских семинариях и школах в указанный здесь период преподавались латинский язык, являющийся языком Церкви, грамматика и риторика в качестве подготовки к курсу колледжа, который в последний раз ограничивался философией и теологией. Последнее считалось наиболее важным, потому что его кульминацией было подчинение папской власти, и в центре его была идея о том, что невозможно достичь небес никакими другими методами, кроме тех, которые предписаны Римской церковью. Конечно, по мнению иезуитов, никакое образование не могло быть доведено до совершенства, если бы оно не соответствовало их собственным стандартам, требуя от учеников передать свою мужественность на попечение вышестоящих, как они поступали сами, и таким образом стать частями человеческого механизма, которыми можно управлять по воле и удовольствию тех, кого их учили считать наместниками Бога на земле. Независимо от того, где существовали или все еще существуют иезуитские колледжи или школы, это всегда было первичной и главной целью предоставляемого ими образования. Когда дело не доходит до этого, это провал; но когда эта цель достигнута, общество с ликованием добавляет своих свежих рекрутов в папское ополчение, которое будет направлено против протестантизма, просвещения и народного правительства под командованием командиров, которые никогда не потерпят неповиновения.

Папа Юлий III — преемник Павла III — в поддержку заговора против Германии расширил привилегии, первоначально предоставленные иезуитам, и, по предложению Лойолы, уполномочил его основать немецкий колледж (*Collegium Germanicum*) в Риме. Целью этого было не обучение немецкому языку испанских, французских и итальянских учеников, получавших в то время образование в Риме в *Римском коллегииуме*, а привлечение немецкой молодежи к обучению там под эгидой иезуитов и покровительством папы римского, чтобы по возвращении

домой они распространяли среди людей иезуитские мнения и влияния и, таким образом, остановили прогресс протестантизма и положили конец религиозной терпимости, преобладающей среди немцев-протестантов и римско-католиков. Во исполнение этой цели были немедленно предприняты шаги по закупке из Германии нескольких молодых людей, которых следовало доставить в Рим и обучить церковному подчинению своих соотечественников. В том, что такова была единственная цель, не усомнится ни один разумный исследователь фактов. Германия была хорошо обеспечена колледжами и школами, где уровень образования был выше, чем в Риме; но они находились под протестантским управлением и контролем и поэтому считались еретическими. Это была отвратительная форма ереси, воплощенная в протестантизме, которую Лойола и его последователи поклялись истреблять, и этих молодых немцев привезли в Рим, чтобы они могли быть дисциплинированы и образованы для этой цели — подрывать институты своей собственной страны! Меняли ли когда-нибудь иезуиты свою цель, сделав искоренение протестантизма ведущей и центральной чертой своей системы образования? Отказались ли они от какого-либо из методов, использованных самим Лойолой для этой цели? Мы увидим по мере продолжения нашего расследования.

Но учреждение иезуитского колледжа в Риме было не единственным использованным средством, поскольку считалось необходимым принять более срочные и активные меры. Поэтому, пока этому предстояло принести свои плоды в более поздний период, иезуиты послали в Германию некоторых из своих благоразумных и проницательных членов, которые, по их мнению, могли оказывать влияние на князей, чтобы через них можно было охватить все немецкое население. Эти князья были признанными представителями монархизма, и считалось, что если их удастся убедить принять эмиссаров-иезуитов в качестве своих союзников, то обычные методы папского принуждения можно будет применять безнаказанно. Иезуиты мудро рассчитали это и получили возможность основать несколько колледжей в Германии и, в конечном счете, начать открытую и прямую войну против протестантизма. Они не призывали на помощь разум. Они не приглашали и не допускали спокойной дискуссии с учеными протестантскими богословами, но полностью полагались на объединенный авторитет папы и князей, то есть на монархическую власть. Обнаружив, что лютеране и кальвинисты разделились по богословским вопросам, они воспользовались любой возможностью, чтобы спровоцировать их на взаимную вражду, настаивая, как они продолжали делать с тех пор, что может быть только одна истинная форма христианской веры, которую каждый человек обязан принять, иначе это оскорбит Бога. Казалось бы, нечувствительные к тому факту, что Творец создал умы людей такими же разными, как их лица и черты, они были достаточно проницательны, чтобы знать, что различия во мнениях по религиозным, как и по всем другим предметам, могут быть предотвращены только силой и принуждением. Поэтому, чтобы добиться единообразия веры и искоренить протестантизм, они убедили некоторых князей, особенно баварских, поверить, что принцип монархии находится под угрозой и будет полностью разрушен, если влияние Реформации не будет уничтожено. То, что таков был и остается естественный эффект этих влияний, верно; и поэтому, поскольку эти князья могли легко увидеть, что, если бы в Германии были созданы народные институты, их княжеские занятия оказались бы под угрозой, они стали добровольными орудиями иезуитов. Герцог Баварский был одним из самых покорных, поскольку больше всего желал стать преследователем. Он получил образование у иезуитов и, следовательно, вскоре был вынужден проявить "предельную серьезность" в принятии мер по уничтожению всех влияний Реформации и прекращению протестантизма.^[71] Он был полон решимости, по словам Николини, "не оставлять и следа тех

новых доктрин, которые в течение последних сорока лет так быстро распространялись в его королевстве". Ни он, ни иезуиты ни в малейшей степени не скрывали того факта, что все их усилия были направлены к единственной цели - воспрепятствовать свободе религиозных убеждений. Его первым шагом к достижению этой цели было требование, чтобы Исповедание веры, предписанное Тридентским собором, было подписано и соблюдалось; то есть протестанты должны были отказаться от религии, которую одобряла их совесть, и принять то, что их совесть не одобряла. Чтобы привести народ к повиновению и принудить к этому, "он разослал по всем провинциям толпы иезуитов в сопровождении отрядов кавалерии, штыки которых приходили на помощь проповедникам, когда их красноречие оказывалось безуспешным в обращении еретиков", то есть протестантов. Те, кто не был покорен, были изгнаны из своих поместий. Запрещенные книги были изъяты и сожжены. Все древние обычаи были возрождены. И "прежде всего, — говорит Ранке, - поощрялись иезуитские институты; ибо с их помощью молодежь Баварии должна была воспитываться в духе строгой ортодоксии", что означало тогда то, что у иезуитов это означает до сих пор, противодействие свободе вероисповедания.

Какое-то время Фердинанд I и Максимилиан сдерживали иезуитов в Австрии; но во время правления Рудольфа II они стали смелее и требовательнее. Провинциал общества приобрел большое влияние на Рудольфа и настойчиво требовал, чтобы он искоренял ересь в своих владениях. Наконец ему удалось побудить Рудольфа начать всеобщее преследование лютеран, и "величайшее зверство и предельная строгость были проявлены в уничтожении всех следов протестантизма". Работа по искоренению началась в городах. "Реформированное духовенство было изгнано, и их места заняли католические священники". Была предписана религиозная формула, которая требовала всеобщего согласия с доктриной, "что истинно все, что Римская церковь установила в качестве правила жизни и доктрины", и что "папа является главой единой Апостольской Церкви". Протестанты были изгнаны со всех государственных постов. Бюргерами могли стать только паписты. Докторские степени в университетах присваивались только тем, кто придерживался римского исповедания веры. В иезуитских школах действовали правила, "которые предписывали католические формулы, посты, богослужения в соответствии с католическим ритуалом", и всех учеников обучали иезуитскому катехизису. Все протестантские книги были изъяты из книготорговых лавок, а все, что было найдено на таможне, конфисковано. И историк, подводя итог всему этому, говорит: "По всей Германии были применены одни и те же методы, и везде мы находим иезуитов первыми в реакции. Не было ни одного епископа, ни одного принца, который, отправляясь с визитом в провинцию по религиозным делам, не приводил бы с собой отряд иезуитов, которые после его отъезда часто оставались там с почти неограниченными полномочиями".^[72]

Задача ознакомления с историей тех времен сложна; но ее выполнение с лихвой вознаградит внимательного и вдумчивого изучающего, поскольку события, которые тогда произошли, существенно повлияли на последующее состояние мира. Особенно они повлияли на то течение событий, которое заставило наиболее просвещенные нации двигаться в сторону религиозной свободы и народного правления, двух великих и неразделимых факторов современного прогресса. В рассматриваемый здесь период истинно христианская цивилизация, вдохновленная милосердием и мягкостью, проявленными в жизни Христа, казалось, какое-то время балансировала на волоске. Борьба за господство между светом Реформации и тьмой Средневековья была долгой и ожесточенной, а иногда и сомнительной. Нельзя не видеть, что дух свободы был настолько подавлен монархизмом Церкви и государства, что потребовался

перст Провидения, указывающий путь к возрождению первоначального христианства и восстановлению его благотворного влияния на совесть и жизнь огромного множества людей, которые долгое время находились в подчиненном положении. Ученик найдет конфликт поучительным на каждом этапе. Это выявит вероломство там, где должны были быть доверие и честные отношения, позорное предательство дела истины и справедливости и бессердечные жертвы многих тысяч безобидных людей. Это покажет, как папы и короли объединяют свою власть в борьбе с угнетением и несправедливостью и бесстыдно практикуют пороки, одинаково осуждаемые законами Бога и человека. Появится много выдающихся фигур в истории, среди них великий император Карл V. Мы увидим, как он добивается имперского господства над народом, которого он не знал, и на языке которого он не мог ни говорить, ни понимать; однажды поссорился с папой и угрожал свергнуть его трон, а на следующий день примирился, чтобы укрепить монархизм; посылает дикие орды вооруженных людей, чтобы кровью и убийствами подавить дух религиозной свободы в его родных Нидерландах; обещает защиту немецким протестантам, чтобы заручиться их помощью в его войне против турок, а затем предаёт их и преследует за ересь; на время объединяется с папой против короля Нидерландов. Франция, а затем с королем Франции против папы римского; вынудил папу созвать Генеральный собор и сделал вид, что своим знаменитым *"Временным сроком"* предоставляет какие-то призрачные права протестантам, чтобы в конечном итоге их можно было вынудить принять веру, как должен был постановить Собор; и, наконец, когда его успехи обернулись невзгодами, а его извилистая политика привела его к разочарованию, он отрекся от королевской власти, удалился в монастырь и доверил позорную работу по преследованию протестантов и опустошению своей родной земли хладнокровному отцу. и сын-убийца. Затем, когда сцена сменится, появится Филипп II со своим наместником, герцогом Альва, и его кровожадной командой, звуки чьих воинственных горнов заглушались пронзительными криками их протестантских жертв. Тогда также можно будет увидеть, проходя мимо в панорамном виде, всю землю Нидерландов, залитую кровью невинных и преследуемых протестантов; испанскую и итальянскую инквизиции, выполняющую свою ужасную работу с такой интенсивностью, что ее механизм никогда не останавливался; Францию, трепещущую на пороге гибели, и ее королей и королев, вступающих в союз с гугенотами, который будет немедленно и вероломно нарушен; и Германию, раздираемую на фракции разногласиями между князьями и народом, порожденными интригами иезуитов, предлагающую заманчивое поле для эмиссаров папства, в котором они будут участвовать. узурпированная и незаконная власть могла бы упиваться, в то время как *"священное ополчение"* Лойолы радовалось триумфу, одержанному ими над протестантизмом и свободной религиозной мыслью.

На протяжении всего этого развития событий иезуиты неизменно проявляли одинаковое безразличие к ранам, которые они нанесли Церкви, и к агонии своих бесчисленных жертв. Как исповедники и доверенные лица королей, они прилагали неустанные усилия, чтобы окутать мир покровом монархизма. Они занимали государственные посты и формировали светскую политику пап и королей. Они перемещали монархов справа налево, вперед или назад, как дети забавляются игрушками. Они променяли смиренное поклонение алтарю на блеск дворов, как будто Христос в своей жизни подавал пример честолубия. Они зачисляли суверенов и принцев в ряды своих защитников и с их помощью низвергали протестантских проповедников с их кафедр, протестантских профессоров и учителей из их колледжей и школ, а также протестантский народ в глубочайшие глубины унижения с помощью таких мер принуждения и репрессий, которые, должно быть, требовали изобретательных способностей демонов. Все это

происходило в Европе во время ужасного конфликта между протестантизмом и реакцией. Но ни в какой другой части Континентальных государств разница между противоборствующими силами не была обозначена более отчетливо, чем в Германии, после того как иезуиты посредством своего контроля над образованием получили возможность сдерживать прогресс народного просвещения и снова загонять нацию в старые колеи невежества и суеверий.

С момента первого вступления иезуитов в Германию мир в стране был серьезно нарушен. Мы видели, как основательно примирились друг с другом представители всех оттенков религиозной веры. Члены Римской церкви и протестанты были в совершенном согласии по всем вопросам, касающимся благосостояния Германии, и ни один из них не интересовался религиозными взглядами другого. В этом отношении все было так, как должно было быть, и еще должно быть во всем христианском мире. И это обеспечивало счастье и прогрессивное процветание Германии, пока не пришел разрушитель в форме иезуитизма, не как носителя посланий мира и доброй воли из Рима, а как огромного потомства зла, которое, как предполагалось, в эпоху басен вырвалось наружу, когда был разбит сосуд Пандоры. Они выпускали их на свободу без стыда и угрызений совести, пока общество не содрогнулось от центра до периферии, мирные дома не были опустошены, сердца, которые прежде радовались, не были разбиты, — и все это под непочтительным предлогом, что это было для "вящей славы Божьей!"

Давайте не будем забывать, что Германия была обязана протестантизму своим состоянием мира и процветания. Мы видели, что деморализованное состояние духовенства использовалось Лойолой для оправдания папского одобрения своего общества, и ученый историк-иезуит аббат Мейнард вынужден признать, что, когда Лютер дал первый импульс Реформации, "духовенство Германии являло собой печальный пример развращенной веры и ослабленной морали". Он называет это "скорбным периодом",^[73] несмотря на то, что в течение тысячи лет это и другие пороки росли и распространялись под покровительством Рима. Затем папство диктовало христианство Германии. Обратите внимание на разницу, когда Лютер, Меланхтон, Буцер и Карлштадт объявили о необходимости реформ и привели в движение шар Реформации. Великий Ранке, беспристрастность которого превзошла похвалу даже иезуитов, говоря о влиянии, произведенном Реформацией в Германии, говорит:

Короче говоря, с запада на восток и с севера на юг, по всей Германии, протестантизм, несомненно, имел преобладание. Знать была привязана к нему с самого начала; группа государственных чиновников, уже в те дни многочисленных и важных, была обучена новому учению; простые люди больше не хотели слышать об определенных статьях — таких, например, как чистилище — или об определенных церемониях, таких как паломничество; ни один человек не осмеливался выступать со святыми реликвиями. Венецианский посол подсчитал в 1558 году, что лишь десятая часть жителей Германии все еще придерживалась древней веры".^[74]

Мейнард также относится к этому одобрительно, а иезуиты превращают это в предмет хвастовства, чтобы подкрепить свои претензии на высшие заслуги в том, что они искоренили так много протестантской ереси и вернули такое множество людей к повиновению папе. Девять протестантов на одного паписта! Таким образом, Германия была протестантской нацией, управляемой протестантскими властями по протестантским законам, терпимой ко всем, кто придерживается древней веры, не допускающей вмешательства в свободу религиозных убеждений, счастливой, процветающей и свободной в рамках своих собственных институтов. В

этом отношении она находилась в том же положении, в каком сегодня находятся Соединенные Штаты, насколько это было возможно в отсутствие письменных конституционных гарантий.

Какой народ на земле, кроме самих немцев, имел законное право, согласно закону наций или любому другому человеческому праву, вмешиваться в их положение или устраивать заговоры, открытые или тайные, против их независимости? Однако какое отношение все это имело к папе римскому или к иезуитам? Откуда они взяли полномочия организовать заговор *в Риме* с целью вторгнуться в Германию, свергнуть ее существующие институты, сковать конечности ее народа оковами, которые они уже разорвали, собрать ржавое железо, которое они выбросили, и перековать его в кандалы, чтобы держать их в повиновении чужой и иноземной власти? Был ли этот заговор предписан законом Божьим? Если да, то как изменился этот закон? Если не изменяться, а все Божьи законы неизменны, не могут ли современные иезуиты вступить в новые заговоры с целью ниспровергнуть существующие институты Германии, или Великобритании, или Соединенных Штатов, или любой другой нации, которая поддерживает принципы протестантизма и свободу совести?

Эти вопросы требуют самого серьезного обдумывания и полны соображений, от которых нам не разрешается отказываться. Прежде чем этот том будет завершен, ответы на все из них могут быть настолько очевидны, что позволят друзьям свободной мысли и народного правительства увидеть, в чем заключается их самая большая опасность. "Иезуиты, - говорит Ранке, - победили немцев на их собственной земле, в самом их доме, и отняли у них часть их родной земли". Не будут ли у них впереди другие завоевания, пока свобода совести защищена и гарантирована протестантскими институтами?

СНОСКИ:

[67] История иезуитов. Грейзингер. Страница 212.

[68] Там же., стр. 213, примечание.

[69] Грейзингер, стр. 48 и др.

[70] Там же., стр. 63.

[71] История пап. Ранке. Книга V, стр. 172 и др. Издание Леа и Бланшара. Nicolini, p. 199. Грейзингер, стр. 211 и др. История Германии. Льюис. Глава XVII, стр. 398 и т.д.

[72] Николини, стр. 201-202. Об этих подробностях см. Также Ранке, Гризингера, Штайнмеца и Льюиса.

[73] Исследования и поучения иезуитов. М. Аббат Мейнард. Страница 89.

[74] Ранке, книга V, стр. 165.

ИЕЗУИТЫ В АНГЛИИ.

Заговор с целью свержения протестантских институтов Германии создал прецедент в отношениях с другими правительствами. Это против Англии характеризовалось некоторыми особенностями, поскольку она находилась под духовным владычеством папы римского до правления Генриха VIII, а затем под властью Марии. Поскольку в истории нет примеров, когда народ отказывался от контроля над своими институтами без борьбы, если только предварительно не был доведен до абсолютного идиотизма, открытие и развитие этого заговора дает множество "наглядных уроков", представляющих особый интерес для всех в Соединенных Штатах, кто с добротой помнит борьбу наших английских предков за свободу.

Когда Генрих VIII поссорился с папой римским, речь шла только о его разводе. Религия здесь ни при чем. Он придерживался догм Римско-католической церкви до самой своей смерти. Но чтобы дать волю своим страстям, он добился, чтобы покорный парламент признал его занявшим место папы римского в религиозных делах Англии — однако не как главу Национальной церкви, которая как таковая не существовала до последующего правления Эдуарда VI. Как и между ним и папой, спор шел об авторитете, а не о доктрине. Это вызвало сильный гнев в умах обоих, и вскоре это передалось их соответствующим приверженцам. Каждый из них был знаком с методами преследования и орудиями принуждения, издавна применявшимися для достижения единства веры, и они были одинаково готовы применить их. Однако между ними были различия, достойные внимания. Наивысшим стремлением Генриха было управлять Англией; папа стремился к духовному правлению миром. Папа римский, без санкции и авторитета Церкви, претендовал на личную непогрешимость; Генрих этого не делал. Следовательно, они были грозными антагонистами. Воспитанные в рамках одного и того же круга событий, с умами, дисциплинированными одними и теми же доктринальными установками, и полностью согласные в применении принуждения в вопросах веры, каждый относился к другому просто как к конкуренту за власть.

Папа римский — Павел III - пытался примирить своего королевского антагониста путем отлучения от церкви; но Генрих пренебрег этим и сопровождалшими его анафемами. По мере того как страсти папы усиливались из-за сопротивления его духовному авторитету, меры, направленные на то, чтобы привести Англию к повиновению, становились все более жестокими. Генрих был объявлен предателем небес и Церкви и ему пригрозили всеми последствиями, вытекающими из этого доноса. Папа пытался побудить императоров Франции Карла V и Франциска I вторгнуться в Англию, завоевать страну и снова привести ее к повиновению ему; но эти монархи опасались последствий и благоразумно отказались от этого предприятия. Разочарованный этим, папа поспешил обратиться за помощью к Лойоле, который без промедления отправил иезуитов в Англию в качестве шпионов для тайного заговора против Генриха. Эти эмиссары были конфиденциально проинструктированы самим Лойолой; и поскольку эти инструкции стали известны и приняты иезуитами, они служат для того, чтобы показать, какое применение Лойола намеревался использовать своему обществу. Философия истории часто остается непонятой, упуская из виду силу таких свидетельств, как это.

После консультации их на практике большую осмотрительность и осторожность в разговорах с окружающими, так как, чтобы раскрыть "глубину своих чувств", — то есть, чтобы извлечь их тайные мысли — Лойола продолжал наставлять их в том, что, "для того, чтобы расположить к себе доброго мужчин в желании расширить Царство Божье, вы *чувствуйте себя всем для всех*

мужчин, по примеру апостола, чтобы получить их к Иисусу Христу." И далее он говорит им, что "когда дьявол нападает на праведного человека, он не позволяет ему увидеть свои сети" — поэтому они должны подражать ему, чтобы заманивать людей в иезуитские сети!^[75] Взятые в целом, эти инструкции явно были разработаны таким образом, чтобы обучить всех иезуитов, сделать их, по словам Николини, "хитрыми, вкрадчивыми, лживыми". Кретино, иезуит, пытается доказать, продолжает Николини, что они имели в виду религиозные, а не политические вопросы, и это единственная защита, которую он им предлагает. Но это само по себе является иезуитским, поскольку эти эмиссары были направлены в Англию с миссией, связанной с политико-религиозными делами, то есть с политикой, установленной правительством Англии в отношении отношений между ней и папой римским. Правильно это или нет, но английский народ установил эти отношения для себя, на что имел несомненное право, и никакая иностранная держава, будь то папа римский или любой другой монарх, не могла по праву вмешиваться в них.

Эти эмиссары Лойолы и папы римского посетили Ирландию и Шотландию; но, за исключением интриги с Яковом V Шотландским, их миссия оказалась безрезультатной, и они вернулись в Рим. Генриха они всерьез не беспокоили. Не было и никаких других попыток ввести иезуитов в Англию до смерти королевы Марии, чьи преследования протестантов были достаточно удовлетворительными для папства без их помощи. Их введению во время ее правления воспротивился и потерпел поражение кардинал Поул, англичанин; но был ли он настроен к ним враждебно или считал существующую систему преследований достаточно совершенной и без них, неясно.

Таким образом, мы переходим к разделу английской истории, особенно интересному и поучительному для всех, кто восхищается гражданскими институтами Соединенных Штатов; ибо они мало что смыслят в изучении истории и не знают, как события того периода придали устойчивость принципам, которые сейчас составляют фундаментальные элементы нашего национального устройства. Проследившая нашу родословную до ее английского истока, так же легко увидеть нашу тесную связь с елизаветинской эпохой, как проследить за маленькими ручейками в долинах или в горах, ведущими к морю. По этой причине необходимы некоторые особые детали, или же некоторые вопросы, представляющие исторический интерес и обычно не рассматриваемые, могут быть опущены.

Во время правления Елизаветы Петровны папские власти возобновили свои усилия по пресечению протестантизма в Англии и послали туда с этой целью еще больше иезуитов. "Эти сателлиты папы, - говорит историк, - проникли в страну под вымышленными именами и так же незаметно, как ночные разбойники, лживые в каждом произносимом ими слове и подстрекающие народ к восстанию против "нечестивой" королевы".^[76] Бдительность Елизаветы, однако, была такого характера, что ее нелегко было застать врасплох, и их заговоры против нее оказались менее эффективными, чем они и папа ожидали. Соответственно, другие иезуиты были отправлены в Шотландию, чтобы ободрить королеву Марию и сохранить ее непоколебимой в вере; но они потерпели неудачу в попытке поднять там восстание и, опасаясь разоблачения и ареста, бежали из страны как скрывающиеся от правосудия. Тем не менее, они добились одного: увезли с собой нескольких молодых английских дворян для получения образования у иезуитов во Фландрии, чтобы подготовить их к измене собственной стране, повторив в этом эксперимент— проведенный Лойолой в Германии. Все эти движения, хотя и не повлекшие за собой немедленно каких-либо прямых последствий, как правило, показывают,

насколько иезуиты были готовы вести тайную и подстрекательскую войну против чего бы то ни было или любой страны, на которой лежало папское проклятие. И они показывают, более того, свои тонкие методы ведения дел — как они были обучены ловкости и хитрости, чтобы легче вводить в заблуждение других; как они возвели лицемерие и обман в ранг добродетели; как они пытались приписать лжи достоинство, присущее только правде; и как, чтобы быть "всеми для всех людей", от них требовалось быть тем, кем они не были, или не быть тем, кем они были, чтобы с помощью обмана добиться подчинения Англии власти папы.

Иезуиты пытались стать воспитателями английской молодежи, как они это делали в Германии. Они понимали и до сих пор не забыли ценность этого. Поэтому папа основал английский колледж в Риме для обучения молодых англичан с предательской целью разрушения английских институтов. Лойола задумал эту идею как тайный и стратегический метод свержения несносных правительств, а папа принял ее как эффективный план заговора. Этот колледж стал рассадником государственной измены. Молодых людей, несомненно, проинструктировали, что врата рая не будут открыты для них никаким другим способом, и что страна и патриотизм — ничего не значащие фразы, не имеющие значения, когда их взвешивают на весах против интересов папства и иезуитов. Никто лучше них не понял, "что тот, кто руководит молодежью, управляет судьбами человека".

Молодые англичане, воспитанные в этом колледже в Риме в духе ненависти к своей стране и ее суверену, достигли высшей ступени университетской культуры, когда осознали это как центральную черту религиозной веры. Требуется особая тренировка, чтобы полностью вытравить из сознания все нежные и святые воспоминания о доме и родине, о семье и друзьях; и никто другой в мире, кроме иезуитов, никогда не брался за это. Они хвастаются этим как одним из выдающихся принципов своей системы и отличительным достоинством своего общества. С его помощью они преуспели в Риме и отправили обратно в Англию группу заговорщиков, на которых была возложена особая обязанность одержать победу над правительством, вырвать с корнем протестантизм и восстановить папский скипетр, который Генрих VIII сломал в погоне за своими незаконными любовными похождениями.

Елизавета, как королева, была большим препятствием на пути к успеху папы. Ее положение было своеобразным. В начале своего правления она была терпима к своим подданным-римско-католикам, и им было разрешено беспрепятственно пользоваться своей религией и способом богослужения, несмотря на строгость, применявшуюся к протестантам во время предыдущего правления Марии. Все историки сходятся во мнении, и римский католик Лингард достаточно откровенен, чтобы признать, что она сохранила в своем королевском совете одиннадцать человек из тех, кто служил при Марии, и назначила только восьмерых по собственному выбору — экстраординарный пример беспристрастности и консерватизма. Она предпочитала реформатскую религию, но "ухитрилась, - говорит Лингард, - *уравновесить надежды и страхи двух сторон*", [77] что она, должно быть, сделала из честных побуждений добиться того, чтобы справедливость была проявлена к обоим, и чтобы религиозная рознь прекратилась. Ее неудача в достижении этой наиболее желанной цели не может быть объяснена ни какой другой причиной, кроме махинаций иезуитов; ибо, что бы ни думали о последовавшей ожесточенной полемике, неоспоримы доказательства того, что папа больше всего на них полагался в последующем начале и продолжении гражданской войны в Англии. Если бы их особым призванием не было участвовать в заговорах против всех правительств и народов, отвергавших абсолютную власть папы Римского в доктрине и морали, и если бы они не принимали активного

участия в этой работе во время правления Елизаветы, память о кровавом и преследующем правлении Марии могла бы в значительной степени быть стерта, и эта беспристрастная политика Елизаветы могла бы побудить христиан различных религиозных конфессий жить в мире и взаимной терпимости, как это было в Германии до того, как на эту страну пало проклятие иезуитизма. Но, наученные иезуитами не просто подчиняться равенству, но требовать абсолютного и безоговорочного превосходства и господства путем полного подавления протестантизма, английские католики поощрялись к созданию лиг, комбинаций и заговоров против королевы, протестантизма и правительства.

При таких обстоятельствах Элизабет не смогла бы сопротивляться, даже если бы захотела. Поступить так было бы предательством по отношению к стране, законным сувереном которой она была. Мало того, что она была ущемлена во всех своих правах как королева, но и папа, приняв взгляды и убеждения иезуитов, дерзко попытался оправдать сопротивление ее власти на том основании, что она была незаконной дочерью Генриха VIII от Анны Болейн и, следовательно, не имела справедливого права требовать подчинения ее власти. Он пошел еще дальше и заявил о своей юрисдикции над ее совестью, приказав ей принять "причастие Римской церкви", от чего она с королевским достоинством отказалась. Он потребовал, чтобы она отправила послов в Тридентский собор, и это она также отказалась сделать. Когда она заключила в тюрьму Марию, королеву Шотландии, он узурпировал юрисдикцию над этим делом, хотя Мария была английской подданной, и обязался добиться ее освобождения только по той причине, что она предпочитала католицизм протестантизму. Он обратился за помощью к королям Франции и Испании, чтобы развязать войну против Англии во имя религии, освободить Марию, свергнуть Елизавету и завладеть ее короной. Потерпев неудачу во всех этих делах и будучи сбит с толку Елизаветой, он возбудил судебное преследование в Риме, чтобы оспорить "в папском суде" ее право на корону — обман и фарс, столь же неэффективный, сколь нелепый и дискредитирующий. Трудно представить себе более самонадеянное и бессильное разбирательство, но оно поучительно, поскольку показывает притязания пап того периода.

В обвинительном заключении папы Елизавету обвиняли, среди прочего, в том, что она отвергла древнее и поддержала новое богослужение; в том, что она "приняла причастие на манер еретиков"; в том, что она "избрала известных еретиков в лорды своего совета"; и в том, что она "принесла клятву, умаляющую права Святого Престола". Королева, конечно, не явилась; но, тем не менее, она была признана виновной, и судебный процесс проводился в папской форме. Двенадцать английских католиков, которые представлены как "изгнанники за свою религию", были допрошены в качестве свидетелей, и после того, как их показания были заслушаны и рассмотрены, "судьи высказали свое мнение, что она понесла каноническое наказание за ересь". Главным из них, в который входили все несовершеннолетние, была конфискация ее короны, то есть фактическое свержение с престола. Следует предположить, что в постановлении Римской курии все это было зафиксировано в торжественной форме. Но это постановление, как и постановления других судов, не было приведено в исполнение само собой. Поэтому папа обеспечил его исполнение, издав свою папскую буллу со всей необходимой серьезностью и хладнокровием, в которой он объявил Елизавету виновной в ереси, лишил ее "мнимого" права на корону Англии и освободил ее подданных от всякой верности ей.[78]

Несмотря на длительный период, отделяющий те времена от нынешних, мы не освобождены от обязанности и необходимости полностью понимать, под каким предлогом власти Пий V

присвоил себе исключительное право сорвать с головы английской королевы корону, возложенную на нее английским народом с практическим, если не абсолютным, единодушием. Недостаточно сказать, что все это происходило в другую эпоху и при обстоятельствах, характерных для этой эпохи. Это может в достаточной степени объяснить поведение отдельных людей, а также характер и структуру правительств, все из которых когда-либо были и будут подвержены изменениям. Но законы Бога, основанные на божественной мудрости, не подвержены этим изменениям. Только творческая сила Божества может изменить их. Паписты и иезуиты особенно гордятся тем, что система законов, которая управляет папством, имеет на себе печать Божественного одобрения, и что, следовательно, она всегда была и остается неизменной — "*Semper eadem*", - вот их девиз. Следовательно, для нас важно знать природу и масштабы духовной власти, утвержденной Пием V над английским правительством и народом, чтобы установить, не могут ли те же самые папские полномочия, если параллельный случай имел место сегодня или может иметь место в будущем, быть повторно применены, если они будут иметь место в будущем. Вопрос, который больше всего беспокоит нас, заключается не в том, могут они быть утверждены или нет, а в том, были ли они воплощены в Каноническом праве Римской церкви и были ли они, таким образом, отмечены бессрочным характером. Никакие специальные доводы, какими бы искусными они ни были, не могут решить проблему иначе.

Вопрос, рассмотренный и решенный в Риме Папской курией, поскольку он касался права на английскую корону, был исключительно политическим, и папа не мог по праву изменить его характер, предполагая, что он находится в пределах его духовной юрисдикции в силу универсальности его духовных полномочий. Это был английский, а не римский вопрос. По существующим законам Англии Елизавета была законной наследницей престола и владела короной. Такое решение было принято парламентом и ратифицировано народом с почти небывалым в те времена единодушием. Она была королевой не только *де-факто*, но и *де-юре*. С помощью какого способа рассуждения или какого извращения языка папа мог бы присвоить себе юрисдикцию в таком вопросе? Англией управляли законы, и независимо от того, кажутся ли они нам сейчас правильными или неправильными, это были ее собственные законы, принятые ее законными властями. Это были исключительно политические законы, установленные для ее собственного правительства и народа. Папа римский был духовным главой Церкви в Риме, обладавшим признанной юрисдикцией в отношении духовного благополучия тех, кто считал себя подпадающими под эту юрисдикцию. Согласно методам рассуждения, принятым тогда английской нацией, а теперь знакомым всем интеллигентным американским умам, все, кто предпочел остаться в пределах этой духовной юрисдикции, имели на это полное право; все, кто этого не сделал, имели равное право выйти из нее. Права такого характера касаются отдельных лиц, а не наций, за исключением случаев, когда их население решает, в каком случае оно может подчиняться или нет этой юрисдикции по своему усмотрению. Английская нация своими внутренними законами установила подходящую для себя систему правления и возложила свою корону на голову Елизаветы. Сказать, что папа имел божественное право, как духовный глава Церкви в Риме, отстранить это Национальное правительство и заменить его другим, продиктованным им самим и по папскому образцу, означает это, и только это: его духовная власть включает политическую и светскую власть над всеми нациями, вплоть до требования от них принять любую форму религиозной веры, которую папы предписывают, до абсолютного исключения всех других форм. И это позволяет ему, более того, использовать для этой цели, вопреки всем внутренним законам, весь папский механизм принуждения. Декрет, вынесенный в Риме против Елизаветы, фактически подтверждает, что

таково Каноническое право, то есть закон Церкви. Были ли положения этого закона авторитетно изменены или отменены со времен Пия V и Елизаветы? Возможно, потребуется найти ответ на этот вопрос, когда мы увидим, а мы увидим, что под диктовку иезуитов было авторитетно объявлено, что пришло или быстро приближается время, когда Каноническое право Римской Церкви будет введено в Соединенных Штатах, чтобы заменить те из наших законов, национальных и штата, которые противоречат ему. В настоящее время мы не должны слишком быстро проходить мимо конфликта между папой и Елизаветой — к связанным с ним принципам, которым обычно не уделяется достаточного внимания, — чтобы мы могли полностью понять, что это означало и как, в конце концов, это повернуло народы на их прогрессивный путь и привело их туда, где они сейчас находятся. Во всей истории есть еще несколько поучительных уроков.

Продолжая войну против Елизаветы, иезуиты не забывали о работе по воспитанию молодых англичан таким образом, чтобы заставить их поверить, что измена была одной из высших добродетелей, когда она диктовалась тем, что они считали интересами религии, то есть папства или их общества, точно так же, как мы видели, они поступили в Германии. Среди других учебных заведений у них была одна в Реймсе, во Франции, основанная кардиналом Лотарингским, одним из самых мстительных преследователей гугенотов. У них был еще один в Дуэ, тоже во Франции. Из этих колоний в Англию каждый год отправлялись иезуиты, проинструктированные и обученные ниспровергать английское правительство и, в частности, очернять Елизавету, обвиняя ее в ведении "распущенной и сладострастной частной жизни". Нелегко понять, какую силу намеревались придать этому обвинению в качестве аргумента против ее права на корону, учитывая тот факт, что жизнь, в десять раз более распутная и сладострастная, чем та, в которой ложно обвиняли Елизавету, не отменяла права папы Александра VI на папскую корону и главенство Церкви в Риме. Тем не менее, иезуиты воспользовались им, не обращая внимания ни на его правдивость, ни на свою собственную последовательность. Их приучили к этому особому виду работы, и они считали своим долгом обучать других таким же образом, предоставляя самим заботиться о последствиях. Юм дает такой отчет об этих иезуитских эмиссарах в Англию: "Они вселили во всех своих приверженцев крайнюю ненависть к королеве, с которой они обращались как с узурпаторшей, раскольницей, еретичкой, гонительницей православных, торжественно и публично преданной анафеме святым отцом. Подстрекательство к мятежу, иногда *убийствами* средствами, с помощью которых они намеревались достичь своих целей против нее", [79] делая вид, что находит в существующем положении вещей в Англии оправдание всему этому, даже убийству королевы.

Два лидера иезуитов — Кэмпбелл и Парсон — были присланы из Рима, чтобы направлять передвижения уже находившихся там мошенников. Чтобы более эффективно поощрять измену и подстрекательство к мятежу, они "*притворялись протестантами*", не стыдясь этой ложной профессии, потому что обязанность прибегать к обману, когда это необходимо, была вбита в их умы иезуитским воспитанием и, по этой причине, не вызывала угрызений совести. Когда Парсон добрался до Дувра, чтобы лучше попрактиковаться в маскировке, он надел форму офицера английской армии и притворился таковым. Таким образом, он обманул инспектирующего офицера и договорился с ним о безопасном прохождении Кэмпбелла, которого он представлял как коллегу-офицера, который последует за ним через несколько дней. Таким образом, можно увидеть, как легко быть "всеми для всех людей", когда те, кто желает стать таковыми, успокоили свою совесть верой в то, что ложь и обман могут быть по праву использованы для продвижения "большой славы Божьей". Какой бы непостижимой ни была казуистика, с помощью которой

можно привести ум к этой вере, иезуиту она совершенно ясна и, несомненно, объясняется в их школах.

Чрезвычайно трудно отделить правду от лжи в истории тех времен, о которых здесь идет речь. Страсти соперничающих сторон накалились настолько, что, по-видимому, сделали невозможным достижение согласия между ними ни в отношении фактов, ни в отношении выводов. Возможно, небезопасно даже предполагать, что истина лежит на полпути между крайностями. Но во влияниях и эффектах, произведенных в любой данный период времени, всегда есть то, что объясняет мотивы и цели главных действующих лиц. Тщательно исследуя их, мы приобретаем знания о философии истории. Проводя наше расследование в этом духе, мы не можем не прийти к выводу, что вмешательство во внутренние дела Англии со стороны иностранной державы было вопиющим актом узурпации, если только духовная власть папы римского не предоставила ему законную юрисдикцию над светскими и политическими вопросами в этой стране. И если он действительно по праву обладал этой юрисдикцией в 1570 году, когда Пий V разразился гром своей папской буллы против Елизаветы и вывел ее из божественного закона, то мы, люди нынешнего века, и особенно в Соединенных Штатах, не можем удержаться от вопроса, не обладает ли, с точки зрения иезуитов, Лев XIII такой же юрисдикцией, вытекающей из того же закона? Не настаивая на этом расследовании здесь, однако, представляется более важным еще более детально выяснить, в какой степени иезуиты были ответственны за посев семян раздора и гражданской войны в Англии, когда в противном случае протестанты и католики могли бы в елизаветинский период гармонично жить и общаться друг с другом, как это было в Германии до появления там иезуитов. Многие разумные читатели, изучающие историю, не уделяют должного внимания событиям этого важного периода.

Мы видели — опираясь на авторитет Лингарда, папского историка, — что Елизавета в начале своего правления стремилась поддерживать равный баланс между соперничающими группами христиан. Ее мнение не было полностью сформировано относительно ее собственной веры, хотя, вероятно, она была склонна к протестантизму. На это были причины, некоторые из которых, возможно, были связаны с таким мужским складом ума, как у нее. Отношения между ее отцом, Генрихом VIII, и папством, должно быть, произвели неблагоприятное впечатление на папу как на участника ее правления английским народом. И правление ее сестры Марии, должно быть, скорее усилило, чем устранило эти впечатления. Она не могла не знать, что брак Марии с Филиппом II Испанским принес с собой в Англию ряд бедствий, воспоминание о которых, должно быть, вызывало у нее не только печаль, но и негодование. Если естественная склонность Марии была доброй, а ее сердце великодушным, Елизавете должно было быть очевидно, что эти хорошие качества были заменены другими, совершенно противоположного характера, которые побудили ее преследовать своих протестантских подданных в духе сильного религиозного фанатизма и как будто пролитие крови служит Богу. И когда, взойдя на трон в качестве непосредственной преемницы Марии, она столкнулась с ужасным состоянием, в которое была ввергнута Англия, — когда были возбуждены все порочные страсти и мало оснований для надежды на будущее, — ничто не было более естественным, чем вера в то, что такое положение вещей было вызвано, главным образом, если не полностью, неудачным браком Марии с Филиппом II, обладавшим таким сочетанием плохих качеств, что едва ли оставляло место для одного хорошего. Угрюмый, угрюмый и эгоистичный, Филипп отделил себя от всего в жизни, что поощряло хорошие или благожелательные эмоции, и дал волю своим дурным амбициям, которые привели его к опустошению Нидерландов жестокостями, столь же беспрецедентными, сколь и чудовищными. Он не испытывал никакой привязанности к Мэри,

будучи неспособным ни на какие подобные эмоции. Его брак с ней был вопросом исключительно политики — одним из тех политических союзов, которые с течением времени принесли зло всем правительствам Европы. Он унаследовал религиозный фанатизм от своего отца, Карла V, но не обладал ни одним из лучших качеств последнего; и он так чрезмерно потворствовал своей ненависти к протестантам, что ничто так не радовало его, как осознание того, что темницы инквизиции были переполнены ими и что никто из них не избежал дыбы, шурупа с накатанной головней и пламени. Лучшие люди Англии — как католики, так и протестанты — опасались, когда предлагался этот злополучный брак, что кровавые сцены, столь часто наблюдаемые на Континенте, повторятся и там, и по этой причине выступали против него. Но государственная политика возобладала, и народная воля оказалась бесполезной. Англия, объединившаяся таким образом с Испанией, попала под влияние Филиппа, который использовал его над Марией, чтобы сделать ее, как и его самого, послушным орудием папских произволов. Преследования англичан до сих пор имели одну отличительную черту, заключавшуюся в том, что Генрих VIII обрушил свою месть как на протестантов, так и на римских католиков, которые были одинаково привязаны к столбу и сожжены заживо из-за сопротивления его королевской власти и присвоил себе право, в подражание папе римскому, держать совесть людей в подчинении. Елизавет все это знала. Ее сильный и проницательный ум был достаточно проницателен, чтобы предвидеть, что, если этот удручающий ход событий не удастся каким-либо образом изменить, Англия останется там, где ее оставила Мария, — простым придатком папства - и, таким образом, окажется в состоянии неполноценности среди наций, от которого она, возможно, никогда не оправится.

Когда Филипп предложил Елизавете жениться — к которой он испытывал не больше привязанности, чем к ее сестре, — она осознала, если еще не сделала этого, что будущая судьба Англии находится главным образом в ее руках. Из политических соображений ей потребовалось время, чтобы все обдумать, прежде чем принять или отклонить предложение Филиппа о браке. Держа это на рассмотрении, она предположила, что это нарушило бы закон Церкви, поскольку их отношения привели их к запрещенным степеням. Но когда Филипп предложил получить разрешение от папы римского, она сразу поняла, что это был хорошо продуманный план заставить ее признать юрисдикцию папы римского над государственными делами Англии, и поэтому отклонила предложение Филиппа. Таким образом, был разорван союз между двумя коронами Англии и Испании, и Елизавете пришлось защищать себя от иностранного вмешательства во внутренние дела своей собственной страны. Случай требовал, чтобы она заявила о себе, взяв дела страны в свои руки, и результат уже давно доказал, насколько хорошо и демонстративно она это делала.

Елизавета была мудра. Ее злейшие враги признают это. Хотя она, возможно, и склонялась к протестантизму, в начале своего правления она не испытывала какой-либо явной неприязни к римско-католической религии. Напротив, римско-католические епископы и лорды были склонны рассматривать ее проявление терпимости как указание на то, что она, по крайней мере, будет действовать справедливо и беспристрастно по отношению к ним. Историк Кэмден говорит, что во время правления Марии Елизавета намекнула кардиналу Поулу, что склонна отдавать предпочтение римскому католицизму. Как бы то ни было, она не только иногда посещала исповедь, но и присутствовала при богослужении по обычаю Римской церкви. Линггард говорит: "Она продолжала помогать, а иногда и общаться на мессе; она похоронила свою сестру со всей торжественностью католического ритуала; и она заказала торжественную панихиду и заупокойную мессу по душе императора Карла V."^[80] Под влиянием этих

соображений и, вероятно, других такого же характера Палата лордов, состоящая полностью из римских Католики высказались в ее пользу, и Палата общин с готовностью и единогласно одобрила их решение, она была провозглашена королевой "под одобрительные возгласы народа". Таким образом, ее право на корону было подтверждено высшей властью в королевстве. Не было ни единого недовольного ропота. Некоторые сожалели о смерти Марии, но было общее желание, чтобы варварства, практиковавшиеся во время ее правления, прекратились. Елизавета явно разделяла это желание, о чем хорошо свидетельствует тот факт, о котором уже говорилось, что она сохранила тринадцать советников Марии и назначила только восемь протестантов. Говоря это, она не могла иметь в виду ничего другого, кроме как выразить желание, чтобы религиозные преследования прекратились и чтобы две религиозные партии в будущем жили в мире друг с другом и таким образом позволили стране достичь величия.

Первая атака на ее право на корону была предпринята Генрихом II Французским, а не ее подданными-католиками. Генриху был тщательно внушен дух преследования, царивший во Франции среди защитников папства, и над ним господствовали гизы, один из которых был кардиналом Лотарингии и покровителем иезуитов. О его преследовании реформаторов упоминалось ранее. Посягая на титул Елизаветы, Генрих II, несомненно, преследовал несколько целей, главной из которых было унижить Англию и, вероятно, установить над ней французский суверенитет, продолжить политику Марии по преследованию протестантов и возложить корону Елизаветы на голову Марии, королевы Шотландии. Повлиял ли на него один или все эти мотивы, он обратился за помощью к папе и стал участником заговора против мира в Англии, пытаясь добиться папского указа о том, что Елизавета была незаконнорожденной и, следовательно, не являлась законной королевой. Следовательно, когда после того, как она отклонила предложение Филиппа о браке, она увидела, что римско-католические власти во главе с папой римским замышляют заговор против нее, она решила, что ее собственная безопасность и безопасность Англии требуют от нее уволить римско-католических членов своего совета, заявить о своей цели защищать и поощрять реформатскую религию и вынести этот вопрос на рассмотрение народа посредством парламента, который должен быть собран для этой цели. Эта мера предосторожности была весьма похвальной, поскольку в ней предлагалось вынести на рассмотрение парламента вопрос о том, имеют ли обе религии равное право на правовую защиту. Чтобы ее цели были полностью поняты, она издала прокламацию, разрешающую богослужение на английском языке и чтение Священных Писаний мирянами — привилегия, в которой им до сих пор было отказано. Чтобы утихомирить все неуместные волнения, она прямо запретила религиозные "споры посредством проповеди" до заседания парламента. Когда новый парламент все-таки собрался, к нему обратился от ее имени Хранитель Великой Печати, который объявил представителям народа, что королева приказала ему призвать их "найти среднее между двумя крайностями суеверия и безбожия, что могло бы *воссоединить приверженцев как той, так и другой религии* в одном общественном богослужении".^[81]

Примирительный курс Елизаветы, о чем свидетельствуют ее прокламация и это обращение к парламенту, продемонстрировал степень либеральности, к которой английский народ был непривычен во время правления Марии. Разумно предположить, что, если бы ее предложения были приняты в том духе, в каком они были предложены, Англия гораздо быстрее продвинулась бы вперед к тому состоянию, которого она впоследствии достигла в результате суровых и длительных испытаний. Времена были подходящими для введения компрометирующих мер мирной политики. Люди устали от волнений, преследований и кровопролития из-за религиозных различий и с готовностью согласились бы на любой мирный план урегулирования.

Но, к несчастью для Англии, да и для всего мира в целом, ни интересы, ни желания народа не были достаточными, чтобы принести спокойствие в страну. Ход последующих событий можно легко проследить. Папский механизм церковного управления был так устроен в Риме, что для того, чтобы держать народ в повиновении, он передал неограниченные полномочия в руки прелатов. Римско-католические епископы Англии, как и других стран, привыкли править железным жезлом, и еще не пришло время, когда они могли бы примириться с любым умалением их церковного авторитета. Они были "встревожены", по словам Лингарда, позицией, занятой Элизабет. Они, несомненно, рассматривали это только в связи с ними самими и интересами Римской церкви — или, скорее, папства, — ни на минуту не задумываясь об общем благополучии Англии. Они рассматривали примирение как форму ереси, с которой нельзя мириться. Чего они желали, так это искоренения протестантизма и единства Римской церкви, гарантированного установлением ее религии, исключаящей любое инакомыслие. Соответственно, они собрались вместе, чтобы проконсультироваться, "могут ли они с чистой совестью присутствовать на коронации" королевы, которая предложила таким образом урегулировать религиозные различия, чтобы положить конец любому вмешательству в право отдельных лиц на свободу совести. Под разными предложениями они решили не присутствовать и не принимать участия в церемонии коронации. Следовательно, церемония была проведена в присутствии только одного епископа и была сделана "в соответствии со всеми обрядами католического понтификата". Это решение и позиция епископов "вызвали значительное замешательство" и могли бы привести к серьезным последствиям, если бы этот единственный епископ не отошел от своих единомышленников.[\[82\]](#)

Неявка римско-католических епископов на коронацию Елизаветы стала сигналом к возобновлению старой распри. Несомненно, с их стороны было задумано настроить своих сторонников против примирительных мер королевы; и в те дни не потребовалось много времени, чтобы это поняли обе стороны. Следствием этого стало то, что общественное возбуждение было передано парламенту и привело к отмене нескольких статутах Марии и замене их другими, в соответствии с которыми реформированная религия стала национальной, и были предусмотрены наказания за отказ признать ее. Это, конечно, привело к суровым мерам и преследованиям в подражание примеру, поданному во время правления Марии, и привело к печальному положению дел, с которым знакомы все читатели английской истории. Нелегко решить, на чьей стороне в ходе последовавших долгих споров лежала наибольшая ответственность. Ошибки, несомненно, были нанесены обеими сторонами. Но какими бы они ни были, они выросли из духа той эпохи и имели свое происхождение, как мы видели, под влиянием папства, которому способствовали интриги иезуитов. Однако факт, который больше всего касается наших нынешних исследований, заключается в том, что только что было указано, что первым шагом, сделанным в направлении возобновления религиозной агитации, была организованная оппозиция епископов Елизавете, сформированная с целью сорвать меры умиротворения, которые она предложила парламенту. Невозможно было не знать, что провал этих мер объединенной оппозицией епископов привел бы к возрождению ненависти, которая поощрялась при Марии, и, следовательно, противостоять им означало вызвать то возрождение, за которое, следовательно, были ответственны эти епископы.

Приняли бы протестанты или отвергли предложение Елизаветы, сейчас нельзя решить с положительной уверенностью; все вероятности указывают на то, что они приняли бы их. Одно, однако, несомненно: они были отвергнуты римскими католиками под предводительством их епископов. Это, конечно, возродило старую вражду, но с усилением насилия. Во всех слоях

общества страсти значительно усилились. Тем не менее, затронутые вопросы были исключительно английскими. Они были в первую очередь политическими, хотя и имели политико-религиозные аспекты. Но они касались только внутреннего положения Англии. Ни один иностранец или иномирная держава не имела права, по международному или иному праву, или в соответствии с тем, что сейчас является общепринятым среди цивилизованных наций, вмешиваться в них. Но мы видели, что им помешали не только прямой попыткой привести политику страны в соответствие с политикой, продиктованной иностранной державой, но и в угрожающей форме заговора между королем Франции и папой римским с целью лишения титула Елизаветы на том основании, что она была незаконнорожденной, чему она не могла бы подчиниться без позора. Мы также видели, как этот заговор незаметно продвигался вперед, шаг за шагом, пока она не предстала перед судом в Риме иностранного трибунала, объявленного узурпаторшей указом, который объявлял ее корону утраченной, а ее подданных освобожденными от их естественной и законной верности. И для того, чтобы ее бегство от гнева и мести папы стало невозможным, по стране были выпущены полчища иезуитов-подстрекателей, чтобы раздуть пламя раздора, разжечь восстание и гражданскую войну и привести в исполнение приговор папского суда в Риме. Если Елизавета допустила ошибку, защищая себя и свое королевство от этой грозной и опасной комбинации, ее ошибка была на стороне патриотизма; и ее едва ли можно осуждать за это, поскольку жизнь нации и, вероятно, ее собственная жизнь были ставкой, на которую играли ее враги. И независимо от того, правда это или нет, что иезуиты пытались ее убить — как утверждают некоторые егосторонники, — следует признать ее похвалу за то, что, хотя она была женщиной, она научила своих противников, что она "королева до мозга костей", и что Англия под ее правлением смогла убедить все эти соперничающие державы, что она способна вести свои собственные дела и позаботиться о себе — факты, достаточно подтвержденные ее передовым положением среди современных прогрессивных наций.

Этот эпизод английской истории должен произвести должное впечатление на каждого американца, показав, насколько ожесточенной и затяжной была борьба, приведшая, в конце концов, к народному правительству и гражданской и религиозной свободе, которую оно одно гарантировало. Елизавета, несомненно, была великой королевой — великой по качествам своего интеллекта, по непоколебимости своих целей, по тому мужественному мужеству, которое "приходит со временем". Когда она стала королевой, народ Англии, как протестанты, так и римско-католики, устали от религиозных преследований и стремились положить им конец. Она одобрила и рекомендовала парламенту меры по умиротворению в духе либеральности и терпимости. Если, повинувшись велению своей собственной совести, она предпочитала протестантизм Римскому католицизму, то она настолько уважала добросовестные убеждения других, что желала, чтобы всем ее подданным было обеспечено право принимать либо то, либо другое по их собственному усмотрению. Своим признанием этих и других родственных целей она навлекла на себя противодействие римско-католических епископов, которые в сговоре с иностранными державами и при поддержке папы римского и его иезуитского ополчения развязали гражданскую войну, обрушившуюся на Англию длинной чередой бедствий. Под влиянием ее либерализма основная масса населения стала терпимо относиться друг к другу и большим единодушием, с которым они приняли ее как королеву, обозначила желание, чтобы обе формы богослужения находились под защитой правительства. И из того, что тогда выяснилось, можно сделать справедливый вывод, что она потерпела поражение в своем плане примирения только из-за вражды, порожденной английскими епископами, папой римским и

иезуитами. Ее поражение, однако, не было окончательным; и, пережив козни всех ее врагов, даже отлучение от церкви и анафемы папы римского, а также тайные заговоры иезуитов, страницы, повествующие о событиях ее правления, являются одними из самых ярких в английской истории. Они учат философии, которая не будет забыта до тех пор, пока будут существовать свободные народные институты.

СНОСКИ:

[75] Николини, стр. 65. Steinmetz, Vol. I, стр. 302.

[76] Николини, стр. 151, 152, примечание.

[77] История Англии. Лингард. Том. VI, стр. 4. См. также Юм, том. IV, стр. 4.

[78] Лингард, том. VI, стр. 110. Nicolini, p. 153.

[79] История Англии. Юм. Том. IV, стр. 182.

[80] Лингард, том. VI, стр. 4.

[81] История Англии. Рапин. Том. VIII, стр. 217-232.

[82] Лингард, Т. VI, стр. 5.

ГЛАВА IX.

ВЛИЯНИЕ ИЕЗУИТОВ В ИНДИИ.

Читатель, который разумно проследит историю иезуитов через их заговоры против мира в Европе, и особенно через их неустанные усилия по искоренению всего, что имело отношение к свободе совести и общественному просвещению, не удивится, что в течение последнего столетия в интересах общества и Церкви стало необходимым, чтобы один из выдающихся пап подавил и полностью упразднил орден. И поскольку это событие произошло не только из-за одиозности, которую они навлекли на себя вмешательством в мирские дела государств, но и из-за того, что они придерживались практики, которая потрясла весь христианский мир, их общество невозможно полностью понять, не ознакомившись с историей их миссионерских начинаний. Поскольку они преследовали их среди невежественных и неграмотных масс людей, где их не мог наблюдать ни один бдительный глаз, они в основном стали своими собственными историками; и все же можно обнаружить достаточно, чтобы показать, что на каждой стадии своего развития они были верны предписанию своего основателя быть "всеми для всех людей".

Лойола считал свое общество выше древних монашеских орденов. Мы видели, что он считал последних испорченными и более не достойными того, чтобы им доверяли работу христианских миссий, по этой причине он требовал от своего общества высшей юрисдикции в миссионерской области. Там, среди населения, неспособного распознать обман, его последователи шли своим собственным путем, творили свою собственную историю и преследовали свои собственные цели без разумного общественного контроля. Следовательно, когда он осознал, с какой ненавистью столкнулось его общество среди европейских народов,

он счел необходимым устранить это, выдвинув для этого преувеличенные претензии на заслуги в миссионерской работе. Таким образом, он, очевидно, надеялся успешно обратиться к папе римскому и Церкви с просьбой защитить иезуитов от растущего возмущения тех христиан, которые сопротивлялись их проникновению во Францию. Поэтому у иезуитов вошло в привычку - и до сих пор остается - защищать общество под предлогом того, что оно является необходимой частью церковного механизма и что Церковь не может существовать без него. И из той же самой необходимости, должно быть, выросло то множество чудес, которые, как говорят, совершались в отдаленных и малоизвестных частях света и в изготовлении которых иезуиты приобрели репутацию полных знатоков. В те дни было нетрудно убедить суеверных людей в своей чудодейственной силе. Никто не понимал этого лучше, чем иезуиты.

Первой важной миссией иезуитов была поездка в Ост-Индию под руководством Фрэнсиса Ксаверия, одного из самых впечатляющих новообращенных Лойолы. Эта миссия имеет первостепенное значение, поскольку она была инициативной и наглядно демонстрирует деятельность общества, находящегося под непосредственным личным руководством его основателя. Это указывает на методы иезуитской миссионерской системы и на то, как они были приведены в соответствие с главной целью приобретения власти, почти не обращая внимания на используемые средства. В наше время очень мало тех, кто не считает многие из записанных событий апокрифическими - несмотря на то, что чрезмерно доверчивые принимали их за истину на протяжении многих веков. Сейчас они важны только потому, что мы узнаем из них выдающиеся черты иезуитов и реальную основу репутации, на которую они так хвастливо претендуют.

За несколько лет до этого португальцы приобрели территорию в Индии с торговой столицей и епископальной кафедрой в Гоа. Благодаря этому влиянию многие местные жители исповедовали христианство и, наряду с всеми португальскими христианами, присягнули на духовную верность папе римскому. Но состояние общества ни в коей мере не благоприятствовало практике христианских добродетелей. Напротив, оно было сильно деморализовано, соперничая в этом отношении с Римом и главными городами Европы. В "Житиях святых" — произведении, пользующемся общепринятым авторитетом в Римской церкви, — автор представляет "месть, честолюбие, алчность, ростовщичество и разврат", широко распространенные в Гоа. По его словам, индийцы, исповедовавшие обращение в христианство, находились под таким влиянием примера португальцев, что "вернулись к своим древним нравам и суевериям". Даже те, кто называл себя христианами, "жили в прямом противоречии с Евангелием, которое они исповедовали, и своими манерами оттолкнули неверных от веры".[83]

Те, кто знаком с состоянием церковных дел в Европе того времени, и особенно с безнравственностью, царившей в Риме, не удивятся этому описанию вещей в таком отдаленном месте, как португальские владения в Индии. Конечно, такая тенденция к деморализации не могла бы долго существовать где бы то ни было, не приведя к абсолютной социальной деградации. Чтобы предотвратить это, король Португалии предпринял попытку исправить эти злоупотребления, вероятно, руководствуясь двоякой целью: желанием распространить христианство и улучшить коммерческие интересы своих подданных. Таким образом, Ксавьер был послан в Индию под его покровительством и лучше подходил для этой цели, чем сам Лойола, потому что он был менее амбициозен, менее эгоистичен и более добросовестен. Хотя он обладал некоторыми похвальными чертами характера и замечательной энергией, многое из

того, что было написано о нем папскими и иезуитскими авторами, можно рассматривать только как вымышленное и не заслуживающее постоянного места в истории. Приписанный ему персонаж совершенно ангельский, с едва заметной примесью человечности; и, подобно Лойоле, он представлен как совершивший огромное количество чудес, вплоть до возвращения мертвых к жизни! Что касается всего этого, то говорят, что он был похож на Лойолу в другом отношении — в том, что он тоже совершил больше чудес, чем Христос! Нетрудно понять цель всего этого, если учесть, что притворство было придумано в то время, когда непросвещенная публика легко вводилась ими в заблуждение. Они, подобно бесчисленным мифам Средневековья, отвечали целям своих изобретателей и сейчас не более полезны, чем в том случае, если они служат для демонстрации не только характера общества, которое требовало, чтобы они были приняты как абсолютно достоверные, но и характера тех, кто изобрел и использовал их, чтобы ввести в заблуждение доверчивую и ничего не подозревающую толпу. Весь отчет о миссии Ксаверия настолько перемешан с этими досужими историями, что время, потраченное на их прочтение, было бы потрачено впустую, если бы не то, что они наглядно демонстрируют нам некоторые отличительные черты иезуитов, обучавшихся при жизни основателя их общества и его самого доверенного коллеги.

Добравшись до Гоа, Ксавьер застал португальских христиан в деморализованном состоянии, о котором уже упоминалось. Орден францисканцев имел там основанный монастырь, который, как мы можем предположить, нуждался в реформировании, поскольку они, по-видимому, не были исключены из числа других исповедующих христианство по общему обвинению в безнравственности. Мы не узнаем от иезуитских авторов, насколько этот орден был фактически реформирован, поскольку восхвалители Ксаверия считают его величайшей славой то, что он привел огромное количество туземцев в лоно христианства и тем самым установил иезуитскую власть и господство в Индии взамен того, что Церковь под покровительством папы римского и посредством давно существующих религиозных орденов уже приобрела там. Очевидно, именно такого взгляда придерживался сам Ксавьер на свою миссию, о чем ясно свидетельствует его поведение. Вместо сотрудничества с установленными церковными властями и монахами в Гоа, он избрал собственный независимый курс, которым, очевидно, намеревался показать превосходство своих иезуитских методов. Он бродил по улицам с колокольчиком в руке, и когда звон привлек толпу любопытных зрителей, он предложил им "отправить своих детей и рабов на катехизис", чтобы узнать от него истины христианства. Когда дети собирались вокруг него, движимые лишь любопытством, он учил их "Вероучению и практике благочестия", что, конечно, могло быть не более чем простейшей формой. После того, как он некоторое время следовал этому методу, он занялся публичной проповедью, и серьезно сказано, что "за полгода" он совершил "реформацию всего города Гоа", которая, должно быть, включала местное население наряду с португальским. Вся история рассказана в манере авторов романов.

Мыслящие люди, которые читают об огромном количестве людей, обращенных в христианство под влиянием его красноречивой проповеди не только в Гоа, но и в других частях Индии, естественно, зададутся вопросом, как все это могло произойти, когда местные жители не понимали его языка, а он - их! Но иезуиты не испытывают затруднений на этот счет — как, впрочем, и на любой другой, — когда простое изобретение чуда служит их цели. Ксаверий в этом отношении стал таким же знаменитым, как Лойола. Батлер описывает его как "крестившего десять тысяч индейцев собственноручно за один месяц", а "иногда и целую деревню" за один день; и как "проповедовавшего пяти или шести тысячам человек вместе", но не указывающего, на каком языке он проповедовал. Однако, по-видимому, предвидя, что кто—

то может поинтересоваться, много ли от настоящего христианства было в этих мнимых обращениях, и как он мог проповедовать с таким эффектом тем, на чьем языке он не мог говорить и кто не мог понимать его, он пытается устранить трудность - очевидно, следуя истории иезуитов - заявляя, что, находясь в Индии, *"Бог впервые передал ему дар языков"*, так что *"он очень хорошо говорил на языке этих варваров, не изучая его, и не нуждался в переводчике, когда он инструктировал его"*. они!"^[84] Сейчас невозможно решить, откуда взялось это заявление. Ксаверий отчитывался только перед Лойолой, а не перед папой или Церковью, и все, что распространялось в Европе, чтобы помочь делу иезуитов и завоевать им популярность благодаря успеху их миссий, было получено от него. Но независимо от того, было ли оно создано Ксавьером или Лойолой, или было изобретено после смерти обоих, ни повторение его сейчас, ни недавнее появление в авторитетном церковном труде, опубликованном и широко распространяемом в Соединенных Штатах, не могут избавить его от подозрения в сказочном происхождении.

Во время краткого пребывания Ксавьера в Гоа он воспользовался возможностью подать пример, которому иезуиты всех последующих периодов охотно подражали, — пример, который дает *практическое* толкование иезуитскому обету "крайней бедности". Монахи-францисканцы основали семинарию, где обучали туземную молодежь хотя бы началам христианского образования. Но Ксаверий не был удовлетворен этим, явно придерживаясь идеи, все еще поддерживаемой иезуитами, о том, что дело образования должно быть доверено исключительно им, ввиду их превосходства над всеми другими, включая любой религиозный орден. Вероятно, под влиянием только этого соображения он задумал передать ему францисканскую семинарию с целью преобразования ее в иезуитский колледж. Утверждая, что он был более непосредственным и ответственным представителем Церкви, чем любой из монашеских орденов, поскольку распоряжение папы наделяло его особыми миссионерскими прерогативами, он преуспел в достижении своей цели, убедив францисканцев передать ему здание. После чего францисканцам было предоставлено использовать другие методы, какие они могли, для служения португальским христианам и обращения туземцев, в то время как Ксавьеру было разрешено основать свой иезуитский колледж, чтобы какая бы известность ни последовала за индийскими миссиями, она могла принести пользу иезуитам, а не монашеским орденам. С тех пор иезуиты никогда не упускали из виду эту идею и не упускали возможности воспользоваться ею, всегда заботясь при составлении истории этих миссий о том, чтобы поместить свое общество на первое место, а монашеские ордена - на задний план, несмотря на то, что последние предшествовали им в Индии. Похоже, они не склонны оказывать ни малейшего доверия ни одному из миссионерских агентств, которыми привыкла пользоваться Церковь.

Получив во владение францисканскую семинарию в Гоа, Ксавьер решил, что здание следует улучшить, чтобы произвести впечатление на простых туземцев превосходством иезуитов над монахами. Обычному человеку это могло бы показаться трудновыполнимой задачей, поскольку маловероятно, что в таком сообществе можно было бы получить добровольные взносы. Но Ксавьеру было легко преодолеть такую тривиальную трудность, как эта, как это всегда было с иезуитами, не находя ни малейшего препятствия в обете "крайней бедности". Все, что ему нужно было сделать, это нанять португальские войска, расквартированные в Гоа, "для сноса языческих храмов в окрестностях Гоа и присвоения их весьма значительной собственности для использования в интересах нового колледжа".^[85] Замечательная стратегия! Бедные туземцы были бессильны сопротивляться португальским войскам с оружием в руках и были вынуждены

молча наблюдать, как их имущество разграбляют без какой-либо компенсации, и все это под предлогом того, что этого требовала "вящая слава Божья", хотя на самом деле это было продиктовано честолюбием иезуитов. Ксавьер, должно быть, был доволен таким недорогим способом улучшения своего нового колледжа, и Лойола, несомненно, обрадовался, когда ему сообщили об этом факте. Поэтому первый, так успешно заняв миссионерское поприще в Гоа, продемонстрировав туземцам власть иезуитов и низведя францисканских монахов до низшего положения, отправился в другие части Индии, чтобы продолжить работу, которую он начал под таким лестным покровительством.

Он направился к побережью Малабара, где миссионеры, ранее отправленные из Гоа, под руководством и юрисдикцией этого епископального престола крестили большое количество местных жителей, которые, по их утверждению, были обращены в христианство используемыми ими методами. Но чтобы создать впечатление, что эти миссионеры были неэффективны и некомпетентны, иезуиты притворяются, что эти так называемые новообращенные все еще "сохранили свои суеверия и пороки", [86] и что было абсолютно необходимо, чтобы они попали под влияние Ксавье. Целью этого в то время было доказать христианскому миру, что Церковь и папство не смогли добиться каких-либо хороших миссионерских результатов с помощью монахов и что иезуиты были абсолютно необходимы. Таким образом, несомненно, надеялись преодолеть предубеждение, существующее против европейского общества. Таким образом, Ксавьер представлен как спасший новообращенных малабарцев от рецидива язычества и увеличивший число туземцев, принявших крещение. Хотя все это говорится в его похвалу, совершенно очевидно, что из самых благоприятных отчетов следует, что они содержат лишь небольшое представление, если вообще имеют, о простом обряде крещения или, действительно, о каком-либо из фундаментальных принципов христианства.

Первая попытка Ксавьера на Малабарском побережье была предпринята на мысе Коморин, в деревне, "полной идолопоклонников", которым он проповедовал; но поскольку они не могли понять, что он говорил, они остались равнодушными, вероятно, привлеченные, как и жители Гоа, его колокольным звоном на улицах. Нелегко определить, почему ему тогда было отказано в "даре языков", если только это не было связано с тем, что ему могла быть предоставлена возможность внушить невежественным туземцам чувство благоговения, совершив чудо. Во всяком случае, Батлер описывает произошедшее следующими словами: "Женщина, которая три дня мучилась при родах, не получая облегчения от каких-либо средств или молитв брахманов, была немедленно освобождена и выздоровела после наставления в вере и крещения святым Франциском [Ксавье], о чем он сам рассказывает в письме к св. Игнатий [Лойола]". Как она была наставлена в вере, конечно, не объясняется, и читателю остается только представить себе, с помощью какого необычного процесса эта невежественная женщина была наставлена в христианской вере, чтобы она могла быть законно крещена в Церкви, когда она не понимала языка, на котором к ней обращались. Если бы она даже поняла, что ее благополучные роды и мгновенное выздоровление были вызваны его вмешательством, то не было никакого способа донести до ее сознания мысль о том, что это была работа Бога, а не Ксавьера, поскольку ни на одном из языков Индии нет слова, обозначающего Божество в христианском смысле. Вся эта история не только нелепа, но и ребяческая. Но она несет на себе безошибочный отпечаток иезуитизма, как и другие истории того же общего характера. Например, тот же автор серьезно отмечает, что после этого события "первые лица страны прислушались к его учению и сердечно приняли веру". Он проповедовал тем, кто никогда прежде не слышал о Христе, "и так велико было множество людей, которых он крестил, что

иногда из-за явной усталости от совершения этого таинства он едва мог пошевелить рукой, согласно отчету, который он дал своим братьям в Европе". Он исцелял больных крещением, а там, где его присутствие было невозможно, он посылал неофита прикоснуться к ним крестом, когда, если они выражали желание креститься, к ним возвращалось здоровье. Кроме того, также говорится, что за те пятнадцать месяцев, что он оставался на Малабарском побережье, он вернул к жизни четырех человек, которые были мертвы.^[87]

Он проповедовал в Траванкоре, недалеко от Коморина, где пользовался большей благосклонностью из-за того, что ему был дан "дар языков", так что он мог говорить как на одном языке, так и на другом. Таким образом, наделенный, как настаивают иезуиты, божественной силой, он рассеял и изгнал из страны "племя дикарей и общественных грабителей", которые искали добычи, приблизившись к ним с распятием в руке, хотя они никогда раньше не слышали о распятии и не имели возможности узнать, что оно означает. Когда его проповедь не оказала влияния на жителей деревни недалеко от Траванкора — событие вовсе не удивительное, учитывая их полное невежество в христианстве, — он представлен как снова прибегший к чуду, которое было неизменным средством иезуитов. Он приказал вскрыть могилу, в которой находилось тело, похороненное накануне, и после того, как началось гниение, вернул его к жизни и "совершенному здоровью". Недалеко от того же места он также вернул к жизни молодого человека, чей труп он встретил по дороге к могиле. "Эти чудеса, - говорит Батлер, - произвели на людей такое сильное впечатление, что все *королевство* Траванкор через несколько месяцев подчинилось Христу, за исключением короля и некоторых его придворных".^[88]

Каждый просветленный разум отвергнет такие истории как чистый вымысел - как абсолютно невероятные. Они шутят с серьезными вещами, а их изобретатели действуют в подражание тем, кто делает товар из человеческих душ. Это прямо ставит под сомнение мудрость Провидения — делать вид, что он позволил творить чудеса от своего имени — даже воскрешать мертвых к жизни - влиять на судьбу невежественного языческого населения, совершенно неспособного оценить характер и учения Христа, в то время как в то же время он позволил почти всем разновидностям порока и коррупции преобладать среди интеллигентного населения Европы и гноиться в самом сердце самого папства.

Рассказы о том, что было совершено Ксавьером в различных частях Индии, носят тот же общий характер, что и вышеизложенное, с основными различиями в виде чудес, совершенных им. Для умов, способных подвергнуть их проверке разумом и здравым смыслом, невозможно избежать вывода, что они были либо изобретены самим Ксавьером и отправлены в Европу, чтобы помочь Лойоле придать популярность иезуитам, либо были составлены ими после его смерти с той же целью. На самом деле, все его притязания на то, чтобы считаться "Апостолом Индии", зиждутся на шатком и необоснованном фундаменте. Это особенно актуально ввиду того факта, что множество людей, которых он якобы обратил, были обращены в христианство простой церемонией крещения. Некоторые из них, возможно, были способны повторять призывы "Отче наш" и "Радуйся, Мария", но без какого-либо разумного представления о разнице между единым Всемогущим Богом христиан и многими богами, которым они привыкли поклоняться, или о значении слов, произносимых им Ксавьером, или о совершаемых им таинствах, или о каких-либо атрибутах Божества, или о единственном существенном принципе христианского вероучения. Тем не менее, добавляются другие свидетельства, в которых он представлен как посетивший другие места на индийском побережье, где, как говорят, были достигнуты

аналогичные результаты, пока, пробыв около семи лет в Ост-Индии, он не отправился в Японию, чтобы подчинить эту идолопоклонническую нацию тому же влиянию, оставив большую часть своих обращенных индийцев поддаваться господству брахманов и погружаться обратно в язычество. Казалось, он не понимал, что истинное обращение в христианскую веру предполагает сочувственные эмоции сердца, разумные действия ума, и что без этого никакие знаки, или преклонение колен, или пустые слова, произносимые просто из уст, не могут придать существенной ценности исповеданию этой веры. Знание руководства по оружию не придает трусу храбрости настоящего солдата, а повторение нескольких знакомых слов не превращает попугая в разумное существо. И ни на йоту больше язычник, который никогда не слышал о Христе, не может быть обращен в христианина никакими словами или какими-либо телесными жестами, если только его разум не был тронут, а сердце не тронуту каким-либо знанием о том, что и кто такой Бог, и о мудрости его провидения, проявленной в сотворении Вселенной и управлении ею.

Можно было бы предположить, что "дар языков", однажды дарованный Ксавьеру, остался при нем, поскольку он не мог донести свои мысли до множества людей каким-либо другим способом. Но, как ни странно, все было иначе. Этот чудесный дар был всего лишь *"временной услугой"*, [89], дарованный только на время, во время его общения с некоторыми языческими народами Индии, и изъятый так же чудесно, как и был дан. Каким странным увлечением, должно быть, было принять это как истину, что после того, как он был божественно наделен способностью проповедовать народу Индии на их родных языках, он приступил к своей миссии в Японии, не имея вообще никакого знания японского языка! Хотя этот язык является одним из самых сложных в мире и совершенно не похож ни на один из тех, на которых говорили тогда или сейчас в Европе, все же этот факт не имел большого значения для такого человека, каким иезуиты представляют Ксаверия. Он взялся за эту миссию так, словно ничто не мешало, полагаясь, как можно заключить из рассказов иезуитов, на свою чудесную силу обратить в христианство народ-идолопоклонник, которого он никогда не видел и о котором мир в то время знал очень мало. Торжественно утверждается, что за *сорок дней* (!) он приобрел достаточные знания японского языка, чтобы самостоятельно перевести на него Апостольский символ веры и разъяснить его значение. С этими словами он начал проповедовать и "обратил множество людей". И все же интенсивность его рвения делала его нетерпеливым, и, не желая ждать медленного процесса обращения к разуму японского народа, он снова прибегнул к знакомому способу чудес, который так много совершил в Индии. Соответственно, нам говорят, что "по его благословию тело ребенка, которое было опухшим и деформированным, стало прямым и красивым; и по его молитвам был исцелен прокаженный, и молодая знатная девушка-язычница, которая была мертва целый день, была воскрешена к жизни". [90] Иезуиты без колебаний поручали Ксавьеру, как они это сделали с Лойолой, совершение какого-нибудь чуда, когда нужно было сделать что-то, чего нельзя было достичь никаким другим способом. Общее количество приписываемых им чудес превышает все, что записано в Евангелиях. И ни Ксавьер, ни Лойола никогда не колебались, заявляя о своих полномочиях выполнять их в подтверждение иезуитской доктрины о том, что Бог передал свои божественные атрибуты каждому из них.

Подобные рассказы рассчитаны на то, чтобы истощить терпение просвещенных читателей наших дней; но без них невозможно получить точные сведения о летописи, составленной иезуитами, чтобы информировать мир о славных достижениях своего общества и не показывать чудовищности, за которые они на протяжении своей истории были осуждены каждой христианской нацией и народами Европы. Они необходимы также для правильного понимания

того, почему Ксаверий был причислен к лику блаженных и канонизирован; поскольку эти и другие подобные басни считались достаточно подтвержденными, чтобы причислить его имя к лику святых.

Трудность донести до умов японцев какое-либо правильное представление о Боге, когда в их языке нет слова для его выражения, уже была высказана в отношении Индии. Он сказал им, говорит Батлер, что "*Деос*" означает Бога. Но невозможно, чтобы это или какое-либо другое отдельное слово могло настолько обозначать Божество, чтобы передать невежественным, идолопоклонническим людям какое-либо справедливое представление о Творце мира, или о его Божественных атрибутах, или об их собственной ответственности перед ним в жизни или смерти. Но замечательные подвиги Ксавьера не были остановлены ни в этот, ни в какой другой момент. Когда-то ему был дан "дар языков", благодаря которому он мог проповедовать любому народу без какого-либо предварительного знания их языка. Однако этот подарок, как мы видели, был всего лишь "временной услугой", оказанной на время года или по какому-то особому случаю и забранной. И, несмотря на то, что вследствие этого стало необходимым, чтобы он выучил японский язык за сорок дней, чтобы иметь возможность говорить и писать на нем, все же стало необходимым также, чтобы он снова обрел дарованную ему способность понимать все языки и говорить на них. Следовательно, мы узнаем от Батлера, что "*в Амангути Бог вернул святому Франциску дар языков; ибо он часто проповедовал китайским купцам, которые там торговали, на их родном языке, который он никогда не выучил*".^[91] Чтобы оценить характер этого заявления, следует иметь в виду, что в то время он никогда не посещал Китай. И уместно отметить, что, несмотря на эту провиденциальную подготовку к миссионерскому труду в этой стране, он так и не посетил ее.

Притворяться, что Бог наделил Ксаверия этим даром, чтобы подготовить его специально для обращения китайцев, превращает серьезные вещи в насмешку, и все же что он так распорядился своим провидением относительно него, что он никогда не мог въехать в эту империю или поддерживать прямые сношения с ее народом. Если бы Божественным указом было, что он должен быть выделен для этой великой работы посредством этой чудесной подготовки, никакие земные препятствия, вероятно, не смогли бы задержать его или удержать вне Китая; ибо установленные Богом цели не подвержены колебаниям в соответствии с требованиями человеческих дел. Но, несмотря на то, что он предпринял несколько серьезных попыток попасть туда, ни в одной из них он явно потерпел неудачу. Он вернулся из Японии в Индию и, пробыв короткое время в Гоа, прибегнул к уловке, попытавшись проникнуть в Китай окольным путем, поскольку тамошние власти были враждебны португальцам. Ему пришла в голову идея организовать дипломатическую миссию и самому прикрепиться к ней, чтобы таким образом проникнуть в страну. Этот план провалился, и он попытался достичь своей цели "тайно", как говорит Батлер, приложив усилия к тому, чтобы высадиться где-нибудь на китайском побережье, "где не было видно домов". Однако каждый шаг, который он предпринимал, оказывался безуспешным, и он умер, не добравшись до Китая, таким образом, оставив полностью невыполненным то, что, как утверждают иезуиты, было предопределенной целью Провидения.

Смерть Ксавьера произошла в 1552 году, и его останки были перевезены в Гоа примерно через три месяца после этого, когда, согласно иезуитскому отчету, его плоть "была найдена румяной и

свежей, как у человека, пребывающего в сладком покое!" Когда его разрезали, потекла кровь! Иезуиты считают настолько необходимым, чтобы его тело выглядело абсолютно нетленным — в качестве аргумента в доказательство того, что их общество находится под особой защитой и попечительством Бога — серьезно утверждается, что "святой труп издавал запах, настолько ароматный и восхитительный, что самые изысканные духи не шли ни в какое сравнение с ним". Когда тело достигло Малакки, эпидемия, опустошавшая тогда город, внезапно прекратилась, и это был эффект одного его присутствия! Оно было перевезено в Гоа — "целое, свежее и все еще источающее сладкий аромат" - и передано на хранение в церковь иезуитского колледжа, который он ловко раздобыл у францисканских монахов. По этому поводу нам сообщают, что "несколько слепых прозрели, а другие, страдающие параличами и другими болезнями, потеряли здоровье и способность пользоваться своими конечностями!" Его мощи по приказу короля Португалии были посещены в 1774 году — через сто девяносто два года после его смерти, - когда "тело было найдено без малейшего неприятного запаха и, казалось, окружено каким-то сияющим сиянием, а лицо, руки, грудь и ступни не претерпели ни малейших изменений или признаков разложения!"^[92]

Принимая во внимание всеобщий опыт человечества и просвещение нынешнего века, трудно относиться к приведенным выше заявлениям серьезно, настолько очевиден продукт иезуитского самозванства. И все же они публикуются в этой стране и рекомендуются как позитивные истины высшим церковным авторитетом, как будто вера в них может привести к достижению какой-то разумной важной цели. Несмотря, однако, на то, что каждый здравомыслящий человек отвергнет их, они необходимы для правильного понимания методов, используемых иезуитами при изложении претензий своего общества на благосклонность провидения. И хотя причуды самых необузданных энтузиастов более правдоподобны, поскольку они не играют со священными вещами, их рассказ дает нам в распоряжение некоторые средства для распутывания сетей, хитро сплетенных этим замечательным обществом.

СНОСКИ:

^[83] Жития святых. Преподобный Альбан Батлер. Том XII, статья "Святой Франциск Ксаверий", 3 декабря, стр. 608.

^[84] История святых. Преподобный Альбан Батлер, том XII, статья "Святой Франциск Ксаверий", 3 декабря, стр. 610.

^[85] Гризингер, стр. 88-89.

^[86] Батлер, стр. 608, 609.

^[87] Батлер, стр. 609

^[88] Батлер, стр. 611.

^[89] Батлер, стр. 614.

^[90] Батлер, стр. 615.

^[91] Батлер, стр. 616.

^[92] Батлер, стр. 620-622.

ГЛАВА X.

В ПАРАГВАЕ.

Иезуиты имели более справедливое и лучшее поле для проявления своих особых качеств и для успешного утверждения принципов своей конституции во время существования основанного ими правительства в Парагвае, чем когда-либо выпадало на долю любого другого общества или избранной группы людей. Еще не поздно испытать их по результатам, которых они тогда достигли, чтобы убедиться в том, чего можно было бы разумно ожидать, если бы современные нации настолько забыли о себе, чтобы позволить повторить этот печальный и катастрофический эксперимент.

После того, как португальцы овладели Бразилией, они приступили к осуществлению мер, необходимых для подчинения местных жителей своему владычеству. Проблему было нелегко решить. Индейцы не имели представления о принципах международного права, которые ведущие нации установили для оправдания порабощения слабых сильными, и, следовательно, должны были постепенно подвергаться такому влиянию, которое должно было убедить их поверить, что их завоеватели были благодетелями, а не врагами. Притязание на титул, основанное на даровании папы Александра VI, открыто не признавалось. Если бы это было так, коренное население, по всей вероятности, объединилось бы в достаточном количестве, чтобы сбросить захватчиков в море. Необходимо было использовать какие-то мирные средства, чтобы ввести множество туземцев в состояние кажущейся, но ложной безопасности.

Испания также приобрела владения в других частях Южной Америки, и методы колонизации, принятые двумя правительствами, были по существу одинаковыми. Карл V Испанский и Иоанн III Португальский оба были религиозными фанатиками, и хотя их главной целью было добыть богатство на рудниках Америки, каждый из них заявлял, что в одно и то же время стремится к цивилизации местных жителей. Следовательно, поскольку это не могло быть достигнуто без влияния христианства, все экспедиции, отправляемые ими в Новый Свет, сопровождались духовенством и, следовательно, находились под покровительством и покровительством Римской церкви. Управляющая идея того периода заключалась в том, что Церковь и государство должны оставаться объединенными, так что, где бы последнее ни получало временный и политический контроль, первое должно постоянно присутствовать, чтобы решать и направлять все, что касается веры и морали; то есть поддерживать как государство, так и народ в повиновении Церкви. Имея в виду эти цели, Церковь отправила миссионеров вместе с первыми испанскими и португальскими авантюристами, и каждый шаг был открыто предпринят во имя христианства. Это чувство так глубоко укоренилось в сознании каждого, что память о каком-нибудь любимом святом была увековечена в названиях почти всех новообразованных городов. Эти миссионеры были набраны в основном из древних монашеских орденов — доминиканцев, францисканцев и т.д. — и на протяжении многих лет папы считали их не только самыми верными, но и наиболее эффективными помощниками Церкви в распространении христианства по всему миру. Мы уже видели в другом месте, что иезуиты не сочувствовали этой вере и что Лойола убеждал папу в необходимости создания своего нового общества на том недвусмысленном основании, что эти древние ордена стали неэффективными и

коррупцированными. Поэтому, когда перед ними вот-вот должен был открыться Новый Свет, последователи Лойолы попытались воспользоваться случаем, чтобы вытеснить монашеские ордена, если это возможно, и взять исключительно в свои руки распространение христианского влияния среди местного населения. В этом отношении иезуиты проявили больше рвения к своему собственному успеху, чем к успеху Церкви, и сделали дело христианства второстепенным по отношению к своим собственным интересам. История их миссий в Южной Америке в изобилии покажет это, поскольку она также продемонстрирует их ненасытные амбиции и беспрецедентное высокомерие.

Первые иезуиты были посланы в Южную Америку королем Португалии. Они обнаружили обширную местность, омываемую водами Рио-де-ла-Платы и ее притоков, до которой не добрались ни испанцы, ни португальцы, но которая оставалась в исключительном владении индейцев, никогда не испытывавших влияния европейской цивилизации. Захватчики, как правило, обращались с местными жителями с крайней жестокостью, их часто обращали в рабство и заставляли подвергаться различным притеснениям и унижениям. Все ресурсы страны, которые можно было превратить в богатство, были использованы для пополнения королевских сокровищниц христианских королей, которые тиранили над ними. Вся история того периода показывает, что, если бы не было введено какое-либо противодействующее влияние, те, кто заявлял, что стремится к цивилизации туземцев, по всей вероятности, усугубили бы деградацию и нищету, в которых они оказались, когда их впервые обнаружили. Иезуиты желали внести некоторые коррективы, и нет никаких причин подозревать искренность их первых миссионеров в этом отношении. Против них нельзя справедливо обвинить в том, что они были склонны жестоко обращаться с местным населением или поступать иначе, чем подвергать его влиянию иезуитской системы образования и управления. Какие бы ошибки в управлении ни были должным образом отнесены к ним — а их немало, — их легко проследить по самой этой системе, которая по самой своей природе всегда была и должна оставаться негибкой. Поскольку слепое и беспрекословное повиновение вышестоящему является наиболее выдающимся и фундаментальным принципом общества, все, будь то правительство, религия или мораль, должно подчиниться ему или сломаться. Здесь нет половинчатого пути — нет компромисса — ничего, кроме послушания. Все сводится к общему уровню, оставляя людей без малейшего чувства личной ответственности, за исключением тех, кто стоит у власти над ними. По этим причинам необходимо помнить, исследуя курс и влияние иезуитов в Парагвае, что все, что происходило, было подчинено приказу настоятеля в Риме, который не поддерживал личных сношений с местными жителями, и чьей вдохновляющей и контролирующей целью было захватить все господство над Новым Светом в свои руки. Это было связано с конституцией и организацией общества, которые, как уже объяснялось, настолько решительно воплощают принцип абсолютного монархизма, что неизбежно ставят его в противоречие со всеми формами либерального и народного правления. Если бы правительство, которое они установили в Парагвае и поддерживали в течение ста пятидесяти лет, не было монархическим, оно не могло бы получить отцовства или одобрения иезуитов. Если бы по какой-либо причине, в какой-либо период своего существования он стал иным благодаря внедрению популярных функций, он столкнулся бы с сопротивлением иезуитов. Монархизм и иезуитизм — сестры-близнецы. Народная свобода и иезуитизм не могут существовать в единстве; первый может терпеть второй, но последний не может быть примирен без уничтожения всего, кроме самого себя. Следовательно, какие бы институты ни существовали в Парагвае, пока страна находилась под исключительным владычеством иезуитов, следует считать, что они в точном соответствии с

иезуитской конституцией носили такой характер, который общество еще установило бы, где бы оно ни обладало властью создавать новые институты или изменять существующие.

Иезуитская идея исключительности и превосходства повлияла на поведение их миссионеров в Парагвае, как и везде. Если бы не это, результаты могли быть другими. Если бы они удовлетворились признанием монашеских орденов столь же важными и достойными, как и их собственные, в области миссионерского труда, а древний механизм Церкви сохранил свою способность эффективно распространять христианство по всему миру — если бы, другими словами, они удовлетворились признанием любых заслуг, существующих где-либо еще, кроме как среди них самих, - туземцев могла бы постичь судьба, совершенно отличная от той, которая, в конце концов, постигла их. Но природа и характер их ордена не позволяли им испытывать какие-либо подобные чувства или лелеять какие-либо идеи успеха, кроме тех, которые обещали способствовать их собственному продвижению. Соответственно, мы находим, что они — как объяснил один из их современных защитников высокой известности — основывают свои претензии на исключительной юрисдикции над уроженцами Парагвая на том недвусмысленном основании, что церковное влияние, распространяемое под эгидой Церкви и покровительством испанского и португальского королей, стало скорее вредным, чем полезным для туземцев, вследствие самой вопиющей коррупции. Объясняя курс, которого придерживались миссионеры-иезуиты, он говорит: "Одним из первых впечатлений миссионеров было то, что напрасно надеяться на какие-либо постоянные плоды среди индейцев, если они не будут отделены от дурного влияния европейцев, которые наводнили Новый Свет, неся с собой все пороки Старого и добавляя к ним распущенность и жестокость, которые приносят с собой свобода новой страны и надежды на скорое обогащение".[93] Этот же автор также говорит об "ордах авантюристов, которые стекались в Новый Свет, отбросив крупных городов Европы", чтобы показать, что благодаря общению с ними местные жители знали "о христианском имени немногим больше, чем о пороках тех, кто его исповедовал".[94] Чтобы было известно, что речь идет не только о "мирских авантюристах", он прямо упоминает "мирских и амбициозных священнослужителей и монашествующих", которые "забывали о духе своего призвания или отступали от своего правления".[95] Он подвергает разнообразной клевете характер епископов Успенского и Буэнос-Айресского и со всей серьезностью утверждает, что если бы индейцам было позволено иметь неограниченные сношения с испанцами, "они получили бы худшие последствия от своего дурного примера, который полностью противоречит принципам морали".[96]

В этом иезуиты проявили свою удивительную проницательность, и можно предположить, что они успешно использовали эти и другие подобные утверждения в Испании, поскольку им удалось добиться от короля особого "запрета европейцам ступить в Парагвай", чтобы таким образом обеспечить исключительный контроль над местными жителями и подчинить их исключительно иезуитскому влиянию, независимому от монашеских орденов и церковных властей.[97] Это был отличный политический ход с их стороны, потому что, игнорируя Церковь, ее духовных лиц и монашеские ордена, они получили возможность присвоить себе прерогативы самого экстравагантного характера и выставять себя перед местными жителями единственными европейцами, достойными послушания, и единственными истинными представителями христианской цивилизации. Таким образом, не только в способах заручиться королевским одобрением своих исключительных притязаний, но и в характере созданного ими правительства они проявили свои главные черты честолюбия, тщеславия и высокомерия — черты, которых они никогда не теряли.

Правительство, установленное ими в Парагвае, было по сути монархическим. Согласно принципам их конституции, иначе и быть не могло. Под вымышленным названием христианской республики это было, по сути, теократическое государство, построенное таким образом, чтобы освободить его от всех европейских влияний, за исключением тех, которые исходили от их настоятеля в Риме. Все общение, которое они вели с Церковью и папой римским, происходило через него, и какие бы приказы он ни отдавал, они беспрекословно выполняли их, не останавливаясь для расследования и ни в малейшей степени не заботясь о себе, чтобы узнать, одобряют или не одобряют их Церковь и папа. Чтобы внушить туземцам идею своей независимости и превосходства над монашескими орденами и церковными клириками, они прибегали к самым хитрым средствам, чтобы убедить их не вступать в сношения ни с испанцами, ни с португальцами, на том основании, что они не могли этого сделать, не столкнувшись с примером их пороков и безнравственности. Ничего не подозревающие индейцы были легко соблазнены проявлениями доброты, и результатом стало то, что в течение короткого периода им удалось основать ряд так называемых *Сокращений*- или, более правильно выражаясь, деревень — с множеством индейцев, собравшихся вокруг них; в конечном итоге все это составило несколько сотен тысяч. Они составляли иезуитское государство, и все они были переданы под власть иезуитов простой церемонией крещения. При каждом Сокращении туземцам разрешалось выбирать светскую магистратуру с ограниченными и неважными полномочиями по таким мирским делам, которые могли быть им доверены без ущерба для теократической сути правления. Но для того, чтобы исключить возможность того, что даже эти несколько мирских дел будут вестись независимо от них, они приняли меры предосторожности, предусмотрев, что, прежде чем какие-либо важные решения будут приведены в исполнение, они должны получить их санкцию — как "духовные пастыри". Никогда и нигде не было более тщательного и законченного слияния Церкви и государства воедино.

Хотя это новое государство было создано под предлогом необходимости защиты местных жителей от дурного влияния испанцев и португальцев, одобрение его королем Испании Филиппом III было получено обещанием, что "каждый взрослый должен платить ему дань в размере одного доллара" — соображение, имеющее для него первостепенное значение. Филипп IV был в равной степени склонен благоволить иезуитам, предположительно из-за отсутствия надлежащей информации; поскольку в то время потребовалось бы лишь небольшое расследование, чтобы обнаружить, что единственным мотивом иезуитов для получения королевского одобрения в Европе было то, что они могли в конечном итоге приобрести власть для заговора против самой европейской королевской семьи, когда это встанет на пути их амбиций. Чтобы показать, насколько мало повиновения уделялось государственным властям Испании или Португалии, необходимо лишь отметить, что каждой Редукцией руководил отец-иезуит, которого поддерживали викарий и викарий в качестве помощников, но главной обязанностью которого был шпионаж. Этот правящий отец подчинялся настоятелю, возглавлявшему епархию из пяти или шести приходов, надзор и управление которой в целом были возложены на провинциала, который "получал приказы непосредственно от генерала в Риме".[98] Следовательно, если короли Испании и Португалии предполагали, что иезуиты в Португалии намеревались хранить верность им или кому-либо из них, они были обмануты — как они обнаружили в ходе событий. Они повиновались своему полководцу в Риме, и только ему.

Нельзя не воздать должное иезуитам за то, что с туземцами, попавшими таким образом под их влияние, обращались лучше и добрее, чем с теми, кто был вынужден подчиниться владычеству испанцев и португальцев за пределами Парагвая. Они "принимали участие в их трудах, в их

развлечениях, в их радостях, в их печалях. Они ежедневно посещали каждый дом, в котором лежал больной человек, которому они служили как самые добрые сиделки и которому, казалось, прислуживали гении". Этими и другими проявлениями доброты они заставили индейцев смотреть на них с чувством, граничащим с идолопоклонством. Но пока они были друзьями, они также были суверенами и "управляли с абсолютной и неоспоримой властью".[99] Это было необходимой частью их системы правления, которая воплощала иезуитскую идею христианской республики. Это была абсолютная монархия во всем, что касалось управления общественными делами, со всеми ее полномочиями, сосредоточенными в римском генералитете, власть которого признавалась равной власти Бога и повиновение чьим приказам требовалось от всех.

Помимо этой руководящей власти, преобладало всеобщее равенство. Принципы социализма или коммунизма — в том смысле, в каком они понимаются сейчас, — определяли все Сокращения. Все необходимое для материального комфорта и процветания индейцев было общим. У каждой семьи был участок земли, выделенный для обработки. Они также обучались ремеслам, и многие из них, как мужчины, так и женщины, стали экспертами. Но весь заработок при каждом Сокращении откладывался на общих складах и распределялся иезуитами такими частями каждому отдельному лицу, какие требовала необходимость. "Даже мясо на общественных бойнях разделялось на порции таким же образом". Излишки продукции, оставшиеся после этих распределений, отправлялись в Европу и продавались или обменивались на товары исключительно по усмотрению иезуитов. Все делалось в повиновении им, и не допускалось ничего, противоречащего их приказам. Были предписаны жесткие правила поведения и продолжительность рабочего дня, а нарушители их подвергались телесным наказаниям. Молитвенные дома, колледжи и роскошные резиденции отцов-иезуитов были построены общим трудом и за счет общей казны. Избирательное право было всеобщим, но "санкция иезуитов была необходима для действительности выборов". Фактически, говорит Николини, "иезуиты заменили собой государство или общину"[100]— факт, который полностью подтверждает монархический и теократический характер правительства.

Для того, чтобы научить доверчивых индейцев тому, что повиновение властям является их главной обязанностью, их обучали правилам поведения и общения, которые соблюдались со строжайшей строгостью. За ними наблюдали во всем, испытующие взоры иезуитов постоянно были устремлены на них. Фактически, они представляли собой состояние общества, полностью достигающее иезуитского идеала, то есть послушное, податливое, безропотное, без малейшего реального подобия мужественности. Завершив таким образом их порабощение, были приняты энергичные меры, чтобы сделать невозможными какие-либо изменения в их состоянии. С этой целью были предприняты меры, чтобы исключить все влияния, кроме иезуитских, и посеять семена неприязни ко всему европейскому, цель которых состояла в том, чтобы окружить их высокой стеной невежества и суеверий, которую никакие европейские влияния не могли бы преодолеть, и внутри которой их власть была бы безграничной. Им объяснили, что испанцы и португальцы были их врагами, что духовенство и монашеские миссионеры, посланные Церковью, недостойны послушания или подражания, и что единственной истинной религией является та, которая исходит из их общества и пользуется их одобрением. Если этих простодушных людей и учили чему-либо о Церкви, то только с целью убедить их в том, что иезуиты олицетворяли всю ее силу, авторитет и добродетель, и что все, что не соответствовало их учению, было греховным и еретическим. Если им и говорили что-нибудь о папе, то только для того, чтобы представить его ниже их генерала, которого они должны были считать

единственным непогрешимым представителем Бога на земле. Чтобы исключить из их сознания все другие идеи, им не разрешалось вступать в какие бы то ни было сношения с европейцами; несомненно, из опасения, что они могут услышать, что в Риме есть Церковь и папа выше их генерала. Им не разрешалось говорить ни на каком языке, кроме их собственного, чтобы сделать невозможным приобретение каких-либо идей или мнений, за исключением тех, которые могли быть выражены с помощью ограниченного числа невыразительных слов; то есть держать их полностью и исключительно под влиянием иезуитов. Подводя итог всему, без дальнейших подробностей, можно сказать, что индейцы считались несовершеннолетними, находящимися под опекой, и в таком состоянии они оставались в течение ста пятидесяти лет, без возможности социального и национального развития. Правда, они были спасены от страданий португальского рабства, но их держали в таком состоянии неполноценности и вассалитета, которое не позволяло им стать независимыми гражданами. Их конечности были свободны, но их умы были "загнаны в клетку", заключены в рамки, слишком узкие для зрелой мысли, чувства или разума.

Было бы несправедливо утверждать, что первая миссия иезуитов в Парагвае, возможно, не была движима желанием улучшить положение индейцев или лишить их заслуженной похвалы за гуманность их мотивов. Несомненно, верно, как уже упоминалось, что они защищали их от многих жестокостей, которым они подвергались при испанских и португальских авантюристах, которые захватили значительную часть Южной Америки в поисках богатства. Но в наш век не может не запечатлеться в наших умах тот факт, что они действовали в строгом повиновении иезуитской системе, которая не допускала отступлений от абсолютного монархизма и сосредоточивала все обязанности гражданина в повиновении самим себе как единственным представителям единственной власти, которая была или могла быть законной. И не только из-за их строгой приверженности своей системе им было необходимо держать индейцев в подчинении и обращаться с ними как с низшими подданными, но в конце концов это вовлекло их в столкновения с испанцами и португальцами и вынудило их относиться к последним особенно как к врагам и запечатлеть этот факт в умах всего индийского населения. Следствием этого стало создание независимого и мятежного правительства в португальских владениях, что неизбежно привело иезуитов к конфликту с законной властью португальского правительства. Иезуиты предвидели это и подготовились к этому. Из всех современных фактов можно сделать справедливый вывод, что они этого желали. Во всяком случае, они подвергли индейцев при сокращениях военной подготовке и дисциплине, чтобы быть готовыми к таким чрезвычайным ситуациям, которые могли возникнуть из-за их отношений как с испанцами, так и с португальцами. Можно было бы предположить, что в правительстве, столь далеко отделенном от остального мира и управляемом теми, кто утверждал, что трудится в одиночку для "вящей славы Божьей", искусство мира должно было бы в основном, если не исключительно, культивироваться. Но преемники первых миссионеров-иезуитов думали иначе. Следовательно, помимо отказа разрешить индийцам какие-либо сношения с европейцами, они не позволили бы им даже покидать пределы Европы без разрешения, или получать какие-либо впечатления, кроме тех, которые исходят от них самих, или делать что-либо, не продиктованное ими. Результатом стало то, чего они добивались, - индейцы стали смотреть на всех европейцев, будь то священнослужители или миряне, как на врагов, а на иезуитов - как на своих единственных друзей. Поэтому они охотно занимались производством оружия и боеприпасов и подчинялись военной дисциплине, пока не превратились в грозную армию, подчиняющуюся, конечно,

командованию своих начальников-иезуитов. Продолжение истории иезуитов доказывает, что всем этим они бессознательно создавали антагонизм, который, в конце концов, подавил их.

Между иезуитами и монахами-францисканцами возникла жестокая вражда, которая, несомненно, возникла из-за притязаний первых на превосходство и исключительность. Вполне можно сделать вывод, что иезуиты были главным образом виноваты в этой вражде по той причине, что францисканцы сохранили доверие церковных властей, а иезуиты - нет. Во всяком случае, однако, они были в открытой вражде друг с другом и вели свой спор с чрезвычайной степенью ожесточения с обеих сторон. Выдающийся гражданин Соединенных Штатов, представлявший эту страну в качестве посланника в Парагвае, ссылаясь на этот факт, говорит: "Францисканские священники в столице относились к ним [иезуитам] с завистью, подозрением и ревностью. Эти последние разжигали вражду народа против них, так что правительство, священники и простой народ скорее благосклонно, чем иначе, отнеслись к разрушению миссий и изгнанию их основателей".^[101] Однако, несмотря на эти враждебные отношения между иезуитами и францисканцами и беспокойное положение дел, существующее между первыми и португальскими властями, ни папа, ни король Испании на несколько лет полностью не отказались от своего покровительства иезуитам, и только после того, как стало очевидно, что они стали независимой державой, что может, если его не остановить, привести к осложнениям, наносящим ущерб в равной степени Церкви и государству. Но через некоторое время пришло время, когда стало необходимо сурово обуздать их честолюбие и научить их тому, что ни церковная, ни государственная власть не сосредоточена в их руках. От них требовалось усвоить то, чего они, казалось, раньше не осознавали, — что власть, которой они пользовались в Парагвае, была узурпирована, и что, если они хотят продолжать существовать там как общество, они должны подчиниться надлежащему подчинению. Будучи неспособными или не желая осознавать это, они добились результатов, которых явно не ожидали.

Когда затянувшийся спор между Испанией и Португалией о границах их соответствующих владений в Южной Америке достиг своего разрешения, это дало повод испытать послушание иезуитов королевской власти. Оба правительства, после обычной задержки в таких вопросах, пришли к дружескому соглашению и установили границы к взаимному удовлетворению. Это передало часть иезуитских миссий под юрисдикцию португальцев, которые, как они предполагали, принадлежали Испании. Иезуиты отказались подчиниться этому и приняли необходимые меры для противодействия, будучи полными решимости, если они смогут предотвратить это, не подчиняться владычеству Португалии. Их предпочтение Испании объяснялось тем фактом, что король этой страны был более благосклонен к ним, чем португальский король. Но история разногласий оправдывает веру в то, что они даже не подчинились бы первому безоговорочно, поскольку, несомненно, их неизменной целью стало сохранение независимости, над установлением которой они так долго трудились, поддерживая свою теократическую форму правления. Они так привыкли к автократическому правлению туземцев, что не могли примириться с мыслью о передаче его какой-либо земной власти. Однако в данном случае они столкнулись с противником, о мужестве и способностях которого они не имели ни малейшего представления и который, как они обнаружили, за короткий период способен нанести обществу смертельный удар. Это был Себастьян Кавальо, маркиз Помбал, который был главным советником португальского короля.

Кавальо, более известный как Помбал, и король Португалии оба были верными членами Римской церкви и руководили правительством в соответствии с ее требованиями. Но ни один из

них не был расположен подчиняться диктату парагвайских иезуитов в отношении вопроса о границе, который был исключительно политическим, или подчиняться их восстанию против законной власти. Такой вопрос не допускал компромисса или двусмысленности. Это был жизненно важный вопрос, которого они не могли ни избежать, ни отложить, не подвергая опасности правительство и не теряя собственного самоуважения. Следовательно, они предприняли быстрые и энергичные меры по подавлению угрожавшего восстания иезуитов, прежде чем ему будет позволено перерасти в открытое вооруженное сопротивление. С этого времени противоречия постоянно перерастали в насилие. Сильная ненависть иезуитов к Помбалу изменила их мнение до такой степени, что они отрицают в нем ни таланты, ни заслуги, и, поскольку они возлагают на него все вытекающие из этого результаты, они изображают его скорее чудовищем беззакония, чем государственным деятелем признанных способностей. Все это, однако, не должно иметь никакого значения при принятии решения о реальных достоинствах спора. Весь вопрос сводится к этому простому утверждению — что долгом правительства было отстаивать и поддерживать свой собственный авторитет перед лицом иезуитской оппозиции. Это не имело никакого отношения к Церкви, а Церковь - к нему. Это не касалось никакого вопроса веры, но было ограничено исключительно мирскими и преходящими делами. И если бы при этих обстоятельствах Помбаль спокойно позволил иезуитам бросить вызов правительству и достичь своей цели успешным восстанием против его власти, он заслужил бы от иезуитских перьев самые яркие и пылкие похвалы, но его имя вошло бы в историю как предатель своей страны.

С учетом вышеизложенных фактов, запечатленных в его сознании, читатель будет готов оценить последующие события, которые привели к изгнанию иезуитов из всех римско-католических стран Европы и, наконец, к подавлению и упразднению общества как единственного средства защиты от его притеснений и чудовищ.

СНОСКИ:

[93] Подавление Общества Иисуса в португальских владениях. Преподобный Альфред Уэлд, "Из общества Иисуса". Лондон, 1877. Страница 24.

[94] Там же., стр. 30.

[95] Там же., стр. 33.

[96] Там же., стр. 42.

[97] Подавление Общества Иисуса в португальских владениях. Преподобный Альфред Уэлд, "Из общества Иисуса". Лондон, 1877. Страница 42.

[98] История иезуитов. Грейзингер. Страница 140.

[99] Nicolini, p. 302.

[100] Николини, стр. 303-304.

[101] История Парагвая. Автор: Уошберн. Т. I, стр. 87.

ГЛАВА XI.

ПОРТУГАЛЬЦЫ И ИЕЗУИТЫ.

В период, упомянутый в предыдущей главе, иезуиты были в низком почете повсюду в Европе. Они подверглись суровому осуждению не только со стороны государственных властей, но и со стороны большей части христианского народа, особенно тех, кто желал спасти Римскую церковь от их опасного и губительного влияния. Все ведущие римско-католические правительства были разгневаны против них, и требовался только какой-нибудь сильный дух, какой-нибудь мужественный и способный человек, чтобы возбудить всеобщее негодование против них. Протестанты имели сравнительно мало отношения к этому делу — на самом деле, ничего, кроме того, чтобы сделать общественное мнение несколько более отчетливым и решительным.

Помбаль прекрасно понимал характер противника, с которым ему предстояло столкнуться, — ловкие уловки, к которым привыкли прибегать иезуиты, коллективно и по отдельности, и с помощью которых им часто удавалось получить помощь из неожиданных источников. Поэтому он с самого начала решил не тянуть с ними время, а немедленно привести в действие ряд мер самого активного и энергичного характера. Возможно, он не знал, что другие римско-католические правительства объединятся с правительством Португалии, но он, должно быть, видел основания полагать, что они это сделают, учитывая общее недовольство, которое они проявляли поведением иезуитов по всей Европе. Как бы то ни было, он ясно осознавал свой долг по отношению к португальскому правительству и обладал не только необходимым мужеством, но и способностью выполнять его. В 1757 году во дворце короля Португалии состоялся королевский совет, на котором он высказал предположение о "настоятельной необходимости отстранения иезуитов от их постов духовников королевской семьи" по той причине, что противоречия в Южной Америке не могли быть урегулированы удовлетворительным образом, если вообще могли, до тех пор, пока они оставались в состоянии влиять на действия и мнения короля в какой бы то ни было степени.^[102] Он прекрасно знал, как изобретательно они втерлись в доверие к королям, чтобы, став их духовниками, не только получить знание государственных секретов, но и таким образом влиять на политику и действия правительств, чтобы продвигать свои собственные интересы. И как проницательный и умелый государственный деятель, каким он, несомненно, был, он с первого взгляда понял, насколько необходимо, чтобы им не разрешали дальнейшего доступа к королю. Иезуиты представляют короля как нежелающего согласиться с этим предложением; но это не имеет ни малейшего значения, потому что, как они признают, он подписал "указ, который исключил всех иезуитов из их должности придворных исповедников".^[103] Это был ужасный удар для них — возможно, первый серьезный удар, с которым они когда-либо сталкивались. Это стало еще более серьезным из-за того факта, что Португалия была признана насквозь религиозной страной, искренне преданной Римской церкви. Каким бы ни было его непосредственное воздействие на иезуитов, оно не оставило ни одной из сторон повода для отступления или двусмысленности, но привело соперников к прямой и открытой враждебности, каждый с обнаженными мечами. С этого времени конфликт со стороны иезуитов был вопросом жизни и смерти, и они боролись с ним с отчаянием, порожденным этой верой.

Чтобы оправдать себя и объяснить европейским народам причины, повлиявшие на это, португальское правительство распорядилось подготовить жалобное заявление, в котором излагался курс иезуитов "в испанских и португальских владениях Нового Света и о войне, которую они вели против армий двух корон". Предполагается, что Помбаль был автором этой брошюры, но никаких доказательств этого представлено не было. Не имеет значения, был он таким или нет, поскольку это было равносильно такому обвинению иезуитов, которое придало тон общественным настроениям Европы и повлияло на курс всех правительств по отношению к обществу. Рассматриваемый в этом свете, он приобретает первостепенное значение, поскольку мы можем по праву считать истиной, даже без специального исследования, все, что влияет на действия правительств и сообществ, и не можем с уверенностью принять в противовес этому то, что заинтересованные стороны — такие, какими были иезуиты, — могут утверждать обратное. Суть этого утверждения содержится в работе Уэлда, одного из самых ревностных защитников иезуитизма. Оно носит характер обвинительного акта против иезуитов, предпочитаемого одним из ведущих римско-католических правительств Европы, и в этом отношении является одновременно важным и поучительным. Оскорбления и брань, в использовании которых иезуиты обучены как эксперты, не являются ответом на это.

После утверждения, что власть иезуитов возросла настолько, что стало очевидным, что между ними и правительством Парагвая должна начаться война, далее утверждается, "что они усердно трудились, чтобы подорвать хорошее взаимопонимание, существующее между правительствами Португалии и Испании", и что "их махинации продолжались от Платы до Рио-Гранде". Затем он воплощает в нескольких выразительных словах, данных иезуитом Уэлдом, эти серьезные обвинения:

Что под их властью находился тридцать один крупный населенный пункт, приносивший обществу огромные богатства, в то время как сами люди содержались в самом жалком рабстве; что ни один испанец или португалец, будь он даже губернатором или епископом, никогда не допускался к Сокращениям; что "со странным обманом" испанский язык был абсолютно запрещен; что индейцев приучали к неограниченному, слепому повиновению, держали в самом "чрезвычайном невежестве" и самом невыносимом рабстве, которое когда-либо было известно, и при полном деспотизме тела и души; что они не знали, что существует какой-либо другого суверена в мире, кроме отцов, и ничего не знали о короле или каком-либо другом законе, кроме воли "святых отцов"; что индейцев учили, что белые миряне обожают золото, в их телах поселился дьявол, они враги индейцев и изображений, которым они поклонялись; что они разрушат их алтари и принесут в жертву своих женщин и младенцев; и, следовательно, их учили убивать белых мужчин везде, где они могут их найти, и быть осторожными при отсечении им голов, чтобы они не ожили снова ".[\[104\]](#)

Едва ли можно предположить, что после этого ужасного обвинения иезуитов в Парагвае к обвинительному заключению могут быть добавлены какие-либо другие пункты. Но для того, чтобы усугубить эти преступления и объяснить их нелояльность правительству — как мы узнаем от того же иезуитского авторитета — им также были предъявлены обвинения в противодействии договору о границе между Испанией и Португалией; в ведении войны против двух правительств; в укреплении и обороне артиллерией перевалов, ведущих к Сокращениям; в подстрекательстве индейцев к восстанию; и в оказании упорного сопротивления королевской власти.[\[105\]](#)

В цивилизованном мире никогда не было такого количества серьезных преступлений, предъявленных кому-либо столь высокой и ответственной властью, как одно из ведущих правительств, каким была Португалия. Современный читатель не может удержаться от выражения удивления, когда осознает, что они были сделаны теми, кто верно придерживался Римской церкви, и направлены против общества, которое утверждало, что было организовано для продвижения "большой славы Божьей", по той простой причине, что ни один существующий порядок не делал этого в достаточной степени.

Вряд ли возможно, чтобы подобные обвинения были выдвинуты без какой-либо уважительной причины. Если бы они даже были преувеличены, правительство Португалии должно было получить информацию из ответственных источников, достаточно надежных, чтобы санкционировать тщательное расследование. Это, несомненно, было целью Помбала и короля не только для объяснения их собственного официального поведения, но и для того, чтобы довести поведение и позицию иезуитов до сведения других правительств. Какой бы прямой целью они ни преследовали, обвинения, таким образом формально выдвинутые ими против иезуитов, привели к ожесточенной полемике. Иезуиты защищались со свойственной им жестокостью, и потребовалось много страниц, чтобы донести до всего мира характер проклятий, обрушенных ими на имя и память Помбала. Для нас в настоящее время это имеет очень мало значения, поскольку они почти полностью подтверждаются *ex parte* заявлениями тех, кто замешан в этом деле правительством, и которые не имеют никакого значения против общего вердикта, в конечном итоге вынесенного европейскими нациями, повинувшись общественному мнению. Мы не можем принять теорию иезуитов о том, что все эти нации были введены в заблуждение ложными обвинениями или что последующее подавление общества было следствием неоправданных народных предрассудков. Обмануть отдельных людей несложно, но правительства и сообщества не склонны впадать в серьезные ошибки. Коллективные суждения всего населения редко бывают ошибочными.

Было естественно, что христиане Европы не только заинтересовались, но и в некоторой степени возбудились, когда они узнали о характере обвинений, выдвинутых против иезуитов авторитетом португальского правительства. Многие из них желали благосклонно относиться к ордену из-за отношений, которые, по их мнению, он имел к Церкви. Римские священнослужители разделились: одни нападали, другие защищали его. Поэтому стало необходимым, чтобы этот вопрос был доведен до сведения папы римского, чтобы он вынес окончательное решение, поскольку они считались религиозным орденом и, следовательно, находились в пределах надлежащей юрисдикции Церкви. С этой целью Помбал от имени правительства Португалии направил официальную депешу в Рим, в которой папа был проинформирован о причинах жалобы на них. Иезуиты говорят, что этот отрывок полон "клеветы"; но это следует приписать главным образом их ненависти к Помбалу, на которого они, конечно, возлагают авторство. Тем не менее, это исходило из столь ответственной сферы, что папа счел себя обязанным уделить этому должное внимание. Он был обязан перед Португалией, не меньше, чем перед Церковью, провести тщательное расследование, чтобы установить, были ли обвинения против иезуитов правдивыми или ложными. Этого нельзя было избежать, даже если бы он этого захотел, и нет никаких доказательств того, что он это сделал.

Бенедикт XIV в то время был папой римским, а его делопроизводителем был кардинал Пассиони, имевший репутацию честного и способного человека. Следовательно,

инициационные шаги должны были быть предприняты ими. Однако здоровье папы было слабым, и иезуиты настаивают, что его симпатии были на их стороне. Вероятно, это было так; но если бы это было так, то это не послужило бы аргументом в их пользу, потому что у него еще не было доказательств, на которых можно было бы основать какое-либо решение. Вопрос, который ему предстояло тогда решить, заключался не в том, были ли они невиновны или виновны, а в том, не требовал ли от него его долг предпринять необходимые шаги, чтобы выяснить, какова истина на самом деле. Обвинения были слишком серьезными, чтобы их можно было обойти без этого, и каким бы ни был факт, касающийся его симпатий, Бенедикт XIV почувствовал себя обязанным распорядиться о проведении расследования, и действительно распорядился. Его докладная записка на этот счет была датирована 1 апреля 1758 года и адресована кардиналу Салданье Пассионией, секретарем папы римского, и содержала указание тщательно расследовать обвинения, выдвинутые португальским правительством, и представить ему факты для его папского руководства. Это было началом обычного судебного разбирательства в суде признанной юрисдикции и, вероятно, привело к приостановке, в некоторой степени, публичного судебного разбирательства в ожидании его окончательного решения. Иезуиты не могли по праву возражать против такого курса; и если это правда, как они настаивают, что папа им сочувствовал, они, несомненно, поздравляли себя с его благосклонным отношением к ним. Что бы ни произошло впоследствии, расследование, несомненно, началось беспристрастно. По этой причине исследователя, желающего понять историю и характер иезуитов, заинтересуют ее важные детали.

Кардинал Салданья был назначен "посетителем и реформатором общества", наделенным всеми полномочиями по исправлению любых выявленных злоупотреблений, и если после расследования будут обнаружены "какие-либо серьезные нарушения", он должен был сообщить о них папе, который затем должен был решить, какие последующие шаги следует предпринять.^[106] Таким образом, разбирательство до этого момента велось разумно. Однако смерть Бенедикта XIV примерно через месяц после даты составления этого отчета передала его Клименту XIII, его непосредственному преемнику. Иезуиты изо всех сил стараются показать, что, хотя папа упоминал в своем записке о реформе злоупотреблений, он не намеревался тем самым показать, что тогда он решил, что реформы необходимы. Если им будет позволено воспользоваться этим аргументом, это не поможет им опровергнуть тот факт, что кардинал Салданья после расследования выступил с докладом, в котором "отцы общества Португалии и ее владений на краю земли, на основании самой полной информации, объявлены виновными во всех преступлениях мирской торговли, которые могли бы опозорить церковное государство".^[107] В то время как выдвинутое здесь специальное обвинение касалось коммерческой деятельности, с помощью которой, в явное нарушение правил общества, иезуиты накопили огромные богатства во всех частях света, и в прямое нарушение их обета "крайней бедности", Помбал считал себя оправданным, с согласия короля, требовать от кардинала-патриарха Лиссабона издания официального приказа "о отстранить от священного служения или проповеди и слушания исповедей всех религиозных деятелей Общества Иисуса" в Лиссабонском патриархате. Соответствующий приказ был издан патриархом, что сделало вопрос более серьезным и сложным чем когда-либо; поскольку это была прямая и практичная процедура, понятная каждому. В свою защиту иезуиты настаивают на том, что патриарх был запуган Помбалом и что, как следствие, он умер от раскаяния в течение месяца и признался в своей ошибке на смертном одре. Подобные доводы защиты не имеют веса в качестве аргументов перед лицом реальных и известных событий, и особенно когда хорошо известно, что

иезуиты имеют привычку так часто прибегать к покаянию на смертном одре, полученному ими самими в частном порядке, что возбуждают общее подозрение против них. Однако даже если их заявление в данном случае будет принято за истину, приказ патриарха был приведен в исполнение правительством Португалии и, в конце концов, оказался самым смертельным ударом, когда-либо нанесенным обществу до того времени. Разбирательство не было приостановлено смертью патриарха; образовавшаяся в результате вакансии была немедленно заполнена назначением кардинала Салданья его преемником, что иезуиты были вынуждены истолковать как порицание их общества, поскольку он уже в своем отчете обвинил их в преступлениях, позорящих "церковное государство". Поскольку это назначение было произведено папой римским, по крайней мере, можно предположить, что до этого момента он считал расследование справедливым и беспристрастным. После своего назначения патриархом кардинал Салданья изгнал отца-настоятеля иезуитского "Исповедального дома" и потребовал принятия таких мер, которые привели к аресту двух иезуитов в Бразилии, которые были отправлены в Португалию и заключены в тюрьму. Он назначил епископа Пара в Бразилии своим церковным делегатом, который должен был действовать от его имени в Южной Америке. Было бы практически невозможно проследить здесь все последующие события; да в этом и нет необходимости, поскольку гораздо важнее знать результаты, чем ряд деталей, которые к ним привели. Первым важным результатом, произошедшим в Южной Америке под церковным управлением епископа Пара, было издание им указа, согласно которому "он отстранил всех иезуитов в своей епархии от исполнения функций конфессионалов и кафедр". [108] Затем он продолжил расследование поведения иезуитов и обнаружил, что духовенство разделилось по отношению к ним — одни обвиняли, а другие защищали их. Среди тех, кто выступал против них, были епископ Олинды и епископ Сан-Себастьяна, и иезуиты яростно осудили этих двух прелатов Церкви по этому поводу. Это, однако, вошло у них в привычку. Они осуждают всех, кто выступает против них, и восхваляют всех своих защитников. Таким неизбирательным методом они подрывают уверенность в себе и затрудняют принятие решения о том, сколько из того, что они говорят, следует принять, а сколько отвергнуть. Более безопасный план - следовать за ходом общественных событий, почти не обращая внимания на брань, которой изобилуют работы иезуитов.

Не может быть никаких сомнений в том факте, что Бенедикт XIV уполномочил назначенного им кардинала посетителя применить все меры, необходимые для реформирования иезуитов, если после расследования он сочтет таковые необходимыми. Таким образом, посетитель был уполномочен действовать от имени Церкви и папы римского; и, следовательно, сопротивление иезуитов его указам было неповиновением. Когда Климент XIII стал папой, он обнаружил именно такое положение вещей, что не только увеличило его ответственность, но и значительно усилило его смущение. Иезуиты говорят, что кардинал Пассиони несправедливо внушил ему мысль о том, что Бенедикт XIV уже решил, что реформа их общества необходима, и что все, что он делал под влиянием этого ложного впечатления, не должно рассматриваться как наносящее им ущерб. Это едва ли возможно; но сделал он это или нет, не имеет значения, поскольку Климент XIII ни при каких обстоятельствах не мог бы найти оправдания ни в прекращении, ни в приостановлении расследования, которое приказал провести Бенедикт XIV. Он также не мог изменить ее курс ни в какое время после того, как занял понтификат — интересы, поставленные на карту, были слишком важны, а благополучие Церкви было слишком глубоко затронуто. Во всяком случае, расследование было продолжено при Клименте XIII; и когда иезуиты поняли, что его не удастся убедить отказаться от него, они попытались изменить ситуацию, настаивая на

том, что враждебность, проявленная по отношению к ним, возникла не из-за каких-либо обвинений правительства Португалии, а из-за противостояния им "янсенистов и еретиков" из-за их ортодоксальной приверженности Римской церкви. В этом они проявили свою обычную проницательность и хитрость, очевидно, полагая, что это единственное оставшееся у них средство привлечь на свою сторону римских христиан — папу и всех остальных. Это, вероятно, в какой-то степени вело к этому, но было далеко от того, чего они, должно быть, ожидали от этого; ибо чем дальше продвигалось расследование, тем более непопулярным становилось их общество, не только из-за судебного разбирательства в Парагвае, но и из-за их вмешательства во все правительства Европы. Мы видим это по мерам, принятым этими правительствами, и по единодушию общественных настроений, которые их поддерживали. Ни на минуту нельзя допустить мысли, что эти правительства и народы — верные и преданные Римской церкви, какими они всегда были, — находились под влиянием одних только предрассудков и действовали без какой-либо сильной, контролирующей и оправданной причины. Стоит повторить, что правительства и сообщества таким образом не действуют. И вскоре мы увидим, что едва ли в истории было какое-либо другое событие, получившее столь широкое общественное одобрение, как изгнание иезуитов из ведущих стран Европы и их окончательное подавление и отмена папой римским. Свидетельства по этим предметам настолько полны и ошеломляющи, что их нельзя отбросить томами красноречивых обвинений или ослабить иезуитской софистикой.

Хотя неуместно исключать из нашего рассмотрения все, что писали иезуитские авторы относительно периода и противоречий, о которых здесь идет речь, это следует принять с большим количеством допущений. Их теплота и пылкость вызывают подозрение, указывая скорее на страсть, чем на спокойное самообладание невинности. Они не желают, чтобы чему-либо, направленному против них, приписывалась хоть малейшая заслуга, и требуют, чтобы все, что говорится в их пользу, принималось как неоспоримая правда. Однако нетрудно увидеть, что многое из того, что они преподносят в качестве исторической правды, не дотягивает до достоинства беспристрастных доказательств, и им не следует придавать сколько-нибудь серьезного значения, когда они вступают в противоречие с утверждениями, исходящими из авторитетных и ответственных источников. В течение недавнего периода один из его ведущих и наиболее образованных членов выступил в защиту общества и разослал его миру в качестве окончательного и неопровержимого доказательства. Она содержится в томе, на который так часто ссылаются в этой главе, и, как утверждается, в основном основана на том, что сказали "писатели общества". Он подкрепляет свою защиту этого метода создания истории, приводя заявления анонимных авторов, которые прямо свидетельствуют о том, что они были сфабрикованы с определенной целью заинтересованными сторонами. Он, конечно, не полагается исключительно на них, но с истинно иезуитской изобретательностью так переплел эти безответственные заявления с менее подозрительными авторитетными источниками, что придал всему колорит и убедительность. Он говорит: "Подробности взяты в основном из трех хорошо известных современных работ, *имена авторов которых до нас не дошли*".^[109] Такой ход указывает скорее на пристрастного, чем на беспристрастного хроникера событий, и на отсутствие искренности, с которой следовало бы вести столь важную дискуссию. Анонимные заявления не должны быть полностью дискредитированы, потому что они могут быть правдой; но в поисках "исторической правды" они не должны приносить никакой пользы, если не согласуются с общим ходом событий, и то только благодаря этой последовательности. Должна послужить одна иллюстрация. Утверждается, что Бенедикт XIV сочувствовал иезуитам и был

благосклонен к ним в то время, когда он назначил Салданию посетителем, уполномоченным проводить расследования и реформировать, и все же тот же самый папа был вынужден из-за их упорного неповиновения объявить их "упрямыми, коварными и нечестивыми людьми".^[110]

Одной из причин, по которой папские власти сталкивались с такими трудностями при проведении расследования дел иезуитов, была непроницаемая тайна, которая более двухсот лет нависала над поведением общества. Благодаря этой секретности и сокрытию принципов своего устройства они смогли настолько сплотить свою организацию, что она представляла собой солидный фронт перед миром, вся ее энергия была направлена исключительно на собственный успех. Только когда стала известна конституция, правительства и общество смогли защититься от их махинаций, которые, как мы видели, были достаточно хорошо спланированы, чтобы бросить вызов даже папе римскому и церковным функционерам, назначенным им для контроля за их поведением. Их упорство в отказе доводить до сведения общественности принципы своей конституции указывало, по мнению общественности, на то, что они опасались, что знание о них усилит общественное негодование по поводу их самонадеянности и тщеславия. И этот отказ был настолько решительным, что потребовался авторитет французского парламента — высшего судебного органа в этой стране — чтобы вытащить конституцию из ее тайника. Один из их членов ввязался в коммерческую авантюру, пока не обанкротился. Заявив, что у него нет собственного имущества, за счет которого можно было бы взыскать его долги, его кредиторы подали иск против общества, настаивая на том, что, поскольку имущество, которым оно владело, находилось в общем пользовании в интересах всех членов, оно должно нести ответственность по долгам каждого. Столкнувшись с сопротивлением общества, парламент, чтобы принять правильное решение, вынудил отказаться от конституции. Затем было решено, что созданная система защиты не может быть продолжена, после чего было вынесено решение против общества, и долг был выплачен. После этого времени, когда стали известны принципы конституции, ненависть к иезуитам быстро возросла как среди римских католиков, так и среди протестантов, но особенно среди первых, из-за их неустанных усилий помешать расследованию, инициированному папой римским. Неискушенные умы, привыкшие уважать Церковь и повиноваться ее авторитету, не могли понять, почему на пути папы в его усилиях по установлению истины должно быть так много препятствий, если общество, как оно притворялось, совершенно безупречно в своем поведении. Даже авторитет Церкви был сравнительно бессилен противостоять их упрямству и преодолеть его, в чем у нас будет много случаев убедиться в ходе наших расследований.

СНОСКИ:

^[102] Сварной шов, стр. 94.

^[103] Там же.

^[104] Сварной шов, стр. 96-97.

^[105] Там же.

^[106] Сварной шов, стр. 131-132.

^[107] Там же., стр. 138.

[108] Сварной шов, стр. 148.

[109] Сварной шов. Введение, стр. xxxviii-xxxix.

[110] Николини, стр. 128.

ГЛАВА XII.

ВВЕДЕНЫ ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ.

Не следует предполагать, что единственными основаниями для жалобы на иезуитов были те, которые уже были перечислены. Куда бы они ни были посланы среди языческих и нехристианских народов, они доставляли неприятности Церкви и наносили серьезный ущерб делу христианства. Когда они обнаруживали миссионерское поле, занятое каким-либо из монашеских орденов, они пытались либо устранить их, либо уничтожить их влияние, посягнув на их христианскую целостность, чтобы они могли все делать по-своему. Они привыкли добиваться своих целей любыми средствами, которые считали необходимыми, считая последние оправданными первыми. Не только в Парагвае, но и везде, где они добивались господства над невежественным и доверчивым населением, это было достигнуто главным образом путем убеждения их в том, что обращение в христианство состояло в простом повторении формальных слов, которых мнимые новообращенные не понимали, и в церемонии крещения без какого-либо разумного представления о его характере или о примере и учении Христа. Семена заблуждения, которые им таким образом удалось распространить среди уроженцев Индии, Китая и других стран, выросли в такие ядовитые плоды, что за все прошедшие годы так и не смогли найти противоядия, и остается прискорбным фактом, что потомки тех же самых новообращенных, которые называли себя идолопоклонниками, продолжали избегать христианства, как будто все его влияние было пагубным. Они стали браминами в Индии и, практикуя идолопоклоннические обряды и церемонии этой страны, привели дело христианства к деградации. Продолжая неуклонно следовать совету Лойолы, они повсюду становились "всеми для всех людей", поклоняясь святыням низших форм языческого суеверия, как если бы они были святыми алтарями Церкви. И когда высшие власти Церкви упрекали их за это, они оправдывали себя тем, что любая форма порока, обмана и безнравственности становится узаконенной христианством, когда практикуется от его имени. В Китае они вместе с местными жителями поклонялись Конфуцию вместо Христа и приносили жертвы на его алтарь без малейших угрызений совести. Они не упустили ничего, каким бы унижительным это ни было, что они сочли необходимым для успешного внедрения иезуитского скипетра среди населения Востока, пока, наконец, после долгой и упорной борьбы, они не были приведены к частичному повиновению Церковью, авторитету которой они бросили вызов и чьи предписания они презрительно нарушили.

Что бы ни говорили или ни думали о различных религиях, преобладавших во всем мире, есть одна вещь, относительно которой не может быть недопонимания; а именно, что брахманизм Индии и христианство Христа не могут быть гармонично объединены вместе. Для этого есть много причин, очевидных для каждого разумного человека, но лишь нескольких достаточно для настоящих целей. Центральной идеей первого всегда было то, что Брахме следует поклоняться

через множество божеств, представляющих каждую страсть и эмоцию разума; и что его гнев должен быть умиротворен жертвоприношениями, даже человеческими существами, чтобы достичь полного уничтожения как высшего и наиболее совершенного состояния блаженства после смерти; тогда как центральная идея христианства заключается в том, что поклоняться следует только одному Богу, Автору всего сущего и Властелину вселенной, так что, когда человек достигнет "последнего на земле", его дух войдет в бессмертие. . Брахманизм веками держал Индию в унижительном рабстве, а христианство было создано для того, чтобы поднять человечество на более высокий уровень бытия. Эта вера была универсальной среди всех христиан, как бы они ни различались по формам веры и способам богослужения; и никто не был громче в ее исповедании, чем иезуиты, которые утверждали, что они одни достойны занимать миссионерское поприще и были специально и божественно предназначены для распространения Евангелия среди всех языческих народов. Однако, продолжая свою работу в Индии, они нарушили свой торжественный обет верности Церкви, отбросив все претензии на христианство и открыто, но с имитацией христианского рвения, приняв обычаи идолопоклонства, обычные для местных жителей. Они бесстыдно отвергали исповедание христианства, как если бы оно было предметом порицания, и с готовностью исполняли самые отвратительные индуистские обряды, по-видимому, столь же пренебрегая обязанностью повиновения Церкви, как и своим собственным достоинством и мужественностью характера. Они заменили мошенничеством и лицемерием ту открытую, откровенную и мужественную линию поведения, которую чувство справедливости никогда не перестает подсказывать простодушным умам. Они не стали христианами, став браминами и париями, тайно и коварно пробираясь на самые высокие посты и с такой же легкостью и мастерством опускаясь на самые низкие и унижительные. Даже в наш просвещенный и исследующий век многие интеллигентные люди будут задаваться вопросом, возможно ли, что все это правда, поскольку они так серьезно потрясают всякое чувство личной чести и религиозного долга. Но подтверждений им достаточно много, чтобы устранить все возможные сомнения, и они представлены не только авторами всеобщей истории, но и теми, кто дружен с иезуитами, и обычно заставляют извиняться за них.

Одним из самых выдающихся миссионеров-иезуитов в Индии после Ксаверия был Нобили, который прибыл в Мадурю примерно в начале семнадцатого века. Утверждается, что его предшественники не смогли обратить в свою веру никого из брахманов, поскольку они работали исключительно с париями, которых брахманы избегали и презирали, и которые вообще не обращали внимания на их христианские увещания. Поэтому Нобили напряг всю свою изобретательность, чтобы найти какой-нибудь практический метод устранения этой трудности. Перед ним были многочисленные примеры тех, кто распространял дело христианства, открыто исповедуя и мужественно отстаивая его. Было что-то вдохновляющее в мысли о том, что в своих прошлых успехах христианство не нуждалось в маскировке, а одержало свои победы над язычеством в открытом и мужественном споре. Для набожного и христианского ума не существовало почвы для компромисса между брахманизмом и христианством. Одному или другому пришлось уступить — они не могли объединиться. Нобили знал это и, если бы не его иезуитское воспитание, вряд ли отступил бы от простого исполнения христианского долга. Однако, имея разум, дисциплинированный верой в то, что его долг - быть "всеми для всех людей", он подражал примеру Магомета, который отправился на гору, когда она не пришла к нему, отбросив свой христианский облик и сам став брахманом. Он принял характер и положение "*саниасси*", то есть высшей касты среди индусов. Что означает это слово,

не очень ясно, но иезуиты настаивают, что те брахманы, которые носили его, давали некоторые признаки раскаяния, и что целью Нобили было втереться в их расположение тайно и под ложным предлогом и таким образом обратить их в христианство. Есть много оснований для предположения, что это была запоздалая мысль, созданная в качестве защиты, когда вопиющее и нехристианское поведение иезуитов вызвало общее недоверие среди христиан Европы. Но если это выражало реальный мотив, существовавший в то время, то тогда, как всегда, это было совершенно необоснованно - прямое и очевидное нарушение христианского долга. Он не мог стать саниасси, не отрицая, что он либо был, либо когда—либо был христианином, и без торжественного подтверждения того, что он коренной индус, а не европеец - последний, известный под ненавистным именем Ферингис, вызывал особое и всеобщее презрение у всех местных жителей, и особенно у брахманов.

Все это, конечно, включает в себя ложные заявления и бесчисленные клятвы; и, более того, такое подавление совести, что она становится неспособной отличать правду от лжи или честные и лживые поступки. Все это было сделано, по словам историка-иезуита Дориньяка, "с одобрения его начальства и архиепископа Кранганорского", то есть с полного одобрения иезуитов. И как будто можно было найти заслугу в такой профанации того, что все христиане считают священным, отступая от правил христианской жизни, этот же авторитет сообщает своим читателям, как Нобили предстал в образе иезуита-брамина после того, как он отбросил все отличительные знаки и характеристики христианства и представил себя в качестве полноправного коренного индуса. "Он надел, - говорит он, - одежду кающихся брахманов, перенял их внешние правила жизни и говорил на их таинственном языке". Он побрил голову, надел одежду брамина, включая серьги, спускающиеся до шеи. И "для довершения иллюзии", то есть обмана и лживого притворства, он представляет его "намазавшим лоб желтой пастой, сделанной из дерева Санданам" — практика, характерная для индуистских брахманов. Претерпев такую метаморфозу, он "прослыл совершенным Саньясси, и сами брахманы, удивляясь такому сопернику, искали его присутствия и расспрашивали о нем самом, его стране и его семье". Однако его маскировка, какой бы совершенной она ни была, не заставила его забыть, что на самом деле он все еще иезуит, и он, послушный своему обучению, зашел в своем обмане и лжи достаточно далеко, чтобы сделать свой обман полным и действенным. Следовательно, "его клятва обеспечила ему доступ к самым ученым и святым браминам Востока. Они называли его Татува-Подагар-Сонами - мастером в девятистах шести качествах истинно мудрого". И таким образом, с помощью самого неприкрытого лицемерия и ложных клятв Нобили отрекся от своей религии, своего имени, своей страны и Бога, которому, по его словам, поклонялся, и стал индуистским саньясси, и все это ради "вящей славы Бога".^[111]

Многие другие иезуиты подражали этому примеру Нобили, и стали как браминами, так и париями. Некоторые из них были специально обучены для этой цели в рамках гибкой системы иезуитского образования, каждый из которых, конечно, был тщательно проинструктирован о наилучших и безопасных способах применения обмана, нарушения клятв и использования самых низменных средств для достижения намеченной цели. В качестве извинения за них утверждается, что таким образом они смогли обратить многие сотни тысяч индийцев, как брахманов, так и париев, на сторону христианства. Однако ни один разумный человек не может быть введен в заблуждение подобным притворством, ибо, если бы даже такое количество туземцев попало под их влияние, они не смогли бы подняться выше низкого уровня, установленного жизнями их наставников-иезуитов. Но эту историю нельзя принимать за правду, поскольку она исходит только от активных участников этой обширной системы мошенничества

и лжи. Гораздо более вероятно, что это была всего лишь еще одна неправда, добавленная к множеству тех, которые эти самозванцы-иезуиты имели привычку повторять ежедневно. Кроме того, если бы произошло какое-либо подобное обращение в христианство, самозванство иезуитов было бы раскрыто, и все они были бы изгнаны из страны. Иезуиты, находившиеся тогда в Индии, сами признают достаточно, чтобы заверить нас в этом. Один из них сказал: "Все наше внимание направлено на то, чтобы скрыть от людей, что мы те, кого они называют ферингами. Малейшее подозрение в этом с их стороны стало бы непреодолимым препятствием для распространения веры", — простой и очевидный смысл которого заключается в том, что честность и добросовестные отношения ослабили бы дело христианства, в то время как его сила увеличивалась и поддерживалась ложными предложениями, ложными клятвами и ложным заявлением о преданности брахманической религии. Другой из них сказал: "Известно, что миссионеры не были европейцами. Если бы в них верили, они были бы вынуждены покинуть страну, потому что они не смогли бы принести абсолютно никаких плодов. Обращение индусов почти невозможно для евангельских тружеников из Европы: я имею в виду, невозможно для тех, кто выдает себя за европейцев, даже несмотря на то, что они творили чудеса ". В другом месте он представляет, что "было бы полным крахом христианства", если бы иезуиты были известны как феринги или европейцы; то есть, чтобы продвигать христианство, было необходимо отрицать это, даже под присягой, и исповедовать, что идолопоклонство индусов было истинным поклонением Богу.[112]

Следовательно, утверждение иезуитов о том, что огромное количество обращенных в христианство было сделано ими, должно было заслуживать не большего доверия, чем другие их заявления; во всяком случае, признанные авторы системы лжи и обманов не имеют права на наше доверие. Возможно, однако, что им удалось тайно крестить нескольких туземцев и что среди них были несколько брахманов. Но если бы они это сделали, то совершенно очевидно, что церемония должна была проводиться тайно, и, как правило, так, что те, кто был крещен, не имели четкого представления о том, что это означало, и, возможно, даже не знали времени ее проведения. Ни на каком этапе иезуитской миссионерской системы делу истинного христианства не было нанесено большего вреда, чем на этом. Миллионы невежественных и введенных в заблуждение людей были убеждены в том, что христианство состояло не в чем ином, как в простой церемонии крещения, без какого-либо разумного представления о Боге. Ксавьер положил начало этой системе в Индии, и эти брахманы-иезуиты, следовавшие за Нобили, были его подражателями. Если собрать все данные вместе, то число новообращенных в Индии было просто огромным, и все же в 1776 году, после того как иезуиты ушли оттуда, был найден очень небольшой процент от их предполагаемого числа.[113] Но эти преувеличения более простительны, чем методы, принятые для навязывания крещения ничего не подозревающим и простодушным массам. Немец Штайнмец, ссылаясь на это, говорит: "Они проникают в дома индейцев под видом врачей; обматывают голову и лоб больного мокрой тканью, даже находясь при смерти; бормочут про себя службу крещения; и думают, что сделали одним христианином больше, которого немедленно добавляют в список". Он представляет иезуита Де Буржа следующим образом: "Когда детям угрожает смертельная опасность, наша практика заключается в том, чтобы крестить их, не спрашивая разрешения их родителей, в чем им, безусловно, будет отказано. Катехизаторы и частные христиане хорошо знакомы с формулой крещения, и они совершают его над этими умирающими детьми, *под предлогом того, что дают им лекарство*; то есть с помощью того рода "благочестивого мошенничества", которое, по словам иезуитов, способствует "большей славе Божьей". Другой отец-иезуит, чей

опыт в Индии позволил ему говорить обдуманно, упоминает одну женщину, "чье знание пульса и симптомов приближающейся смерти было настолько безошибочным, что из более чем десяти тысяч детей, которых она крестила сама, не более двух избежали смерти". Еще один иезуит утверждает, что число таких крещений во время голода 1737 года "превышало 12 000". И он дополняет это утверждение, говоря, что "в любом месте, где были неофиты, было редкостью, чтобы хоть один языческий ребенок умер некрещеным".^[114] Обозревая всю эту сферу деятельности иезуитов и размышляя о деморализующем влиянии иезуитов в Индии, тот же немецкий историк считает себя вправе сказать, что "каждый иезуит, вступивший в эти нечестивые пределы, распрощался с принципами и истиной — все они стали лжесвидетелями-самозванцами, и жизни всех впоследствии были всего лишь одной длинной, настойчивая, утомительная ЛОЖЬ".^[115]

Было бы бесплодной задачей обобщать предлоги, изобретенные иезуитами, чтобы убедить невежественных и суеверных людей в том, что Бог не только одобрял, но и непосредственно санкционировал мошенничество и лжесвидетельство, которые они совершали от его имени, и что он специально и божественно выделил их — в отличие отлюбой другой группы людей в мире — чтобы продемонстрировать, как "вящей славе Божьей" могут способствовать подобные беззакония. Если бы можно было точно провести границу между их добрыми и злыми деяниями, было бы весьма поучительно наблюдать, насколько последние превосходят первые. Для иезуита Саньясси не составляло никакого труда принять облик христианина и инду-идолопоклонника почти в одно и то же время, и в этом двойном качестве он мог творить чудеса, подобные чудесам Ксавье, с легкостью и мастерством современного престижжигитатора. Они держали в страхе даже самых диких животных благодаря окружавшему их запаху святости! В одной из них говорится, что, путешествуя ночью со своими спутниками, они обнаружили приближающегося к ним большого тигра, когда, просто крикнув: "*Святая Мария!*", свирепое животное испугалось и отошло в сторону, показывая "скрежетом своих зубов, как ему жаль, что он упустил такую прекрасную добычу". Другой, чтобы показать, как Провидение осеяло и защищало иезуитов, сказал, "что когда язычникам и христианам случалось быть вместе, тигры пожирали первых, не причиняя никакого вреда верующим — эти последние находили защиту в крестном знамении и в святом имени Иисуса и Марии".^[116] Рассказываются такие суеверные истории, как эти, и к ним добавляется множество мнимых чудес, при кажущемся неосознании со стороны тех, кто их рассказывает, что мир достиг периода, когда истина может быть открыта даже под всеми маскировками, которые могут быть наложены на нее ложью и обманом.

Тем, кто не исследовал историю иезуитов, написанную ими самими, эти обвинения могут показаться резкими и незаслуженными; однако тем, кто исследовал, это не так. Независимо от того, куда они направлялись, обязанность быть "всем для всех людей" считалась обязательной для каждого члена общества. Повиновение Вышестоящему было высшей добродетелью, несмотря на то, что оно могло быть сопряжено с нарушениями законов Бога, морали и общества. Как еще могли бы называющие себя христианами притворяться, что они занимаются добродетельной практикой, отрицая Христа, отказываясь от поклонения ему и привычно практикуя унижительные обряды индуистской религии на протяжении более чем столетия, как это делали Нобили и его последователи-иезуиты и подражатели? И какой еще возможный предлог может быть предложен для иезуитского поклонения Конфуцию в Китае, в религиозном братстве с местными жителями, которые превратили свои публичные церемонии и празднества в особые свидетельства своего преклонения перед ним как перед основателем своей национальной религии и главным среди богов своего идолопоклонства? Мы увидим, как

обстояли дела, приведшие к их осуждению папами, хотя историки-иезуиты, которые вынуждены это признавать, изо всех сил стараются показать, что папское порицание было незаслуженным.

Дориньяк — самый способный из защитников иезуитов — ссылаясь на образ действий Нобили и других, практиковавших идолопоклоннические обряды, говорит: "Некоторые европейцы были шокированы этим методом показывать *все людям, чтобы все привлечь ко Христу*". Это предложение вводит в заблуждение тем, что вместо просто "некоторых", которые чувствовали себя шокированными, по всей Европе были толпы. Церковные власти в Гоа, в Индии, также принадлежали к этому числу; и когда туда дошла жалоба на то, что Нобили "стал брахманом и предался идолопоклонству и суевериям", его вызвали в Гоа для объяснения своего поведения. Он не мог послушаться этого призыва, и когда он прибыл туда, "вид его необычного костюма вызвал всеобщее выражение негодования" среди христиан. Когда архиепископ Гоа потребовал объяснений от официального представителя Церкви, назначенного папой для этой цели, единственное, что он мог сделать в свое оправдание, — это то, что его мотивы были благими; то есть, что проституирование самого себя и своего священного призвания имело благие намерения, потому что его целью было способствовать "вящей славе Божьей"! Иезуиты в Гоа приняли его доводы "как достаточные", говорит Дориньяк. Есть два способа объяснить это: во-первых, они были иезуитами; и, во-вторых, потому, что метод лжи Нобили открыл для них новые и обширные сферы деятельности, которые, если бы они были признаны, они могли бы с большим успехом использовать для расширения власти своего общества. Но архиепископ думал иначе и "категорически отказался" признать доводы Нобили удовлетворительными. Соответственно, выступая от имени Церкви и папы римского, как он был уполномочен делать, он осудил поведение Нобили и названные им причины. Нобили "утверждал, что истины Евангелия не могли быть привнесены в Мадурю никакими другими способами"; но архиепископ отказался принять это оправдание, очевидно, расценив его как порочащую доктрину, направленную против самих основ христианства. Ни тот, ни другой не уступали. Нобили, поддержанный иезуитами, настаивал на том, что он не обязан подчиняться архиепископу, хотя действовал под особым руководством Церкви и папы римского; в результате дело пришлось отправить в Рим и ожидать решения папы римского. Тем временем Нобили вернулся в Мадурю, где продолжил свои идолопоклоннические обряды, несмотря на порицание архиепископа Гоа, и, таким образом, он был поставлен в позицию неповиновения законной власти Церкви.^[117]

Изобретательности иезуитов оказалось недостаточно, чтобы ограничить масштабы расследования, таким образом переданного папе и Папской курии в Риме, из-за растущего негодования против общества. В дополнение к жалобам португальских властей на их поведение в Парагвае и Нобили в Мадуре, об их идолопоклонническом почитании Конфуция в Китае стало широко известно примерно в это время. Следовательно, расследование, которое папе стало необходимо провести, не только возросло в важности, но и расширилось почти с каждым днем. Затронутые вопросы были важны не только для Церкви, но и для дела христианства во всем мире; ибо было легко предвидеть пагубные и деморализующие последствия, если бы иезуитам было позволено смешивать христианское и идолопоклонническое богослужение вместе, чтобы каждому языческому народу в пределах их миссий казалось, что христианство одобряет обе формы богослужения в одинаковой степени. Следовательно, папе римскому стало необходимо изучить и решить оба вопроса одновременно; то есть, может ли Церковь по праву мириться либо с принятием и практикой индуистских обрядов иезуитами в Индии, либо с их участием в идолопоклонническом поклонении Конфуцию в Китае.

Среди заметных событий, связанных с последним, было прибытие в Китай некоторых доминиканских и францисканских миссионеров и их удивление, когда они обнаружили идолопоклоннические обычаи иезуитов. Никогда даже не подозревая о возможности того, что учение Церкви может быть подвергнуто таким искажениям, чтобы послужить апологией идолопоклонства, они сочли поведение иезуитов "настоящим скандалом", заслуживающим порицания. Что казалось им особенно предосудительным, так это тот факт, что иезуиты учили своих неофитов использовать китайский термин "*Кинг-Тянь*", чтобы выразить идею Бога — не как Творца вселенной, а как Божества, главенствующего над множеством других божеств, каждое из которых обладает отдельной сферой суверенитета. Для них было нелегко представить себе что-либо более способное подорвать христианство, потому что, ограничивая или умаляя каким-либо образом суверенные атрибуты Бога, вся христианская система рухнула бы. Они, соответственно, уведомили апостольского викария в Китае, как непосредственного представителя тамошней Церкви, об этом беспринципном и нехристианском поведении иезуитов, чтобы, по возможности, внести надлежащие коррективы и удалить "скандал" из Церкви. Викарию не потребовалось много усилий, чтобы обнаружить, что обвинения монахов против иезуитов были правдой; и когда ему это стало известно, он не только осудил их идолопоклонство, но и "сурово осудил их" за то, что они его практиковали. Иезуиты, в порядке защиты, попытались объяснить, почему они применили идолопоклоннический китайский термин к Богу христиан, и при этом проявили свою обычную софистику — адептами которой они всегда были — таким образом, чтобы убедить викария, а также доминиканских и францисканских монахов в полном недостатке искренности и прямоты, не говоря уже об утрате ими христианской целостности. Они утверждали, что "почести, оказанные Конфуцию, были всего лишь гражданскими церемониями, с которыми христиане вообще не связывали никаких религиозных идей, и что слово *Кинг-Тянь* в китайском языке просто передает идею Бога в том виде, в каком ее понимают христиане". По их словам, об этом им сообщили китайские мандарины и ученые мужи. Следовательно, они утверждали, что, если не допустить преобладания принятого ими идолопоклоннического культа, будет невозможно получить достаточное влияние на китайцев, чтобы привлечь их к христианству — точный смысл которого заключался в том, что, если им не будет разрешено практиковать идолопоклоннические обряды язычества, китайцев никогда нельзя будет побудить стать христианами. Этот аргумент был насквозь иезуитским и не смог ввести в заблуждение ни апостольского викария, ни доминиканских и францисканских монахов, все из которых могли видеть сквозь тонкую маскировку, с помощью которой иезуиты пытались скрыть свою конечную цель - привести церковные власти во главе с папой к повиновению им. Им не требовалось никакого знания китайского языка, чтобы понять, что по природе вещей китайцы не могли ввести в свой язык ни одного слова или даже какого-либо набора слов, выражающих идею Бога в том виде, в каком ее понимают христиане. Они были знакомы с универсальным правилом, согласно которому язык каждого народа сконструирован исключительно для выражения их собственных идей, чувств и размышлений, а не такой, который преобладает среди тех, с кем они не поддерживают отношений. Таким образом, искренность и честное отношение к Церкви и делу христианства требовали от них признания того факта, что китайское слово *King-Tien* передает только идолопоклонническую идею высшего божества Конфуция и что именно так оно использовалось во всех гражданских и других церемониях китайцев. В результате викарий объединился с монахами в неприятии позиции и доктрины иезуитов и решительно осудил их за то, что они опорочили устоявшееся богослужение Церкви. Одно это решение, принятое регулярно учреждаемыми властями Церкви, представляет собой важнейший и многозначительный факт,

который не следует упускать из виду тем, кто желает понять историю самого замечательного общества, которое когда—либо знал мир.

Это решение, несомненно, соответствовало мнению папы римского и всех церковных властей по всей Европе, за пределами круга иезуитов. Объявленный апостольским викарием с одобрения монахов, он должен был положить конец всем дальнейшим идолопоклонническим действиям со стороны иезуитов. Любая другая группа людей, признавшая юрисдикцию Церкви, либо подчинилась бы ей, полностью отказавшись от осуждаемых обычаев сразу, либо, во всяком случае, перестала бы следовать им до тех пор, пока запрет не был снят папой, высшую юрисдикцию которого нельзя было отрицать без восстания против Церкви. Но иезуиты не принадлежали к ордену, привыкшему подчиняться какой-либо другой власти, кроме власти своего настоятеля, которого каждый из них торжественно поклялся признавать равным Богу и соответственно повиноваться. Они соглашались с решениями пап, когда те соответствовали их собственным мнениям и целям; когда же они этого не делали, они использовали всю свою изобретательность и хитрость, чтобы обойти их. Следовательно, они ослушались викария, пренебрегли советом монахов и упорно продолжали свои идолопоклоннические обряды под предлогом того, что ожидали решения папы римского.^[118]

Папы были вынуждены медленно и осторожно решать подобные вопросы из-за трудности доступа в такие отдаленные страны, как Индия и Китай, и неизбежных задержек в передаче разведанных между ними и Римом. Были приняты меры предосторожности путем направления специальных церковных прелатов, выбранных папой для этой цели, не только с указаниями расследовать и сообщать факты, но и с полномочиями устанавливать временные правила, которые должны вступить в силу в ожидании одобрения папы и стать окончательными, когда оно будет получено. Одним из таких прелатов был испанский доминиканец по имени Моралес, который был послан в Китай в 1633 году папой Урбаном VIII. Это произошло через двенадцать лет после того, как вопрос был представлен Павлу V, и стало необходимым из-за того, что он оставался нерешенным во время понтификата Григория XV. Когда Моралес прибыл в Китай, он приступил к необходимому обследованию с достаточной тщательностью, чтобы убедиться в нехристианском поведении иезуитов, и, соответственно, осудил их церемонии как идолопоклоннические. Это привело в ярость китайские власти, на которые, как предполагается, повлияли иезуиты, и "доминиканцы и францисканцы были изгнаны из страны", оставив иезуитов одних следовать своим идолопоклонническим обычаям без вмешательства монахов или Моралеса, который, будучи доминиканцем, был включен в число изгнанных. К тому времени Моралес провел в Китае двенадцать лет и все это время трудился с иезуитами, пытаясь убедить их отказаться от участия в поклонении Конфуцию; но его усилия были совершенно тщетны. Они снискали расположение при дворе китайского императора и не желали отказываться от полученных таким образом преимуществ, предпочитая их служению Церкви. Таким образом, после его изгнания из Китая Моралесу не оставалось ничего другого, как отправиться в Рим и доложить папе, которым в то время был Иннокентий X. Это он и сделал в 1645 году, когда полностью изложил папе то, что он наблюдал в Китае, сообщив, конечно, тот факт, что он был изгнан из-за своей верности возложенному на него доверию. На данном этапе папа не мог отказаться от этого вопроса, и он, соответственно, представил Конгрегации пропаганды, которая должна была решить для его сведения и руководства, эти два вопроса: "Допустимо ли падать ниц перед идолом *Чачинчиам*? Допустимо ли приносить жертвы *Кеумфукуму*, то есть Конфуцию?" Этими вопросами иезуитские методы судопроизводства в Китае были вынесены непосредственно на рассмотрение этого учрежденного трибунала Церкви в Риме, так что

решение по ним папой было неизбежным. Каким было это решение, видно из следующего заявления, сделанного под непосредственным руководством архиепископа Хьюза из Нью-Йорка в книге Де Монтора "Жизни и времена римских понтификов": "В ответ на ответ Конгрегации папа издал указ, запрещающий миссионерам любого ордена или института делать что-либо из этого, пока Святой Престол не отдаст обратного приказа".^[119] Таким образом, что бы ни делали или не хотели делать другие папы, Иннокентий X торжественно постановил, что практика иезуитов была неправильной и больше не будет допускаться Церковью. Тогда он еще не узнал — что стало совершенно очевидным для многих его преемников, — что иезуиты были так же хорошо знакомы с различными методами устранения папских указов со своего пути, как и с мошенничеством и лицемерием, с помощью которых они обманывали и вводили в заблуждение язычников в ущерб делу христианства.

По-видимому, имела место некоторая ненужная задержка и, возможно, некоторые неоправданные увиливания в том, как папы решали эти неприятные вопросы. Де Монтор утверждает, что несколько пап, сменивших Иннокентия X, разрешили иезуитам продолжать их идолопоклоннические церемонии; а именно Александр VII, Климент IX, Климент X, Иннокентий XI, Александр VIII и Иннокентий XII. Это общее утверждение, однако, вводит в заблуждение и рассчитано на то, чтобы причинить несправедливость этим папам, если не принимать во внимание тот факт, что ни один из них не пошел дальше, чем сказал, что иезуиты могли объединяться с китайцами в их *гражданских* церемониях, когда они ни в каком смысле не были религиозными. Никто из них не взялся решить, включало ли жертвоприношение Конфуцию религиозное поклонение или нет; ибо это был вопрос, непосредственно поставленный перед ними, и в отношении которого были приложены максимальные усилия для получения точных и надежных доказательств. Но, несомненно, верно, что иезуиты неверно истолковали то, что было сделано этими шестью папами, и извратили их смысл в угоду себе, продолжая свои идолопоклоннические обряды со все большей безнаказанностью. И они делали это до такой степени и так открыто, что в 1693 году Мегро, апостольский викарий, доктор Сорбонны и епископ Конона, был вынужден, как представитель Церкви, запретить идолопоклоннические церемонии иезуитов специальным запретительным декретом. Дата этого указа важна, поскольку она показывает, сколько лет потребовалось и как трудно было привести иезуитов в подчинение Церкви; другими словами, как мало они заботились о Церкви, или о папах, или об апостольских викариях, или о древних монашеских орденах, когда любой из них в одиночку, или все вместе взятые, отваживались чинить малейшие препятствия на их пути. Вопрос об идолопоклоннических практиках нобили впервые возник в 1618 году и был представлен Павлу V в 1621 году. Следовательно, до официального указа Мегро об осуждении его как апостольского викария прошло семьдесят два года - почти три четверти века — и все это время иезуиты наслаждались непрерывным триумфом над Церковью, папами и христианством.

Такое положение вещей делало абсолютно необходимым, чтобы серьезному и затянувшемуся давлению на авторитет Церкви каким-то образом был положен конец и чтобы клеймо, которое иезуиты наложили на христианство, было снято. Следовательно, папа Климент XI - после еще восьми лет промедления — назначил нового апостольского викария и легата в лице выдающегося кардинала Де Турнона, чтобы обеспечить полное и тщательное расследование действий иезуитов в Индии и Китае. Он был уполномочен полностью представлять власть Церкви и действовать вместо папы римского. Де Турнон с рвением приступил к выполнению своей миссии и, после расследования обнаружив, что все обвинения против иезуитов полностью подтверждены, в июне 1704 года издал указ, которым самым решительным и

недвусмысленным образом осудил китайские и малабарские обряды, практикуемые иезуитами. Этот указ издан Николини, и внимательное прочтение его покажет, до какого упадочного состояния иезуиты довели официально христианское богослужение — вплоть до принятия суеверных и аморальных обычаев идолопоклонников.^[120] До этого времени иезуиты почти сто лет наслаждались безнаказанностью, и поскольку Церковь в течение этого длительного периода была неспособна наложить на них какие-либо ограничения, которым они не могли противостоять, их идолопоклонническое поклонение и деморализующие доктрины больше нельзя было терпеть без неисчислимого вреда. Таким образом, суровые меры, принятые де Турноном по прямому указанию Климента XI, были полностью оправданы.

Иезуиты снова продемонстрировали свой порочный и упрямый характер, нагло апеллируя к указу, который папа уполномочил Де Турнона издать от его имени, самому папе, явно надеясь либо привлечь его на свою сторону, либо отложить его окончательное решение на неопределенный срок. Они повторили свой любимый аргумент о том, что христианство не может распространяться в Индии и Китае, не сделав поклонение идолам частью своих религиозных церемоний. Они также поставили под сомнение характер доказательств, на которые опирался Де Турнон, настаивая на том, что они были получены от тех, кто не понимал ни жителей Индии, ни Китая, ни их языки. При всем этом они упорно исходили из предположения, что для обращения языческого народа христианство должно быть сначала обращено в язычество, чтобы оно могло послужить отправной точкой для обретения окончательного господства над ними. Это означало, что язычники должны быть обращены в христианство только иезуитами, поскольку никто другой, кроме них, не пытался привить христианскую веру и поклоняться каким-либо идолопоклонническим церемониям или долгу и необходимости лжи и лицемерия как средству достижения цели. Но папа не был введен в заблуждение этой деморализующей уловкой, и, выслушав их полностью и должным образом обдумав то, что они сказали, он отмахнулся от всего этого, дав свое прямое и неподтвержденное одобрение декрету, опубликованному Де Турноном в качестве его легата. Де Монтор признает это; но есть множество доказательств помимо этого признания. В своей "Жизни Климента XI" он говорит:

"Но Климент, рассмотрев дело в 1710 и 1712 годах, подтвердил все указы, которые были приняты против церемоний, а также указы кардинала Де Турнона; и 19 марта 1715 года конституцией *Ex illa die* (находится в Vol. X из *Римской буллы*), он более решительно осудил эти обряды; и он установил форму клятвы, которую отныне должен был приносить каждый миссионер в Индии, обещая соблюдать от своего имени и от имени своего ордена".^[121]

Ни один язык не может быть более простым и выразительным, чем тот, который здесь употребил папа. Это было произнесено не в простой записке, которая, как настаивают иезуиты, может быть изменена в соответствии с любой последующей чрезвычайной ситуацией, а в официальной папской булле, изданной *ex cathedra*, и которая, если все папы были непогрешимы, должна быть принята как божественный авторитет. Но независимо от того, называлось ли оно тем или иным из этих имен, это был торжественный официальный акт папы римского — главы Церкви — и как таковой, согласно учению Церкви, был окончательным и обязательным для исполнения всеми, кто заявлял о своей верности ему. И так расценил бы это любой из древних монашеских орденов и все, кто уважал авторитет Церкви. Но иезуиты не представляли ни один из этих классов; и поскольку власти папы римского было недостаточно, чтобы изменить их курс или поколебать их в достижении их целей, они продолжали упорствовать в своем неповиновении, совершенно не обращая внимания на последствия. Они

дошли до того, что убедили императора Китая отдать приказ об аресте Де Турнона, что было сделано епископом Макао, который был одним из их орудий, который приказал заковать его в цепи и бросить в тюрьму, где от "жестокоего обращения" он умер.^[122]

Эти инциденты, столь неблагоприятные для мира в Церкви, снова отложили рассмотрение вопросов во время последующего понтификата Иннокентия XIII, после чего они приобрели такой размах и важность, что Бенедикт XIII был вынужден заниматься ими одновременно энергично и сурово. Это он сделал, дополнительно подтвердив указ кардинала Де Турнона и буллу Климента XI, подтверждающую нехристианские обычаи и поведение иезуитов. Но даже это не преодолело их упрямства, и следующий папа, Климент XII, был вынужден издать еще одну буллу, подтверждающую буллы Бенедикта XIII и Климента XI.^[123] Мир никогда не видел другого примера такого вопиющего и упорного неповиновения, как этот. Даже другой папа, Бенедикт XIV, считал абсолютно необходимым издать две дополнительные буллы с осуждением иезуитов, в обеих из которых указ Де Турнона был одобрен словами прямого подтверждения. Он намеревался окончательно урегулировать этот вопрос и положить конец продолжающемуся долгое время пренебрежению церковной властью со стороны иезуитов. Тем не менее, как и его предшественники на протяжении многих лет, он был вынужден осознать, что имеет дело с противником, чьи амбиции были ненасытны, а способность к интригам безгранична и неутомима, как ветер. Де Монтор рассказывает о результате, но опускает какие-либо комментарии по поводу триумфа иезуитов над всеми папами, которые выносили им порицание и пытались наложить ограничения на их поведение. Он говорит о "разногласиях между другими миссионерами и иезуитами, причем первые упрекают последних в неполном и откровенном соблюдении буллы", и делает замешательство пап ощутимым, добавляя: "Эти споры продолжались до роспуска общества".^[124] Это равносильно утверждению, что единственным способом привести их в повиновение Церкви был их роспуск. Однако позже мы увидим, что они даже не подчинились акту роспуска.

Поскольку общество было первоначально учреждено Павлом III в 1540 году и упразднено Климентом XIV в 1773 году, таким образом, представляется, что значительно больше половины периода его существования было потрачено на открытое и вопиющее сопротивление власти пап и Церкви — важный факт, который никакая софистика не может смягчить или объяснить. Но по мере продолжения наших исследований к ним добавятся другие годы сопротивления, а также такие сочетания обстоятельств, которые показывают, насколько общество стало ненавистным христианскому миру и насколько справедливо оно было распущено.

СНОСКИ:

^[111] Daurignac, Vol. I, стр. 303.

^[112] Steinmetz, Vol. III, стр. 474. Цитируя отцов-иезуитов Де Буржа и Мартена.

^[113] Там же., стр. 489.

^[114] Steinmetz, Vol. III, стр. 490, и примечание 1, где цитируются эти авторитетные источники.

^[115] Там же., стр. 491.

^[116] Steinmetz, Vol. III, стр. 467.

[117] Daurignac, Vol. I, стр. 336-367.

[118] Дориньяк, стр. 53.

[119] Жизни и времена римских понтификов. Де Монтор. Американское издание. Том II, стр. 191.

[120] Николини, стр. 114.

[121] Де Монтор, т. II, стр. 192.

[122] Николини, стр. 126-127.

[123] Де Монтор, т. II, стр. 192.

[124] Там же., стр. 278.

ГЛАВА XIII.

ПАПСКОЕ ПОДАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

Когда Климент XIII стал папой в 1758 году, события, выросшие из поведения иезуитов, развивались так быстро, что даже он, имея в своих руках всю существующую папскую власть, не смог остановить их, хотя, как покровитель общества, он пытался это сделать. Больше не было никакой почвы для компромисса. Их упорное неповиновение королевской власти и вмешательство в политические дела сделали необходимым для правительств решить, следует ли им и дальше подчиняться им или отстаивать свою собственную власть любыми необходимыми шагами. В Португалии кульминационной точки достигла попытка покушения на короля. Действительные виновники были арестованы, преданы суду и казнены; но в ходе расследования выяснилось, к удовлетворению государственных властей, что это деяние было спровоцировано иезуитами, которые внушили невежественным и фанатичным умам идею, что убийство короля-еретика не было совершено ничего дурного, то есть того, кто не подчинился их диктату. Была предпринята попытка предать суду трех отцов-иезуитов, чтобы, если их признают виновными, они также могли быть должным образом наказаны. Но эти отцы были достаточно смелы, чтобы бросить вызов правительству, настаивая на том, что как священники они не подпадают под действие гражданских законов государства, даже за уголовные деяния, а могут быть судимы только церковным трибуналом под юрисдикцией папы римского. Король и Помбал могли легко понять, что с этим вызовом государственной власти над мирскими делами королевства нельзя смириться, не навлекая позора на государство и не ставя под угрозу его существование. Следовательно, в качестве меры, абсолютно необходимой для жизни нации, король "издал указ об изгнании иезуитов как предателей, мятежников, врагов и агрессоров против его личности, его государств, общественного мира и общего блага народа". [125] Затем иезуиты были схвачены, перевезены в Государства Церкви, находящиеся под юрисдикцией Климента XIII, а трое обвиняемых отцов были помещены в тюрьму в ожидании его действий. Папа защищал иезуитов и угрожал королю Португалии местью, если тот не отменит свой указ против них. Но король не мог смириться с вмешательством в мирские дела своего королевства даже со стороны папы, который, одобряя иезуитов, проявил готовность видеть, как они унижают

правительства. Соответственно, он отозвал португальского посла от римского двора и возбудил дело против трех иезуитов, которые оставались в тюрьме по подозрению в планировании покушения на его жизнь. Главный из них был передан доминиканцам — "естественным врагам иезуитов", — которые сожгли его заживо, а двое других были приговорены к пожизненному заключению.[126]

Народы Европы пришли в сильное волнение, обнаружив в своей среде такого грозного врага общественного спокойствия, как иезуиты. Это возбуждение было усилено судебным процессом общества по долгу Лавалетта перед парижским парламентом, результатом которого, как уже говорилось, стало разоблачение одиозных принципов иезуитской конституции, разоблачение которых, как представляется, вызвало "тревогу и оцепенение среди всех классов общества". Во Франции иезуиты предприняли попытку сдержать общественное возмущение, добившись указа от "пятидесяти епископов", которые под эгидой нунция Климента XIII удостоверили, что принципы конституции безвредны. Но это ловкое движение не произвело желаемого эффекта. Парламент под руководством Шуазеля, премьер-министра Людовика XV, отказался разрешить зарегистрировать указ на этот счет. После чего расследование конституции и статуты общества продолжалось в течение нескольких месяцев и привело к принятию парламентского декрета, который показывает, какое одиозное отношение тогда было к обществу во Франции. Он осудил их доктрины и практику *"как порочные, разрушающие все принципы религии и даже честность; как наносящие ущерб христианской морали, пагубные для гражданского общества, мятежные, опасные для прав нации, природы королевской власти и безопасности личностей суверенов; как способные вызывать величайшие беспорядки в государствах, формировать и поддерживать глубочайшее разложение в сердцах людей"*. Было бы невозможно найти более выразительный язык; и если учесть, что это было произнесено парламентским органом, состоящим только из тех, кто поддерживал веру Римской церкви, то легко можно предположить, что это было вызвано самой насущной необходимостью. И неудивительно, что тот же указ предусматривал, что "учреждения иезуитов должны навсегда прекратить свое существование на всей территории королевства", и что он также запрещал им преподавать в школах, более не признавать авторитет своего генерала и носить религиозную одежду.[127]

Климент XIII, чувствуя себя достаточно могущественным, чтобы противостоять этому указу, попытался, как друг иезуитов, ослабить его силу, издав свой собственный встречный указ. В этот момент стоит отметить, что парламентский декрет имел отношение к мирским делам и никоим образом не вмешивался в религиозную веру Церкви, которую французские христиане продолжали поддерживать в соответствии со своими традициями и учениями. Таким образом, указ Климента XIII был утверждением с его стороны папского права диктовать светскую политику Франции. Он недвусмысленно подтвердил это, наложив свое папское "проклятие" на всех, кто подчинился постановлению парламента, и объявив его "недействительным, неэффективным и полностью лишенным какой-либо законной силы", и освободив всех, кто поклялся соблюдать его, от исполнения своих клятв.[128] Однако перед лицом этого папского мандата постановление парламента было приведено в исполнение, и четыре тысячи иезуитов были изгнаны из Парижа. Климент XIII был разгневан этим и издал официальную буллу, восхваляющую иезуитов и обличающую их противников. Парламент подавил эту буллу и отказался разрешить напечатать ее во Франции. Парламент Экса пошел еще дальше, приказав "разорвать его палачом и публично сжечь" и пригласив Людовика XV "отомстить за себя римскому двору и папе".[129] Король Франции, однако, был достаточно слаб, чтобы позволить

уговорить себя созвать Синод духовенства под предлогом прекращения "споров между гражданскими и религиозными властями", как будто такое было тогда возможно без подчинения диктату иезуитов, поддерживаемый, как общество, раздражительным и непрактичным папой, который тщетно предполагал, что это возможно. Он был достаточно силен, чтобы сдержать волну негодования, обрушившуюся тогда на иезуитов. Впечатленный мнениями и политикой Климента XIII, этот Синод принял выгодный для иезуитов курс, попытавшись изменить суть вопроса, чтобы скрыть истинный вопрос. С целью создать впечатление, что сама Церковь и даже христианство находятся в опасности, они обрушили гром анафем на труды французских философов — Байля, Гельвеция, Руссо, Вольтера и энциклопедистов, — таким образом приводя аргументы, которые с тех пор сослужили иезуитам службу, вводя неосторожных в заблуждение, что христианство и иезуитизм имеют синонимичные значения, и что уничтожение последнего означало бы смерть первого. Более того, они пытались поддержать иезуитов, заявляя, "что только Церковь имеет право учить детей; что только она может судить в вопросах доктрины и устанавливать степень подчинения, которая им причитается", и что "гражданская власть никоим образом не может идти вразрез с каноническим правом".^[130] Это принятие церковной власти было направлено на укрепление папства и было воспринято иезуитами как благоприятное для них, потому что папа в то время был их другом. Но Парижский парламент не мог не понимать, что в случае признания это поставило бы папство выше государства, а Францию во власть иезуитов, по крайней мере, во время понтификата Климента XIII. Поэтому он объявил его "унижающим авторитет правительства" и запретил народу подчиняться ему. Вследствие этой парламентской оппозиции прелаты, определявшие курс Синода, были поставлены перед необходимостью обратиться за помощью к Людовику XV, чтобы отомстить врагам иезуитов посредством королевской власти. Королю, от которого в то время "разило распутством", за что он находил убежище в молчаливом согласии иезуитов, удалось добиться эдикта, отменявшего постановление парламента. Воодушевленные этим успехом, иезуиты потребовали восстановления своей власти, полагая, что, если король и папа будут на их стороне, они смогут одержать победу над любой оппозицией. Но их парламентских противников было не так-то легко одолеть, и они достаточно сплотились, чтобы добиться еще одного указа против них, не менее осуждающего, чем тот, действие которого было временно приостановлено. Тем временем враждебность к иезуитам быстро росла по всей Европе, что приводило их в еще большее бешенство, поскольку они не желали уступать своим крайним требованиям и ни на что не могли пойти без признания своей неправоты, чего, как известно, они никогда не делали. Затем Испания последовала примеру Португалии, и король Карл III изгнал их из своих владений. Таким образом, в упомянутое время они были изгнаны с территорий трех великих римско—католических государств - Португалии, Испании и Франции. Король Обеих Сицилий и Фердинанд, герцог Пармы и Пласенсии, также изгнали их из своих владений. По общему согласию этих держав иезуиты были отправлены в Италию, где папа, в обмен на их преданность ему, должен был удовлетворять их нужды и следить за тем, чтобы им была предоставлена надлежащая защита. Климент XIII оказал сопротивление всем этим сильным державам, чтобы защитить их, и эта мера была принята вместо открытого разрыва с папой, чтобы заставить его осознать степень возмущения против них. Выражаясь сильным языком Корменина — римского католика, но крайне враждебного иезуитам, — "почва Италии была загрязнена этой нечистой слизью, которую народы отвергли и которую они отправили обратно в Рим, источником всей коррупции".^[131]

Климент XIII пришел в негодование, когда обнаружил, что не в состоянии противостоять общему предубеждению, существующему против иезуитов, и со странным увлечением позволил своим страстям полностью овладеть им. Он обрушил гром анафем на королей Португалии, Испании, Франции, Обеих Сицилий и герцога Пармы и Пласенсии и пригрозил им отлучением от церкви, если они не прекратят свое сопротивление иезуитам. Он даже зашел так далеко, что послал папские войска против герцога Пармского, чтобы привести его к повиновению военным принуждением. Но другие державы не были встревожены раскатами папского грома, и короли Франции, Испании, Португалии и Неаполя немедленно выступили против папы и приготовились наказать его за то, что он двинул армию против герцога Пармского, чья политика по отношению к иезуитам была такой же, как и их собственная. Даже Людовик XV был склонен Шуазелем, своим министром, объединиться в этом вопросе с другими королями. Вслед за этим король Обеих Сицилий вторгся с армией в папскую провинцию Беневентум, намереваясь таким образом показать папе, что он выходит за рамки своих законных полномочий главы Церкви. Булла папы римского была разорвана при дворах Португалии, Испании и Пармы, а также парламентом Парижа. Волнение стало всеобщим, и Климент XIII был разбужен от своего очевидного чувства безопасности бормотанием бури, собирающейся со всех сторон от него. Ему пришлось осознать, возможно, впервые, что даже он, имея в своих руках всю церковную власть, был не в состоянии сдержать волны, которые тогда обрушивались на папство и угрожали поглотить его. В этой чрезвычайной ситуации он обратился за помощью к Марии Терезии, императрице Австрии, в надежде, что с помощью столь могущественной державы он сможет оказать успешное сопротивление тем, кто объединился против иезуитов. Но императрица, имея основания жаловаться на предательство иезуитов по отношению к ней, отказалась удовлетворить эту просьбу и пошла еще дальше, аннулировав одну из важных папских булл, которые были опубликованы в ее владениях. Тучи, уже нависшие над головой Климента XIII, затем сгустились быстрее, чем когда-либо, и борющийся папа, обнаружив, что повсюду его бросают сильные державы — все из которых до сих пор были объединены в пользу Церкви, — настолько смирил свою гордыню, что заявил, что *"он был готов пойти на уступки"*; то есть сделать что-нибудь — что угодно — чтобы остановить падение папства. Униженный таким образом, *"он взывал к милосердию монархов"*, умоляя их, как мы можем предположить, ослабить свою хватку из-за их благоговения перед Церковью. Но было уже слишком поздно. Невыполнимые требования иезуитов привели к такому конфликту между духовной и светской властью, что не оставляли никаких оснований для уступок со стороны суверенов, пока они соблюдались. Они были обязаны сохранять свою собственную светскую власть в пределах своих владений или же позволять иезуитам править ими по своему усмотрению. Этому они не могли подчиниться без абсолютного унижения. Каким бы странным сейчас ни казалось, что папа не понял этого раньше, следует считать заслугой для него то, что, когда он это увидел, он смиренно склонил голову перед пронзительной бурей и уступил необходимости, которой не мог избежать. Не следует отказывать в должном уважении человеку, который поступает правильно, даже в крайнем случае, особенно когда, как в этом случае, после того, как Климент XIII решил изменить свой курс, он дошел до того, что пообещал монархам, что *"он объявит о ликвидации общества в публичной консистории"* и оставит иезуитов страдать от последствий их собственной глупости. Приняв такое решение, он назначил день для совершения торжественного акта подписания смертного приговора иезуитам. Но эта отсрочка привела к результату, о котором никто и не мечтал, — к тому, что предоставило новые доказательства способности иезуитов к интригам. Ночью, предшествующей дню, назначенному для публичной церемонии объявления об упразднении ордена иезуитов, Климента XIII внезапно охватили

конвульсии, и он умер, оставив акт невыполненным, а иезуитов победителями. Корменин, пишущий во Франции, где иезуитов знают и понимают лучше, чем здесь, описывает это событие такими краткими и выразительными словами: "*Иезуиты отравили его.*"[132]

Иезуиты, конечно, не согласны с таким описанием способа и обстоятельств смерти папы римского. Они признают, что это было внезапно и произошло в указанное время; но приписывают это сильным страданиям, которые он перенес из-за своего сочувствия к ним из-за их преследования, и его неспособности оказать им дальнейшую помощь. Де Монтор говорит, что он умер от внезапного приступа кашля, вызванного заболеванием легких.[133] Иезуиты, однако, признают, что послы Испании и Франции представили ему памятные записки от своих соответствующих правительств с просьбой об упразднении общества, и настаивают на том, что в результате он пролил слезы и скончался через несколько дней после этого.[134] Но способ его смерти сейчас не имеет особого значения, поскольку для нас более важно знать, что на момент ее совершения он оставил нерешенными вопросы, касающиеся общего поведения иезуитов, которые его предшественник поручил расследовать. Его защита иезуитов явно была результатом предыдущих и общих убеждений, а не его обдуманного суждения о действительном состоянии дел, с которыми они были связаны либо в Индии, Китае, Парагвае, либо в европейских государствах за пределами Италии. Факты не были достаточно развиты для окончательного папского решения, и поэтому он действовал, руководствуясь впечатлениями, а не доказательствами. Вскоре мы увидим, что, когда впоследствии были полностью получены доказательства, результат, достигнутый его преемником, был не только полностью оправдан, но и неизбежен.

Потребовалось три месяца, чтобы избрать преемника Клименту XIII. Кардиналы разделились на две партии— одна поддерживала иезуитов, а другая - правительства Франции, Испании и Португалии, объединившиеся в оппозиции к ним. Первый желал подчинить все гражданские правительства владычеству иезуитов; второй настаивал на том, что Церковь и государство должны оставаться свободными и независимыми друг от друга в своих собственных владениях. После бесчисленных интриг — таких, которые знакомы тем, кто манипулирует партийными соглашениями, — последняя партия одержала победу, избрав Ганганелли, францисканца, принявшего имя Климента XIV и вступившего в понтификат в 1769 году. Он пользовался большим уважением за свои добродетели и обладал явно благородным характером и хорошо дисциплинированным умом. О том, что он был человеком глубоких способностей, красноречиво свидетельствуют его письма, которые сохранились и опубликованы и которые содержат множество отрывков, отличающихся исключительным красноречием и красотой.[135] Следовательно, он был гораздо лучше подготовлен к формированию разумных и беспристрастных выводов на основе свидетельств, касающихся иезуитов, чем Климент XIII, потому что, помимо его квалификации, он не находился во власти неоправданных предрассудков.

Монархи потребовали от Климента XIV, чтобы изгнание иезуитов с их территорий было одобрено, а само общество полностью подавлено и упразднено. С другой стороны, иезуиты с присущим им высокомерием настаивали на том, что для Церкви и дела христианства необходимо, чтобы его папская поддержка восстановила их общественное расположение. Этот вопрос встал перед ним с самого начала. Сначала он несколько возбудил надежды иезуитов своим поведением против французских философов и буллами об отлучении от церкви, которые он издал против Дидро, д'Аламбера, Вольтера, Гельвеция, Руссо, Мармонтеля и Гольбаха. Это

вновь подстегнуло их, и они своими махинациями создали во Франции партию во главе с Людовиком XV, которая потребовала их возвращения в эту страну. Но папа не был отстранен от выполнения своих прямых обязанностей, которые требовали от него завершения уже начатого расследования и решения связанных с ним вопросов в соответствии с правом и справедливостью. Это было заслугой государей, общественности и особенно Церкви. Корменин говорит, что он подозревал, что споступят так же, как с его предшественником, и что он принял необходимые меры предосторожности, чтобы защититься от этого, заменив повара Квиринала верным монахом, чтобы уберечься от возможности отравления. Как бы то ни было, он упорно шел своим путем с мужеством человека, который не боится зла при добросовестном исполнении долга. Решив, однако, не действовать с неоправданной поспешностью, а полностью представить ему все вопросы вместе с подтверждающими их доказательствами, он продолжал расследование в течение четырех лет, с тем чтобы, когда будет принято его окончательное решение, мир убедился, что оно было результатом спокойного обдумывания и честного убеждения. Он говорит о себе, что "не пренебрегал ни заботой, ни усилиями, чтобы получить полное представление о происхождении, прогрессе и действительном состоянии этого регулярного ордена, обычно называемого Обществом Иисуса"; а Ранке, великий историк, говорит, что он "с величайшим вниманием отнесся к делам иезуитов"; и добавляет, что "была сформирована комиссия из четырехчленов, аргументы обеих сторон были преднамеренно рассмотрены", прежде чем было объявлено его заключение.[136] Ни по одному вопросу нельзя было бы уделить большего внимания и серьезнее поразмыслить. Доказательства были тщательно проверены, и все должным образом рассмотрено. Чаши весов были уравновешены до тех пор, пока перевес доказательств не заставил бревна повернуться против иезуитов, когда чувство долга перед Церковью, христианством, общественностью и собственной совестью заставило его объявить результат, который принес мир и покой народам и радость большому числу христиан по всей Европе. Это он сделал 21 июля 1773 года, издав свою знаменитую буллу "*Dominus ac Redemptor*", названную иезуитами краткой, в которой он постановил, "что название компании будет навсегда уничтожено и пресекается"; что "никто из них не заходит в своей дерзости настолько далеко, чтобы оспаривать, бороться или даже писать или говорить об упомянутом подавлении или о причинах и мотивах этого"; и что упомянутая булла о подавлении и отмене должна "навсегда и на всю вечность быть действительной, постоянной и действенной". ."[137]

Прежде чем продолжать комментировать этот важный папский указ, следует отметить, что он усилил опасения относительно личной безопасности папы. Способ, которым Климент XIII встретил свою смерть из-за простого обещания подавить иезуитов, был хорошо рассчитан, чтобы возбудить страх, что та же участь может постигнуть Климента XIV в отместку за их фактическое упразднение. Следовательно, за всеми путями приближения к папе тщательно следили и применяли максимальные меры предосторожности, чтобы уберечься от возможности отравления. Они были успешными в течение примерно восьми месяцев, когда крестьянку с помощью маскировки убедили проникнуть в Ватикан и предложить папе фигу, в которой был спрятан яд. Климент XIV чрезвычайно любил этот фрукт и съел его без колебаний. В тот же день были замечены первые симптомы тяжелой болезни, которые быстро сменились сильным воспалением кишечника. Вскоре он убедился, что его отравили, и заметил: "Увы! Я знал, что меня отравят; но я не ожидал, что буду умирать так медленно и жестоко". Его ужасные страдания продолжались несколько месяцев, когда он умер, "бедная жертва, - говорит Корменин, - отвратительных иезуитов".[138]

Так много было написано о том, как умер этот папа, что, если бы все это повторилось, некоторые все еще продолжали бы сомневаться в этом. Иезуиты рассматривают вышеприведенный рассказ как злонамеренную клевету, осуждая его со своей обычной злобностью. Однако есть кое-что, что можно сказать по этому поводу: у этого есть веские доказательства в том факте, что *посмертное* исследование его тела выявило присутствие яда, о чем его правительству сообщил испанский посол, находившийся в то время в Риме. Конечно, есть вероятные основания полагать, что он был отравлен иезуитами и что это было результатом их доктрины о том, что убийство их врагов было не преступлением, а скорее надлежащим служением Богу. Во всяком случае, это мнение в целом преобладало и во многом способствовало возникновению чувства удовлетворения по поводу упразднения общества. Это удовлетворение распространилось по всем римско-католическим странам. На это никто не жаловался, кроме самих иезуитов, потому что, поскольку это был торжественный акт папы, а следовательно, и Церкви, даже те, кто, возможно, не желал этого, были склонны согласиться. Это успокоило умы большой группы христиан, потому что они смогли увидеть, что серьезная и возбуждающая причина беспокойства была устранена. И изучение причин, приведенных папой, продемонстрирует не только это, но и то, что этого нельзя было избежать, не подвергнув опасности саму Церковь, а также дело христианства.

Мы видели, с какой осторожностью Климент XIV относился к тщательному изучению всего дела, и что с этой целью он продолжал расследование в течение четырех лет, в дополнение к тому, что было сделано ранее, выслушивая все, что можно было сказать с обеих сторон, и тщательно взвешивая все доказательства. Он даже зашел так далеко, что назначил комиссию из пяти кардиналов и нескольких прелатов и адвокатов для оказания ему помощи в проведении экспертизы, [139] все это он опустил бы, если бы был склонен нанести ущерб делу иезуитов или нанести им незаслуженный вред. Следовательно, в той мере, в какой речь шла о его желании и интенции, нет ни малейшего основания предполагать, что он упустил что-либо существенное для открытия истины или что он искренне не желал ее обнаружить. Нападки иезуитов на него демонстрируют дурной нрав, но не приводят никаких аргументов. Они слишком мстительны, чтобы быть вежливыми, и проявляют слишком много гнева, чтобы быть правдивыми. Поэтому нам, живущим в наши дни, остается только понять причины, которыми Климент XIV оправдывал свои действия, чтобы разумно решить между ним и иезуитами. В своем изложении фактов он имеет право считаться правдивым не только из-за его чистого христианского характера, но и потому, что он полностью подтверждается самой надежной светской историей. Краткий обзор их позволит читателю правильно оценить характер иезуитов, который, исходя из природы их организации, не способен измениться.

После предварительного изложения своих полномочий и ответственности он заявляет, что иезуиты были обвинены в вещах, "наносящих большой ущерб миру и безмятежности Христианской республики", и переходит к перечислению христианских монархов, которые время от времени жаловались на них, и утверждает, что папа Сикст V счел обвинения против них "справедливыми и вполне обоснованными". Ссылаясь на благосклонность, оказанную им Григорием XIV, он говорит, что, несмотря на это, "обвинения против общества множились без числа, и особенно из-за их ненасытной жадности к мирским благам". Он перечисляет *одиннадцать* пап, включая Бенедикта XIV, которые "безуспешно прилагали все свои усилия", чтобы найти средства защиты от зла, которое они породили. Он обвиняет их в

противодействию "другим религиозным орденам"; в "большой потере душ и большом скандале среди людей"; в практике "определенных идолопоклоннических церемоний"; в использовании принципов, которые Церковь "запретила как скандальные и явно противоречащие хорошей морали"; в "восстаниях и внутренних проблемах в некоторых католических государствах"; и в "преследованиях против Церкви" как в Европе, так и в Азии. Он ссылается на тот факт, что Иннокентий XI был вынужден ограничить общество, "запретив компании принимать новых послушников"; что Иннокентий XIII был вынужден угрожать "таким же наказанием"; и что Бенедикт XIV приказал провести всеобщее посещение и расследование всех их домов в португальских владениях. Ссылаясь на декрет Климента XIII в их пользу, он говорит, что он "был скорее *вымогаем*, чем *предоставлен*" — то есть что он был получен неправомерными средствами и влиянием — и что он "был далек от того, чтобы принести какое-либо утешение Святому Престолу или какую-либо выгоду христианской Республике"; но сделал времена "более трудными и бурными", так что "жалобы и ссоры умножались со всех сторон. В некоторых местах возникали опасные мятежи — смуты, раздоры, рознь, скандалы, которые, ослабляя или полностью разрывая узы христианского милосердия, возбуждали у верующих всю ярость партийной ненависти и вражды". Затем следует утверждение, что короли Франции, Испании, Португалии и Сицилии "оказались доведенными до необходимости изгнать из своих Государств, королевств и провинций этих самых Спутников Иисуса", потому что "не оставалось другого средства от столь великого зла"; и что "этот шаг был необходим для того, чтобы помешать христианам восстать друг против друга и истребить друг друга в самом лоне нашей общей матери, святой Церкви". По этим и многим другим причинам, а также потому, что христианский мир не мог быть примирен иным способом, ему было настоятельно рекомендовано, по его словам, что иезуиты должны быть "полностью упразднены и подавлены".

Затем он продолжил заявлять, что внимательно изучил и тщательно взвесил все вопросы, касающиеся поведения иезуитов; что он призвал "присутствие и вдохновение Святого Духа"; что в соответствии с ответственностью своего высокого положения он был вынужден прийти к выводу, что они "больше не могут приносить те обильные плоды и те великие преимущества", которые были обещаны при учреждении общества; но что, "напротив, *было очень трудно, чтобы не сказать невозможно, чтобы Церковь могла восстановить прочный мир, пока указанное общество существовало*". Поэтому, по этим определяющим причинам, он объявил, что "после зрелого размышления мы, исходя из наших определенных знаний и полноты нашей апостольской власти, *подавляем и упраздняем указанную компанию*". И чтобы сделать свой указ окончательным, завершенным и абсолютным, чтобы впоследствии он не был неправильно понят, он таким образом произнес свое папское решение:

"Мы лишаем его какой бы то ни было деятельности, его домов, школ, колледжей, больниц, земель и, короче говоря, любого другого места, в каком бы королевстве или провинции они ни находились. Мы отменяем и аннулируем его уставы, правила, обычаи, декреты и конституции, даже если они подтверждены присягой и одобрены Святым Престолом или иным образом. Подобным образом мы аннулируем все без исключения его привилегии, индульгенции, общие или частные, смысл которых был и считается выраженным в настоящем Кратком отчете так полно, как если бы они были вставлены слово в слово, в каких бы пунктах, форме или постановлении, или под какой бы санкцией ни понимались их привилегии. Мы объявляем всех и всяческую власть, генералов, провинциалов, приезжих и других руководителей указанного общества, *навсегда аннулированными и упраздненными*, какой бы природы ни было указанное общество, как в духовных, так и в мирских делах". Он отказывает им в каком-либо праве

преподавать в колледжах или школах - запрещает им ставить под сомнение его акт подавления и отмены, и, варьируя свои формулировки всеми необходимыми способами, чтобы показать незыблемость своего указа, он делает следующее заявление: "Наша воля и удовольствие в том, чтобы эти наши письма были действительны, постоянны и действенны во веки веков, имели и обретут свою полную силу и действие и неукоснительно соблюдались всеми, кого они касаются или могут касаться, сейчас или в будущем, каким бы то ни было образом". Этот торжественный указ был затем приведен в исполнение папой римским "под печатью Рыбака" — высшей эмблемой церковной власти.[140]

Эти выдержки из знаменитого указа необходимы для того, чтобы дать читателю правильное представление о его характере и масштабах. Простого заявления о факте его выдачи недостаточно для этой цели. Никто не отрицает, что это был торжественный и преднамеренный акт Климента XIV. Иезуиты нападают на его автора и таким образом пытаются признать его недействительным. Они хвастливо заявляют, что оно было получено неправомерным путем, вопреки христианским чувствам того периода. Каждая точка зрения, предложенная ими, является посягательством на честность папы римского, в адрес которого они осыпали бесчисленными суровыми и враждебными порицаниями. Те, кто сейчас изучает документ и обстоятельства, которые привели к нему, вместе с комментариями иезуитов к нему, и руководствуются только желанием судить о нем точно, не могут скрыть своего удивления по поводу множества ложных и лживых заявлений, сделанных ими относительно него. Один из их самых влиятельных авторов — по—видимому, нечувствительный к идее, что даже с противником следует обращаться справедливо - представляет Климента XIV как "сознательно выступающего против подавления иезуитов", [141] перед лицом признанного им факта, что он издал этот указ в своем официальном качестве папы римского. Это недвусмысленное обвинение в том, что он нарушил свою собственную совесть и поступил неверно по отношению к Церкви и бесчестно как человек, поддавшись влияниям, осужденным его судом, которым он был слишком труслив, чтобы противостоять. В обычном общении такое обвинение является в высшей степени оскорбительным, и нет никаких оснований считать его иным, когда иезуит выдвигает его против папы римского — особенно когда он заявляет, что верит в непогрешимость последнего. Этот же автор не стесняется обвинять испанского посла в том, что он "подкупил семью суверенного понтифика и предпринял попытку одолеть папу своим неукротимым упорством" [142] — как будто папа был окружен коррумпированными наемниками, которые могли повлиять на его решение, и назойливость и угрозы других людей могли сломить его в столь важном и серьезном вопросе. И, продолжая свои комментарии в том же духе, он утверждает, ссылаясь на предполагаемый авторитет кардинала Пакки, что после того, как Климент XIV подписал Акт подавления, "он отбросил документ в одну сторону, перо в другую и с этого момента сошел с ума. Эта подпись стоила несчастному понтифику рассудка! С того дня он пользовался ею лишь время от времени, и то только для того, чтобы пожаловаться на свои несчастья". [143]

Заявления такого характера относятся к низкому уровню партийности и дискредитируют их авторов. Никогда не приводилось и не может быть приведено никаких фактов, на которых они основывались. Климент XIV прожил до 22 сентября 1774 года, через четырнадцать месяцев после своего указа об упразднении ордена иезуитов. Французский посол Бернис в письме, написанном в Рим 3 ноября 1773 г., через три месяца и двенадцать дней после указа, сообщал: "Его здоровье совершенно, а веселость более примечательна, чем обычно". [144] Николини говорит, что "все авторы единодушны в этом вопросе", и цитирует историка Ботту с той же

целью. Он сохранял это состояние здоровья в течение восьми месяцев, когда его внезапная болезнь дала повод, как уже говорилось, предположить, что он был отравлен иезуитами. Конечно, если бы он испытывал какие-либо угрызения совести, как утверждают иезуиты, они проявились бы раньше того времени. После болезни его способности, возможно, несколько ослабли, но это было естественным результатом сильных физических страданий. Иезуиты представляют его в агонии боли восклицаящим: "Я был вынужден", что, по их мнению, означает, что он находился под чрезмерным влиянием монархов. В этом им не удастся проявить свою обычную проницательность, выводя аргумент из выражения, использованного им, когда он, по их словам, находился в невменяемом состоянии. Если он действительно произнес предполагаемые слова, то гораздо более вероятно, как предполагает Николини, что он намеревался выразить сожаление по поводу того, что беззакония иезуитов были настолько огромны и столь явно установлены, что он был вынужден подавить и упразднить их общество из-за вреда, который они уже нанесли и, вероятно, нанесут в будущем Церкви и христианству. Следует также отметить в этой связи, что ни Корменин, ни Де Монтор в своих отдельных историях понтификата Климента XIV ничего не говорят о том, что он был сумасшедшим или о его раскаянии. Это обвинение - плод мести иезуитов.

Но сейчас нас меньше интересуют мотивы папы упразднить общество и обстоятельства, непосредственно сопровождавшие этот акт, чем сам акт и его последствия. Как папа римский, Климент XIV обладал несомненной властью издавать и обнародовать этот указ. Когда это было сделано, это было принято с удовлетворением не только монархами, которые сделали себя обвинителями иезуитов, но и большей частью европейских христиан. Среди последних почти повсеместно преобладало убеждение, что таким образом он принес пользу Церкви и христианскому миру, устранив серьезное и тревожащее зло. В ходе истории ни одно важное общественное деяние не получило более широкого одобрения. Это было бы так, даже если бы хотя бы часть того, что утверждается в их ужасном обвинении папой, была правдой. Но есть все основания полагать, что все обвинения были полностью подтверждены доказательствами, и что христианский народ принял этот факт как полное оправдание отмены и абсолютного подавления общества.

СНОСКИ:

[125] История римских пап. Автор: Корменин. Т. II, с. 392.

[126] Там же.

[127] История римских пап. Автор: Корменин. Т. II, с. 393.

[128] История римских пап. Автор: Корменин. Т. II, с. 393.

[129] Там же., стр. 394.

[130] История римских пап. Автор: Корменин. Т. II, с. 394.

[131] История римских пап. Автор: Корменин. Т. II, с. 394.

[132] История римских пап. Автор: Корменин. Т. II, с. 395.

[133] Де Монтор, т. II, стр. 329.

[134] Daurignac, Vol. II, стр. 167.

[135] Письма папы Климента XIV: к которым прилагаются анекдоты из его жизни. By Lottin Le Jeune. Лондон, 1781 год.

[136] Николини, стр. 382.

[137] Эта статья приведена Николини, стр. 387-406.

[138] Корменин, Т. II, стр. 398.

[139] Le Jeune, Vol. I, стр. 43.

[140] Николини, стр. 387-406. Этот указ также можно найти в De Montor, т. II, стр. 347-364. Его перевод несколько отличается от перевода Николини, которому следует текст, но разница несущественна в осуждении общества.

[141] Daurignac, Vol. II, стр. 173.

[142] Daurignac, Vol. II, стр. 175.

[143] Там же., стр. 177.

[144] Алуд Николини, стр. 412.

ГЛАВА XIV.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

Если допустить, как настаивают иезуиты, что Климента XIV побудили недостойные и нечистые мотивы упразднить их общество, и что, как следствие, впоследствии он сошел с ума от угрызений совести, тем не менее указ об упразднении был официальным актом, не подлежащим пересмотру или отмене каким-либо авторитетом, известным Церкви. Никакая апелляция с его стороны не была разрешена каким-либо существующим законом или церковным регламентом. Он пользовался властью, которая, как всегда считалось, принадлежала папам, — той же природы и значения, что и власть Павла III, когда он основал общество. Независимо от того, называлось ли это буллой, кратким изложением или каким-либо другим названием, это, несомненно, был официальный указ, произнесенный главой Церкви, действующим в рамках его надлежащей, устоявшейся и признанной папской юрисдикции. Следовательно, его природа не может быть изменена, равно как и его объем и действие не могут быть ограничены каким-либо взглядом на его мотивы, которого можно придерживаться, точно так же, как мотивы или склонности судьи, который его выносит, не могут ослабить силу и действие постановления компетентного судебного органа. Следовательно, невозможно избежать ни одного из этих утверждений: во-первых, указ, изданный в соответствии с законом и обычаем Церкви, был действительным; и, во-вторых, после его издания иезуитское общество больше не могло существовать как религиозный орден в соответствии с каноническим правом Церкви.

Нет необходимости выяснять, был ли этот указ обязательным для последующих пап; это не имело практического значения с тех пор, как новый указ Пия VII о восстановлении ордена был отменен спустя сорок один год. До принятия этого нового указа Церковь и все ее члены были обязаны, в соответствии с существующими законами и дисциплиной, признавать упразднение общества законным и уместным. На самом деле так оно и было, единственными исключениями были сами иезуиты и те, на кого они могли влиять. Пий VI, непосредственный преемник Климента XIV, хотя и освободил из тюрьмы некоторых иезуитов, которые были арестованы и заключены под стражу, допустил, чтобы указ Климента XIV вступил в полную силу во время его понтификата, и сохранил конфискованное имущество иезуитов в интересах Церкви. Христиане Европы были удовлетворены таким положением вещей и указывали на это не просто своим молчаливым согласием, но и актами явного одобрения. Иезуиты, однако, отказались примириться и проявили свое недовольство такими мерами сопротивления, которые, вне всякого сомнения, доказывали их злобную ненависть к Клименту XIV и их презрение к авторитету Церкви и папы римского, когда это использовалось для обуздания их честолюбия или для наложения на них каких-либо ограничений. Примеры их неповиновения папам уже приводились; но в этот конкретный кризис в их истории их отчаяние достигло такой степени, что они не признавали ничего достойного внимания ни в Церкви, ни в любом из пап, кроме того, что имело тенденцию восстанавливать им власть, которую они утратили из-за преступного поведения. Их общество было упразднено в соответствии с законом Церкви и ее высшим авторитетом; но они не уважали ни того, ни другого — ни на йоту больше, чем папские указы, запрещавшие им практиковать языческие обряды в Индии и Китае. Они не стремились ни к какой другой цели, кроме собственного триумфа, и для достижения этой цели они вступили в заговор со всеми, кто согласился бы помочь им, и бросились в объятия врагов Церкви и под их защиту, с легкостью таких дезертиров, которые переходят из лагеря в лагерь в поисках убежища для себя. Эта часть их истории представляет их ведущие характеристики в ярком свете и, возможно, более поучительна, чем любая другая, потому что она с очевидностью показывает, как мало уважения они питают к Церкви и ее законному авторитету, когда это противоречит их собственным целям и замыслам, и насколько они готовы проклинать противостоящих им пап, какими бы ни были их христианские добродетели, и восхвалять всех, кто им благоволит, какими бы ни были их пороки.

Чтобы привести в исполнение указ об упразднении ордена, генерал иезуитов был арестован и содержался в заключении; члены ордена были рассеяны по различным церковным учреждениям Рима; их здания были захвачены; на их документы были наложены печати; а их школы были переданы в управление другим лицам. Против Риччи, генерала и других членов общества было возбуждено судебное дело, и он, и секретарь, вместе с несколькими выдающимися отцами церкви, были отправлены в замок Святого Анджело и содержались в качестве государственных заключенных. Преступления, вменяемые им и в которых они были осуждены, заключались в том, что "они пытались, как путем инсинуаций, так и более открытых усилий, поднять восстание в свою пользу против Апостольского престола; что они опубликовали и распространили по всей Европе клевету на папу", в одной из которых Климент XIV обвинялся в том, что он был избран симонией, и что трое самых выдающихся иезуитов, "Фавр, Форрестье и Готье, повсюду громко повторяли, что папа был *антихристом*".^[145]

Общество в целом, но не единогласно, демонстрировало тот же дух сопротивления папе и авторитету Церкви. Указом об упразднении церкви прихожанам было разрешено действовать в качестве светских священников и выполнять жреческие функции, подчиняясь авторитету

Церкви. Некоторые из них воспользовались этим положением и "спокойно устроились на разных должностях". Другие пытались коварно сохранить принципы своей конституции и организации, отказавшись от имени иезуитов и приняв другие титулы. "Но, - говорит Николини, - большая часть, самые смелые и неугомонные, не подчинились процедуре Подавления; оспаривали ее обоснованность в тысяче трудов; ставили под сомнение обоснованность избрания Климента, которого они называли Отцеубийцей, Святотатцем, Симониаком и считали себя все еще составляющими часть все еще существующего общества Иисуса".[146]

Екатерина, императрица России, оказала некоторую защиту иезуитам до их подавления, и Риччи, генерал, признал на допросе, что после указа он вел переписку с Фридрихом Пруссским. Как объяснить любым способом, соответствующим должному уважению к Церкви, тот факт, что иезуиты в России не отказались от покровительства императора и что другие искали убежища и защиты в Пруссии после того, как указом папы римского орден был объявлен навсегда упраздненным во всем мире? Россия задолго до этого отвергла все попытки Римской церкви и установила греческую веру в качестве государственной религии, с правящим сувереном в качестве духовного главы национальной Церкви. Римская церковь учила, что русские были раскольниками, а следовательно, еретиками. Пруссакки были лютеранами, то есть протестантами, и, следовательно, на них смотрели в Риме как на смертельных врагов Церкви, и, кроме того, на них было наложено отлучение от церкви за ересь. Следовательно, союз иезуитов либо с Россией, либо с Пруссией после их подавления не мог рассматриваться ни в каком ином свете, кроме как как акт восстания против авторитета Церкви и папы римского — желание перейти из-под юрисдикции Римской церкви под юрисдикцию иностранной власти, направленной против нее. Это было равносильно желанию поменять свою преданность той власти, которую они считали законной, на преданность раскольников и еретиков. Для иезуитов невозможно избежать такого взгляда на позицию, которую они заняли после их упразднения. Они были просто мятежниками против Церкви.

Иезуиты в Силезии, в Пруссии, наотрез отказались подчиняться указу Климента XIV, обращая на него внимания не больше, чем если бы он был издан вождем арабского племени. Они продолжали держаться за свои монастыри и дома таким же образом, как и до их подавления, при этом они прямо бросали вызов папе. Они полагались на защиту лютеране Фридриха, предпочитая это послушанию папе. Фридрих охотно предоставил им эту защиту, потому что был убежден, что сможет использовать их для достижения двойной цели: укрепления монархизма, которому они были обязаны своей конституцией, и вытеснения римской формы христианства протестантской. Поэтому иезуиты стекались в Силезию со всех сторон в поисках этой протестантской защиты, что побудило Вольтера заметить в своем едком стиле, что "его безмерно отвлекло бы думать о Фридрихе как о генерале иезуитов, и что он надеется, что это вдохновит папу на идею стать муфтием".[147]

Короли Франции и Испании обратили внимание Пия VI - после смерти Климента XIV - на это неповиновение иезуитов и настаивали на необходимости строгого исполнения в отношении них указа Климента XIV. Но позиция, занимаемая Пием VI, требовала от него соблюдать крайнюю осторожность в управлении делами Церкви. Поскольку на момент своего избрания он не был напрямую связан ни с одной из фракций среди кардиналов, он чувствовал себя вынужденным придерживаться консервативного и умеренного курса, с помощью которого он мог бы, по возможности, восстановить гармонию в Церкви. Поэтому он воздерживался от отождествления

себя с монархами, которые были враждебны иезуитам, и в то же время открыто не поддерживал дело иезуитов. Какими бы ни были его личные склонности, он, как папа, не мог рисковать оспаривать мотивы своего предшественника или подвергать сомнению справедливость и неподкупность указа об упразднении ордена иезуитов. Он не мог не понимать, что Климент XIV — канонически избранный папа, со всеми полномочиями этого поста в его руках — принял меры предосторожности, заявив, что он намерен, чтобы подавление было абсолютным, окончательным и навсегда. Он знал также, что, поскольку иезуиты получили право на существование как религиозный орден с одобрения одного папы, другой папа явно имел право отозвать это одобрение и распустить орден, когда бы ему ни стало очевидно, что этого требует благо Церкви. При этих обстоятельствах, даже если бы он и хотел это сделать, он явно не был склонен наносить то, что могло бы оказаться фатальным ударом по достоинству папской должности и авторитету Церкви, который он, несомненно, желал поддерживать во всей его полноте. Следовательно, он не только продолжал сохранять Церкви конфискованную собственность иезуитов, но и оставил указ о ликвидации ордена в полной силе во всей полноте во время своего понтификата, который закончился в последний год восемнадцатого века.

Авторы-иезуиты приложили максимум усилий к тому, чтобы объяснить отношение Пия VI к обществу. Они из всех сил пытались доказать, что, несмотря на то, что он привел в исполнение указ Климента XIV, на самом деле он был против этого. Один из них, цитируемый выше, чья работа изобилует смесью извинений за свое поведение и очернения своих противников, говорит: "По мнению Пия VI, Общество Иисуса было *распущено лишь на время; оно не было упразднено*".^[148] На это можно ответить, что, во-первых, нет ничего, что указывало бы на то, что Пий VI когда-либо так поступал; во-вторых, что Климент XIV постановил, что это общество должно быть упразднено *навсегда*; и в-третьих, что, если бы он считал, что деятельность общества приостановлена лишь на время, он возродил бы его своим собственным указом или установил срок полномочий о приостановлении действия. Но такой метод рассмотрения вопроса - это пустяки по сравнению с серьезным вопросом, к которому следует относиться справедливо и откровенно. Это равносильно утверждению, что Пий VI исполнил указ своего предшественника, который полностью и навсегда упразднил общество, хотя в глубине души он этого не одобрял. Если он действительно придерживался этого мнения, не доказано, что оно было им авторитетно озвучено; и утверждение, что он так и сделал, в отсутствие доказательств на этот счет выглядит как попытка подменить факт вымыслом — скорее творить историю, чем фиксировать ее.

Иезуиты, однако, делают выводы о благоприятной оценке их общества Пием VI из его доброго отношения к Риччи, генералу, во время заключения в замке Святого Анджело, и освобождения из заключения других арестованных иезуитов. Это притянута за уши, поскольку вполне может быть объяснено исключительно мотивами доброжелательности. Но ни в коем случае это не такие акты, которые могли бы хоть в малейшей степени ограничить действие указа об отмене до тех пор, пока он оставался в силе, как это было во время понтификата Пия VI. Кроме того, уместность наказания отдельных лиц, должно быть, зависела от их личного участия в преступлениях, инкриминируемых обществу как организованному организму. Иезуиты находят больше поддержки своему утверждению о том, что Пий VI благоволил им, цитируя слова, якобы произнесенные им, которые, если бы они были произнесены на самом деле, поставили бы его в положение, что он на их стороне и осуждает указ своего предшественника, но без мужества освободить их от осуждения их поведения или от Акта подавления. Это не очень лестно для Пия VI, поскольку представляет его как высказывание: "Я одобряю Общество Иисуса, проживающее

в Белой России", [149] в то же время он продолжал соглашаться с их упразднением во всех римско-католических государствах. Вопрос о том, сделал ли он это замечание или нет, вызывает слишком много сомнений, чтобы полностью доверять ему. Не утверждается, что эти слова были написаны, а только то, что они были произнесены в присутствии единственного свидетеля, который, как говорят, засвидетельствовал их произнесение. Это поставило бы его в положение совершения публичного поступка, противоречащего его личному суждению, которое вполне могло быть совершено там, где речь шла только о мирских делах, но не папой римским в отношении духовных вопросов. Следовательно, вряд ли следует предполагать, что Пий VI когда-либо произносил эти слова. Но они не составляют ничего, что могло бы сравниться с достоинством официального акта, если бы он это сделал, по той простой причине, что указ об отмене был торжественным официальным актом под "печатью рыбака", и если он вообще подлежал отмене или изменению кем-либо из преемников Климента XIV, то мог быть принят только официальным актом соответствующей торжественности. По некоторым причинам судебные постановления могут быть изменены или аннулированы, но только другими судебными постановлениями, и даже иезуиты не будут делать вид, что постановление, вынесенное папой римским на основании Канонического права и неизменных обычаев Церкви, имеет меньшее достоинство, чем постановления гражданских судов. То, что сказал Де Монтор, опровергает утверждение Дориньяка. Он рассказывает нам, что когда генерал-иезуит в России предпринял такие шаги, которые расширили бы общество за счет приема неофитов, Пий VI приказал ему прекратить. Хотя в этом он, по-видимому, не осуждал существование иезуитов в России, он решительно одобряет указ об отмене ордена, приводя его в исполнение в других местах.

Не осуждать их существование в России было простым бездействием, существенно отличающимся от прямого одобрения. Но независимо от того, было ли то, что он сделал, тем или иным, это, несомненно, дало возможность иезуитам в России пренебречь указом Климента XIV, сохранив там свою организацию, так что после смерти Риччи они избрали собственного преемника, который вел себя и общество в открытой оппозиции Церкви, папе римскому и каноническому праву. [150] Таким образом, все, что можно справедливо сказать о Пии VI, это то, что он занимал двусмысленную позицию — не желая прямо каким-либо официальным актом утверждать существование общества в России, но оставляя указ о подавлении в полной силе.

Но что бы ни сделал или сказал Пий VI, его непосредственный преемник, Пий VII, "разрешил обществу утвердиться в *Белой России*". Это он сделал в 1801 году, через двадцать восемь лет после указа Климента XIV. Однако это было сделано не простым устным заявлением на этот счет, а официальной буллой, или брифом, или указом — неважно, каким названием это может быть названо, — с соблюдением обычных формальностей. Из этого следует, что не было никакой попытки изменить или ограничить указ Пия VI о подавлении; ибо если бы она была, в этом повторении не было бы необходимости. Пий VII явно понимал, что без официальной торжественности новой буллы, брифа или указа никакого эффекта не последовало бы; то есть его простое устное согласие, если бы он его дал, ничего бы не значило. Но то, что он сделал, было, мягко говоря, двусмысленным, как подтвердив, так и опровергнув указ Климента XIV. Он подтвердил это в той мере, в какой указ оставался в силе в Римско-католических государствах Европы, где была признана юрисдикция папы Римского как главы Церкви; и отменил его в России, где папа римский не имел юрисдикции. Это было все равно что сказать, что иезуиты не должны существовать как организованное общество среди римских католиков, но могут существовать среди раскольников и еретиков. Независимо от того, какую идею он намеревался

донести до первых относительно их отмены, он принимал это как свершившийся факт, который он был официально обязан признать. Поступить иначе было бы опасно для Церкви, вызвав противодействие римско-католических монархов, которые не могли примириться с иезуитами, и оскорбило бы множество европейских христиан, которые одобрили их отмену. Таким образом, вплоть до первого года нынешнего столетия указ Климента XIV оставался неисполненным во всей Европе и везде, где признавалась юрисдикция папы римского. Все, что иезуиты делали, чтобы сопротивляться, победить или уклониться от этого, должно, следовательно, рассматриваться как умышленное неповиновение признанному и законному авторитету Церкви; другими словами, как бунт.

Эта мера снисхождения со стороны Пия VII оказала на иезуитов такое воздействие, что сделала их смелее в своем общем поведении и более мстительными в своем осуждении Климента XIV, чье имя и память они поносили яростной и грязной клеветой. Они стекались в Россию в большом количестве, как это было в Силезии, из всех римско-католических государств, и под руководством своего умелого генерала в этой стране вскоре приобрели привычку действовать так, как будто были уверены в конечном возрождении своей организации. Поддержанные таким образом, прошло совсем немного времени, прежде чем они вернулись в Парму и Сицилию с подразумеваемого, если не явного одобрения Пия VII, который, по-видимому, постепенно готовился, осторожно нащупывая свой путь, поддержать их дело и молчаливо согласиться с их клеветой на Климента XIV. По мере того как их надежды возрастали, они начали повторять свои старые методы, отваживаясь вмешиваться в мирские дела правительств, как они привыкли делать до их подавления. Они предприняли попытку установить господство в России, как ранее делали это в Испании, Франции, Португалии и других странах. Оказавшись на какое-то время без санкции российских властей, они зашли в своем вмешательстве так далеко и стали настолько требовательными в своих требованиях, что российское правительство было вынуждено в целях самообороны ввести в отношении них ограничения. Они настолько хорошо научились планировать государственную измену и восстание в Римско-католических государствах, что были знакомы со всеми уловками и инструментами, наиболее эффективными для этих целей, но их российское поле деятельности столкнулось с трудностями, которых они, вероятно, не ожидали. Папа римский, будь то за или против них, не имел там никакой власти, и они были обязаны иметь дело только с властями этого правительства. Эти власти вскоре убедились, что они оживили гадюку и что иезуитам нельзя доверять даже в обмен на оказанные им услуги. В результате российский эмигрантпер Александр был вынужден издать королевский указ в 1816 году, которым он изгнал их из Санкт-Петербурга и Москвы. Этот закон оказался безрезультатным, и в 1820 году он издал другой, полностью исключив их из российских владений. Император указал в своем указе, что он доверил им воспитание молодежи и не налагал никаких ограничений на их право исповедовать свою собственную религию, но что они "злоупотребляли оказанным им доверием и ввели в заблуждение своих неопытных учеников"; что, хотя сами они пользовались терпимостью, "они насаждали жесткую нетерпимость в увлеченных ими натурах"; и что все их усилия "были направлены только на обеспечение преимуществ для себя и расширение своей власти, и их совесть находила всякому непокорному действию удобное оправдание в своих уставах". Показав, насколько нечувствительны они были к обязанностям, налагаемым на них благодарностью за защиту, оказанную им Россией после упразднения общества папой римским, и обвинив их в вопиющем преступлении, заключающемся в посеве плевел и вражды между семьями и отрыве сына от отца, а дочери от матери, Александр задает этот решительный и многозначительный вопрос: "Где, на самом деле,

находится государство, которое терпело бы в своем лоне тех, кто сеет в нем ненависть и раздор?"[151]

Это была первая попытка, предпринятая каким-либо государством, не являющимся римско-католическим, изгнать иезуитов, и даже сами иезуиты не делают вид, что это было из-за их религии, которую российское правительство разрешило им свободно исповедовать. Следовательно, это должно было быть следствием того, что они убедили российские власти в том, что они использовали свою религию в качестве предлога для вмешательства в мирские и политические дела; и что тем самым они по праву признали себя виновными в обвинениях, выдвинутых против них в указе императора. Утверждение о том, что император, возможно, ошибся, не является защитой от этих обвинений. Это маловероятно, ибо тот факт, что они замыслили заговор против мира и интересов общества в обмен на оказанные им милости, оправдал бы его еще более суровое осуждение их. Существует очень мало столь низких оскорблений, как неблагодарность, которая исключает высшие эмоции из ума. Он дал им убежище и защиту после того, как папа и римско-католические власти осудили и упразднили их; и если бы не это, они ушли бы навсегда, подавленные народным негодованием. Сам факт, что он оказался вынужден привлечь их к ответственности, как он это сделал, с такой сокрушительной суровостью, является убедительным доказательством их неблагодарности, а также их неспособности существовать где бы то ни было в соответствии со своей конституцией, не нарушая общественного спокойствия и всего, что они не в состоянии подчинить и контролировать.

Следует предположить, что иезуиты заявляли о подчинении российской власти до указа Пия VII, который позволил им существовать в этой стране. Но после того, как тот же папа восстановил орден, что он вскоре и сделал, другим специальным указом, их честолюбивые планы стали вынашиваться более активно и открыто. Этот последний акт, вернувший их к активной жизни, был датирован 7 августа 1814 года, и поскольку он позволил им воспроизвести весь их старый механизм озорства, он заслуживает тщательного рассмотрения как с точки зрения характера самого акта, так и мотивов его автора. Это одно из важных событий современной истории, влияние которого еще не прекратилось и, вероятно, не прекратится до тех пор, пока будет продолжаться соперничество между монархизмом и народными институтами. Пий VII был монархистом в принципе, помимо того, что был светским сувереном. Монархизму угрожала серьезная опасность, и он был готов принять любой союз, который его защитники сочли необходимым для его сохранения. Короли особенно боялись народного правления, и среди них не было никого, кто не понимал бы, что нигде больше в мире оно не осуждалось так сурово, как в конституции иезуитов, и никто не радовался бы его уничтожению больше, чем члены общества иезуитов. Поэтому нам следует взглянуть на состояние европейских народов во времена Пия VII, чтобы проникнуть в его мотивы и понять, что он, должно быть, считал необходимостью, которая побудила его помочь иезуитам опорочить память Климента XIV, одного из самых достойных его предшественников.

Французская революция предприняла попытку, подражая примеру Соединенных Штатов, распространить зародыши народного представительного правления по всей Европе. Какие бы ошибки ни возникли в результате этого великого движения, они в большей степени объясняются ранее существовавшими влияниями и предрассудками ложного образования и помощью, которую монархизм извлек из злополучного союза Церкви и государства, чем из всех других причин, вместе взятых. Когда европейские государства были потрясены этим событием,

иезуиты ухватились за возможность убедить правящих суверенов в том, что поддержка их общества, организованного Лойолой, была абсолютно необходима для сохранения и продолжения принципа монархии; и что без их сотрудничества народ, который был неспособен управлять делами правительства, восторжествовал бы над королями. Они нападали на либерализм во всех формах, от французских энциклопедистов до смиреннейших защитников народного правления, обрекая всех их на вечные муки за то, что они осмелились отстаивать естественное право человечества на гражданскую и религиозную свободу. Это была благоприятная для них работа; ибо, хотя они еще и не восстановились, они были уверены, что если им удастся возбудить опасения монархов по поводу возможной потери их королевской власти, они тем самым приведут в действие поток влияний, который вскоре достигнет Пия VII и заставит его пренебречь указом об их упразднении и связать свою судьбу с другими королями, какое бы влияние это ни оказало на судьбу Церкви. Лойола основал орден, ссылаясь на его необходимость противодействовать влиянию Реформации в шестнадцатом веке; и теперь, в девятнадцатом, тот же аргумент повторялся, варьируясь лишь настолько, чтобы охватить все существующие плоды Реформации, включая право народа на самоуправление. Иезуиты не просчитались. Они знали, как возбудить страхи и фанатизм монархов. Они поняли Пия VII и преуспели, наконец, в получении от него указа о своем восстановлении, в силу которого они с тех пор существуют и сейчас рассеяны по всем нациям, при этом их честолюбие и жажда власти ни в малейшей степени не ослабли.

Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей, понимает, насколько "Союзные державы" считали необходимым переделать историю Европы после бегства Наполеона с острова Эльба. С этой целью их представители собрались на Венский конгресс и присвоили себе название "Священный союз", который, по словам князя Меттерниха, который был его руководящим духом, был вызван "переполнением пиетистских чувств императора Александра [Российского] и применением христианских принципов в политике"; другими словами, "*союзом религиозных и политико—либеральных идей*".^[152] Это усилие со стороны монархистов Европы было направлено на то, чтобы вновь подчеркнуть идею о том, что короли правят по божественному праву; другими словами, установить союз между Церковью и государством настолько прочно, чтобы его никогда больше нельзя было нарушить. Он был призван научить людей тому, что все свободы, которыми они имели право обладать, были такими только в той мере, в какой правящие монархи сочли целесообразным предоставить их; что они не имели права ни на что в силу естественного закона; что попытка установить представительное и либеральное правительство, подобное правительству Соединенных Штатов, было непростительным грехом перед Богом; и что высшей обязанностью гражданина является повиновение монархической власти.

Не менее заметным среди маневрирующих государей и политиков Европы того времени был Пий VII, который считал себя самым выдающимся и важным представителем божественного права королей. Он люто ненавидел Наполеона, хотя бы потому, что "маленький корсиканец" арестовал и держал его в заключении. Пытаясь выяснить, какими средствами он, как папа, мог бы оказать наиболее заметную помощь делу монархизма и подавления либерального и народного правления, он, естественно, обратился к иезуитам, чья верность принципам абсолютизма была подтверждена конституцией их общества и их глубокой преданностью памяти Лойолы. Соответственно, он, пока монархи готовились к Венскому конгрессу и всего за несколько месяцев до его созыва, предвосхитил их действия, восстановив общество иезуитов. Его быстрые действия привлекли внимание союзных государей, которые не могли не усмотреть

в этом достаточных доказательств его враждебности народному правительству и его верности монархическому делу. О его целях можно догадаться из формулировок его указа. Он заявил, что был бы нарушителем служебных обязанностей, "если бы нас поместили на барку "Питер", которую швыряло и атаковало постоянными штормами, мы [он] отказались нанять *энергичных и опытных гребцов* [иезуитов], которые добровольно предложили свои услуги, чтобы преодолевать морские волны, которые ежеминутно угрожали кораблекрушением и смертью".^[153] Что он имел в виду, говоря о штормах, которые швыряли и атаковали барк Петра? Правительства были взволнованы политическими и военными потрясениями, но эти вещи не входили в законную компетенцию Церкви или папы римского. Церковь пребывала в мире, за исключением того, что Пий VII добровольно решил вмешаться в политическую борьбу королей, чтобы сохранить свою собственную светскую корону. То, что он намеревался стать активным участником этой борьбы, доказывается всем, что он говорил и делал, даже формулировками своего указа. Объясняя свой поступок, он говорит, что Фердинанд, король Сицилии, потребовал восстановления ордена иезуитов, потому что было необходимо нанять их в качестве инструкторов "по воспитанию молодежи в христианском благочестии и страхе Божьем". Фердинанд был одним из самых фанатичных королей и убежденных монархистов в Европе, и его идея "христианского благочестия и страха Божьего" заключалась в том, что она основывалась на божественном праве королей и союзе Церкви и государства. Для него религия и монархизм были синонимами. Если он иногда и делал небольшие уступки своим подданным из страха перед народным гневом, они всегда прекращались, когда его власть становилась достаточно сильной, чтобы позволить ему безнаказанно возобновить свои притеснения. Он действовал в соответствии с принципом иезуитов, согласно которому монархический суверен не связан никакими обещаниями, которые он дает своим подданным, по той причине, что у последних нет прав, которые первые обязаны признавать, а если бы они были, то папа мог бы освободить его от обязанности выполнять свое обещание — доктрина, которой тогда строго придерживались, чтобы сделать невозможными народные институты. Его главной целью было увековечить свою собственную светскую и политическую власть, и он желал использовать иезуитов для этой цели, хорошо зная, что их доктрины были специально разработаны для того, чтобы держать общество в повиновении монархизму. Пий VII без колебаний признал свою симпатию к Фердинанду и тем самым доказал, что на него влияли те же светские и политические мотивы. Он считал необходимым, чтобы корона абсолютного владычества была возложена на голову Фердинанда, чтобы убедиться, что она будет возложена и на его собственную. Монархи "Священного союза" собрали большие армии и вскоре взяли на себя обязательство посвятить их подавлению всех народных восстаний в пользу свободного правления; и он желал посвятить иезуитов, поддерживаемых его папской властью, достижению этой цели. Он знал, с какой преданностью они отнесутся к этой работе, и поэтому в своем указе о реставрации он посоветовал им строго соблюдать "полезные советы", с помощью которых Лойола сделал абсолютизм краеугольным камнем общества.

Таким образом, ясно показано, что мотивы Пия VII были светскими и политическими, и когда он извинился по причине "плачевных времен", то есть политических волнений среди наций, он явно имел в виду развитие тех заговоров против народной свободы, которые вскоре послужили отправной точкой для создания "Священного союза" в Вене. Похоже, он был настолько поглощен этой темой, что не понимал, что обязан хоть в какой-то степени проявить уважение к памяти Климента XIV. Как будто не сознавая, что, когда последний упразднил общество, он

также был главой Церкви, обладая всеми полномочиями и прерогативами законно избранного папы, он отменил и аннулировал свой указ, как если бы он обладал не более высоким достоинством, чем муниципальное постановление, подражая в этом практике тех суверенов, которые сметают все препятствия с пути своих амбиций. Он даровал иезуитам право существовать как орден во всем мире и тем самым одобрил их поношение Климента XIV. И чтобы показать свою собственную оценку полноты своей папской власти, он заявил, что его указ о восстановлении должен "неукоснительно соблюдаться" и что он "никогда не должен быть представлен на рассмотрение или пересмотр какому-либо судье". И затем, как будто он стоял на месте Бога, в то время как Климент XIV восстал против Божественной власти, он повелел, чтобы "никому не было позволено нарушать или с дерзкой безрассудностью противодействовать какой-либо части" своего указа; и сделал неповиновение ему греховным актом, заявив, что тот, кто будет виновен в этом, "тем самым навлечет на себя гнев Всемогущего Бога и святых апостолов Петра и Павла". Он пренебрежительно отнесся к указу Климента XIV, без малейшего намека на то, что иезуиты раскаялись в преступлениях, за которые он упразднил их общество после четырех лет тщательного расследования, и без какого-либо обещания с их стороны не повторять их - серьезное и опасное упущение.^[154]

Нельзя не задаться вопросом, почему Пий VII не остановился достаточно надолго, чтобы спросить: "Каким мясом питается этот наш цезарь, что он стал таким великим?" Какой источник папской власти существовал от его имени, которого не было также от имени Климента XIV? Один был не большим папой, чем другой, — не более непогрешимым, чем другой, — не обладал более высокими официальными прерогативами, чем другой. Они были равны по власти и официальному достоинству. Если бы Климент XIV *приостановил* деятельность общества, то во власти Пия VII было бы отменить приостановку и возродить общество. Но он пошел дальше и в самых решительных и недвусмысленных выражениях *подавил, отменил, аннулировал и уничтожил это навсегда*. Его официальный акт был действительным, полным и окончательным в соответствии с каноническим правом и установившимся обычаем. Таким образом, общество не имело законного существования в соответствии с законом Церкви, но было мертвым и вымершим, когда Пий VII стал папой. Тогда его конституция была недействительной. У него по праву была только та власть, которой обладал Павел III, когда он впервые учредил общество; и, используя эту власть, он мог бы организовать новое общество и даровать ему новую конституцию. Вместо этого он *"восстановил"* несуществующее общество по просьбе короля Фердинанда, тем самым присвоив себе исключительное право пересматривать и аннулировать то, что сделал Климент XIV в рамках своих законных полномочий. Чтобы сделать это, он должен был далее предположить, что Климент XIV превысил свои полномочия и нанес ущерб Церкви, лишив ее "сильных и опытных гребцов", необходимых для спасения ее от "кораблекрушения и смерти". По сути, это означало одобрение иезуитской клеветы на Климента XIV и отрицание его непогрешимости. Более того, это было подразумеваемое одобрение восстания иезуитов против власти Церкви в течение сорока одного года, прошедшего после упразднения их общества. Это была попытка прикрыть, санкционировать и узаконить это восстание и вознаградить общество за его упорное неповиновение Церкви и каноническому праву, оживив его мертвое тело.

Сами иезуиты осознают эту трудность и озадачены ею. Справляясь с ней, Дориньяк проявляет больше изобретательности, чем искренности. Ссылаясь на существование иезуитов в Белой Руси после декрета об упразднении и в нарушение его, он осмеливается сказать: "Положение иезуитов в Белой Руси было аномалией. Климент XIV разрешил им сохранять *статус-кво*."^[155] Он не дает никаких полномочий на это по очевидной причине, что их нет. Ничто не может быть найдено, чтобы подтвердить это. Это, несомненно, иезуитское изобретение, противоречащее всему, что было сделано и сказано Климентом XIV. Формулировка его указа убедительна в том, что его целью было разрушить общество и положить ему конец навсегда, не позволяя ему существовать где бы то ни было. Он не делает ни исключений, ни оговорок. Любое другое притворство является ощутимым извращением его смысла. Дориньяк явно осознавал эту трудность и предпринял дополнительные усилия, чтобы избежать ее, попытавшись ослабить официальную силу декрета об отмене. В другом месте он говорит: "Принимая во внимание будущее, он [Климент XIV] не стал бы подавлять общество *буллой*, которая была бы обязательной для его преемников. Он подавил это *кратким* заявлением, которое могло быть без труда отозвано, когда бы это позволили общественные чувства".^[156] У иезуитов есть "сокровищница слов", из которой они черпают по своему усмотрению, используя их для выражения или сокрытия правды, необходимой для продвижения их интересов или улучшения их состояния. Здесь предпринята попытка интерпретировать значение указа не с помощью простого языка, который в нем содержится, а с помощью названия, данного самому документу. В чем разница между буллой и брифом? Если таковое и есть, то оно должно вытекать из рассматриваемого предмета, и никак иначе. Можно предположить, что папа может регулировать некоторые второстепенные дела, касающиеся вопросов, не имеющих существенного значения для Вселенской Церкви, посредством приказа или декрета, называемого кратким, и в этом случае он или его преемники могут отменить его. Но если такой приказ или декрет касается Вселенской Церкви, его следует считать буллой, потому что в этом случае, согласно теории иезуитов, он обладает непогрешимостью и не может быть отменен — по той причине, что все, что является непогрешимым, должно означать хорошее или плохое. Указ Климента XIV содержится в "*Римском буллариум*", хранящемся в Ватикане в Риме.^[157] У размещения его там не могло быть никакой другой цели, кроме как придать ему такое же достоинство и эффект, как буллам других пап, среди которых он зарегистрирован. Переданный таким образом на хранение, он, несомненно, считался безотзывным, поскольку относился к религиозному ордену, который мог существовать только благодаря авторитету папы, представляющего всю Церковь. Когда папа действует со ссылкой на религиозный орден, он решает, способен ли он выполнять свои обязанности. Затем он действует со ссылкой на веру, и поэтому его поступок является *ex cathedra*. На этом основании, согласно учению иезуитов, он непогрешим в любом мнении, которое высказывает, потому что оно находится в области как веры, так и морали. Следовательно, при обсуждении вопроса "Когда Церковь говорит безошибочно?" недавний римско-католический автор книги "Признанный авторитет" говорит, что, поскольку Церковь никогда не может быть "ненадежным проводником, из этого следует, что она не может ошибиться, когда она скрепляет религиозный орден своим формальным одобрением".^[158] Конечно, не требуется никаких аргументов, чтобы доказать, что если папа непогрешим в установлении религиозного порядка, то он в равной степени непогрешим и в упразднении существующего на основании, выраженном Климентом XIV, что этого требовало благо вселенской Церкви и дело христианства, а также на дополнительном основании, что предмет один и тот же. Этого утверждения нельзя избежать, заменив аргумент утверждением.

Тот же самый автор-иезуит, Дориньяк, непоследователен. По-видимому, забывая, что он назвал указ Климента XIV простым *приказом*, который любой из его преемников мог аннулировать, когда он впоследствии говорит о указе, изданном Пием VII, он называет его "*буллой*" и часто ссылается на него как на таковой.^[159] Ранее он заложил свой фундамент, настаивая на том, что Пий VII рассматривал сохранение ордена иезуитов императором России как "вмешательство Божественного Провидения в интересах общества"^[160] — то есть, что Климент XIV навлек на себя Божественное неудовольствие, когда упразднил общество — он никогда не упускает из виду идею о том, что указ Пия VII носит печать непогрешимости и не может быть ни отменен, ни изменен. Это тонкий метод изложения, но он лишен силы аргументации. Это просто иезуитизм.

Эти вопросы приобретают свою нынешнюю важность из-за того факта, что они показывают, как иезуиты освоились с извилистыми путями. Они также демонстрируют удивительную ловкость, с которой они шли по этим путям в течение многих лет, и то, как они преодолевали трудности, которые одолели бы любого другого человека. Поскольку они никогда, ни в один период своей истории, не были известны тем, что отказывались от каких-либо своих требований или притязаний, сегодня они, как и всегда, представляют постоянную угрозу для любой формы народного самоуправления и всего остального, что является плодом Реформации. Их правила поведения все еще проистекают из учения Лойолы, которого, будучи принятым ими как занимающего место Бога, они считают более высоким авторитетом, чем любой человеческий закон или любое правительство, где суверенная власть гарантирована народу.

СНОСКИ:

^[145] Николини, стр. 411.

^[146] Николини, стр. 422.

^[147] Nicolini, pp. 424-425.

^[148] Daurignas, Vol. II, стр. 191.

^[149] Николини, стр. 432.

^[150] Де Монтор, т. II, стр. 406. Грейзингер, стр. 653.

^[151] Николини, стр. 433-434. Грейзингер, стр. 665.

^[152] Мемуары князя Меттерниха. Князь Меттерних. Том I, стр. 262.

^[153] Николини, стр. 445.

^[154] Николини, стр. 447.

^[155] Daurignas, Vol. II, с. 195.

^[156] Там же., стр. 177.

^[157] Де Монтор, т. II, стр. 347.

[158] Когда Церковь говорит безошибочно? Автор: Томас Фрэнсис Нокс из Лондонского ораторского искусства. Страница 67.

[159] Дориньяк, стр. 217.

[160] Там же., стр. 205.

ГЛАВА XV.

ВОЗВРАЩАЮСЬ В ИСПАНИЮ.

Указ об упразднении ордена иезуитов был принят всеми римско-католическими монархами и народами Европы как окончательный. Это было проявлением высшей власти Церкви. Но это не было принято иезуитами, которые, презирая эту власть, вынашивали намерение тайно составить заговор против нее, пока они не добьются ее отмены от какого-нибудь сочувствующего и сговорчивого папы. Их положение было положением осужденных преступников, вынужденных признавать власть и юрисдикцию своих триеров, в то же время тайно пытаясь найти или создать какую-нибудь враждебную власть, от которой они могли бы получить помилование или возрождение своей власти повторять свои преступления без прощения. Для них не имело значения, что Климент XIV был канонически папой римским — их собственные интересы перевешивали все, что касалось либо папы, либо Церкви. Они были готовы повиноваться Церкви при условии, что Церковь благоволит их обществу, но не иначе. Следовательно, о них тогда, как и во все другие времена, можно сказать, что они не признавали никакой другой формы христианства, кроме той, что сосредоточилась в иезуитизме, и никакого другого авторитета, кроме авторитета их генерала в Риме.

Восстановившись, они вышли из своих укрытий и снова появились во всех центрах европейского влияния. Их численность была достаточной, чтобы показать, что вместо того, чтобы считать свое общество упраздненным — как им было предписано декретом Климента XIV, — их организация была тайно и демонстративно сохранена, без какого-либо отступления от принципов конституции, какого-либо ослабления их притязаний или какого-либо заметного уменьшения их численности. Каждый из них вновь появился в старых доспехах ордена — заново сожженных для повторного использования. Оружие, которое Лойола выковал для смертельной войны против протестантизма, было вновь выдано "священному ополчению" ордена, и его обученные и покорные батальоны возобновили свой старый и знакомый боевой клич, объявляя о своей решимости никогда не складывать оружие, пока не будут уничтожены все плоды и последствия Реформации. Возможность достижения такого результата вновь подстегнула их пыл; и они стали более искренне, чем когда-либо, едины в деле монархов Бурбонов, когда поняли, что Пий VII заверил "Священный союз", что все полномочия папства должны быть использованы для достижения этой цели и что их, как особых поборников регресса, следует поставить в авангарде конфликта. Времена были такие, что они черпали в них новое вдохновение. Зависть и соперничество между монархами повергли в смятение всю Европу. Французская революция привела к последствиям, которые породили пламя сильного возбуждения, охватившее внешнюю окраину Континента. Общество было повергнуто во взбудораженное состояние, и устои самых сильных правительств оказались под угрозой.

Появление Наполеона встревожило наследственных монархов. Ему удалось нанести то, что, как они опасались, стало бы смертельным ударом по доктрине божественного права и наследственного происхождения королевской власти. Он с безрассудной дерзостью разрушал правительства и династии, чтобы построить новые правительства и династии, послушные ему. Правящие монархи были встревожены быстротой и успехом его действий, поскольку не могли предвидеть, когда и где будут нанесены его быстрые и решительные удары. Но когда его звезда угасла, они снова применили свою объединенную энергию для возрождения своих притязаний на божественное право и для более тесного союза Церкви и государства. Они не могли не видеть, что монархизму грозило поражение, если не будут обнаружены какие-либо средства, с помощью которых неосторожное население, стремящееся к свободе, могло быть снова втянуто в сети, на плетение которых папство и светские монархи потратили столетия. Эти перепуганные монархи, по-видимому, избавились от своих смущающих страхов, когда Пий VII отважился призвать им на помощь то, что, по его замыслу, должно было стать всей мощью Церкви, восстановив жизнь в распавшемся обществе иезуитов. Должно быть, они радовались, как радуются утопающие, когда хватаются за какой-нибудь предмет, который их спасает. Дух иезуитов не нуждался в возрождении, поскольку его никогда не подавляли; и поэтому они вновь появились во всеоружии для возобновления борьбы против гражданской и религиозной свободы, народного права на самоуправление и всех благотворных влияний Реформации.

Сочувствуя Фердинанду IV Неаполитанскому — самому фанатичному монарху в Европе, по чьему примеру они были восстановлены, — иезуиты выбрали такие направления деятельности, которые позволили бы им наносить сильнейшие удары свободе слова, печати и религиозных убеждений; хорошо зная, что там, где это было разрешено, они породили принцип народного самоуправления там, где его не существовало, и укрепили и поддерживали его там, где он существовал. Их поощряли все, кто поддерживал союз между папством и союзными монархами, на том основании, что участники этого союза стремились сохранить единство Церкви и государства как единственную надежную гарантию сохранения монархизма. Следовательно, они были приняты как соработники в деле абсолютного империализма и враги любой формы правления, при которой народ обладает правом суверенитета. На флаге, под которым они маршировали, были изображены все символы деспотизма, и не было места ни для одной звезды, которая указывала бы на свет современного прогресса. Достигнув, таким образом, состояния кажущейся безопасности, они были привлечены в Рим покровительством папства, и ценность их союза была признана папскими властями, о чем свидетельствует тот факт, что они вернули им их имущество, конфискованное Климентом XIV, вместе с римскими и германскими колледжами в Риме и рядом церквей. Они стали более могущественными, чем когда-либо, в государствах Церкви и преуспели в том, что подчинили всю Италию диктатуре своего генерала, за исключением Сардинии и Пьемонта, где, чтобы избежать прямого разрыва с папой, их терпели, но не устанавливали. Они разъезжали по Европе, открыто там, где могли делать это безопасно, и тайно там, где не могли, радуясь, когда становились свидетелями торжества монархизма над правами народа. Где бы ни велась борьба против этих прав, они всегда помогали и поощряли дело политического деспотизма. Если бы во время состязаний того периода в рядах народа можно было найти хоть одного иезуита, который не предавал бы их, он был бы предан анафеме своим обществом.

Возвращение ордена иезуитов в Испанию преподает урок, который не следует забывать. Король Фердинанд VII проявил себя как один из самых верных их королевских учеников. После того как ему удалось освободиться от власти Наполеона и вернуться в свое королевство, он обнаружил

действующую конституцию, с помощью которой испанский народ в его отсутствие существенно ограничил королевскую власть. Стремясь вернуть себе власть, он дал торжественное обещание, что будет соблюдать эту конституцию и проследит за ее исполнением. Добившись успеха, он доказал своим последующим поведением, что был досконально знаком и полностью одобрял доктрину иезуитов о том, что монарх не связан никакими обещаниями, данными своим подданным, или какой-либо клятвой подчиняться ей, потому что его власть божественна, и у народа нет прав, которые он не уступил бы им по собственному желанию. Следовательно, когда он благополучно овладел трон — с эмиссарами—иезуитами, толпящимися при его дворе, чтобы диктовать свою политику и прощать его лжесвидетельство, - он предательски отменил Кортесы, законодательный орган нации, и взял скипетр абсолютного правления в свои руки. Он восстановил печально известную инквизицию, и жестокость его деспотизма проявилась в количестве жертв, которые умерли во время его правления террора. Как такой монарх должен был пользоваться благосклонностью и защитой Пия VII — главы Церкви — почти недоступно разумному пониманию; то, как он получил одобрение иезуитов, хорошо понятно. Его чудовищные деяния, наконец, стали настолько велики, что римско-католический *народ* Испании, устав от его преследований и осознав, что нация не сможет жить, если их не арестуют, прибегнул к революции, чтобы отомстить за зло, которое они больше не могли терпеть, и провозгласил конституционную форму правления, посредством которой они гарантировали такие права народа, которые считали необходимыми для их собственного благосостояния. Но присутствовали иезуиты, чтобы дать совет клятвопреступившему королю, и, приняв их казуистические учения в качестве своего руководства, он согласился с этой новой конституцией и, повторив свое торжественное обещание соблюдать ее, отвратил народную месть. Таким образом, он выиграл время, чтобы восстановить свою королевскую силу, и когда впоследствии обнаружил, что нация, казалось бы, дремлет в чувстве безопасности, снова поправ конституцию, восстановил свою деспотическую власть короля по божественному праву, независимо от народа, поправ свою честь, повторив свое лжесвидетельство, и ввергнул Испанию в глубочайшие страдания. Этот лжесвидетельный тиран был проклят римско-католическим народом Испании, и его чудовищные деяния вынудили римско-католическое население Испанской Америки отстаивать свою независимость. Когда в его руках была королевская власть, он вернул инквизицию и иезуитов в Испанию; когда народ получил возможность обеспечивать соблюдение конституции, *онизгнал иезуитов из страны*. Он знал своих друзей, а народ знал своих врагов. Но, несмотря на всю подлость его поведения, лежащую на нем, он пользовался благосклонностью и аплодисментами Пия VII и почитался иезуитами. Современные события полны поучений.

Для достижения целей, объявленных в Вене, "Священный союз" снова собрался на конгресс в Вероне, где монархи в самой торжественной форме поклялись друг другу, что они будут продолжать препятствовать установлению народных правительств и объединят все свои силы в сохранении монархических институтов там, где они существовали, и в восстановлении их там, где они были отвергнуты народом.^[161] Принятие конституции Испанией было сочтено противоречащим этому решению в Вероне, и сразу же были предприняты приготовления к его отмене. Король Франции Людовик XVIII, как один из союзных государей, взявший на себя обязательство сохранить монархизм и победить все народные правительства при любой опасности, ввел армию в Испанию с единственной целью подчинить народ и отменить конституцию, чтобы сохранить положение вещей, которое так долго существовало при Фердинанде VII. Именно эта противоестественная и несправедливая война вернула

инквизицию и иезуитов в Испанию. Ничто не могло быть более благодарным иезуитам, потому что они думали, что смогут увидеть в этом торжество монархизма над народом. Они следили за этой армией вторжения с таким же восторгом, с каким голодные люди идут на пир. В том, что они ликовали, когда удалось свергнуть конституцию, и когда они снова увидели ноги вероломного Фердинанда VII на шеях испанского народа, не усомнится ни один читатель истории. Они "обосновались в стране, - говорит Грейзингер, - более прочно, чем когда-либо", по-видимому, воодушевленные надеждой, что дело защиты народных прав было навсегда потеряно среди римско-католического населения Испании. Но этот несправедливый триумф был недолгим. Еще один кризис в делах Испании произошел после смерти Фердинанда VII, когда после кровавой гражданской войны, длившейся шесть или семь лет, злополучная Изабелла была возведена на трон и была провозглашена другая либеральная конституция — правда, не совсем республиканская, но достаточно представительная по форме, чтобы остановить узурпацию абсолютизма и обеспечить окончательное торжество народной свободы. Римско-католический народ Испании в очередной раз ознаменовал свою победу над абсолютизмом, *изгнав иезуитов из страны* и признав свою решимость больше не подвергаться опасности из-за их присутствия или раздражения из-за их интриг. И, таким образом, иезуиты были вынуждены искать подходящие поля деятельности в других частях Европы, среди тех, кто считал конституционную и представительную форму правления нарушением божественного закона, людей, годных только для рабства, и абсолютных монархов, "обутых в сапоги и прищипоренных, чтобы ездить на них верхом".

Тех, кто знаком с ненавистью, которую испанский народ питал к иезуитам — не только из-за их дурного влияния на Фердинанда VII, но и из-за тенденции их доктрин превращать людей в машины и притуплять их моральные чувства, — не удивляет то отвращение, с которым к ним относились в Германии. Испанский народ издавна был известен послушанием Римской церкви, но достиг уровня интеллекта, который позволил им понять разницу между Церковью и папством, и, следовательно, они не позволили бы даже Пию VII навязывать им иезуитов — факт, имеющий большое значение для формирования истинной оценки их характера. Однако в Германии, где началась Реформация, память об их прежней порочной карьере не угасла, оппозиция им после их восстановления была более интенсивной, чем до их подавления; ибо по мере того, как немецкий народ становился просвещеннее, он был лучше способен видеть и понимать непримиримую враждебность иезуитов к интеллектуальному развитию и конституционному правлению. Их собственный опыт научил их, что примирение и согласие между протестантами и римско-католиками не только возможно, но и желательно; и из того же опыта они узнали, что, поскольку иезуиты участвовали во всех мерах, направленных на свержение конституционных правительств, созданных римско-католическим населением, их радость возросла бы, если бы тем же оружием они могли уничтожить аналогичные правительства, созданные протестантами. Таким образом, немецкий народ построил вокруг себя стену защиты в своем собственном интеллектуальном просвещении, которую тщетно пытались подорвать иезуитское ремесло и изобретательность.

Франция, Австрия и Бавария были римско-католическими странами. Франция не забыла прежний ожесточенный и затяжной конфликт, который дал галликанским христианам их заветные свободы, обеспечив правительству контроль над своими мирскими делами без папского вмешательства. Воспоминание об этом оживило также воспоминание о том факте, что

иезуиты были изгнаны из-за их попыток уничтожить эти свободы. И, следовательно, после их восстановления даже Людовик XVIII, с его очевидным пристрастием к ним как к неутомимым защитникам абсолютного монархизма, не смог, несмотря на поддержку Пия VII, позволить им снова открыто вернуться во Францию. Ни в Австрии, ни в Баварии никогда не было такой борьбы, как во Франции; но, тем не менее, негодование, которое испытывали к иезуитам жители обеих этих стран, было настолько неприкрытым, что ни Франциск I в первой, ни Максимилиан Иосиф во второй не осмелились бросить вызов общественному мнению, разрешив им свободный доступ в оба королевства. Эти препятствия, однако, лишь предоставили иезуитам возможность попрактиковаться в искусстве лицемерия и обмана, с которыми они ознакомились благодаря своему методу воспитательной подготовки. Они тайно проникли во Францию под именем "Отцов церкви", или "Отцов истинной веры", а в Австрию и Баварию - под именем "искупителей".^[162] Они не осмеливались ни в одной из этих стран открыто называть себя иезуитами из-за почти всеобщего негодования, которое испытывало по отношению к ним римско-католическое население. Но, добившись признания среди них с помощью этих ложных предлогов, они хорошо поняли, благодаря умелой подготовке, как действовать дальше. Проникнув на линию фронта противника, они могли осмотреть все поле боя и составить соответствующий план. Каждый иезуит, который тайком пробирался во Францию, Австрию или Баварию под этими масками лицемерия, относился к народам этих стран так, как итальянский бандит относится к своей ничего не подозревающей жертве, — готовый нанести удар своим стилетом в темноте. Поэтому неудивительно, что, имея на своей стороне Пия VII и союзных монархов — все они поддерживали божественное право управлять и отрицали право народа — эти зажигательные иезуиты получили возможность, наконец, открыто заявить о названии и существовании своего ордена и рассеяться во всех направлениях под покровительством папы и императорской защиты. При такой поддержке они распространились на соседние государства, вплоть до Рейнской Пруссии, открыли свои колледжи и школы, и прошло совсем немного времени, прежде чем они установили свою прежнюю диктатуру над правительствами и народами. С тех пор они снова возродили свой старый имперский дух среди всех народов, особенно там, где они нашли убежище в либеральных институтах, и, кажется, снова вдохновлены надеждой, если не верой, что их окончательная победа над протестантизмом обеспечена, и что римско-католическое население преклонится перед ними как перед единственными назначенными Богом выразителями истинной апостольской веры.

Пий VII был воодушевлен успехом иезуитов и в первую очередь постарался сделать их доступными во Франции для продвижения интересов папства. Найдя Людовика XVIII покорным его власти, он предложил ему Конкордат с положениями, направленными на уничтожение галликанских свобод и приведение Франции в состояние, за которое так упорно боролся Бонифаций VIII; то есть абсолютного подчинения папству как в мирских, так и в духовных делах. Людовик XVIII был достаточно слаб, чтобы согласиться на этот конкордат, явно находясь под влиянием иезуитов. Но римско-католический народ Франции оказался не так легко заманен в ловушку, как предполагали папа и король; и последний вскоре понял, что даже его королевской власти недостаточно для приведения в исполнение этой отвратительной меры. Поэтому он был вынужден под влиянием общественных настроений отказаться от нее, хотя Франция все еще мирилась с присутствием иезуитов. Неудача "Конкордата", однако, была тяжелым поражением; но поражение только разожгло страсти Пия VII.

Ненависть к иезуитам в Германии в равной степени разделяли протестанты и католики. Эти две группы христиан согласились, что они объединятся в поддержании свободы вероисповедания;

то есть они вернутся к старому порядку вещей, который существовал до того, как мир и гармония были нарушены иезуитами при их первом появлении в Германии. Они подписали Конкордат на этот счет и отправили его Пию VII на утверждение, намереваясь, чтобы он осознал, как легко христианам жить вместе в гармонии, несмотря на различия в религиозных верованиях, преобладающие между ними. Важность этого движения трудно переоценить. Если бы папа использовал свое огромное влияние в его пользу, его благотворные результаты ощутили бы все. Но Пий VII, по-видимому, не зная, что такой союз между христианами возможен, решительно отказался согласиться на это справедливое и либеральное соглашение, заявив, что это "поставит под угрозу его светскую и духовную власть". Все классы немецких христиан — какими бы они ни были иными — осуждали его нелиберальность и придерживались своего примирительного курса по отношению друг к другу. Пий VII, понимая необходимость выполнения своего обязательства перед союзными суверенами и сохранения иезуитов на действительной службе папскому и императорскому делу, был сильно взволнован этим упорством немцев и выразил свое возмущение в резких выражениях. Его курс Корменин объясняет так: "Он сплотил вокруг себя королей Священного союза, объявил ужасную войну либеральным идеям, гневно отлучил от церкви демократов Франции, иллюминатов Германии, радикалов Англии и карбонариев Италии",^[163] которая включает все, что в тот период тяготело к либерализму и народному правительству. Очевидно, однако, что его гнев был особенно вызван мыслью о религиозной терпимости, которая, с точки зрения папы, означала потерю монархической власти и, следовательно, ересь.

Перед лицом этой чудовищной комбинации, состоящей, как это было, из папства, союзных государей, и иезуитов, какое другое средство, кроме революции, было в пределах досягаемости народа? Как еще они могли помешать продолжающемуся союзу Церкви и государства, полному торжеству монархизма и сокрушительному поражению конституционного и народного правительства? Никому не нужно рассказывать, на какие крайности были готовы пойти союзные монархи, чтобы добиться этих результатов; и при поддержке такого папы, как Пий VII, а он - иезуитов, чье общество он восстановил именно с этой целью, они обладали организацией такого характера, такой грозной и обширной по своим масштабам, что у множества не оставалось другой возможности спастись, кроме как отстаивая, как это сделал народ Соединенных Штатов, свое естественное право на гражданскую и религиозную свободу. Вопрос о форме религиозной веры не обсуждался, за исключением того, что папа, союзные монархи и иезуиты были едины в утверждении, что единственной истинной религией является та, которая основана на совместном монархизме Церкви и государства — другими словами, что способности человеческого разума должны оставаться неразвитыми, чтобы люди могли привыкнуть к неполноценности и пассивному повиновению власти.

Следовательно, когда римско-католическое население осознало, что протестантизм сделал за несколько столетий для просвещения и возвышения множества людей, не требовалось большого ума, чтобы понять, что комбинация, которая угрожала лишить их свобод, необходимых для их благосостояния, была нарушением истинной веры Церкви, которую они почитали и от истинного учения которой они не желали отходить. Они легко могли понять, что именно папство, а не Церковь, привело их к самому краю страшной пропасти. Они были воодушевлены вдохновляющим влиянием свободы — всегда широкой, великодушной, примиряющей. Уступая, таким образом, инстинктивным наставлениям природы, они обнаружили, что не менее других желают пользоваться защитой конституционного правительства и не менее других готовы прибегнуть к последнему средству - революции, когда

уверены, что их справедливые права не могут быть получены иным способом. Только так мы можем разумно объяснить революции в римско—католических государствах, организованные, как они были, для противодействия грандиозному заговору европейских монархистов, как в Церкви, так и в государстве, с целью помешать формированию народных конституционных правительств и свергнуть их там, где они были сформированы.

Эти революции следовали одна за другой так быстро, что доказывали существование общей цели; и чем ближе они были к Риму, тем более неистовыми были страсти, которые их разжигали и сопровождали. Массы народа не желали больше терпеть собственное унижение, даже перед лицом того факта, что Пий VII, приняв на себя непогрешимость, которая никогда не была санкционирована, поставил Церковь в позицию одобрения доктрин и целей "Священного союза". Они с благоговейной верностью принимали веру, провозглашенную "отцами" Апостольской эпохи, Соборные постановления и истинные традиции Церкви, но не желали, чтобы это было извращено ни папством, ни иезуитами, чтобы это стало предлогом для удержания их и их потомства в вассальной зависимости. Поэтому они мужественно решили освободиться от рабства, не желая больше быть скованными оковами, будь то взятыми из арсеналов папства или недавно выкованными в мастерских иезуитов. Этих революций можно было бы избежать и остановить их после того, как они вспыхнули, благодаря авторитету Церкви в руках папы, менее стремящегося к обладанию светской и монархической властью, чем Пий VII, и менее желающего, чем он, покровительствовать иезуитам и участвовать в целях "Священного союза" в политических и амбициозных целях. Но обстоятельства, окружавшие Пия VII как представителя папства, вынуждали его отбросить все другие соображения, кроме таких, как обещание успеха союзным державам, торжеству которых над народом он способствовал, насколько мог, всем авторитетом Церкви. Иезуиты казались ему просто "опытными гребцами", которые могли "разбивать волны" революционного моря; и, взяв их на борт папского корабля, нагруженного богатейшими сокровищами, он бросил вызов как жалобам угнетенных народов, так и опасностям кораблекрушения.

То, что Пий VII ни в малейшей степени не был расположен ослаблять притязания на вселенский суверенитет, которые некоторые из его предшественников предъявляли к папству, и поэтому был некомпетентен для компромиссного решения любого из нерешенных вопросов, убедительно демонстрирует история его понтификата. Его предположение о том, что он занимает место Бога на земле и был настолько облечен божественной властью, что ни один человеческий суд не мог справедливо расследовать его поведение или мотивы, поставило его в позицию смелого неповиновения чувствам либерализма, которые в то время быстро охватывали весь народ. Он ошибочно принял папские догмы Григория VII, Иннокентия III, Бонифация VIII и нескольких других пап за христианские доктрины девятнадцатого века. После того как Наполеон распространил французскую империю на Италию, возникла необходимость наладить отношения между духовной и светской властью. Соответственно, он направил письмо Пию VII, в котором сказал: "Я ни в чем не коснусь независимости Святого Престола", то есть что во всех духовных вопросах он оставит независимость папы нетронутой. Он ясно дал это понять, продолжив: "Ваше святейшество будет относиться ко мне во временном плане так же, как я отношусь к вам в духовном". Очевидный смысл слов Наполеона состоял в том, что Церковь и государство должны быть разделены и что каждое должно быть независимым от другого в своей собственной сфере. Папа должен был остаться "сувереном в Риме" со всеми светскими полномочиями, необходимыми для местного управления, но Наполеон должен был оставаться императором с общей юрисдикцией, относящейся к этому посту. Фактически это было, по

существо, восстановлением отношений, которые существовали между Церковью и императорами Константином и Карлом Великим.

Если бы Пий VII принял это предложение, это значительно уменьшило бы революционное возбуждение в Европе, потому что люди увидели бы в этом желание с его стороны примириться с прогрессивным духом девятнадцатого века. Это было бы воспринято как признание того факта, который европейское общество тогда осознало, что замечательное развитие Соединенных Штатов было связано главным образом с отделением Церкви от государства. Но это было то, чего Пий VII не собирался ни признавать, ни признавать; ибо ему было ясно, что если Церковь и государство будут разделены в Италии, папству придет конец. Поэтому, напомнив Наполеону, что он считает свое предложение оскорбительным для "достоинства Святого Престола" и посягательством на его "права свободного суверенитета", хотя оно оставляло все его духовные силы не только нетронутыми, но и полностью защищенными, он решительно и с негодованием отверг его. Заявив, что "это не наша воля, это воля Бога, чье место мы занимаем на земле", он переходит к определению отношений между духовной и мирской властью в этих недвусмысленных словах:

"Мы не можем согласиться со следующим утверждением: что мы должны относиться к вашему величеству во временном мире с тем же уважением, которое вы испытываете к нам в духовном. Это утверждение имеет масштабы, которые разрушают и изменяют представления о наших двух силах. Католический суверен является таковым только потому, что он заявляет, что признает определения видимого главы Церкви и считает его *учителем истины и единственным заместителем Бога на земле*. Следовательно, нет тождества или равенства между духовными отношениями католического монарха и мирскими отношениями одного монарха к другому".^[164]

Истинное значение этого было хорошо понято в то время, и теперь его нельзя замаскировать никакими методами толкования. Следовательно, согласно Пию VII, "католический суверен" должен принимать все, что папа определит в области веры и морали, будь то духовные или мирские, потому что он один является "хозяином истины" и стоит на месте Бога на земле, и, следовательно, нет никого выше или даже равного; что никоим другим образом папа не может быть таким верховным сувереном, каким он должен быть; что это его божественное право повелевать, а обязанность временных суверенов - повиноваться; и что, независимо от того, какие временные отношения будут существовать между суверенами, не может быть никаких не должно быть равенства между ними и папой римским, который будет управлять ими всеми, во всем, что касается веры и морали, как "единственный заместитель Бога на земле". Если при этом считать, что Пий VII определил единственную форму правления, которую папство может признать законной, то ясно, что ничего подобного сейчас не существует в мире — даже в Италии после упразднения светской власти папы. Европейские народы в то время понимали его достаточно хорошо, чтобы предвидеть, что все их усилия ограничить монархическую власть конституциями окажутся тщетными, если объявленная им папская политика восторжествует. Римско-католическое население, уже стоявшее на пороге революции, особенно возмутилось, когда осознало, что папство таким образом пользуется авторитетом Церкви не только для того, чтобы подавить народную волю, но и для того, чтобы потребовать от них принять эти учения как неотъемлемые части веры. Таким образом, революционный дух усилился, так что ко времени смерти Пия VII в 1823 году стало очевидно, что его нельзя остановить до тех пор, пока папство не откажется от своих притязаний и не примирится с существующим положением дел. Пий VII

переживал свою жизнь из-за тенденции того времени к либерализму; и если в его защиту сказать, что он жил в бурный период, когда волны политического моря бушевали высоко, то вполне можно ответить, что если бы он обладал примирительным духом, то мог бы сделать больше, чем любой другой из ныне живущих людей, чтобы привести недовольные и враждующие элементы к гармонии. Но вместо этого он напустил на общество одиозных и осуждаемых иезуитов, само присутствие которых усиливало народное недовольство, подобно тому как буря бушует сильнее, когда скованные ветры освобождаются.

При понтификате Льва XII, непосредственного преемника Пия VII, революционный пыл усилился. Он обнаружил, что иезуиты активно нарушают мир между всеми, кто был достигнут их влиянием, и, не теряя времени, заверил их в своем благословении в их усилиях уничтожить все, что тяготеет к либерализму и свободным народным институтам. Стремясь полностью подчинить Францию папскому скипетру, он потребовал, чтобы тамошнее духовенство стало независимым от правительства и безответственным по отношению к его законам. Но общественное мнение Франции было настолько возмущено этим требованием, что даже Людовик XVIII был вынужден осудить его королевским указом. Потерпев неудачу в этом, он обратил свое внимание на другие страны Европы, приняв иезуитскую тактику возбуждения протестантского населения против своих королей, а протестантских королей - против своих подданных. Таким образом он, очевидно, надеялся ослабить, если не подавить, революционный дух, который угрожал разрушить его светскую власть и лишить его короны. Какое-то время он, казалось, чувствовал уверенность в успехе в Германии и других странах и под влиянием этой уверенности осыпал проклятиями современных философов, характеризуя их мнения как "фаланги ошибок", а их терпимое отношение к различным религиозным мнениям как "безразличие ко всем религиям", ведущее к неверию. Чтобы не быть неправильно понятым, он представил их как "учение о том, что Бог дал полную свободу каждому человеку, так что каждый может, не подвергая опасности свою безопасность, принять ту секту или мнение, которые соответствуют его личному суждению". Он делает это заявление таким ясным, чтобы не возникло неправильного представления о его безоговорочном осуждении свободы религиозных убеждений не только в том виде, в каком ей учат эти современные философы, но и в том, что она составляет основу протестантизма и созданных им гражданских институтов, особенно в Соединенных Штатах. Сосредоточив свой гнев в единственной анафеме, он сказал: "Эта доктрина", то есть свобода совести, "хотя и выглядит соблазнительной и разумной, *глубоко абсурдна*; и я не могу слишком предостерегать вас от нечестия *этих маньяков*". Затем, переходя к "потопу пагубных книг", наводнившему Европу, он специально отобрал Священные Писания на местных языках, которые занимают видное место в этом классе. "Общество, - сказал он, - обычно называемое Библейским обществом, дерзко распространяется по всему миру и, презирая традиции святых отцов, вопреки знаменитому постановлению Тридентского собора, запрещающему распространять Священное Писание, публикует его переводы на всех языках мира. Некоторые из наших предшественников приняли законы, направленные на то, чтобы отвратить *это бедствие*; и мы также, чтобы выполнить свой пастырский долг, призываем пастухов осторожно уводить свои стада с этих смертных пастбищ.... Пусть восстанет Бог! Пусть он *подавит, поставит в тупик, уничтожит эту необузданную вольность говорить, писать и публиковаться*".[165]

Карл X сменил Людовика XVIII на посту короля Франции, и иезуиты, воодушевленные политикой Льва XII, возобновили свои усилия в этой стране. Они хотели получить контроль над молодежью, как делали всегда, и поэтому потребовали, чтобы все государственное обучение в

колледжах и школах было доверено им. Если бы согласие на это требование зависело только от короля, оно, несомненно, было бы получено, потому что это была существенная часть политики, которая привела к союзу Бурбонов и других государей с папством. Но народ Франции слишком хорошо знал иезуитов, чтобы доверить им своих детей, и был так единодушен в сопротивлении этому требованию, что Карл X был вынужден отклонить их просьбу. И чтобы как можно более явно осудить иезуитов, государственные власти предусмотрели законом, что к преподаванию не должен привлекаться никто, принадлежащий к какой—либо религиозной общине, - факт, который показывает, как далеко они чувствовали себя вправе зайти, чтобы избежать того, что они считали серьезным злом. Это положение, однако, об исключительно светском образовании было сделано в полном соответствии с галликанскими католическими и протестантскими настроениями Франции и было задумано не как в малейшей степени стремящееся к безбожию, а как необходимый шаг к полному отделению Церкви от государства.^[166]

Лев XII умер в ожидании этих волнений. Когда был избран его преемник — это произошло почти в наше время, в 1829 году, — и он принял имя Пий VIII, революционные угли нужно было лишь еще немного поворошить, чтобы они разгорелись в пламя. Успех конституционного правления становился все более и более очевидным, и союзным державам было очевидно, что, если не удастся остановить нынешнее избиение против них, они окажутся под угрозой поражения. Поскольку идея объединения Церкви и государства была пронизывающей всю папскую и королевскую политику, тем, кто боролся за конституционные гарантии свободы печати, слова и религиозных убеждений, было нетрудно понять, что эти великие естественные права были специально преданы анафеме покойным папой Львом XII по той причине, что они составляли фундаментальные принципы, на которых должна основываться эта форма правления. Следовательно, народные массы — как католики, так и протестанты — становились все более сплоченными и требовательными к этим правам; не только потому, что они сами по себе имели неоценимую ценность, но и потому, что они пришли к пониманию того, что нации, которые их поддерживали, продвигались к процветанию, счастью и просвещению гораздо быстрее, чем те, которые их подавляли и отрицали. Пий VIII не мог не понимать всего этого, а также обязанности, лежащей на папстве, как духовном покровителе и хранителе монархизма, пресечь народную тенденцию к конституционному правлению. Соответственно, едва он вступил в свой понтификат, как, приверженный политике регресса, подобно своим непосредственным предшественникам, Пию VII и Льву XII, он попытался более прочно, чем когда-либо, внедрить учение иезуитов в доктрины Церкви. Он обратился с циркулярным письмом к "епископам христианского мира", которое, будучи обращенным ко всей Церкви и касавшимся веры, было, обязательно, с *кафедры*, в котором он указал на некоторые из существующих ошибок, которые им было приказано искоренить. Это, согласно учению иезуитов, было актом непогрешимости и требовало безоговорочного повиновения от всех, кто был верен папству. Это хорошо подошло бы для средневековья. Осудив "тайные общества" — исключая, конечно, иезуитов — и "свирепых республиканцев", или сторонников народного правления, как "врагов Бога и королей", он обвинил их в том, что они "сломали узду истинной веры и пассивно повиновались князьям" и, таким образом, открыли "путь ко всем преступлениям". Он настаивал на том, что они пытаются "столкнуть религию и империи в пропасть". И когда он достиг кульминационной точки, он выразил себя такими словами: "Мы должны, достойные братья, преследовать этих опасных софистов; мы должны донести на их труды трибуналам; мы должны *передать их инквизиторам и пытками вернуть их к чувствам истинной веры супруги Христа.*"^[167]

Эти доносы и угрозы были адресованы тем римско-католическим слоям населения, которые всегда почитали Римскую церковь, чтобы отвлечь их от их революционного курса. Но их растущее просвещение позволило им понять, что это были папские вставки в первобытную веру. Не будучи склонны вести открытую войну с папой, священную должность которого они почитали, они приписывали это чрезмерному влиянию на него иезуитов. Особенно это было во Франции, где во время понтификата Пия VIII, как мы видели, попытки подчинить правительство папству приписывались интригам иезуитов. Это придало общим настроениям по всей Франции тенденцию к либерализму, на что указывали не только частые народные демонстрации во время правления Карла X, но особенно в период, о котором здесь идет речь, выборы в Палату депутатов. В июле 1830 года подавляющее большинство либеральных членов были избраны в Палату, что встревожило монархическую и королевскую партию и усилило активность иезуитов. Чтобы противодействовать влиянию этих выборов, была предпринята попытка отвлечь от них внимание общественности путем возбуждения национальной гордости в пользу королевской семьи вследствие успешного окончания войны с Алжиром. Роялисты сделали это причиной великой радости, и когда они предположили, что народ, движимый их идеями национальной славы, проникся достаточным энтузиазмом, они решились на шаг, направленный на то, чтобы сокрушить народный дух либерализма. Королевскому министру Полиньяку, архиепископу Парижа и иезуитам удалось побудить короля бросить вызов общественному мнению, издав королевский эдикт, запрещающий созыв либеральной палаты депутатов. Этот эдикт состоял из трех постановлений: 1. Приостановление свободы печати; 2. Роспуск Палаты депутатов до ее заседания; 3. Изменение плана выборов путем передачи результатов в руки префектов, находящихся на содержании правительства.^[168] Этим своевольным актом весь Париж был повергнут в смятение. В течение трех дней дух революции, который дремал, но не был подавлен, полностью пробудился. Общественное возмущение охватило все классы населения, за исключением тех, кто был привлечен к борьбе за регресс. Люди требовали прав, которые были гарантированы им общественной хартией. Депутаты Палаты собрались. На улицах были возведены баррикады. Народное восстание вскоре переросло в активную революцию, которая привела в ужас короля, который, будучи не в состоянии умиротворить народ, попытался, в качестве последнего средства, сделать это, предложив отменить тиранические и возмутительные постановления. Но он опоздал. Нарушение прав народа было слишком вопиющим, чтобы его можно было так легко простить. В результате Карл X — последний из Бурбонов — был с позором изгнан с трона и из страны, а Луи Филипп, герцог Орлеанский, стал королем Франции. И таким образом римско-католическое население наложило печать своего осуждения на политику, которую король, папство и иезуиты разработали для их порабощения.

Больше было невозможно скрывать или ошибаться в истинном характере проблемы между прогрессом и регрессом - между конституционализмом и монархизмом. Таким образом, этим событиям во Франции не потребовалось много времени, чтобы распространить свое влияние на римско-католическое население в других странах. По всей центральной Европе люди были подстрекаемы к поискам, протестам, революции. К этому времени они полностью осознали, что главные бедствия, обрушившиеся на них, проистекали из союза Церкви и государства и что конституционная гарантия защиты была невозможна до тех пор, пока продолжался этот союз, поэтому их первые усилия были направлены на разделение этих властей и наделение каждой из них ее надлежащей и независимой сферой обязанностей. Многовековая борьба продемонстрировала, что никаким другим способом нельзя добиться политического равенства или обеспечить им их естественные и неотъемлемые права. Задача была наиболее трудной,

потому что папству было позволено расширить свои полномочия с помощью фальшивых декреталий и конституций, которыми амбициозные папы пользовались без зазрения совести после того, как они отказались от своей верности Восточной империи и разделили Церковь. Тем не менее, они решились на это усилие, каким бы опасным оно ни было, вместо того, чтобы дольше оставаться в своем унижительном положении вассала, в то время как протестантские нации продвигались вперед по пути прогресса и совершенствования. Беглый взгляд на состояние Европы покажет, что время благоприятствовало им, как будто Провидение тогда специально определяло судьбу мира, чтобы навсегда положить конец узурпациям, с помощью которых так долго поддерживался союз Церкви и государства, в ущерб Церкви и делу христианства, не в меньшей степени, чем естественным правам человечества.

Население Нидерландов было объединено только под властью правительства, поддерживаемого объединениями, возникшими в результате "Священного союза". На севере господствовал протестантизм; на юге преобладал римский католицизм. Эта последняя часть населения, подражая своим братьям-христианам во Франции, желала отдельной независимости, чтобы их гражданские институты были поставлены под их собственный контроль. Они желали конституции, с помощью которой можно было бы наложить надлежащие ограничения на королевскую власть, и в то же время они не желали полностью разрушать принцип монархизма; скорее, они хотели, чтобы он продолжал существовать при надлежащих ограничениях, чтобы избежать абсолютизма, который до сих пор так тяжело давил на них. Будучи не в состоянии достичь своей цели каким-либо другим способом, они подняли восстание в Брюсселе, которое вскоре переросло в революцию и привело к провозглашению независимости. Революция вскоре набрала достаточную силу, чтобы установить правительство Бельгии, которая затем отделилась от Голландии. Король был избран избранным Конгрессом, но конституция связала ему руки, и вместо того, чтобы быть абсолютом, он стал зависимым монархом. В этом не было никакой попытки уйти от справедливого влияния Церкви, к которой население сохранило привязанность, которую оно давно испытывало. Но это разорвало узы союза между Церковью и государством, передав в руки народа ту часть правительственных полномочий, которую он считал нужным утвердить, так что вместо того, чтобы подчиняться абсолютному господству папства, они защищали свои собственные права и интересы конституционными гарантиями. Он практически осудил доктрины иезуитов, которые объявляют революцию против абсолютного монархизма грехом, а законы, исходящие от народного трибунала, ересью и по праву подлежащими сопротивлению.

Таким образом, Франция и Бельгия, обе принявшие революцию как средство от обид, которые больше нельзя было терпеть, не вызвали удивления, когда то же чувство было распространено и на другое римско-католическое население Европы. Массами почти повсеместно двигал импульс вырваться из-под влияния старого *режима* и подчиниться институтам собственного создания, ответственным только перед самими собой. Люди разных наций начинали понимать и сочувствовать друг другу больше, чем когда-либо прежде. Они сближались благодаря средствам общения, которыми были обязаны духу протестантского прогресса. На примере поразительных успехов развивающихся стран они учились тому, что настоящие источники национального величия находятся в их собственных руках и надлежащее развитие зависит только от них самих. В каком бы направлении они ни смотрели, они находили доказательства, убеждающие их в том, что те же самые успехи не могли быть достигнуты без конституционной гарантии права на самоуправление. И придя к убеждению — неважно, по собственному выбору или по необходимости, — что они могут с большей безопасностью доверить свое временное

благополучие правительствам, созданным ими самими, чем церковным или светским монархам, которые связывали прерогативы абсолютного империализма с божественным законом, они приняли революцию как справедливое средство исправления своих ошибок.

Когда Франция и Бельгия сломали скипетр абсолютизма, их влияние вскоре распространилось на римско-католическое население юга Европы; и они тоже, размышляя о своих обидах, начали собирать оружие революции и готовиться пустить его в ход. Сначала они двигались медленно, потому что цепи, сковывавшие их, были крепко заклепаны. Но они не сводили глаз с конституционных правительств и осторожно продвигались к такой же судьбе для себя. Они не могли ожидать, что сразу перейдут ко всему, что касается создания народных институтов в американском смысле этого слова. Их образование и формы правления, к которым они привыкли, оставили их в состоянии, делавшем необходимой крайнюю осторожность, из опасения, что в результате опрометчивых действий принципы "Священного союза" могут утвердиться настолько прочно, что Церковь и государство не смогут быть разделены, и они будут вынуждены согласиться с доктриной божественного права королей как существенной части христианской веры, или начать войну с Церковью, которую их учили чтить, и которая, фактически, почиталась. Папа римский был признанным духовным главой Церкви, и этим они были довольны. Но он также был мирским королем в Государствах Церкви и утверждал, что власть, относящаяся к этому положению, была дарована Богом и включала такое духовное владычество над миром, каким обладает сам Бог; и что таким образом он был сделан непогрешимым "учителем истины" и имел право на беспрекословное и абсолютное повиновение не только в духовных вопросах, но и в таких мирских делах, которые он один должен объявлять необходимыми для сохранения и осуществления его императорских прерогатив. Они достаточно долго терпели зло этой формы правления и, сравнив свое положение с положением народов, которые приступили к эксперименту по управлению самостоятельно — таких, как Соединенные Штаты, — они убедились, что их долг перед самими собой и своими потомками - провести тот же эксперимент, даже ценой революции. Все, на что они могли надеяться в окружающих их условиях, - это отделить Церковь от государства, дезавуировать и отбросить доктрину божественного права королей как временных правителей, будь то церковных или светских, и заменить абсолютный монархизм конституционными правительствами; другими словами, попробовать политические институты собственного создания вместо "отеческого правления", с помощью которого папство удерживало их от продвижения вместе с прогрессивными народами, которые утверждали и поддерживали право на самоуправление.

Разве у этих народов не было права поступать так? Американская декларация независимости утверждает, что это право вытекает из закона природы и является неотъемлемым. "Священный союз" европейских монархов был организован для подавления этого. Папство и иезуиты объединили свои силы, чтобы противостоять этому как ереси. Следовательно, не было никакой середины между конституционным правлением и подчинением — между сохранением старого порядка вещей и вливанием новой жизни в ветхие и приходящие в упадок институты. Следовательно, жителям Южной Европы пришлось делать выбор между этими альтернативами, рискуя быть осужденными и наказанными как неверные и еретические революционеры. Они патриотически выбрали последнее.

СНОСКИ:

[161] Это привело к появлению так называемой *доктрины Монро*, в которой говорится, что Соединенные Штаты будут рассматривать угрозу своей собственной независимости, если европейские правительства будут вмешиваться в деятельность любого из американских штатов.

[162] Грейзингер, стр. 670-674.

[163] Корменин, Т. II, стр. 424-425.

[164] Де Монтор, т. II, стр. 614-620.

[165] Корменин, Т. II, стр. 426-427.

[166] Корменин, Т. II, стр. 428.

[167] Корменин, Т. II, стр. 429.

[168] История Франции. Автор: White. Страница 540.

ГЛАВА XVI.

РЕВОЛЮЦИИ В ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ.

Преемником Пия VIII был Григорий XVI, который стал папой в 1831 году. Его избрание не было рассчитано на то, чтобы успокоить народ или уменьшить всеобщее возбуждение. Напротив, он полностью посвятил свой понтификат политике регресса, и это было настолько хорошо понято, что ему пришлось немедленно готовиться к борьбе с революцией, находясь так близко от Ватикана, что он мог наблюдать за выступлениями разъяренного населения. Итальянский народ занял позицию неповиновения; и если до сих пор он был склонен пассивно подчиняться притеснениям папства, то затем стало очевидно, что и они, после столетий послушания папе как абсолютному светскому монарху, были полны решимости испытать эксперимент самоуправления в соответствии с писаной конституцией. Они терпели абсолютизм до тех пор, пока больше не могли этого делать.

Революция вспыхнула почти одновременно в Болонье, Парме и Модене, а вскоре после этого и в Риме. Папа смог сдержать мятежников в последнем городе только военной силой; но в провинциях народные волнения усилились. От имени Григория XVI говорится, что восстание было вызвано без какой-либо личной вражды к нему; что "оно поднялось *противправления*, а не против *правителя*; против *трона*, а не против его действительного обладателя.... Она была направлена на окончательное свержение правящей власти, ... замену существующего и признанного правления республикой."

[169] Принимая это как истину — и нет причин сомневаться в этом — это ясно подтверждает утверждение, что римско-католическое население папской области вступило в революцию только с целью лишить папу его светской власти, оставив его духовную власть нетронутой. То, что последовало за этим, лучше всего интерпретировать в свете этого общепризнанного факта.

Современный автор так описывает положение дел, от которого восстал народ Италии: "Абсолютизм, управляемый священниками, был системой, господствовавшей в государствах Церкви во время понтификата Григория XVI, и ни в одной части Полуострова, даже в Неаполе, народ не был так угнетен или так плохо управлялся".[170]

Далее тот же автор говорит: "На Сардинии, даже в большей степени, чем почти в любой другой части полуострова, Церковь пользовалась исключительными привилегиями, которые она приобрела в средние века. *Гражданская власть фактически не имела юридической юрисдикции над духовенством.* Все преступления, совершенные церковниками, рассматривались клерикальными судами, действующими на основе канонического права и *безответственными по отношению к государству.* Более того, эти суды заявляли о своей юрисдикции и в некоторой степени осуществляли ее в отношении мирян, обвиняемых в ереси, богохульстве, святотатстве и других преступлениях против Церкви".[171]

Как только революция была начата во всех городах миссии, повстанческая армия двинулась маршем к Риму, заявляя о своей цели ничего не уступать папству, а реформировать правительство. Папа вскоре увидел, что он бессилен противостоять такой грозной силе, и что его корона будет потеряна для него, если он не сможет заручиться помощью кого-нибудь из союзных государей; то есть, если он не сможет подчинить своих собственных римско-католических подданных с помощью иностранной армии! Несмотря на то, что он хвастливо считал себя вооруженным божественной властью, он не чувствовал себя в безопасности перед лицом стоявших перед ним упрямых фактов, полагаясь только на помощь из этого источника. Он больше доверял военным, чем духовной силе, имея дело с населением, которое, как он знал, было возмущено безобразиями, совершаемыми правительством, которое он защищал. Соответственно, он призвал Луи Филиппа Французского послать армию в Италию, чтобы наказать своих собственных римско-католических подданных, потому что они желали только снять корону светского владычества с его головы, оставив без нарушения все его духовные права. Он полагался на обещание, которое "Священный союз" потребовал от суверенов, что они при необходимости вмешаются силой для защиты монархизма, где бы против него ни было создано народное и конституционное правительство, и, конечно, обращаясь с этим призывом к королю Франции, должно быть, предполагал, что он стоит на твердой почве. Но Франция к этому времени научилась относиться к доктринам "Священного союза" с недоверием, и когда она изгнала Карла X, последнего из своих королей-Бурбонов, установила принцип невмешательства в дела других правительств и связала руки Луи Филиппу так крепко, что он был вынужден отклонить просьбу папы и предоставить революции в Италии идти своим чередом. Де Монтор говорит, что это правда, что революция во Франции "поощрила восстание" в Италии[172]— что только доказывает, что римские католики Италии были способными подражателями своих французских братьев, так же мало боявшихся революции и столь же решительно настроенных отомстить за собственные обиды. Очевидно, они не видели в вере первобытной Церкви ничего, что могло бы поддержать светскую власть.

Григорий XVI, несомненно, был сбит с толку отказом Луи Филиппа, которого он, вероятно, не ожидал; и это оставило ему лишь один способ избежать гнева своего собственного народа — но один способ рассеять тучи, сгущавшиеся вокруг него и грозившие разразиться бурей. Это означало цепляться за доктрины "Священного союза" и добиваться военного вмешательства какой-нибудь державы, настолько преданной абсолютной монархии, что готовой двинуть свои

армии против любого народа, который был достаточно патриотичен, чтобы напасть на доктрину божественного права королей, чтобы создать собственное правительство.

Тогда в Европе был только один суверен, который был готов добровольно откликнуться на подобный призыв - который держал большую постоянную армию в готовности захватить и опустошить любую страну, народ которой пытался установить свою собственную национальную свободу. Этим единственным сувереном был император Австрии, при императорском дворе которого иезуиты всегда были желанными гостями, и каждое биение сердца которого билось в унисон с их доктринами. Он с готовностью принял приглашение папы и послал большую армию, чтобы защитить его и опустошить всю Италию, если его корону нельзя будет спасти никаким другим способом. Какое зрелище! Великая нация, на которую никто не нападал, даже не оскорблялся, посылая огромную армию призывников — превращенных в простые машины безжалостной системой европейской военной дисциплины — держать в вечном рабстве население, единственным преступлением которого было желание установить свое собственное конституционное правительство! Конфликт был между папством и римско-католическим народом Италии, а не между ними и Церковью. Они не могли найти никакой вины перед Церковью, но желали лишь отделить Церковь от государства, передав корону светской власти королю, который носил бы ее в соответствии с писаной конституцией, а не возлагал бы ее на голову папы, который утверждал, что она наделяет его абсолютной властью в силу божественного закона. Они добросовестно принимали все учения Церкви, но отвергали доктрину папства и иезуитов о том, что необходимой частью веры является то, что папа должен быть абсолютным королем над ними и их детьми навеки. И именно для этого, не более того, Григорий XVI примерно в середине девятнадцатого века призвал на помощь римско—католическую армию, чтобы развязать войну против римско—католического населения и наказать их как еретиков, опустошив их страну за желание быть свободными!

Григорий XVI не испытывал ни малейшей радости, которую приносит чувство безопасности, пока австрийцы не оккупировали Центральную Италию своей грозной армией. Затем он понял, что может твердо стоять на шее итальянского народа без страха и трепета, потому что его поддерживала сила, которой он не мог противостоять. Это был первый луч света и надежды, озаривший его понтификат; и поскольку революционные повстанцы, казалось, таяли перед этим огромным военным воинством, он был воодушевлен мыслью, что они полностью подавлены. Тогда он, несомненно, предался волнующей вере в то, что его временная корона останется в целостности и сохранности на его голове. Вполне можно представить, что под сводами Ватикана эхом отдавались звуки духовной музыки, призванные засвидетельствовать папское ликование. Но помимо этих сцен радости, были и другие, происходившие во многих провинциальных домах Италии, где тишину нарушали вздохи множества искренних христиан-католиков, сердца которых были подавлены печалью при мысли о том, что папа, священный сан которого они почитали, использовал духовную силу, вверенную ему Церковью, чтобы увековечить их гражданское рабство с помощью чужой и безжалостной военной силы, слишком мощной для успешного сопротивления.

При таких лестных обстоятельствах Григорий XVI почувствовал себя вправе объявить принципы своей папской политики. Это он сделал в энциклике, адресованной всем иерархам по всему миру, которые, прочитав ее, должны были поверить, что святой Петр говорит через него. Этот знаменитый документ, изданный столь недавно, что многие ныне живущие, возможно, помнят его, излагает в простых и выразительных выражениях догматы веры, на которых Григорий XVI

основывал свои притязания на светское владычество. Оно было издано с *кафедры*, будучи адресовано всей Церкви, задумывалось как непогрешимое провозглашение истинной веры. По этой причине он заслуживает тщательного изучения, в результате которого будет ясно видно, как далеко папство отходит от доктрин первоначальной Церкви, чтобы позволить папе носить светскую корону. Это требует согласия с системой религиозной веры, которую ни один человек, живущий под защитой свободных народных институтов, не может придерживаться в соответствии со своим обязательством поддерживать эти институты.

Он строит свою систему веры на такой предпосылке: что ни папа, ни Церковь не могут быть "подчинены гражданской власти" какой-либо страны; то есть, что он может не подчиняться всем человеческим законам, которые налагают какие-либо ограничения на его власть, как он сам определит это, по своему собственному усмотрению. Утверждая, что все, кто не придерживается веры, провозглашенной папой, "без всякого сомнения, погибнут навеки", он осудил все другие исповедания религиозной веры как "самую плодотворную причину" зла. Разнообразие религиозных исповеданий он считал "отравленным источником" *"тойложной и абсурдной или, скорее, экстравагантной максимы, что свобода совести должна быть установлена и гарантирована каждому человеку"*. Он охарактеризовал эту свободу совести как *"самое заразное заблуждение, к которому ведет та абсолютная и необузданная свобода мнений, которая для разрушения Церкви и государства распространяется по всему миру и которую некоторые люди по своей необузданной наглости не боятся представлять как выгодную для Церкви"*. Осудив таким образом свободу совести как греховную, а ее защитников - как виновных в "необузданной наглости", он, как неизбежное следствие, применял к ней *"свободу печати"*, которую он назвал *"самой роковой свободой, отвратительной свободой, для которой никогда не бывает достаточного ужаса"*. Эти две великие свободы, которые, по всеобщему мнению, составляют основу народного правления, заставили его, как он сам заявлял, "содрогнуться", поскольку он считал их *"чудовищными доктринами или, скорее, порождениями заблуждения"*. Он обвинил народ Италии, требовавший конституции, "в самых черных махинациях мятежа и подстрекательства к мятежу" в их "стремлении разрушить верность, присущую принцам, и свергнуть их с тронов". При дальнейшем внушении долга *"постоянного подчинения князьям"* он заявил, что это подчинение имеет свой *"источник в святейших заповедях христианской религии"*; поэтому он настаивал на том, что "водуа, бегуны, уклиффиты и другие подобные им дети Велиала, позор и поругание рода человеческого", были "справедливо преданы анафеме Апостольским престолом". И он осудил отделение Церкви от государства, охарактеризовав его как "разрыв согласия между священством и империей", который он желал сохранить, потому что, сказал он, "это установленный факт, что все приверженцы самой необузданной свободы больше всего на свете боятся этого согласия, которое всегда было таким благотворным и таким счастливым для Церкви и государства".[173]

Григорий XVI утверждал, что он непогрешим; то есть, что он говорил по вдохновению и авторитету Бога, и поэтому не мог ошибаться, и, в силу этого, требовал абсолютного повиновения всем этим доктринам как необходимым частям христианской веры, под самыми суровыми наказаниями за непослушание. Следовательно, когда римско-католическое население итальянских государств, положившее начало революции, было проинформировано о доктринах, провозглашенных таким образом папой, для них стало очевидным, что его целью было осудить как греховное и еретическое все, к чему они стремились. Если раньше они сомневались, то теперь были вынуждены осознать, что, если революция будет подавлена и

абсолютная светская власть папы сохранится, Церковь и государство останутся едины; им будет постоянно отказано в свободе совести, слова и печати; законы будут приниматься под диктовку папы, а не ими самими; монархи "Священного союза" и иезуиты одержат полную и, вероятно, окончательную победу над либерализмом; и что от итальянского народа потребуется, если необходимо, путем принуждения, согласиться с ними. и поддерживать форму религиозной веры, которая насаждала доктрину о том, что "постоянное подчинение князьям" предписывается "святейшими заповедями" Евангелий. Папа говорил прямо, и было невозможно не понять, насколько ясно и резко он поставил вопрос между подчинением и революцией. Что им оставалось делать в этих обстоятельствах? Они уже выбрали революцию, — должны ли они отказаться от нее из страха перед австрийскими штыками? Важность и серьезность этого вопроса легко понять. Это предполагало, если они доведут революцию до успешного завершения, конституционную форму правления или, в случае ее отказа, их собственное согласие на вечное пребывание в гражданском рабстве. Независимо от того факта, что они считали конституцию достойной борьбы, они зашли так далеко, что не могли отступить, не отказавшись от дела, которое, возможно, никогда не будет возрождено, если они позволят папе, в обмен на помощь Австрии, затянуть веревки, уже связывающие их слишком туго, чтобы они могли дольше терпеть. В восставших штатах было сформировано несколько временных правительств, и, хотя их функции были приостановлены, они не были оставлены. Таким образом, принимая во внимание важность этого вопроса и все связанные с ним последствия, как настоящие, так и будущие, они мужественно и патриотически решили, что конфликт должен продолжаться до конца. Революционный дух был слишком сильно возбужден, чтобы его мог подавить папа римский, имея за спиной австрийские армии. Он держал его в узде — не более того.

События теперь развивались медленно по необходимости, требуя осмотрительного управления. Временные правительства бездействовали в Болонье, Парме, Модене и других местах в ожидании развития событий. Последовал период трудностей и сомнений, в течение которого формировались новые комбинации — все, однако, указывало на конституцию как на великую цель, которая должна быть достигнута. Круг революционных влияний постепенно расширялся, почти достигнув дула австрийских пушек. Папа был вынужден осознать, очевидно, к своему удивлению, что население не примет доктрины его энциклики как часть своей религиозной веры и что, если их вообще поддерживать, это может быть сделано только с помощью военной силы. Поэтому он побудил австрийскую армию вторгнуться в государства, где были сформированы временные правительства. Это было фактическое военное вторжение в Италию иностранной армии, совершенное в соответствии с требованиями папы римского — преступление, за которое не было и не может быть найдено никаких извинений. Разумеется, это было успешно, и в Ферраре был установлен военный гарнизон, после чего Григорий XVI восстановил свою собственную папскую власть под защитой Австрии.

Соответственно, были изданы папские эдикты, в которых революция объявлялась нерелигиозной, а повстанцы - еретиками. Кризис с каждым днем становился все серьезнее. Об умиротворении, казалось, не могло быть и речи. Ничто, кроме абсолютного и пассивного подчинения, не удовлетворило бы папу. Общественное мнение находилось в состоянии крайнего возбуждения. Некоторых охватил ужас, но толпа сохраняла мужественную решимость не останавливаться перед принятием конституции. Старики почувствовали, что в них вливается новая жизнь, а энергичных и полных энтузиазма молодых людей вдохновила идея новой Италии — свободной, независимой и объединенной. Под лозунгом "Молодой Италии" революционеры

вскоре закрепились в Ломбардии, Генуе, Тоскане и даже в государствах Церкви. Решительных и немедленных действий требовали те, кто горел горячим патриотизмом, но благоразумие диктовало крайнюю осторожность. Вопросы о том, когда и где нанести удар, были слишком сложными, чтобы их можно было решать поспешно. Только присутствие австрийцев предотвратило народное восстание. Они стояли на страже рассеянных банд итальянских патриотов, в то время как Григорию XVI было разрешено собирать материалы для их уничтожения. Такую сцену не часто приходилось наблюдать, и люди всех наций с тревогой обращали на нее свои взоры. Вдумчивые и интеллигентные люди повсюду — особенно в Соединенных Штатах, как среди католиков, так и среди протестантов — посылали слова ободрения этим патриотически настроенным и борющимся массам, поздравляя их с мужественным решением не принимать ни свою форму правления, ни свою религию под острием австрийских штыков. Они были вдохновлены не только общим сочувствием, но и примерами своих религиозных братьев в других частях Европы. Помимо революции во Франции и Бельгии, которой они подражали с самого начала, события, происходящие в Португалии и Испании, доказали им, что их дело станет безнадежным только в случае позорной капитуляции.

В Португалии революция закончилась гражданской войной и полным подавлением регрессивной папской партии, *подавлением деятельности иезуитов* и конфискацией их имущества. Григорий XVI, в предполагаемой полноте своей духовной власти, попытался вмешаться и пригрозил авторам этой революции отлучением от церкви и другими формами папского проклятия. Но его проклятия только усилили решимость положить конец регрессу, чтобы Португалия могла занять свое место среди прогрессивных наций. В Испании также происходили события того же характера. *Иезуиты снова были подавлены*, потому что они считались виновниками всех общественных бедствий, и даже папский нунций был изгнан из страны. Подобные примеры, происходящие среди родственных групп населения, исповедующих одну и ту же религию, не могли не вселить новых надежд в умы тех итальянцев, которые не становились робкими, и не обновить мужество тех, кто был робок. Тем не менее, присутствие австрийцев вынудило их еще дольше ожидать наступления будущих событий, некоторые из которых тогда начинали "отбрасывать свою тень раньше".

Теперь мы подошли к периоду, когда сцены начали меняться и появились новые действующие лица, о которых тысячи еще живущих людей составили благоприятное или неблагоприятное мнение, в зависимости от точки зрения, с которой они их рассматривали. Григорий XVI умер в 1846 году, оставив революцию не подавленной — буря все еще бушевала. Присутствие австрийской армии позволило ему предотвратить любое серьезное восстание в недовольных провинциях, но он не смог добиться ничего большего, чем оставить своему преемнику, Пию IX, наследование светской власти, которой не просто угрожали, но подвергались серьезной опасности. Положение вещей, существовавшее на момент избрания последнего, не может быть описано более точно, чем языком выдающегося автора, написавшего "Жизнь Пия IX". Он говорит:

"Григорий Шестнадцатый удерживался на своем троне в течение своего правления, длившегося пятнадцать с четвертью лет, исключительно силой австрийских штыков. Отчеты, отправленные кардиналами и прелатами, которым было доверено управление различными провинциями, в штаб-квартиру в Риме, с избытком подтверждают справедливость этого утверждения. Цитирование их здесь заняло бы больше места, чем может быть отведено данному предмету, и было бы лишь многократным повторением утверждения о том, что *все население было*

непримиримо враждебно апостольскому правительству. Восстание действительно было подавлено значительно превосходящими силами австрийских войск. Но недовольство ни в какой степени не угасло. Заговоры были хроническими во всех городах папских владений. Разоблачение, репрессии и наказания были основными занятиями папского правительства и его агентов на протяжении всего правления Григория, которое, можно сказать, было одной долгой борьбой с заговорами и революциями. Количество осуждений ... одних этих свидетельств достаточно, чтобы показать, что страны, находившиеся под управлением Апостольского двора, находились в состоянии, которое не могло бы сохраниться, если бы не непреодолимое давление внешней силы".[174]

Пий IX обладал щедрым сердцем, был доброжелателен и обладал многими превосходными личными качествами. После его избрания среди всех классов, за исключением крайних революционеров, проявилось общее стремление дожидаться его действий, прежде чем выносить суждение о его понтификате. Было известно, что среди конклава кардиналов, собравшихся для избрания преемника Григория XVI, он объединился с несколькими другими в петиции, которая выступала за реформы и улучшение папского правительства. Не требовалось решать никаких строго религиозных вопросов, поскольку все были согласованы в отношении них; и, следовательно, поскольку все затронутые вопросы касались только мирских дел, возникших в результате революции, существовало сильное желание предоставить ему полную возможность принять решение о средствах и мерах возмещения ущерба, которых требовали существующие жалобы. Даже крайние революционеры были привлечены к этой политике общим стремлением признать Пия IX в некотором смысле реформатором и дать ему полное время для разработки таких реформаторских мер, какие он сочтет целесообразными. Учитывая существовавшее в то время положение вещей, он пришел к власти при обстоятельствах, которые легко могли бы привести к умиротворению, если бы не неблагоприятные влияния, которым он, в конце концов, оказался не в силах противодействовать, если бы у него было желание. Его не следует судить слишком строго, ибо очень мало тех, кто в то или иное время не сталкивался с условиями, которые вместо того, чтобы они могли контролировать, контролировали их самих. Нерешенные вопросы были не такими, какие европейские монархи позволили бы считать исключительно итальянскими; если бы это было так, он мог бы найти в своих силах удовлетворить свое естественное стремление к миру и покою во всех итальянских провинциях. Но со времени создания "Священного союза" сторонники монархизма предполагали, что все подобные вопросы носят международный характер, что дает монархам право вмешиваться во временные и внутренние дела любого европейского государства, чтобы подавить военной силой любые попытки народа установить конституционные правительства. Григорий XVI, помимо своего общего согласия, дал свою прямую папскую санкцию этому принципу; сначала обратившись за помощью к королю Франции, а затем пригласив австрийскую армию в Италию; и каковы бы ни были намерения Пия IX, в начале своего понтификата ему пришлось столкнуться с трудностями необычного масштаба.

Даже Конклав кардиналов, избравший его, состоял из двух партий — абсолютистов и либералов. Линии, разделяющие их, были четко обозначены, и у каждой партии был свой кандидат. Абсолютисты, приверженные регрессивной политике Григория XVI, отдавали предпочтение кардиналу Ламбрушини, потому что в качестве государственного секретаря при Григории он решительно поддерживал эту политику и давал ей направление. Дипломатические представители всех правительств, за исключением Франции, заняли одну и ту же сторону, поскольку это обещало папскую помощь монархизму и противодействие либерализму и

прогрессу. Пия IX, как кардинала Мастаи, никогда не обвиняли в попытках способствовать собственному избранию, но, получив поддержку кардиналов-либералов и французского посла, он приобрел репутацию сторонника реформы существующего порядка вещей и, несомненно, заслужил это. Следовательно, его избрание считалось триумфом либерализма над абсолютизмом.

К тому времени политика Григория XVI "усеяла страну виселицами, галеры были переполнены заключенными, Европу - изгнанниками, а почти каждый другой дом в папской области погрузился в траур".^[175] Среди "среднего класса" было мало семей, которые не скорбели бы об отсутствии некоторых из их членов, либо заключенных в тюрьму, либо отправленных в изгнание, только за желание реформ в гражданском правительстве. Справедливо предположить, что Пий IX, находясь под влиянием доброго характера, сочувствовал всему этому. Однако, сделал он это или нет, он вступил во второй месяц своего понтификата, издав указ об амнистии, который открыл двери тюрем и вернул изгнанников, на которых обрушилась тяжелая рука его непосредственного предшественника. Это была амнистия за политические преступления, и, рассматриваемая в этом свете, она имеет право рассматриваться как акт, достойный ее автора. Однако для того, чтобы решить, каков был его точный характер и эффект, а также как он повлиял на последующие события, необходимо соблюдать его положения и условия. Его общий смысл был достаточно всеобъемлющим, чтобы охватить все классы политических заключенных и правонарушителей, за исключением священнослужителей; но он требовал, чтобы в связи с дарованным им помилованием они "сделали в письменной форме торжественное заявление от имени своей чести, что они никоим образом и никогда не будут злоупотреблять этой милостью и в будущем будут выполнять обязанности хороших и верных подданных". Требовалось письменное заявление, которое должно было носить пояснительный характер, но было несколько более широким по своим терминам. Это требовало, чтобы Пий IX был признан "законным сувереном" и чтобы беспорядки, вызванные революцией, были осуждены за то, что они "атаковали законно установленную власть в его временных владениях".^[176]

Это означало, конечно, признание старого порядка вещей, за исключением тех случаев, когда Пий IX, чья светская власть короля была сохранена, сочтет нужным по собственному желанию провести реформы. Это не было понято как продолжение всей регрессивной политики Григория XVI, потому что, лежащая в основе факта амнистии, личность Пия IX и его предполагаемая склонность к либерализму должны были учитываться при ее интерпретации. С такой точки зрения, и это последнее соображение дало основание надеяться на будущее, амнистия была общепринята, и крики, ликование и *Te Deums* раздавались со всех сторон, как в провинциях, так и в Риме. Единственным видимым исключением среди итальянцев были крайние революционеры, которые не смирились бы ни с чем, кроме абсолютного уничтожения светской власти папы путем отделения Церкви от государства и формирования конституционного правительства. Однако их было недостаточно много, чтобы придать направление общим настроениям, и дело продвигалось с кажущимся спокойствием, которого не было уже долгое время. Создавалось впечатление, что между папой римским и большей частью итальянского народа произошло примирение. Однако вскоре выяснилось, что это было только внешне. Это только усыпило бурю и на время утихомирило ветры. Амнистия оставила светскую власть папы существующей; и, хотя многие, желавшие конституции, с очевидным молчаливым согласием согласились, очевидно, что их убедила вера, основанная на либеральной тенденции папского мышления, что он проведет такие реформы, которые устранят существующие злоупотребления в гражданском управлении. Устранив эти злоупотребления, они, возможно, надеялись

примириться со светской властью, по крайней мере, при жизни Пия IX. Таким образом, принятие амнистии следует рассматривать как результат личного доверия к нему — надежды, если не убежденности, что он проведет такие реформы, каких требует общественное благосостояние. Популярность Пия IX была в некотором роде феноменальной, вероятно, из-за того, что он был избран и был принят как либерал, и потому, что, более того, он наиболее выгодно контрастировал с суровым, жестоким и деспотичным Григорием XVI. Народ, очевидно, считал, что хороший король, каким, по его ожиданиям, должен был быть Пий IX, предпочтительнее войны, кровопролития и разрухи. Это был выбор из зол.

Пий IX, хотя, таким образом, и был признан абсолютным сувереном Италии, не был вершителем своей судьбы. Это было дурным предзнаменованием как для христианства, так и для Церкви, когда амбиции пап побудили их объединиться с политическими суверенами и выступить с ними заодно в поддержку абсолютного монархизма. Комбинация, необходимая для их успеха, неизбежно стала такой, что потребовала от папы не просто признания общепризнанной политики монархов — которая была чисто мирской, — но того, чтобы эта политика была укоренена в вере Церкви и чтобы повиновение ей требовалось принудительно, если оно не было сделано добровольно. Это было общепризнанной целью "Священного союза", как это понимал и объяснял Меттерних, его великий лидер и диктатор; и когда Григорий XVI обнаружил, что сохранить свою светскую власть без военной помощи Австрии невозможно, он отказался от своего понтификата и попытался подчинить Церковь, сделав светскую политику монархов частью своей веры. Пий IX был вынужден принять понтификат перед лицом этих существующих фактов, и, следовательно, ему пришлось бороться с двумя противоборствующими силами: революционными элементами внутри страны и монархами по всей Европе, которые требовали, чтобы он продолжал регрессивную политику Григория XVI. Поэтому, отдавая должное его памяти, можно сказать, что, хотя его либерализм сделал его популярным в массах, он был настолько стеснен отношениями между Григорием XVI и Австрией, представляющей "Священный союз", что многого из того, что он впоследствии натворил, возможно, удалось бы избежать, если бы ему позволили поступать по—своему.

Те, кто не видит ничего предосудительного во всем поведении Пия IX, говорят о его курсе в начале понтификата как о "благородном". Он был, в некотором смысле, вправе на эту похвалу, поскольку заявлял о стремлении к реформам, хотя его реформаторские меры не были таковы, чтобы устранить корень существующего зла. Но тот факт, что он был принят народом как реформатор в любом смысле этого слова, сам по себе был для него причиной серьезного замешательства, доказывая, как трудно было спастись от палящего огня, который его окружал. Его склонность к реформам вызвала "тревогу" Австрии, император которой увидел в этом возможный отход от регрессивной политики Григория XVI и "Священного союза". Мауайр — ярый защитник папы римского — говорит, что эта тревога Австрии была вызвана знанием того, что "дух, исходящий от Ватикана, разжигал новый и опасный огонь в груди угнетенного народа";^[177] то есть заново разжигал огонь революции. Простой и очевидный смысл этого дружеского объяснения состоит в том, что народ Италии был и остается угнетенным политикой папства, проводившейся, как это было тогда, силами Австрии, и что Австрия считала политику Пия IX угрожающей делу монархизма, потому что она имела тенденцию устранять это угнетение и возбуждать в умах людей возросшее стремление к конституционному правлению. В качестве причины этого он приводит тот факт, что Австрия была "самым грозным врагом реформ, которых у нее были все основания бояться". Почему? Очевидно, потому, что реформа указывала на возможную потерю папой светской власти, что неизбежно нанесло бы серьезный удар

монархической власти, и на возможное установление народных институтов в Италии. Он также говорит, что Неаполь "с завистью смотрел" на поведение папы; и что некоторые более мелкие монархические державы также смотрели на это "с тревогой"; и, кроме того, что "многие кардиналы" участвовали в этой тревоге монархов.^[178] Ламбрускини, избрание которого потерпело поражение из-за выбора Пия IX, несомненно, возглавлял эту фракцию кардиналов, все из которых, по словам Троллопа, были "ожесточенными, злопамятными и непримиримыми врагами всего, что меняло или проявляло тенденцию к изменению, всего, что существовало при покойном папе".^[179]

Пий IX подвергся суровому испытанию, и то, что он был сбит с толку, не дискредитирует его. Он стоял между двумя неминуемыми и угрожающими опасностями — Австрией, поддерживаемой другими суверенными державами, фракцией регрессивных кардиналов и иезуитов, с одной стороны, и революционерами - с другой. Сложившиеся обстоятельства подвергли бы суровому испытанию мужество и твердость более опытного государственного деятеля. Перед лицом этих условий он приступил к проведению ряда реформ, необходимость которых доказывает, насколько обширным и деспотичным было неправильное управление его предшественника и насколько малой свободой народу было позволено пользоваться при нем. Они касались административных мер и были направлены на улучшение обслуживания населения в больницах, тюрьмах и религиозных учреждениях. Предусматривалось наказание за мошенничество и вымогательство. Поощрялись полезные работы и стимулировалась промышленность. Были отменены некоторые жесткие налоги. Компаниям было разрешено строить железные дороги и внедрять газ. Непрофессионалам было разрешено занимать должности более низкого уровня. Была обеспечена частичная свобода печати; но она была лишь частичной, поскольку сохранялась папская цензура. Были открыты детские, воскресные и вечерние школы. И в публичном циркуляре он объявил, что предлагает собрать Совет советников для консультирования по вопросам управления государственными делами. Имена их должны были предложить губернаторы провинций, и он должен был выбрать Правление из предложенного числа.^[180]

Если все эти реформы были необходимы — а на то, что они должны были быть, указывает тот факт, что они были проведены, — государственные дела, несомненно, находились в самом плачевном состоянии во время понтификата Григория XVI. Но были они такими или нет, беглый взгляд на них покажет, что ни один из них не достиг тех вопросов, которые вызвали революцию. В значительной степени это были необходимые меры внутренней политики, и какие бы ценные результаты они ни принесли, они все равно оставляли всю светскую власть в руках папы, так что в будущем народ не будет иметь никакого отношения к принятию законов, а будет обязан подчиняться тем, которые должен диктовать только папа. И для того, чтобы сделать невозможным какое-либо продвижение к конституционному правлению, предлагаемый Совет советников должен был быть практически выбран папой римским. Это правление рассматривалось папской партией как большая уступка народу, но таковой она была лишь относительно, то есть это был шаг вперед по сравнению с ранее существовавшей старой системой. Публика была склонна принять это предложение от папы, если не из-за веры в то, что оно принесет положительные результаты; и поэтому его первое заседание было встречено с тревогой. Его вероятные действия обсуждались с большей свободой, чем привык Рим, поскольку даже ограниченная свобода прессы вызвала значительное увеличение числа газет и соответствующее желание обсуждать общественные вопросы. Неизбежным результатом такого обсуждения было привлечение внимания общественности к факту, который вскоре стал

очевидным, что вместо того, чтобы Совет советников был такой реформой, на которую надеялся и ожидал народ, его фактический смысл состоял в том, чтобы увековечить светскую власть папы и предотвратить, пока она существует, возможность конституционного правления. Пока дело находилось в таком неурегулированном состоянии, Пий IX — к несчастью для себя — был вынужден, либо по собственному желанию, либо по предложению других, устранить все сомнения по этому вопросу, проинформировав Совет советников в своей речи о том, что у него *"нет ни малейшего намерения уменьшать силу папского суверенитета"*, и что Советникам нечего было делать *"кроме как высказать мнение, когда их об этом попросили."* Впоследствии в прокламации, опубликованной его кардиналом-государственным секретарем, он объявил, что единственный прогресс, который он предлагал разрешить, был *"в пределах, определенных условиями, существенными для суверенитета и временного правления главы Церкви"*.^[181]

Таким образом, старый вопрос был возрожден самим папой в такой форме и с такой прямоотой, что это поняли все. Обсуждения этого вопроса сразу же стали обычным делом на общественных собраниях Рима. Если крайним революционерам удалось взволновать народ своими красноречивыми и волнующими призывами, то это, несомненно, произошло благодаря неразумному признанию папой своих целей. Если бы он позволил своим административным реформам привести к их законным результатам, они могли бы укрепить его дело и дело папства. Но он не смог этого сделать и тем самым увеличил, а не уменьшил свое собственное замешательство. Вскоре он осознал необходимость принятия мер предосторожности для подавления народных волнений на тот случай, если людей невозможно будет удержать в узде никаким другим способом. Для этой цели он создал *"гражданскую гвардию"*, которая понималась как военная сила, которую можно было двинуть против народа, когда он сочтет это целесообразным, и фактически являлась таковой. На самом деле это была папская армия, *"состоящая из каждого жителя мужского пола во всех государствах Церкви в возрасте от двадцати одного до шестидесяти лет, который владел собственностью, или держал магазин, или возглавлял промышленное предприятие"*.^[182] Эта мера не могла рассматриваться ни в каком ином свете, кроме как как немедленная подготовка к агрессивному военному выступлению против всех, кто не подчинялся политике папы, — другими словами, как планируемый акт войны. Рассматривая это как таковое, кардинал-государственный секретарь папы, которому это не нравилось, подал в отставку со своего поста, ушел с папской службы и предоставил папу советам других. Этот демонстративный отход от его дела неизбежно привел к самым серьезным результатам и оказал главное влияние на возбуждение всех недовольных. Те, кого побудили согласиться с мерами папы в надежде, что они приведут к умиротворению, затем были вынуждены осознать, что для этой надежды больше нет никаких реальных оснований. С другой стороны, они не могли видеть в них ничего, кроме того, что указывало на намерение папы сохранить свою светскую власть посредством гражданской войны, если он сочтет это необходимым. Следовательно, проблема стала слишком ясной и прямой, чтобы ее можно было дольше обходить стороной или понимать неправильно; и с этого времени объединение Италии и упразднение светской власти стали лозунгами всех, кто желал конституции, а вскоре после этого стали и их боевым кличем. На общественном собрании, посвященном празднованию дня рождения Пия IX, процессии людей, маршировавших по улицам Рима, подготовили таблички с такими лозунгами, среди прочих: *"Свобода прессы!" "Изгнание иезуитов!" "Отмена произвола со стороны полиции!" "Кодексы полезных и беспристрастных законов!" "Публикация актов Консульта!" "Вера в людей!"* Поскольку проливной дождь помешал публичной демонстрации

этих табличек, они были отправлены кардиналу-государственному секретарю, чтобы папа мог истолковать девизы на них и понять их значение. Со всех сторон нарастали признаки народного недовольства.

О Пии IX говорили, что он был "тщеславен", что, несомненно, верно. Это качество не противоречит целостности цели, но часто делает его обладателя неспособным к эффективным действиям в условиях сильного кризиса. Это заставляет человека слишком полагаться на личное влияние и популярность, как это было в случае с ним. Когда он встречал собрания людей, он обращался к ним и даровал благословения с явным самодовольством, полагая, что их возгласы были призваны выразить безграничное почтение к нему, тогда как они были результатом уважения к его священному сану, который удерживал многих, желавших упразднения светской власти, от открытого и публичного признания этого. Те, кто взывал к его тщеславию и играл на нем, ввели его в заблуждение. Кто это были, сказать нетрудно. Это были союзные монархи, которые, повинаясь политике "Священного союза", продиктовали меры Григория XVI и поддерживали их оружием Австрии, регрессивных кардиналов и иезуитов — последние, как всегда, выступали вперед, готовые нанести, когда потребуется, удар по делу конституционного правления. Эта мощная комбинация позволила диктовать свои условия добросердечному папе римскому с помощью призывов, составленных столь искусно, что он стал податливым, как воск, в их руках. Под их контролирующим влиянием он сформировал свой Совет министров для помощи в управлении государственными делами исключительно из духовенства; таким образом, научив людей, что они не могут принимать никакого участия в тех вопросах, которые непосредственно касаются их мирского благополучия. Этот метод был применен до такой степени, что вскоре стало очевидно, что Италия на самом деле находилась под властью иностранных и чуждых влияний, которым папа позволил себе полностью подчиниться. Поскольку Австрия стояла во главе этих влияний, итальянский народ относился к ней одновременно с подозрением и страхом. И когда австрийская армия была введена в Модену, тем самым породив убеждение, что военная оккупация Государств Церкви была преднамеренной, народное возмущение стало настолько велико, что люди потребовали от Пия IX, чтобы он объявил войну Австрии, несмотря на ее огромную военную мощь. Круг влияний, окружавших его, теперь становился все более и более сложным, очевидно, усугубляя его смущение. Он знал, что находится под подозрением Австрии из-за своей прежней склонности к либерализму в начале своего понтификата, но не мог рискнуть разорвать свой союз с ней, будучи уверенным, что, если он это сделает, это приведет к движениям в других итальянских государствах, которые потрясут папство до самого его центра и неизбежно будут стоить ему потери светской власти, чего он боялся больше всего на свете.

Эти осложнения породили другие, которые усилили неопределенность будущего. В существующих чрезвычайных ситуациях умелый государственный деятель нашел бы широкое поле для проявления способностей, избежав расставленных перед ним ловушек. Но Пий IX ни в каком смысле не был государственным деятелем и мало что знал об общественных делах в том виде, в каком они существовали в итальянских провинциях, за исключением тех, что были сосредоточены в папстве, и ничего о международных отношениях, за исключением того, что как папа он был привязан к колеснице правящих государей и был вынужден, *волей-неволей*, разделять их судьбу. Если бы он обладал широкими и всесторонними взглядами — достаточными для того, чтобы позволить ему видеть дальше узкого круга, в котором он вращался, — он мог бы понять, что, хотя народ Италии был готов и стремился воздать ему должное за те реформы, которые он проводил, они были далеки от желаний народа, потому что

не достигли того зла, на которое жаловались, которое существовало так долго, что превратилось в гнойные язвы. Он мог бы также увидеть, что это была не просто приступообразная лихорадка возбуждения, которая привела к требованию изгнания австрийцев, а твердая и решительная цель разъяренного населения - больше не мириться с унижением, заключающимся в порабощении иностранными штыками. Умелый лоцман указал бы ему способ избежать кораблекрушения; но он не мог найти такого лоцмана среди священнослужителей, обучавшихся в той же школе, что и он, и у него не было другого. Им он подчинял все, как своим единственным советчикам; и все же, в то же время, он, казалось, полагал, что в своей собственной личности он обладает властью подавить самые жестокие народные волнения. Он часто обращался к собравшимся в Риме толпам и никогда не упускал случая произнести "evvivas" и другие знаки личного уважения, но упускал из виду тот важный факт, что за всем этим стояло чувство, наиболее глубоко укоренившееся в сознании народа, выражавшееся такими возгласами, как: "Да здравствует Пио Ноно, соло!" "Ура Пио Ноно, без его советников!" "Ура независимости Италии!" и другие подобные по смыслу лозунги. Одно время он успокаивал людей, заверяя их, что находится в хороших отношениях с королем Сардинии и великим герцогом Тосканы и что вскоре заменит своих церковных советников мирянами. В другой раз он попытался внушить им мысль, что безопасности папства ничто серьезно не угрожает, потому что есть *"двести миллионов братьев всех языков и всех наций"*, на помощь которых он может смело положиться! Какая степень искренности сопровождала это признание, выяснять нет необходимости. Однако, по-видимому, это было предложено разгоряченным воображением как лучшее средство завершить период красноречия, за который Пий IX приобрел заслуженную известность. Вряд ли можно было бы подумать, что государственный деятель с практическим складом ума мог рассчитывать удовлетворить сторонников своей политики тем, что все римские католики в мире встанут на их защиту от патриотически настроенных итальянцев, которые требовали освобождения от иностранной агрессии и упразднения светской власти с целью обеспечения их собственной национальной независимости. Также маловероятно, что какой-либо другой человек, кроме Пия IX, рискнул бы сделать такое признание перед лицом фактов, что римско-католическое население трех великих наций - Франции, Испании и Португалии, а также других небольших государств - обеспечило себе независимость теми самыми методами, которые он осуждал. Каким бы абсурдным ни было это предложение, оно, возможно, успокоило опасения тех, чьи непросвещенные умы и пассивное безразличие к результатам были плодами регрессивной политики папства. Но было множество других, чей интеллект позволял им видеть сквозь тонкую маскировку и прозрачное красноречие папы римского и понимать ведущую мысль, которая отягощала его разум. И особенно можно предположить, что этот результат был достигнут, когда Пий IX немедленно последовал своему хвастливому обещанию помощи от всех "двухсот миллионов" римских католиков по всему миру, заявив, что Рим в безопасности, *"пока этот Апостольский престол будет оставаться посреди него!"*^[183] Вдумчивые люди, понимая, когда он говорил об Апостольском престоле в этой связи, что он имел в виду только светскую власть и царствование папы римского, справедливо истолковали эту декларацию как противоречащую независимости Италии и как отрицание их права на конституционную форму правления. И так оно, по сути, и было, что с каждым днем становилось все более очевидным. Даже самые неграмотные вскоре пришли к пониманию этого и действительного положения дел. На огромном собрании в Квиринале несколько дней спустя люди снова кричали "эввива" в честь Пия IX, и сразу же после этого выкрикивали: *"Италия, освобожденная от австрийцев!"*, *"Конституция!"*. *"Долой священников!"* Взволнованный этими народными криками и,

несомненно, убежденный в том, что его личная популярность безгранична, он воскликнул с предельной энергией и ударением: "Будьте верны понтифику. Не спрашивайте о том, что противоречит Церкви и религии! Определенные голоса и определенные крики достигают моих ушей, исходящие не от многих, а от немногих, *чего я не хочу и не могу допустить!*"^[184]

События, которые раньше могли бы развиваться с некоторым опозданием, после этого недвусмысленного заявления папы римского в пользу австрийцев и против конституции приобрели бурный характер. Все свидетельствовало о том, что люди действовали под влиянием твердой убежденности в том, что все их лучшие и заветные интересы требуют, чтобы они любой ценой установили независимое конституционное правительство. И решительность, с которой итальянский народ сформулировал и поддерживал цель достижения этой цели, в полной мере проявится в дальнейшем изложении его истории, которая представляет собой яркий пример того, как пример народа Соединенных Штатов подействовал на современное население европейских государств.

СНОСКИ:

^[169] Де Монтор, т. II, с. 780.

^[170] Жизнь Виктора Эммануила. Эдвард Дайси. Сыновья Патнэма, Нью-Йорк. Страница 65.

^[171] Там же., стр. 132.

^[172] Де Монтор, т. II, стр. 781.

^[173] Де Монтор, т. II, стр. 783 - 793.

^[174] Жизнь Пия IX. Троллоп. Том I, стр. 98.

^[175] Жизнь Пия IX. Троллоп. Том I, стр. 108.

^[176] Жизнь Пия IX. Магуайр. Страница 22 и примечание. Троллоп, том. I, стр. 135.

^[177] Магуайр, стр. 28.

^[178] Магуайр, стр. 29.

^[179] Trollope, Vol. I, стр. 146-147.

^[180] Магуайр, стр. 28-29. Троллоп, Том. I, стр. 167.

^[181] Trollope, Vol. I, стр. 173 и 194.

^[182] Там же., стр. 197.

^[183] Trollope, Vol. I, стр. 216-218.

^[184] Там же., стр. 220.

ГЛАВА XVII.

СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПЫ СВЕРГНУТА.

Когда Пий IX позволил выдать себя эмоциональным замечанием, процитированным в предыдущей главе, — что он не мог и не хотел допускать таких изменений законов, каких желал народ, — он совершил роковую ошибку. Это поставило его в прямую оппозицию изгнанию австрийцев, созданию конституционного правительства и независимой итальянской нации. Он, должно быть, был грубо обманут своими церковными советниками, если не знал, что народное сознание было сильно возбуждено желанием увидеть все эти свершения, что революция не имела другого значения и что все происходящее безошибочно указывало на то, что умиротворение без них невозможно. Немного поразмыслив, он бы понял, что истинная христианская вера Церкви, как ее преподают апостолы и "отцы церкви", ни в каком надлежащем смысле не была задействована ни в одном из этих положений; что они получили одобрение миллионов римских католиков по всему миру и подавляющего большинства итальянцев, и что, используя свою папскую власть для насаждения в вере отвратительной доктрины иезуитов о том, что отрицание светской власти и царствования папы было ересью, он не только насилует честные убеждения этих многочисленных христиан, но и использовал их в своих целях. пытался превратить Церковь, как представителя всего тела своих членов, в машину для увековечения монархизма и подавления права народного самоуправления.

Сказать народу Италии, как он это сделал, что созданное им конституционное правительство нарушит божественный закон перед лицом того, что такие правительства сделали в других частях мира— особенно в Соединенных Штатах, было не только актом слабости с его стороны, но и обвинением общественного разума всего мира. Такая доктрина сохранилась только в Средние века, потому что толпа была приучена к раболепию и послушанию и удерживалась в этом состоянии объединенной властью Церкви и государства. Но его признание в середине девятнадцатого века даже в Риме не могло быть понято ни в каком другом смысле, кроме выражения желания увидеть, как период человеческого прогресса завершится постоянным триумфом императорской власти. Это было составление плана для современных прогрессивных наций такой политики, которая, разрушив их конституции, подчинила бы их папскому господству во всей обширной области веры и морали; ибо если, как он заявил, двести миллионов римских католиков, рассеянных по миру, подчинятся его призыву защищать светскую власть папы, они тем самым станут созданиями его воли и пассивными инструментами его власти. Очень немногие были настолько невежественны, чтобы быть введенными в заблуждение его призывами к сохранению его собственной монархической и абсолютной власти, и поэтому его попытка с помощью австрийцев заковать их цепи покрепче только укрепила их решимость полностью разорвать свои оковы.

С каждым днем люди все лучше знакомились с мнениями и целями Пия IX. Тем не менее, с похвальным терпением они терпели его неоднократные порицания из-за своей истинной любви к нему, не меньшей, чем из-за своего преклонения перед его должностью. Если бы он мог полностью осознать их, в его уме возникли бы смешанные эмоции — те, которые возникают, когда затрагиваются нити, ведущие к сердечным симпатиям, и такие, которые неизменно порождают гордость, тщеславие и честолюбие. Но, помимо эмоций, которые он, возможно, испытывал лично, им управляли обстоятельства, с которыми он был бессилен бороться, потому что существующие осложнения возникли до него, в результате комбинаций, которые не

признавали сочувствия к народным страданиям и стали достаточно сильными, чтобы подчинить себе даже само папство. Возможно, его природные склонности побудили его разорвать узы, удерживавшие его в объятиях монархов и иезуитов; но он был так же неспособен сделать это, как ребенок вырывается из объятий сильного мужчины. На самом деле он был едва ли самим собой, а жертвой гораздо менее щепетильных людей, которые усыпляли или разжигали его страсти и тщеславие по своему усмотрению, независимо от того, какая судьба постигла его, Церковь или народ Италии. Если бы он посмотрел за пределы Италии, то обнаружил, что великая военная и монархическая мощь Австрии держит его за горло и с каждым днем сжимает свою хватку. Если бы он посмотрел на Рим, где у него должны были быть мудрые советы, он увидел бы себя окруженным корпусом священнослужителей, чьи умы — какими бы просвещенными они ни были в остальном — были ничтожны из-за недостатка практических знаний о мире и практического опыта управления делами, и которые видели в человеческом прогрессе только то, что обуздывало их собственные амбиции и ограничивало церковную власть. Но в какую бы сторону он ни обращал свой взор, его преследовал призрак Лойолы, который постоянно мелькал в укромных уголках Ватикана, готовый "довести до конца его почти затупившуюся цель" всякий раз, когда он начинал колебаться. Народный клич "конституция" прозвучал как похоронный звон для всех этих советников, для которых война с Австрией и обретение независимости Италией были кощунственными нарушениями божественного закона. Поэтому нам не следует слишком строго осуждать Пия IX, когда мы обнаруживаем, что он окружен подобными влияниями, которым мало у кого хватило бы сил противостоять. Независимо от того, какая слава окружала его священный пост, он был таким же человеком, как и другие люди.

Война с Австрией вскоре стала всеобщим лозунгом; и когда жители провинций узнали, что папа не одобряет ее, они сразу же начали искать помощи в другом направлении. Отношения между Австрией и Сардинией долгое время были враждебными, и было естественно, что они обратились к союзу с Пьемонтом, тогда еще вооруженным, за защитой, в которой папа отказал. Когда Пий IX стал достаточно собранным, чтобы предвидеть даже возможность подобного шага, ему, вероятно, впервые дали понять, насколько быстро вокруг папства сгустились опасности и насколько некомпетентным он был бы, столкнувшись с ними, если бы народная месть, вызванная его безразличием и пренебрежением, была обращена против него. Соответственно, он был вынужден снова поддаться лучшим побуждениям своей натуры и попытался отвести общественный гнев дополнительными мерами реформы. Было несколько политических заключенных, которые не попали под его амнистию, и они были помилованы. Он также приказал снести стены, отделявшие евреев от других слоев населения. Но эти меры, хотя и были важны, не имели большого значения до тех пор, пока иезуитам разрешалось оставаться в Риме. Их общество рассматривалось как язвенная болезнь, разъедающая сердце общества, с аппетитом, слишком ненасытным, чтобы его можно было утолить. Они были изгнаны из всех городов провинции, и за ними последовала такая степень народной ненависти, которая привела бы в уныние любого другого человека. Но пока что на них не произвели такого эффекта, их знание о дурной славе, которой они пользовались, лишь усилило их ненависть ко всему, что имело тенденцию помогать делу народа в его усилиях по обеспечению конституции. Найдя убежище в Риме, они столпились вокруг папы, применяя все свое искусство, чтобы сыграть на его тщеславии, разжечь его страсти и настроить его против народа. Наконец мера народной ненависти, обрушившейся на них, стала настолько велика, что Пий IX осознал их опасное присутствие и *изгнал их из Италии*. Для этого требовалось определенное мужество, но

потребовалось бы бесконечно больше, чтобы не делать этого, поскольку ненависть, с которой они относились, была почти всеобщей среди людей, многие из которых были склонны приписывать только их влиянию многое из того, что было сделано папой. Таким образом, их изгнание при сложившихся обстоятельствах было заслугой Пия IX не только потому, что это было сделано из уважения к общественному мнению, но и потому что это указывало на то, что он был осведомлен об их дурном влиянии и желал избежать его.

Конечно, никогда нельзя будет узнать, до какой степени иезуиты сформировали мнения Пия IX. Но поскольку весь период после своего восстановления они использовали в попытках диктовать всем папам и добились в высшей степени успеха с Григорием XVI, справедливо можно предположить, что ничего не подозревающий и впечатлительный ум Пия IX не смог разгадать их хитрость и, следовательно, попал под их влияние. Принимая во внимание все, что касается их отношений с ним, насколько они теперь могут быть известны, неизбежен вывод, что их изгнание папой из Италии было не только результатом настоятельной необходимости, но и наивысшим возможным доказательством их недостойности. Это естественный и неизбежный вывод из самого факта. Тем не менее, он уже зашел так далеко в попытках навязать доктрины, которые люди приписывали иезуитам, что даже их изгнание не избавило его от подозрения в том, что он уже слишком много уступил им. Из-за этого он, возможно, извлек из этого больше вреда, чем пользы. Пока они оставались в Италии, они служили щитом, в значительной степени защищая его от общественного порицания; поскольку люди любили его и ненавидели их, им приходилось стоять впереди и принимать на себя всю силу негодования, обрушившегося на него после их отъезда.

Когда иезуиты были устранены и стало видно, что Пий IX все еще придерживается их отвратительных доктрин относительно независимого конституционного правительства и религиозной обязанности поддерживать светскую власть папы как догмат веры, он обнаружил, что в гораздо большей степени, чем раньше, не может избежать общественной критики и порицания. Если до этого времени он следовал своим курсом, не уделяя должного внимания возможным результатам, а затем впервые был вынужден задуматься о них, то нелегко понять, почему он не осознал, что зашел слишком далеко, и не в его силах было остановить ход событий, а затем быстро привести к тем самым результатам, о которых он сожалел больше всего. Вероятно, он никогда не позволял себе относиться к народу как к силе, которой следует опасаться; ибо, помимо знания их склонности быть верными Церкви и их личного уважения к нему, на него явно повлияла вера в то, что комбинации между Церковью и государством были достаточно мощными, чтобы подавить любое народное восстание в пользу конституционного правления. Если эти идеи занимали его мысли, то после изгнания иезуитов он, должно быть, убедился, что они ввели его в заблуждение и что они были истинными виновниками его несчастий. Однако маловероятно, что его возбуждение улеглось настолько, чтобы он мог спокойно размышлять. Также маловероятно, что произошло что-то, что пробудило бы его от мечты о безопасности, пока он не обнаружил, что его возобновленные усилия по реформированию не привели ни к какому иному результату, кроме как заверить итальянский народ в том, что его независимости можно достичь только путем упразднения светской власти папы посредством союза с Сардинией. Он неразумно поставил проблему перед своим собственным народом и больше не мог ее контролировать.

Неизбежность войны привела к отправке итальянских войск к границе, чтобы изгнать австрийцев; и поскольку Пий IX не мог участвовать в такой войне, потому что считал себя "отцом

всех верующих", включая австрийцев, он умолял императора Австрии вывести свои войска и направил нунция к королю Сардинии, приглашая его к сотрудничеству в формировании конфедерации итальянских республик, *с папой во главе!* Император отказался выполнить его просьбу; и у короля не было свободного времени, чтобы посвятить его неосуществимым и дальновидным планам, когда рядом был такой враг, как Австрия, готовый лишить его его территорий и превратить Сардинию в австрийскую зависимость. Австрийцы, придя в ярость из-за передвижений итальянских войск, объявили, что будут обращаться с ними как с бандитами и разбойничками, и пригрозили вторгнуться в итальянские провинции и опустошить их. Таким образом, итальянцам, не сумевшим получить никакой помощи или поощрения от папы, хотя он настаивал на том, что он их законный король, а они его подданные, и оставшимся наедине с Австрией, пришлось сделать выбор между войной и деградацией. В этих обстоятельствах они не могли не понимать, что все, что касалось их будущего процветания и интересов, требовало первого — их гордость запрещала второе. Следовательно, война с того времени была, с их стороны, самозащитой. И с самого начала было нетрудно понять, что с таким противником, как Австрия, с которым нужно было бороться, и с папой, который скорее сопротивлялся, чем помогал им, итальянцы были вынуждены полагаться на свой союз с Сардинией, которая к тому времени отделилась от влияния, продиктованного "Священным союзом", и быстро становилась важной и независимой державой.

В битве при Новаре, между Австрией и Сардинией, Карл Альберт, король Сардинии, потерпел поражение с ужасающими потерями. Он немедленно отрекся от своего поста и передал корону Виктору Эммануилу, своему сыну, который так управлял делами, что оказал влияние на великие движения, приведшие к миру в Виллафранке, и благодаря умелой государственной политике добился от австрийцев перехода Ломбардии к Сардинии. Возросшая таким образом военная мощь Сардинии сильно воодушевила итальянцев, и, чтобы противодействовать влияниям, которые склонялись к союзу между ними и Виктором Эммануилом, было возобновлено предложение о создании итальянской конфедерации с папой во главе. Но итальянцы, которые больше не желали подчиняться власти абсолютного монарха, сопротивлялись этому плану из убеждения, что это все еще удержит их у ног их старых хозяев. И чтобы сделать это сопротивление более эффективным, несколько итальянских провинций передали свою верность Сардинии, тем самым увеличив ее мощь сверх того, что было когда-либо, и повысив ее значение как военной державы.

Позиция, занятая Сардинией после этих присоединений, внесла в политику Европы новый и наиболее важный вопрос — следует ли заставить эти восставшие итальянские провинции вернуться под светскую власть папы римского или позволить им самим решать свое положение и судьбу? Хотя этот вопрос касался принципа самоуправления, считалось, что он имеет в некоторой степени международный аспект и, следовательно, привлек внимание других держав, помимо непосредственно заинтересованных. Луи Наполеон тем временем провозгласил себя императором Франции и, будучи полностью проникнут "наполеоновской идеей" о собственной значимости, осмелился предложить Пию IX в качестве совета, что было бы хорошо для него и Церкви отпустить восставшие провинции "с миром". Папа, однако, презрительно отверг этот совет и заявил, что предпочитает смерть подобной деградации, в чем, справедливо предположить, он был искренен. Но его отказ ничего не решил, лишь вызвав новое сопротивление его политике среди итальянцев. Однако это привело к таким результатам, что было признано право итальянских провинций объединиться с Сардинией, если они сочтут это целесообразным. Это был практический вопрос, поскольку он касался права жителей каждой

провинции оставаться под властью папы или нет по своему усмотрению. Как и следовало ожидать, Пий IX расценил это как смертельный удар, нанесенный его светской власти, и, следовательно, сурово предал ее анафеме. С папской точки зрения он не мог поступить иначе. И все же, если бы он правильно истолковал происходящие события, он мог бы увидеть, что временный скипетр быстро уходит из его рук и что суровые меры с его стороны, вместо того чтобы предотвратить, только ускорили бы этот результат. На яростное его сопротивление ответили Парма и Модена, обе провинции которых были присоединены к Сардинии. За Тосканой и провинциями Эмилия проголосовало огромное большинство населения. Их примеру последовали и другие провинции. И таким образом, благодаря этим важным присоединениям Виктор Эммануил получил возможность заявить о своем правлении, превратив Сардинию в *Итальянское королевство*. Эта мера привлекательности, представленная итальянцам, вскоре вызвала энтузиазм, и Обе Сицилии под предводительством Гарибальди объединились с Сардинией почти единогласным большинством голосов. Умбрия и Анкона сделали то же самое. Поэтому одна за другой эти итальянские провинции, населенные римско-католическим населением, торжественным голосованием отделились от светской власти папы и оставили Пия IX оплакивать свое быстро падающее состояние и каяться — если его возбужденные страсти позволяли раскаяться — в безумии, которое привело к такому результату.

Правительство Сардинии без ненужных проволочек приняло такие законы, каких требовало это новое положение дел. Следовательно, Виктор Эммануил попытался начать переговоры с целью достижения примирения между двумя силами, духовной и мирской. Это предложение неизбежно предполагало разделение Церкви и государства и было разработано для определения соответствующих сфер и функций каждого из них, чтобы в будущем между ними не возникало конфликтов или соперничества. Виктор Эммануил был римским католиком и ни в коей мере не выражал и не питал желания ущемлять духовный авторитет или независимость папы римского. Никакое подобное желание также не преобладало среди огромной массы людей, которые помогли установить новый порядок вещей — они по-прежнему оставались римско-католиками, какими были всегда. Все, чего он и они желали, - это сделать государство независимым от Церкви в принятии и отправлении светских законов и оставить Церковь, главой которой остается папа, независимой от государства в духовных делах. Если бы в этом требовалась модель для подражания, ее можно было бы найти в форме правления, созданной народом Соединенных Штатов, которая, во всяком случае, должна была повлиять на тех, кто ведет дела Сардинии, вплоть до разделения Церкви и государства. Но Пий IX не мог согласиться на это, не будучи неверным делу папства, в отличие от благополучия и наилучших интересов Церкви, которые явно требовали, чтобы он примирил, а не разжигал дальнейшую вражду между римско-католическим населением, от имени которого было сделано предложение правительства Сардинии. Однако вместо примирения, он — с умом необычно устроенным и странно эксцентричным — полностью отдался во власть своих страстей и, чтобы осудить эту форму правления и обличить дружелюбный дух, проявленный Виктором Эммануилом, издал папскую аллокацию, которую вполне можно назвать "*жестокий фульмен*", потому что она стала совершенно безвредной благодаря жестокости языка, а также бесцеремонному и невоздержанному нападению на ведущие принципы, господствующие среди современных наций. Поскольку это распределение было задумано как официальное провозглашение веры, которой он придерживался в затрагиваемых политико-религиозных вопросах, и было сделано столь недавно, оно заслуживает особого рассмотрения из-за его

прямого отношения к вопросу о восстановлении светской власти папы. Где еще нам искать папские доктрины, как не у непогрешимого главы папства?

Он обвинил новое правительство Италии в "нападках на католическую церковь, ее полезные законы и всех ее священных служителей" — обвинение, потерявшее силу из-за чрезмерного искажения фактов, как показывают только что подробно изложенные факты. Тяжестью этой атаки было предполагаемое отделение Церкви от государства; но, помимо других вопросов, на которые он жаловался, он особо выделил гражданские браки — такие, которые предусмотрены законами всех штатов Соединенных Штатов, — которые, по его словам, "поощряли сожительство, которое является совершенноскандалным". Он имел в виду, что все браки, заключаемые не римско-католическим духовенством, являются незаконными из-за нехристианского и незаконнорожденного характера церемонии. И с явным намерением, несомненно, полностью объяснить по жизненно важному вопросу, который тогда находился на рассмотрении, он объявил о своих притязаниях на "*гражданскую власть*", то есть о своем праве носить корону временного короля, заявив, что он и его преемники никогда не могут быть "подчинены какой-либо мирской власти", но должны "осуществлять со всей свободой верховную власть и юрисдикцию над Церковью" во всей ее полноте. Его идея, неоднократно повторяемая им самим и подтверждаемая его преемником, заключалась в следующем: в какой-либо стране Церковь ни имела опоры, она не должна руководствоваться светскими законами государства, противоречащими ее интересам, а только Каноническими законами, которые она сама установила и которые наделяют пап полной и суверенной властью определять, что они могут делать и требовать от других в области веры и морали, наряду с принудительной властью, необходимой для обеспечения послушания. По-видимому, не сознавая, что он становится на путь народной бури, сметающей подпорки, на которых долгое время покоился папский престол, он воображал, что его "апостольский авторитет" все же позволит ему направлять ее таким образом, чтобы предотвратить окончательное крушение светской власти. Поэтому, облачившись во все свои папские доспехи в подражание некоторым своим предшественникам, он попытался свергнуть и уничтожить новое правительство Италии громом своих анафем. Он, соответственно, отменил и объявил "недействительными и не имеющими силы" все ее законы и указы, противоречащие его притязаниям на высшую и абсолютную власть как над духовными, так и над мирскими делами по всей Италии, включая провинции, присоединенные к Сардинии! Требуется очень изобретательное воображение, чтобы вообразить акт более вопиющей глупости, чем это бесполезное распределение.^[185]

Если бы Пий IX был менее взволнован и достаточно спокоен, чтобы рассуждать логически, он мог бы заметить, насколько фатальным для его собственного вывода было важное признание, сделанное им в этом официальном заявлении. По-видимому, не понимая его полного значения и силы, он объявил "исключительным ходом Божественного провидения" то, что папа "был облечен своей гражданской властью" *во время падения Римской империи*; то есть во второй половине пятого века и почти через пятьсот лет после начала христианской эры. В этом он признает — конечно, с необходимым подтекстом, — что в течение всего длительного периода, предшествовавшего этому событию, делами Церкви управляли без помощи временного монарха в Риме или где-либо еще, а исключительно духовной властью - епископами, которые занимались религиозными, а не политическими делами.^[186] Должно быть, он был виновен в исключительном неисполнении служебных обязанностей, если ему не пришлось в голову поинтересоваться, почему столь значительные и радикальные изменения в управлении церковными делами не были внесены до падения Римской империи, а были отложены до этого

конкретного периода. Достаточно легко понять, как папы могли стать королями в чисто мирском смысле после этого события; но это был не тот вопрос, который он рассматривал. Его целью было показать, что когда Римская империя пала, светская власть была божественным образом добавлена к духовной власти папы, и, следовательно, было бы нарушением божественного закона, если бы он был лишен короны мирской королевской власти, которой не обладали папы первобытных времен. Небольшое спокойное размышление, возможно, позволило бы ему увидеть в свете его собственного заявления, насколько ошибочны утверждения о том, что вера в Божественное установление мирской власти является необходимой и существенной частью истинной религиозной веры; ибо, если бы Божественной целью было, чтобы христианство не существовало без нее, эта цель была бы достигнута задолго до падения Римской империи. Следовательно, уступка Пия IX должна рассматриваться как фатальная для притязаний на светскую власть, поскольку она обязательно относится к делу христианства или к Церкви как религиозному объединению. Первобытные христиане не знали об этом, и тот факт, что они этого не знали, — что он признает, — наводит на мысль о таком контрасте между тем, чем была ранняя Церковь непосредственно после апостольского периода, и тем, чем она стала после того, как папство было установлено исключительно с помощью светской власти, что убедительно показывает, что притязания папы на суверенитет, должно быть, были результатом узурпации..

Состояние европейских наций в упомянутый здесь период — хотя, конечно, главные действующие лица и не планировали его для этой цели — было благоприятным для дела независимости Италии. Зависть и соперничество между монархами привели их к таким отношениям, что потребовались огромные постоянные армии для наблюдения друг за другом. Австрия была не только одной из самых беспокойных, но и самой деспотичной из великих держав и вскоре сочла необходимым по собственному желанию вывести свои армии из Италии, чтобы защитить себя от нападения в незащищенных пунктах внутри своих собственных границ. Устранение этого грозного противника значительно воодушевило все население итальянского полуострова, среди которого желание объединиться с королевством Италия стало почти всеобщим. После того как Венеция практически единогласным голосованием приняла решение сделать это, революционный дух был сильно возбужден. Однако среди революционеров были такие, кто был настолько полон энтузиазма, что требовал установления республики, что на какое-то время несколько угрожало делу независимости. Все они выступали за то, чтобы новое правительство во главе с Виктором Эммануилом продлило папское правление, но желали полностью обойтись без короля, предпочитая, чтобы весь политический суверенитет принадлежал народу. Они с готовностью сплотились по призыву Гарибальди и начали подготовку к нападению на Рим. Тем временем, после ухода австрийцев, Луи Наполеон, действуя под влиянием своего рода увлечения, которое он никогда не мог толком объяснить, и никто не мог полностью понять, отправил большой отряд французских войск в Италию, чтобы защитить светскую власть Пия IX и удержать его на троне, к этому времени было полностью продемонстрировано, что ничто, кроме иностранной военной силы, не может этого сделать. Гарибальдийцы потерпели поражение от французов, и это событие, хотя и вызвало временное уныние среди патриотически настроенных итальянцев, не испугало их. Ход событий среди монархов благоприятствовал их делу до такой степени, что есть гораздо больше оснований утверждать, что они были провиденциально предназначены для упразднения светской власти, чем в поддержку утверждения, что она была установлена божеством при падении Римской империи или в любое другое время. У Луи-Наполеона были свои дела, о которых нужно было

заботиться. То, что он скрытно завладел императорской короной Франции, придало новый импульс его честолюбию, но его вероломство было настолько вопиющим, что даже среди самых стойких монархистов к нему относились с презрением. Его самомнение сделало войну между Пруссией и Францией неизбежной; и когда это событие произошло, он осознал, вероятно, впервые, что был вовлечен в позорную работу по предотвращению независимости Италии и принуждению итальянского народа принять короля, которого они почти единогласно решили отвергнуть. Осознавал он это полностью или нет, но насущные потребности вынудили его вывести французские войска из Италии и оставить Пия IX без поддержки иностранных войск, которые охраняли его светскую корону в течение каждого часа его понтификата. Война между Пруссией и Францией стала ужасным ударом для Пия IX, но событием, имевшим неоценимое значение для дела независимости Италии. И когда это привело к Седану, взятию Парижа и потере Францией Эльзаса и Лотарингии, Виктор Эммануил упорно следил за объединением Италии, которое даже Пий IX понимал как упразднение светской власти.

У Виктора Эммануила снова появилась возможность действовать откровенно по отношению к папе и справедливо по отношению к Церкви. Он попытался объяснить в письме Пию IX, в котором "с верой католика", но "с достоинством короля" заявлял, что в его намерения не входило подрывать духовную власть или независимость папы и что он будет поддерживать их своими войсками; и, советуя ему признать упрямые факты, с которыми он столкнулся и которые он был бессилен изменить, он убеждал его принять это как единственное практическое и возможное решение окружающих его трудностей. Он завершил свое обращение следующими словами: "Ваше святейшество, освободив Рим от иностранных войск, избавив его от постоянной опасности стать полем битвы подрывных партий, вы совершите чудесное дело, даруете мир Церкви и покажете Европе, потрясенной ужасами войны, как великие сражения и бессмертные победы могут быть одержаны актом справедливости и одним словом любви".^[187] Здесь в красноречивом и трогательном обращении король умолял папу "даровать мир Церкви", прекрасно понимая, что единственной целью революции было избавиться от светской власти и установить конституционное правительство, и что, если бы этот вопрос был решен с молчаливого согласия Пия IX, огромное множество римских католиков с оружием в руках вернулись бы в свои дома и были бы довольны жизнью в мире и тишине под его духовным владычеством. Вопрос был единственным и простым, который не мог быть понят неправильно; и чтобы он был сделан настолько ясным, чтобы даже самый здравый ум мог его полностью понять, Виктор Эммануил сопроводил свое письмо изложением условий, которые он предложил для урегулирования отношений между Церковью и государством. Они были таковы: все нации должны иметь свободный доступ к папе; все Церкви в Риме должны быть нейтрализованы; послы при папе должны пользоваться полным иммунитетом; кардиналы должны сохранить свои доходы и неприкосновенность; жалование всем военным и гражданским чиновникам должно выплачиваться по-прежнему; а епископы и духовенство по всей Италии должны иметь "полное и абсолютно свободное исполнение своих церковных функций".

Либеральному уму было бы трудно, если не невозможно, придраться к этим утверждениям. Они были настолько широко признаны справедливыми, что любые комментарии к ним излишни. Они не встретили возражений — за исключением тех, кто предпочитал, чтобы папа оставался абсолютным светским монархом, обладающим полной властью принимать и отменять все законы, — против конституционного правительства, представляющего народ. Они были сделаны римско-католическим королем, представляющим и говорившим от имени нескольких миллионов римско-католиков, и, помимо того, что были написаны в примирительном и

доброжелательном духе, несли на своем лице убедительное свидетельство искренности. Если бы они были приняты папой, истинная вера Церкви осталась бы нетронутой, а папа в полном обладании всеми своими законными и необходимыми духовными силами. Фактически, Церковь была бы возвращена к своему первобытному состоянию до падения Римской империи. Но Пий IX, вместо того чтобы ответить взаимностью на великодушные короля, оплакивал "глубокую скорбь", которая наполнила его "жизнь горечью", и в то же время относился к предложениям короля с крайним презрением. Тогда он был первым папой за всю долгую историю Церкви, которому было авторитетно разрешено заявить о своей личной непогрешимости. Он созвал знаменитый Ватиканский собор, на котором всего за несколько недель до этого иезуитам удалось добиться его признания непогрешимым путем принятия декрета, продиктованного им самим и обеспеченного прекращением дебатов, несмотря на протест ряда епископов, в том числе нескольких из Соединенных Штатов.[188] Одержав эту победу над либерализмом Церкви и, таким образом, полностью отдавшись в объятия иезуитов и предпочтя союз с ними союзу с миллионами римских католиков, которые выступали за конституционное правительство, он сделал невозможным ни один шаг к примирению или даже дружескую дискуссию с королем. Он явно чувствовал, что никакая человеческая сила не имеет права требовать или ожидать примирения или обсуждения от непогрешимого папы. Собор подтвердил его вселенский суверенитет и укрепил его в вере, что он обладает силой всемогущества, так что те, кто отказывался повиноваться ему, были прокляты Богом. Таким образом, время для споров у него прошло, и больше нельзя было думать о мире и примирении. Следовательно, дружеское перо изображает его как человека, с видом императорского величия прервавшего официальную беседу с посланником Виктора Эммануила, выразив "всю меру своего презрения и негодования" в этих выразительных словах: *"Во имя Иисуса Христа, я говорю вам, что вы все - белые гробницы!"*[189]

После этого Виктору Эммануилу ничего не оставалось, как двинуть свои войска вперед и овладеть городом Римом от имени нового королевства Италия. Он больше не медлил. Перейдя границу папской территории, его армия вступила в несколько стычек с папскими зуавами, но не встретила серьезного сопротивления. 20 сентября 1870 года был отдан приказ атаковать город. Вскоре в стенах были открыты две бреши, и когда победоносные итальянцы вошли, папские войска отступили, а Пий IX укрылся в замке Святого Ангела как беглец из города, где незадолго до этого декрет о его личной непогрешимости был продиктован через многолюдный Собор такими методами, которым не подчинился бы ни один другой человек в мире, и которым они вряд ли подчинились бы, если бы не влияние иезуитов. После того как папа бежал и стал добровольным узником в замке Святого Ангела, остальные обязанности, относящиеся к папскому правительству, перешли к кардиналу Антонелли, который по-прежнему называл себя государственным секретарем. Это состояло из формального и ребяческого протеста от имени беглого папы, в котором он заявил, что ничто из того, что делалось королевством Италия, не давало каких-либо прав вообще на владычество и владения папы, и что папа "и знает свои права, и намерен сохранить их в неприкосновенности, и в *надлежащее время вновь вступить в их фактическое владение*". Все, что можно сказать по этому поводу, это то, что, хотя практически это была просто бессмысленная бравада, в ней полностью излагались политика и цели Пия IX, с помощью которых он рассчитывал, с помощью двухсот миллионов римских католиков в мире, уничтожить новое итальянское правительство и снова привести народ под папскую власть. Странная глупость, ставшая еще более странной из-за того факта, что эти

заявления исходили от первого папы, чья личная непогрешимость была утверждена соборным декретом!

Захват Рима и бегство папы сделали необходимым привести в действие механизм нового правительства. Соответственно, было сформировано временное правительство и предусмотрено голосование всего населения, чтобы решить, за или против "объединения Италии" народ. При этом голосовании подавляющее большинство приняло решение в пользу нового правительства, что указывает на то, что даже если людей до сих пор убеждали верить, что царствование папы было Божественным творением, они стали достаточно просвещенными, чтобы понять, что Провидение позволило ему продолжаться достаточно долго; и что, поскольку ему удалось отделить западных христиан от восточных и расколоть целое на соперничающие и враждующие группировки, настало время, когда по новому устройению духовный департамент Церкви должен быть очищен путем лишения папы его императорской власти и расширения сферы его духовного влияния. функции и обязанности. Осознав, что Бог управляет миром во всем посредством своего провидения, и бросив свой взор на народы, чтобы увидеть, где преобладает наибольшая степень процветания и счастья, они пришли к убеждению, что, поскольку они возникли там, где Церковь и государство были разделены, Божественная мудрость была проявлена, указав им аналогичную меру облегчения их существующих обид. Наученные собственными инстинктами верить, что изменчивые устройства Божьего провидения были лишь некоторыми способами проявления его суверенной власти, и что, поскольку он позволил их предкам и им самим нести бремя папской светской власти на протяжении веков, для них было естественно заключить, что он, по крайней мере, указал им на обязанность обменять ее на ту свободу и интеллектуальное развитие, которые свободные конституционные правительства гарантировали другим народам как средство сделать их более счастливыми и преуспевающими — более способными ценить и выполнять обязанности, относящиеся как к гражданству, так и к христианской жизни. Бог терпел их несчастья только в том смысле, в каком он допустил существование рабства; но их нельзя было убедить поверить, что он намеревался и дальше увековечивать их своим провидением, так же как народ этой страны не может согласиться с тем, что прежнее существование рабства здесь опровергало фундаментальную истину, изложенную в нашей Декларации независимости, что неотъемлемое право на свободу и гражданское равенство вытекает из естественного закона.

Поскольку очень значительное большинство голосов, поданных в провинциях, было отдано в пользу нового правительства — против проголосовало менее двух тысяч человек, — стало необходимым скорректировать будущие отношения между Церковью и государством таким образом, чтобы они могли гармонично сосуществовать, каждая из которых полностью выполняла свои надлежащие функции. Соответственно, папа и все папские власти были уведомлены о том, что по отношению к Церкви будет проявлена крайняя либеральность и что в нее не будет никакого вмешательства, за исключением отмены светской власти папы и таких положений в отношении светских дел, какие сочтут необходимыми. Необходимо только соблюдать основные положения, принятые новым правительством, чтобы показать их либеральность и безрассудство их отказа; и чтобы осознать, как много Церковь потеряла из-за неразумной и безумной политики Пия IX, достаточно заметить, что сегодня в мире не существует правительства, от которого можно было бы добиться таких же примирительных условий. Даже тогда не все из них можно было получить от кого-либо другого, кроме римско-католического населения.

Политика нового правительства была изложена следующим образом: папа должен был быть полностью бесплатным, чтобы осуществить все свои духовные права, как и прежде; он должен был продолжать владеть "прерогативы суверенного принца" и его суда должны быть указаны с этой точкой зрения; он должен был быть защищен "территориальной неприкосновенности", общества, разумеется, в разумных пределах, чтобы быть определенными, в котором он должен быть свободным и независимым от государства; все прелаты, кардиналы, архиепископы, епископы, а те, в монашеских орденов, который должен быть вызван в Рим папой, были пользоваться иммунитетом от Гражданской помех; папа должен был быть разрешено общаться с иностранными державами и Церкви во всем мире, и специальных почтовых и телеграфных услуг по его команде, все представители иностранных держав при дворе папы были пользоваться полной свободой; свобода публикаций и общение были уверены; папа был гарантировать "полную свободу перемещения во все времена и во все сезоны, внутри и вне страны," и был лечиться и Заслуженный как "иностранной лей государь" во всей Италии; в его "королевской темы" и членов его суда должны были быть представлены со стороны нового правительства, которое должно также оплатить задолженность папского государства; и свободы Церкви и духовной независимости папы должны были быть полностью и гарантировано.^[190]

Эти справедливые и либеральные положения относились только к изменившимся отношениям, вызванным упразднением светской власти. Они касались чисто политического вопроса, за исключением того, что доктрина иезуитов, принятая Пием IX, придала ей политико-религиозный характер и гласила, что необходимой частью веры Церкви является то, что папа должен быть светским монархом. Римско-католическое население Италии отвергло эту доктрину и потребовало изгнания иезуитов за то, что они ее проповедовали, эти положения были результатом их желания оставить Пия IX в полном владении и пользовании всеми его духовными силами. Они намеревались просто учесть новое положение дел и признать Итальянское королевство как свершившийся факт, не подлежащий ни оспариванию, ни изменению. Виктор Эммануил, как твердый и последовательный католик, не был расположен делать что-либо меньшее, и его обязательства перед итальянским народом не позволяли ему делать больше. Но Пий IX, все еще продолжавший скорбеть о разрушении "старого режима" и цеплявшийся за иезуитскую идею о том, что Бог был оскорблен, потому что он потерял свою светскую корону, отказался примириться. Оплакивая некомпетентность народа решать, что правильно, а что неправильно в делах управления, и неизбежное крушение, которое, по его мнению, последует за их попыткой управлять без папы-короля, он снова обрушил свои самые яростные проклятия на новое правительство и на головы всех, кто помогал в его создании. Сделав это, спор был прекращен, и стало ясно, что Церковь и государство были окончательно разделены в Италии римско-католическим населением, и что Пий IX не смирился бы с потерей своего светского суверенитета, к которой привело это разделение, или с чем-либо иным, кроме восстановления абсолютной королевской власти. Были и другие действия, необходимые для завершения всей драмы, но они увлекли бы нас на поля, заполненные множеством сражающихся. Сейчас нас интересует только конфликт вокруг светской власти и влияние этой власти на право итальянского народа иметь голос при формировании правительства и принятии таких законов, каких требует его собственное благополучие. Это был единственный спор между итальянцами и папством - между Виктором Эммануилом и Пием IX. Если бы последний придерживался убеждений своего собственного разума, когда он впервые вводил меры по реформированию, и следовал доброму велению своего собственного сердца, можно было бы избежать многих

ожогов и пререканий, а Церковь избежала бы серьезного и ошеломляющего удара. Участники с обеих сторон были привязаны к Церкви, ее истории, традициям и вере. Спокойная дискуссия между ними относительно того, чему она учила или не учила в отношении временной власти, прояснила бы, что она не затрагивает какой-либо существенной статьи христианского символа веры, и, таким образом, они могли бы прийти к пониманию того, что, поскольку этой власти не существовало в апостольские и первобытные времена, в изменившихся условиях мира не могло по праву существовать ничего, что делало бы ее абсолютно необходимой для существования и роста христианства в нынешнюю эпоху. Но когда Пий IX позволил учениям и доктринам иезуитов произвести впечатление на свой разум и позволил им формировать его папскую политику, страстные декламации заняли место спокойной дискуссии и сделали примирение невозможным.

И теперь, когда наиболее преданные Церкви оглядываются назад на этот конфликт и осознают, на каком множестве их братьев-христиан все еще лежит папская анафема из-за их отказа согласиться с догмой веры, которая подрывает основы свободного конституционного правления, они не могут не заметить, что, хотя удар был нанесен по Церкви, только иезуиты добились триумфа. Они заложили основу этого триумфа, вымогая у Пия IX — в то время, когда его доверчивость была легко навязана — его знаменитую Энциклику и Программу, в которых он заявлял, что свобода слова, совести и печати были ошибками, с которыми Церковь не могла мириться; что Церковь должна быть единственным судьей своей собственной юрисдикции и обладать властью принуждать к послушанию в том кругу, который она сама себе определит; и что она никогда не сможет примириться с "прогрессом, либерализмом и цивилизацией" нынешнего века. Этим он воздвиг барьер между папством и всеми ведущими современными нациями, который иезуиты изо всех сил стараются преодолеть, но не могут; но который может быть разрушен только тем христианским милосердием, которое облагораживает природу своего обладателя и учит, что Бог внедрил в сердца человечества дух братства, который нельзя позволить уничтожить никаким верованиям, догмам или церемониям.

Но Пий IX усугубил свои страдания, притворившись, что испытывал трудности, которых на самом деле не было. Ему было позволено беспрепятственно вернуться в Рим и снова поселиться в Ватикане. Он назвал себя заключенным и побудил к этому других, тем самым подав пример, которому подражал его преемник. Но он не был пленником, за исключением тех случаев, когда по собственной воле запирался в замке Святого Анджело. До конца своей жизни он был волен ходить, куда и когда ему заблагорассудится. На его действия не накладывалось никаких ограничений. Не допускалось никакого унижения его духовного сана или его личности. Он мог открывать и закрывать двери Ватикана по своему усмотрению, впускать или исключать кого ему заблагорассудится. Он пользовался максимальной свободой слова и письма и высказывал похвалу или порицание по своему усмотрению. Но вместо того, чтобы наслаждаться реальной свободой, гарантированной ему законами правительства, на котором лежало его папское проклятие, он растратил свою жизнь на бесполезные жалобы и рассылку дополнительных анафем, которые указывали лишь на то, что его тщеславие не было удовлетворено, а амбиции разочарованы. Наконец он умер не с разбитым сердцем - ибо он всегда был духовным сувереном, — а с меланхолическим сознанием того, что его папская рука стала слишком слабой, чтобы нести светский скипетр, который многие из его предшественников так крепко сжимали. Было бы трудно написать его жизнь хорошо и правдиво; она была такой импульсивной, разнообразной и лихорадочной. Его цели были честными, его привязанности искренними, его щедрость безграничной, его натура доброй и отзывчивой; но он был так же

бессилен отразить шторм, обрушившийся на папство, как моряк сдерживает скорость ветра, когда бушует шторм. И теперь, когда он предстал перед высшим Судьей, который непогрешим, на его могиле было бы уместно выгравировать, что он был хорошим священником, но плохим и некомпетентным государственным деятелем.

СНОСКИ:

[185] Энн Эпплтон. Цикл., 1866, стр. 674. "Папа утратил все свои былые симпатии к народному делу и был только рад обеспечить свое восстановление в Ватикане с помощью австрийской оккупации Романьи и французской осады Рима". (Жизнь Виктора Эммануила. Автор Дайси. Страница 118.)

[186] Во время итальянской революции нынешний папа Лев XIII, в то время кардинал Печчи, написал пастырское послание "О временном владычестве пап" с явной целью сохранения этого владычества. Ссылаясь на период его первого появления, он сказал, что он был *"освящен одиннадцатью веками"*. Ни он, ни Пий IX не смогли установить время, за исключением общих и неопределенных сроков, разница между которыми составляет несколько сотен лет, но оба они безошибочны! (Жизнь Льва XIII. Бернارد О'Рейли. Страница 200.)

[187] Магуайр, стр. 470. Энн Эпплтон, Цикл, 1870, стр. 410.

После оккупации Рима итальянской армией граждане должны были решить в форме плебисцита, выступают ли они за союз с королевством Италия или нет, когда всенародное голосование составило 133 681 "за" и только 1507 "против". Вслед за этим Виктор Эммануил выразил свою верность Церкви таким сильным и выразительным языком: "Как король и как католик, настоящим провозглашая единство Италии, я остаюсь неизменным в своей решимости гарантировать свободу Церкви и независимость верховного понтифика". (Жизнь Виктора Эммануила. Автор Дайси. Страницы 317-318.)

[188] Восемь месяцев в Риме. Помпонио Лето (Фрэнсис Виттелески). Лондонское издание. Страница 212.

[189] Магуайр, стр. 473.

[190] Ежегодная энциклопедия Эпплтона. 1870. Страницы 414-415.

ГЛАВА XVIII.

ПАПСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

После смерти Пия IX он оставил тому, кто должен был стать его преемником, в качестве официального наследства, решение вопроса о том, должна ли Церковь согласиться и примириться с упразднением светской власти папы, или же быть взволнованной и, возможно, еще больше расстроенной требованием о ее восстановлении. Тем временем Италия стала организованной нацией, и это было признано во всем мире. Столица после нескольких

перемещений была перенесена в Рим, и законодательные палаты были собраны почти в тени старого здания сената времен цезарей, под контролем и охраной писаной конституции, для принятия законов от имени итальянского народа. Король существовал, но без абсолютной власти, и достиг большой популярности благодаря своей выдающейся физической подготовке и признанной верности возложенным на него обязательствам. Следовательно, требовалось лишь небольшое практическое знание дел, чтобы предвидеть, что будущий мир и благополучие Церкви в значительной степени зависят от политики, которую следует проводить в отношении светской власти, которая больше не существовала, но была упразднена римско-католическим населением, которое с большим обдумыванием и необычайным единодушием взяло право управлять своими собственными политическими делами в свои руки, подражая примеру, поданному им народом Соединенных Штатов. Вдумчивые умы были вдохновлены надеждой на то, что умеренные, мудрые и примирительные советы возобладают у нового папы, кем бы он ни был.

Случай сделал необходимым соблюдение различия между Церковью как христианской организацией и папством как высшей властью над временными лицами; то есть способность первого приносить пользу христианству осталась неизменной, в то время как последнее было предназначено только для того, чтобы сделать папу абсолютным монархом над итальянским народом. Никто не понимал этого лучше, чем Пий IX, и поэтому за год до своей смерти он озаменовал первое важное проявление своего непогрешимого авторитета, издав указ о внесении изменений в Исповедание веры, которое было предписано Пием IV почти триста лет назад, и "allocution", или авторитетное и с *кафедры* послание к духовенству и Церкви, касающееся отношений, существующих между Церковью и правительством Италии. Первое касается только тех, на чью веру оно оказывает влияние; второе касается всех прогрессивных наций, и не более того, Соединенных Штатов.

В этом обращении он обвинил захватчиков его "гражданского княжества—, то есть его светской власти, в попрании всех прав, человеческих и божественных; в попытке подорвать "все институты Церкви"; и охарактеризовал акт основания итальянского королевства как акт "суверенного беззакония" - "кощунственного вторжения". Он жаловался, что служители религии "были лишены права не одобрять законы государства, которые, по их мнению, нарушают законы Церкви", что было равносильно утверждению, что принципом веры является то, что ему и духовенству должно быть разрешено игнорировать любой закон государства, который он и они считают нарушающим их исключительные права. Он указал на "позорное и непристойное зрелище", которое можно увидеть в Риме, на "храмы, возведенные в эти последние дни для несогласного богослужения", на "школы разврата, рассеянные по всему миру" и на "дома гибели, установленные повсюду" — таким образом, несомненно, намереваясь показать, что он имел в виду, когда несколько лет назад сказал в своей программе, что Церковь никогда не сможет примириться с духом прогресса, преобладающим среди прогрессивных наций. Он настаивал на том, что папа не может существовать в Риме иначе, как "суверен или узник" — что было опровергнуто всеми последующими годами реального опыта — и что не может быть "мира, безопасности или спокойствия для всей католической Церкви до тех пор, пока осуществление высшего церковного служения находится во власти партийных страстей, каприза правительств, превратностей политических выборов, а также проектов и действий интригующих людей" — подразумевая тем самым, простыми словами, что папа должен быть таким верховным, где бы ни находилось его духовенство. Что касается требования к ним исполнения его указов, то законы правительств должны прямо предусматривать иное. Он выражает эту идею с не меньшей

ясностью, говоря, что папа "не может пользоваться полной свободой в рамках своего служения", разбросанного по всему миру, до тех пор, пока он "продолжает подчиняться воле другой стороны"; другими словами, что он должен быть свободен требовать от своего духовенства, где бы оно ни находилось, подчиняться ему, а не законам какого-либо правительства, противоречащим его воле. Он поздравляет себя с тем, что "весь католический народ" повсюду солидарен с ним в поддержке всех этих предложений, и дает понять, что ожидает, что они "возьмут в свои руки дело и защиту римского понтификата", то есть восстановление светской власти и царствования папы римского. Он выражает веру в то, что привязанность, проявляемая к нему толпами паломников, посещающих Рим, "будет продолжать возрастать до того дня, когда пастырь Вселенской Церкви будет, наконец, восстановлен в обладании своей полной и подлинной свободой", которой он не может наслаждаться без короны абсолютной монархии на своей голове. И с целью достижения этого он инструктирует всех служителей Церкви повсюду "увещевать вверенных им верующих использовать все средства, которые законы их страны предоставляют в пределах их досягаемости; действовать незамедлительно с теми, кто управляет; побудить этих последних более внимательно рассмотреть болезненную ситуацию, в которой оказался глава Церкви, и принять эффективные меры к устранению препятствий, стоящих на пути к его абсолютной независимости".[191]

Все это просто и выразительно — не подвержено непониманию. Это превращает восстановление светской власти папы римского с целью сделать его королем Италии вопреки позитивной и выраженной воле народа этой страны в политико-религиозный вопрос и повелевает верующим во всех частях мира объединиться в политико-религиозную партию, чтобы повлиять на правительства своих соответствующих стран, чтобы они способствовали достижению этого результата. Этот совет дается перед лицом того, что, как известно миру, является фактом, что светская власть не может быть восстановлена без войны — без заливания равнин Италии кровью, чтобы навязать народу Италии короля, от которого они отказались своим высшим актом суверенитета.

Это распределение было одним из первых плодов непогрешимости папы и со всей отчетливостью раскрывает метод, продиктованный Пием IX для восстановления папства. На момент его издания он столкнулся с таким количеством затруднений, не имея возможности успешно противостоять им, что едва ли мог ожидать, что его надежды оправдаются во время его понтификата. Он столкнулся с существованием королевства, все еще римско-католического, но не папского, в пределы которого входил Рим, и никто лучше него не знал, что то, к чему он стремился, должно было дождаться формирования политико-религиозной партии за пределами Италии и среди народов других стран, достаточно сильной, чтобы принудить римско-католический народ Италии острием штыка к повиновению папству, от которого они отказались. Следовательно, это безошибочное распределение по праву можно считать его последней папской волей и завещанием, посредством которого он передал все свои права на светскую власть своему преемнику; или, возможно, было бы более уместно сказать, как это делают политики, что оно должно было стать главной дощечкой папской платформы. Насколько далеко это зашло, мы еще увидим.

Когда после смерти Пия IX кардиналы собрались на конклав 17 февраля 1878 года, их первый официальный акт имел особое значение. Он демонстрировал твердую цель удерживать колебания, если таковые были, в политике Пия IX в отношении восстановления светской власти и сделать это испытанием на верность Церкви; другими словами, его преемник должен быть

обязан проводить эту политику и избран с таким выражением мнения. Поэтому кардиналы заключили между собой соглашение подтвердить и поддержать все протесты, выдвинутые Пием IX против итальянского правительства. Это соглашение заключалось в том, что они "тем самым возобновили все протесты и оговорки, сделанные покойным суверенным понтификом, будь то против оккупации Государств Церкви или против законов и указов, принятых в ущерб той же Церкви и Апостольскому Престолу"; и что они были единодушно "полны решимости следовать курсом, намеченным покойным понтификом, какие бы испытания ни выпали на их долю силой событий".[192]

Можно с полным основанием предположить, что разработчиком этого плана действий был кардинал Печчи, поскольку его биограф утверждает, что он "стоял на первом месте во главе своих братьев". Во всяком случае, он вместе с другими кардиналами поклялся в этом. Поэтому, когда он был избран папой — что произошло вскоре после этого — и принял имя Льва XIII, он принял понтификат под торжественным обязательством использовать все свои полномочия и прерогативы таким образом, чтобы вернуть себе светскую власть, утраченную его предшественником, на том четком основании, что этого требовала верность доктринам и вере Церкви.

Учитывая результат, который должен был быть достигнут таким образом, избрание Льва XIII было, несомненно, мудрым. Помимо того, что он обладает высочайшими интеллектуальными качествами — фактически являясь одним из выдающихся людей современности, — его христианский характер чист и без порока. Он хладнокровен, спокоен и обдуман в рассмотрении важных вопросов и не склонен, как Пий IX, быть введенным в заблуждение нескромными советниками или заманенным в ловушку врагами. Его страсти казались хорошо сдерживаемыми, и он привносил в исполнение своих высоких служебных обязанностей способности, намного превосходящие способности любого из выдающихся людей, входивших в Коллегию кардиналов. В Европе нет государя, которому он не был бы равен, если не превосходил, по всем тем качествам, которые соответствуют человеку по рангу, положению и авторитету. В законной сфере своих духовных обязанностей он "*без страха и упрека*". Но когда он отваживается отойти от этой сферы и использует авторитет своего высокого поста, чтобы вновь открыть политический вопрос, который уже закрыт, отказать народу Италии в праве регулировать свои собственные мирские дела, как это сделали Соединенные Штаты, и предписывает или одобряет план церковной организации, который будет измерять ценность исповедуемой христианской жизни глубиной, до которой его обладатель погрязнет в трясине политико-религиозных противоречий в тех странах, где Церковь и государство разделены, он предстает перед миром в другом и непохожем аспекте. Если, подражая другим, стремящимся к королевским коронам, он сочтет уместным отложить в сторону законное оружие своего духовного служения и вооружить себя и своих последователей тем, что относится к политической борьбе, то не может быть справедливого основания для жалоб на тех, чью политику гражданского правления он критикует, если они будут обвинять его и их перед судом общественного мнения и оспаривать его и их право нарушать мир, сеять семена раздора между ними.

Народ Италии добился своей независимости путем революции и решил отделить Церковь от государства, и что он не желает видеть папу своим королем; они положили конец абсолютному монархизму папства и заменили его конституционной монархией с такими ограничениями и охраной, которые они считали необходимыми для своей собственной защиты. Поступая таким

образом, они воспользовались той же властью народного суверенитета, что и народ Соединенных Штатов, когда они решили, что никакой король никогда не должен править ими. В каждом случае предполагалось, что этот акт будет окончательным и не подлежит отмене никакой земной властью. Таким образом, ни одна из стран не имеет права устраивать заговоры против спокойствия и мирной жизни другой; равно как и население обеих стран не имеет права делать это. Все это запрещено международным правом, и если сознательно допускать это, то по этому закону это было бы справедливым поводом для войны. Если бы в Италии была сформирована политико-религиозная партия, которая изменила бы наши институты путем воссоединения Церкви и государства и заменила короля народом в управлении государственными делами, это вызвало бы дух сопротивления в каждом лояльном американском сердце. И если политико-религиозной партии, созданной под каким бы то ни было предлогом, будет разрешено объединиться в этой стране с общепризнанной целью воссоединения Церкви и государства в Италии и принуждения народа этой страны признать папу как абсолютного суверена, несмотря на результат, которого они достигли своей революцией, как нам избежать осуждения со стороны международного права? Вопрос о том, должен ли какой-либо народ осуществлять право на самоуправление, является политическим, а не религиозным. Это было решено народом Соединенных Штатов. Следовательно, требовать от них, чтобы они отменили это решение, противоречит духу их институтов и насмехается над их авторитетом.

Ни один либеральный и справедливо мыслящий человек не ставил под сомнение право Пия IX объявлять себя непогрешимым или право других признавать это за ним в чисто духовных вопросах. В этом же праве не отказано и Льву XIII. Но когда он расширяет свою непогрешимость настолько, что включает власть над фундаментальными принципами гражданского правления, и таким образом стремится поставить под угрозу судьбы современных прогрессивных наций, где Церковь и государство разделены, не следует ожидать, что те, кто разделяет эти судьбы вместе, одобряют его императорское принятие прямым подтверждением или молчаливым согласием. Эпоха "пассивного повиновения" прошла, и вряд ли она возродится до тех пор, пока период Реформации будет продолжать приносить свои богатые плоды, подобные тем, которые дают народные институты Соединенных Штатов. Фундаментальный принцип, на котором зиждутся все подобные институты, - это отделение Церкви от государства; ибо без этого не может быть свободы религиозных убеждений и такого развития интеллектуальных способностей, которое позволяет обществу осуществлять самоуправление. Каждому посягательству на этот великий фундаментальный принцип необходимо противостоять, независимо от того, под каким предлогом оно может быть предпринято или с какой стороны оно будет исходить. Когда на нее нападали и осуждали колеблющийся и вспыльчивый Пий IX, она подвергалась гораздо меньшей опасности, чем сейчас, когда спокойный и прозорливый Лев XIII стал главнокомандующим агрессивными силами. Первый даже не был хозяином самого себя — второй является хозяином огромного множества людей.

Избрание Льва XIII вызвало всеобщее удовлетворение за пределами круга церковного влияния. Он считался представителем высшего просвещения, и это породило надежду, что он примирится с существующим положением дел в Италии, чтобы умиротворить тех членов Церкви, которые вырвали у его непосредственного предшественника скипетр светской власти. Более благоприятной возможности для умиротворения не могло быть; и если бы она была принята в примирительном духе, ликование не ограничивалось бы одними итальянцами, но было бы почти всеобщим. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем появились

признаки, указывающие на то, что вместо того, чтобы подливать масла в беспокойные воды, он предпочел, чтобы они оставались беспокойными. Теперь это объясняется двумя фактами: во-первых, соглашением Коллегии кардиналов принять принципы и придерживаться политики Пия IX; и, во-вторых, его иезуитским образованием. Оба эти факта изложены его биографом, причем последний с такой конкретностью, что показывает, что, когда ему было всего восемь лет, он был разлучен со своей семьей и отдан под опеку иезуитов, и что его образование было получено в колледжах этого общества в Витербо и в Риме.[193] Если бы мир знал в начале его понтификата, как торжественно он поклялся своим братьям-кардиналам перед своим избранием и как его юный ум был обучен и сформирован иезуитами, маловероятно, что можно было бы ожидать или даже надеяться на что-либо сверх того, что произошло; ибо мастерство иезуитов проявляется ни в чем так эффективно, как в неизгладимом впечатлении, которое они так хорошо умеют производить на молодые и неразвитые умы. Хотя вопрос, который предстояло решить, казался достаточно простым для широкой общественности, как в Соединенных Штатах, так и в Европе, все же для иезуитов он имел первостепенное значение; поскольку с разделением Церкви и государства в Италии и с Римом как постоянной столицей королевства, независимого от папы и подчиняющегося воле народа, их общество было бы раздавлено тяжестью общественной одиозности, лежащей на них. В ходе полемики и до упразднения светской власти Пий IX был вынужден изгнать их из Церковных штатов из-за этой одиозности, существующей в Италии; но они снова сплотились со своей неослабевающей энергией после того, как был выбран его преемник, несомненно, понимая, с какой готовностью ум, обученный и дисциплинированный в рамках их системы образования, уступит их требованиям. Какое-то время Лев XIII, казалось, колебался, как будто в вопросе между либерализмом и регрессом существовала некая золотая середина. Но Церкви и миру не пришлось долго ждать выхода его первой официальной энциклики, которая положила конец всем надеждам на примирение или компромисс. В этом знаменитом документе война против либерализма и прогресса, признанная современными нациями, продолжалась с нарастающим иезуитским насилием — "война на ножах, и нож по рукоятку". Больше не было никаких колебаний, но было отчетливое признание цели возродить папство путем восстановления светской власти и продолжать конфликт до тех пор, пока мир не отвернется от всей современной цивилизации и не вернется к средневековью. Его биограф прилагает особые усилия, чтобы разъяснить это, чтобы энциклику можно было интерпретировать в соответствии с намерениями папы. Заявив, что были те, кто ожидал, что Лев XIII "разработает *modus vivendi* с хозяевами Рима и Италии" и примирит Церковь и папство с "современным обществом и его потребностями", он хвастливо заявляет, что энциклика "прискорбно разочаровала всех, кто воображал или надеялся, что папа сможет примирить явленную истину, хранителем которой он является божественно назначенным, праведность, правосудие и божественную мораль, которые проистекают из явленного закона жизни, с ужасными ошибками, необузданной распущенностью мысли и слова и с тем, что он является богом". поступок, беззаконие и безнравственность, которые прикрываются их мнимой цивилизацией".[194]

Этот ученый биограф не имеет в виду, что энциклика папы была понята неправильно; и когда он таким образом указывает на "ужасные ошибки", "необузданную распущенность", "беззаконие и аморальность", которые были рассеяны по миру современным прогрессом и цивилизацией — которые он характеризует как "притворные", а не настоящие — он явно понимал ум и мотивы папы, как и проблему, которую папство решило со всеми наиболее просвещенными народами мира, и, в особенности, с преобладающими народными настроениями в Мировом Союзе.

Штаты. Следовательно, мы должны принять это обвинение нашей формы цивилизации как преднамеренное. И что он понимал этот вопрос не как ограниченный одной Италией, но как универсальный по своему характеру, он немедленно переходит к показу того, что папа "авторитетно обращается ко всему человечеству, свет, передаваемый его учением, освещает оба полушария".

Но сама эта энциклика не оставляет места для сомнений относительно универсальности юрисдикции и авторитета, на которые претендует папа. Почти в самом начале в нем объявляется, что он считает себя призванным в силу своего духовного суверенитета решать вопросы общей важности, а не только те, которые, как считается, относятся к Римской церкви или народу Италии. Считая себя обладателем этой неограниченной юрисдикции, поскольку он занимает "место Князя Пасторов, Иисуса Христа", он утверждает папскую власть над всем миром следующими словами: "С самого начала нашего понтификата у нас перед глазами было печальное зрелище зла, которое нападает на человечество со всех сторон". И, соответственно, он раскрывает свои цели, рисуя печальную картину современного общества, "нетерпимого ко всякой законной власти" и, как следствие, находящегося под угрозой анархии и распада из-за его "презрения к законам морали и справедливости". Все это, по его мнению, возникло из незаконного духа революции, к которому современные народы обратились, чтобы освободиться от сокрушительного груза имперского и абсолютного монархизма, который он предлагает возродить в Италии путем восстановления светской власти, которую народ этой страны вырвал из рук его непосредственного предшественника путем революции. То, что мы с некоторым торжеством называем патриотизмом, свободой и естественным правом, он осуждает как "заразный вирус, который проникает в жизненно важные органы и членов человеческого общества, который не дает им покоя и который предвещает для общественного порядка новые революции, заканчивающиеся катастрофическими результатами".

В силу универсальности своего духовного владычества он чувствовал себя обязанным предостеречь мир, особенно ту его часть, которая добровольно навлекла на себя то, что он считает бедствием, отделив Церковь от государства и установив свободу религиозных убеждений, свободу слова, свободную прессу и свободное народное правительство, от этих угрожающих бедствий. Похоже, он позволил своему разуму прийти в смятение из-за такого мрачного положения дел, потому что оно было вызвано отказом от божественного права папы регулировать любые чувства и мнения, которые он может счесть входящими в круг его духовной юрисдикции. "Причина всех этих зол, - говорит он, - заключается главным образом в том, что люди презрели и отвергли святую и величественную власть Церкви, которая во имя Бога поставлена над человеческим родом и является мстителем и защитником всякой законной власти"; то есть, что никакая власть вообще, будь то власть правительств, народов или отдельных лиц, не может быть противопоставлена ей как законная. Затем, глядя с этой высокой вершины на возмущенную и бушующую стихию внизу и скорбя из-за того, что его временное господство было утрачено, он перечисляет некоторые из основных причин, которые, по его мнению, угрожают разрушить счастье и благополучие общества. Среди них он выделяет следующие: отмена конституции Церкви законами, действующими "в большинстве стран"; препятствия для "свободного осуществления церковного служения", которые создали эти законы; "необузданная свобода преподавания и публикации всякого рода злодеяний"; лишение Церкви "права", которое он считает неопровержимым, "обучать и воспитывать молодежь"; и, далеко не последнее по величине или важности, кощунственное нарушение Божественного закона путем отмены светской власти папы и имперский суверенитет над итальянским народом.

Это перечисление было явно сделано, как можно понять из слов его биографа, чтобы дать ему возможность более четко указать "католической иерархии" во всех частях света, "на какую цель должно быть в первую очередь направлено их общее рвение"; то есть, чего он ожидает от них, чтобы отвратить мир от этих современных нововведений в папской политике, чтобы она могла вернуться к своему состоянию в средние века, когда папское верховенство поддерживалось ужасным трибуналом инквизиции. То, что он предпочитает тот период с его невежеством и суевериями настоящему, с его развитым просвещением и процветанием, ясно и решительно признается в следующих словах: "Если какой-либо здравомыслящий человек в наши дни сравнит эпоху, в которую мы живем, столь ожесточенно враждебную религии и Церкви Христа, с теми *благословенными веками*, когда Церковь почиталась как мать народов, он наверняка обнаружит, что общество наших дней, столь потрясенное революциями и разрушительными потрясениями, прямо и быстро движется к своей гибели; в то время как общество, столь общество прежних эпох, когда оно было наиболее послушным правлению Церкви и ее законам, было украшено самыми благородными учреждениями и наслаждалось спокойствием, богатством и процветанием".[195]

Это странное увлечение, которому можно предаваться в девятнадцатом веке, когда человеческая энергия напрягается до предела, чтобы придать большую скорость машине прогресса и опередить все предыдущие эпохи в обуздании амбиций временных монархов. Требуется лишь небольшое исследование, чтобы узнать, что "благословенные века", на которые ссылается Лев XIII и которым он отдает такое заметное предпочтение перед нынешним периодом, особенно отличались невежеством и суевериями толпы. История полна свидетельств этого. Мейтленд, которого высоко ценят и часто цитируют папские писатели из— за его критики историка Робертсона, говорит, что "церковники были людьми читающими и пишущими";[196] но не претендует на то, что так было в случае с крестьянами или простыми людьми, как называлась основная масса населения. Нет ничего более достоверного, чем то, что им не было предоставлено никаких возможностей для обучения и что их держали на обычном уровне невежества, чтобы легче примирить их с подчинением. Об этом свидетельствует картина общества, нарисованная всеми ранними хронистами, особенно Фруассаром и Монстреле, а также более современными историками Халламом, Робертсоном и Берингтоном. Ученые и литераторы принадлежали к "высшим классам", только для них были созданы колледжи и школы. Людей, как таковых, оставили необразованными, чтобы сделать их пассивно послушными авторитету Церкви и государства, которые были объединены узами, которые они были бессильны разорвать. Их заставляли — с немногим меньшей суровостью, чем к пленникам фараонов, строивших пирамиды, храм в Карнаке и другие египетские памятники, — служить надсмотрщиками при возведении великолепных дворцов, соборов и церквей, предназначенных для показа теми, чье тщеславие и гордость заставляли их не обращать внимания на тот факт, что они были продуктом неоплачиваемого труда и не содержали каменных или мраморных блоков, не запятнанных слезами, потом и кровью бесчисленных униженных жертв. Но все эти безответные жертвы были невежественны, а потому послушны— послушны, а потому счастливы! Но Лев XIII, ликуя от этого размышления, наставляет современные нации в том, что проклятие Божье лежит на их прогрессивном развитии, и что он, во имя Христа и вместо него, божественно уполномочен вернуть их к тем "благословенным векам", потому что, если они этого не сделают, "они должны будут, развращая умы и сердца, самой своей тяжестью втягивать народы во все преступления, разрушать всякий порядок и, в конце концов, довести состояние и мир содружества до крайнего и неминуемого разрушения".

Чтобы избежать этих ужасных последствий и спасти современное общество от незаживающих ран, которые оно нанесло само себе, он объявляет о своей папской цели в следующих словах: "Мы заявляем, что никогда не перестанем бороться за полное подчинение нашей власти, за устранение всех препятствий, воздвигнутых на пути нашего полного и свободного осуществления нашего служения и власти, и за наше восстановление к тому состоянию вещей, в которое предусмотрительный замысел Божественной Мудрости некогда поставил римского понтифика". Проинструктировав таким образом всех верующих, что всему, что запрещает им приобретать всю силу и авторитетность, которыми "ранее" обладали папы, следует сопротивляться и устранять с пути, будь то конституции, законы или обычаи, он заявляет им в качестве поощрения, что у мира не будет покоя, пока это не будет достигнуто; "не только потому, что гражданский суверенитет необходим для защиты и сохранения полной свободы духовной власти, но и потому, что, более того — что само по себе очевидно — всякий раз, когда встает вопрос о светском княжестве Святого Престола, интересы общественного блага превыше всего". и речь идет о спасении всего человеческого общества". Его энтузиазм всегда возрастает, а красноречие стиля становится пленительным, когда его разум демонстрирует свою мощь при размышлении о том "временном суверенитете", с помощью которого, как он надеется, он и его преемники приведут все человечество в пределы папской юрисдикции, так что у них не будет забот ни об этой, ни о высшей жизни, кроме того, что связано с обязанностью пассивного и не требующего повиновения. Именно тогда, когда этот энтузиазм полностью овладевает им, он пользуется случаем, чтобы дать слово повеления своей церковной армии во всех частях света; например, когда он говорит им, что они должны проявить свое "священническое рвение и пастырскую бдительность в разжигании в душах вашего [их] народа любви к нашей святой религии, чтобы они могли таким образом стать более тесно и сердечно привязанными к этому престолу истины и справедливости, принять все его учения с глубочайшим согласием ума и воли и без колебаний отвергнуть все мнения, даже самые распространенные, которые противоречат нашей религии". они знают, что находятся в оппозиции к доктринам Церкви".

Эта инструкция достаточно всеобъемлюща, чтобы охватить всех, как священников, так и мирян. Достоинством его является простота, требующая только повиновения папе, полного "согласия ума и воли" со всеми доктринами, которые он объявит, и отказа от "всех мнений", противоположных им; независимо от того, предполагает ли их подчинение неповиновение конституциям и законам, по которым они могут жить. Он также переходит к частностям и предписывает линию поведения всем своим подчиненным — подобно главнокомандующему, разрабатывающему план военной кампании. Они должны получить контроль над образованием, чтобы "сеять семена распространяемых небесных доктрин", чтобы спасти "особенно молодежь" от губительного влияния государственных и общественных школ, где, согласно его учению, метод образования "затуманивает их интеллект и развращает их мораль". Они обязаны обучать своих учеников "в соответствии с католической верой, особенно в том, что касается философии мышления", как учили Фома Аквинский и "другие учителя христианской мудрости". Они должны вести истребляющую войну с "нечестивыми законами", разрешающими гражданские браки, потому что те, кто соединился таким образом, "оскверняя святое достоинство брака, жили в законном сожителстве вместо христианского супружества". И, наконец, что не менее важно, все должны быть проинструктированы о неперемнной обязанности "повиноваться своим начальникам".[197]

Но Лев XIII не удовлетворился этими четкими признаниями своих папских мнений и целей. Он предпочел подчеркнуть их другими официальными методами. После смерти кардинала Франчи, своего государственного секретаря, он назначил на это место кардинала Нину. Невозможно решить, считал ли он последнего недостаточно осведомленным в отношении его мнений или воспользовался случаем, чтобы заново и более четко изложить принципы своей папской политики; но независимо от того, одно это или другое, он направил ему официальное сообщение, в котором эти принципы были изложены с совершенной отчетливостью. Все еще размышляя об "очень серьезной опасности для общества из-за постоянно растущих беспорядков, с которыми мы сталкиваемся со всех сторон", и об "интеллектуальном и моральном разложении, которое вызывает отвращение у общества" вследствие того, что оно утратило верность мирской власти папы римского, он выдвигает на первый план среди существующих зол отделение Церкви от государства — именно то положение вещей, которое существует в Соединенных Штатах более отчетливо, чем где-либо в цивилизованном мире. По этому вопросу, который затрагивает так много абсолютно фундаментального в свободном народном правлении, он говорит: "Главной причиной этого великого морального краха было открыто провозглашенное отделение и попытка отступничества общества наших дней от Христа и Его Церкви, которая одна обладает всей властью исправить все зло общества". И, ссылаясь на то, каким образом папа был "лишен" своей светской власти, он призвал его "учитывать, что католики в разных штатах никогда не смогут чувствовать себя спокойно, пока их верховный понтифик, высший учитель их веры, умеритель их совести, в полной мере не воспользуется истинной свободой и реальной независимостью"; то есть ожидается, что римские католики повсюду окажут немедленную и активную помощь в восстановлении светской власти, чтобы "прогресс, достигнутый ересью", мог быть остановлен, а "неортодоксальные храмы и церкви" могли быть уничтожены. школы" должны быть уничтожены.[198]

Во всем этом или в чем—либо официально сделанном Львом XIII нет ничего такого, что могло бы хоть в малейшей степени умалить оценку, которой он заслуживает со стороны всех, кто ценит честное поведение и последовательное соблюдение христианской добродетели, — как бы искренне это ни отвергалось либеральными умами. Этим его жизнь была в высшей степени отмечена, и когда наступит ее конец — опасения по поводу которого высказываются при написании этих слов, — он вполне заслужит высокую нишу в папском мавзолее среди величайших и лучших понтификов. Если бы его мнения и высказывания оценивались только с точки зрения его личной честности и личных добродетелей, сила любой критики в их адрес была бы существенно уменьшена. Но они принадлежат к папской системе, которую он представляет, и являются ее неотъемлемой частью, и связаны необходимостью своего положения противостоять всему, что противоречит ей. То, что он сказал и так часто повторял, эхом отдается от могил тех его предшественников, которые вели свои битвы с либерализмом и прогрессом, когда силы, защищавшие их, были слабы, а папство - сильно. Он не мог разорвать ни единой нити в опутывающей его сети, как бы страстно он этого ни желал, и, следовательно, вынужден был продолжать битву, которую вели его предшественники, до тех пор, пока не будет одержана окончательная победа или флаг временной власти не исчезнет из виду навсегда. Его задача с каждым днем становится все труднее и труднее; ибо сейчас прогрессивные силы становятся сильнее, в то время как полномочия папства, ослабленные потерей светского суверенитета, неуклонно ослабевают. Он борется с патриотическими чувствами человечества, как сильный человек борется с волнами бурного моря. Хотя свету современного прогресса не позволено проникать за стены Ватикана, и он заперт за непроницаемыми экранами специально

для того, чтобы не впускать его, он, тем не менее, должен знать, что те, чьему процветанию и продвижению он способствовал, не желают мириться с его исчезновением или молча наблюдать, когда это пытаются сделать. В то время как его обвинения в адрес гражданских институтов, выросших в круге этого света, вполне могут быть отнесены к папской системе, которую он официально представляет, он выразил свое желание их свержения в таких выражениях порицания, что вызывает подозрение, что им движет бескомпромиссный и непримиримый дух. Все, что он показал по этому поводу, по праву может быть отнесено к его иезуитскому воспитанию. Будучи отдан под опеку этого интригующего и вкрадчивого общества до того, как его мнения созрели, и пока его юный ум был неспособен распознать их софистику или хитрость, они смогли придать ему форму в соответствии со своими целями, подобно тому, как размягченный воск отпечатывается любой печатью. Любое разумное исследование его папской политики, в той мере, в какой оно затрагивает отношения папства к существующим гражданским правительствам, продемонстрирует это всем, чьи способности не были принижены той же системой образования и опеки. Мы каждый день видим в мире природы убедительные доказательства того, что "как ветка согнута, так и дерево наклонено".

СНОСКИ:

[191] Американская энциклопедия Эпплтона. 1877. Страницы с 677 по 681.

[192] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страница 299.

[193] О'Рейли, стр. 52-53.

[194] О'Рейли, стр. 328.

[195] О'Рейли, стр. 333.

[196] Темные века. Автор: Мейтленд. Страница 461.

[197] О'Рейли, стр. 329-341.

[198] О'Рейли, стр. 344-350.

ГЛАВА XIX.

НЫНЕШНЯЯ ПОЗИЦИЯ ПАПСТВА.

Мнения и высказывания папы относительно религиозного долга рассматриваются, по крайней мере, его армией священнослужителей, как приказы, которым следует повиноваться под угрозой папского порицания. Среди них ученый биограф Льва XIII является ярким примером. Он не только демонстрирует свое собственное рвение во имя восстановления светской власти вопреки выраженной воле итальянского народа, но и осмеливается говорить от имени всего римско-католического населения Соединенных Штатов. С неослабевающим красноречием он говорит: "Ибо мы, католики со всех концов света, стекаясь к могиле святых апостолов и в дом нашего общего отца, несем с собой на нашу родину память об унижении, которому он подвергается, об ограничениях, наложенных на его свободу, о грубости и оскорблениях,

нанесенных нам самим; и мы решаем, что настанет день, когда папа снова станет сувереном Рима". И, обращаясь со своим призывом к нашему протестантскому народу, он продолжает: "Разве даже в нашей собственной великой Республике чутье американцев, инстинктивная любовь к справедливости и страсть к свободе совести не заставят вскоре осознать, что самые дорогие религиозные права миллионов наших католиков, самые дорогие интересы цивилизации среди язычников требуют, чтобы папа, великая международная миротворческая сила мира, был сувереном в городе, где он правил одиннадцать столетий?"[199]

Этот призыв превосходит по экстравагантности и гиперболе все, что мы привыкли слышать: он представлял бы собой замечательную выставку словесной живописи, если бы его цитировали из рostrума. Мы, в Соединенных Штатах, сделали терпимость ко всем формам религиозных верований фундаментальным принципом наших гражданских институтов, и нынешнее конституционное правительство Италии, отменив светскую власть папы римского, по нашему примеру сделало то же самое. Когда, до этого, в Риме существовала религиозная терпимость? Какой папа когда-либо санкционировал это папским указом или признал протестантизм достойным чего-либо более высокого, чем его самые яростные анафемы? Пусть миллионы преследуемых жертв папской мести и инквизиции — альбигойцы, вальденсы, гугеноты и нидерландцы - ответят из своих могил. И все же к американскому народу обращаются, поскольку он поддерживает "свободу совести" как неотъемлемую часть своего национального существования, с призывом составить заговор против нынешнего правительства Италии, созданного итальянским народом для себя, с целью восстановления мирской власти папы римского, чтобы он мог снова обладать полномочиями осуждать ту же самую свободу совести как ересь, чтобы добиться объединения религиозной веры во всем мире! Мы приписываем наше чудесное продвижение, не имеющее аналогов среди наций, в значительной степени отделению Церкви от государства. Но Лев XIII сказал нам, что из-за этого мы находимся в быстром упадке; и что, если мы не воссоединимся со Святым Престолом Рима и не будем повиноваться ему и его преемникам, заняв место Христа на земле, наша окончательная гибель неизбежна. Что имеет в виду этот преподобный биограф, когда призывает на помощь наш дух терпимости, чтобы восстановить власть, которая на протяжении веков использовалась в интересах религиозной нетерпимости? Являются ли последователи папы единственными людьми в мире, имеющими право на свободу совести? Она полностью обеспечена им и всем остальным в Соединенных Штатах, а также в Италии. Тем не менее, перед лицом этого, нас приглашают помочь в восстановлении светской власти папы в Риме, чтобы он мог получить полномочия повернуть современные нации вспять от их нынешнего прогресса к "благословенному" Средневековью и, таким образом, обеспечить окончательную победу духу религиозной нетерпимости! Могут ли те, кто виновен в таких несоответствиях, быть серьезными? Или их серьезность просто имитируется как средство достижения цели?

Какое отношение мы имеем к папе римскому как к международному миротворцу? Почему он становится таким, просто надев корону временного короля в Риме? Есть только один ответ, который, несомненно, присутствовал в голове его преподобного биографа; это потому, что посредством своей императорской власти главы Церкви он может распространять свою духовную юрисдикцию и господство на такие мирские дела в любой части мира, которые относятся к духовным вопросам, как он по своей собственной воле и усмотрению решит. Чтобы понять это, нам не нужно идти дальше, чем к самому Льву XIII, чья иезуитская подготовка легко просматривается во всех его доктринальных учениях. Его представление о мирской власти,

которая должна предоставить полную свободу и независимость его духовной власти, таково: где бы среди всех народов он ни счел необходимым вмешиваться в мирские дела и направлять их ход для выполнения своих духовных обязанностей, он может делать это по своему собственному усмотрению; и там, где они препятствуют свободе его папской политики, он должен иметь божественное право сопротивляться или игнорировать любую конституцию, закон или обычай, которые встанут у него на пути. Для ума, подобного его, с его способностями, развитыми под руководством иезуитов и наполненными метафизическими тонкостями аристотелевской философии, софизмами Фомы Аквинского и схоластикой средневековья, это, несомненно, кажется ясным, незатейливым и убедительным в той мере, в какой затрагиваются его духовные отношения с человечеством. Возможно, он полагает, что не ошибся в своих отношениях к Соединенным Штатам и римско-католической части нашего населения. Возможно, это связано с тем фактом, что у него не может быть ничего другого, кроме несовершенного знания нашей формы правления, наших законов и гражданских институтов. Однако его ученый биограф не может прикрыться той же ссылкой на невежество. Как гражданин Соединенных Штатов, он должен знать, что любой заговор, организованный в этой стране с целью защиты восстановления светской власти папы римского вопреки Конституционному правительству Италии и против выраженной воли итальянского народа, нарушил бы наши законы о нейтралитете, а также международное право, был бы оскорбительным для королевства Италия, игнорировал бы наш договор о дружбе с этой державой и стал бы вопиющей причиной войны. Он, похоже, не тронут ни одним из этих соображений и не желает, чтобы папская карета была задержана на своем пути, явно считая их сущими пустяками, когда их взвешивают на весах против триумфа папства над народным правительством. Незнание наших институтов может служить оправданием Льву XIII; но гражданин Соединенных Штатов, будь то коренной житель или натурализованный, должен лучше понимать обязанности гражданства.

Когда "Священный союз", как объяснялось в предыдущей главе, сговорился помешать установлению народного правительства на Американском континенте и в Европе и обеспечить всеобщее торжество монархизма, президент Соединенных Штатов объявил, что, если эти усилия будут распространены на Испаноамериканские штаты, им будет оказано насильственное сопротивление военной мощью нации. До сих пор предполагалось, что это встретило полное одобрение нашего народа, и что это одобрение не было ни отозвано, ни изменено. И все же, несмотря на это, мы сейчас сталкиваемся с предложением — смелым и авторитетным — что часть наших граждан должна объединиться в партию с религиозной санкции с единственной целью навязать итальянскому народу абсолютного временного монарха вопреки его согласию, тем самым свергнув созданное ими Конституционное правительство и поставив Соединенные Штаты на сторону "Священного союза" и в прямую оппозицию народному праву на самоуправление! Мягко говоря, это предложение оскорбляет национальную честь; и, поскольку оно сопровождается утверждением, что оно включает в себя религиозный долг и что все, противоречащее ему, является ересью, оно предполагает, с нашей стороны, обязательствовательно охранять все подходы к нашей народной свободе. Это подвергает дух терпимости суровому испытанию, когда наша "свобода совести" становится убежищем для папских или иных интриг против нас самих; и когда ею пользуются как средством вовлечения нас в союз с папской светской властью, которая в течение тысячи лет своего существования — за исключениями, слишком немногочисленными, чтобы изменить общее правило, — поддерживала абсолютизм монархии как религиозную необходимость и никогда не

прекращала требовать всеобщего духовного суверенитета и владычества. Следует ли забывать, что мы живем в девятнадцатом веке, в авангарде среди передовых наций, и что этот факт налагает на нас обязательства, которыми мы не имеем права пренебрегать или ослушаться?

Его биограф рассказывает об инциденте, в котором Лев XIII указал на властность папства и свои собственные идеи о свободе личности, а также о свободе прессы. Это демонстрирует его позицию отрицания права отдельных лиц придерживаться собственного мнения относительно папства, его прав, обязанностей или прерогатив. Он один среди всего человечества божественно наделен этой властью; и когда его мнение становится известным, "каждое колено преклоняется" в смиренном согласии и покорности. Это та вера, которая преобладала в Средние века и к которой Лев XIII призывает нас вернуться, чтобы спастись от зияющей пропасти, в которую устремляются современные нации в качестве наказания, божественно налагаемого на них за то, что они нечестиво осмелились отделить государство от Церкви! На пике папского империализма это было выражено поговоркой: "Когда Рим заговорил, пусть весь мир замолчит".

Когда прошло чуть больше года понтификата Льва XIII, в Риме собрался "Конгресс католических писателей и журналистов". Сообщается, что они прибыли "из всех стран" с желанием "воспользоваться советом Святого Отца относительно линии поведения, которой должна придерживаться католическая пресса при рассмотрении политико-религиозных вопросов", включая, конечно, восстановление светской власти папы. Хотя, конечно, на конференции могли быть затронуты и другие вопросы, то, к чему она имела самое прямое отношение, было направление, которого должна была придерживаться общественная пресса в отношении этого великого вопроса, который поглощал все остальные; то есть, следует ли принять королевство Италия как свершившийся факт и смириться с потерей светской власти, или же власть прессы должна быть использована для возбуждения вопроса о реставрации и требовать ее как права, установленного богом. Не все присутствующие были едины во мнении. Некоторые "настаивали на примирении с революцией", то есть на том, чтобы не участвовать в предательских заговорах против правительства Италии. Что было сказано ими, мы не в курсе, но, что бы это ни было, папа, должно быть, был сильно разгневан, поскольку рассказывают, что он сделал им "суровый выговор"; другими словами, что он с негодованием отверг их предложение. Это было сделано путем сообщения им, что они вообще не имели права иметь личное мнение по такому вопросу, но были обязаны повиноваться и выполнять его команды, без малейшего вопроса о том, одобряют они их или не одобряют по своей совести; то есть, что им не разрешалось думать самостоятельно, но они были обязаны безоговорочно и безропотно повиноваться ему. Он прямо сказал им, что они "не должны осмеливаться решать от своего имени и своими силами публичные споры высочайшей важности, касающиеся обстоятельств Апостольского престола, и, похоже, не должны иметь мнений, противоречащих тому, чего требуют достоинство и свобода римского понтифика". Причиной, которую он назвал, был полный и абсолютный суверенитет, который светская власть, добавленная к духовной, дает папе над всеми правительствами, народами и мнениями, потому что "на земле нет власти, которая могла бы претендовать на превосходство или равенство с ним в законности права и титула, из которого она возникла".^[200]

Это действительно был "упрек"! Эти авторы для прессы, должно быть, были охвачены ужасом, оказавшись в присутствии такого суверена — такого августейшего и безответственного. Они, несомненно, полагали, что долг перед их собственной совестью и обществом обязывает их

вести себя честно и откровенно со своими покровителями, излагая им те мнения, которых они искренне придерживались, и такие доводы в их поддержку, которые действительно существовали в их собственном сознании. Это законные плоды свободы прессы, о чем свидетельствует тот факт, что в странах, где эта свобода сохраняется, нет класса людей более независимых, чем общественные журналисты, или чьи взгляды на этот счет более ценятся и влиятельны. Не указано, что те, кто собрался в Риме "из всех стран", чтобы обратиться за советом к Льву XIII, принадлежали к другому классу. Нам говорят только, что на их запросы он ответил "суровым упреком" и приказал им "не осмеливаться решать самостоятельно и по своему усмотрению" что-либо, касающееся папства, но использовать свои журналы для донесения до своих читателей мнений, выраженных им самим, таким образом, чтобы не "казалось, что у них есть собственное мнение"!

Здесь сам нынешний папа дает нам практический пример того, что означают папский суверенитет и владычество, то есть сохранение за ним права делать и говорить все, что кажется правильным в его собственных глазах, и отказ в этом всем остальным. Нужно ли кому-нибудь объяснять, является ли это терпимостью или нетерпимостью; означает ли это интеллектуальную свободу или рабство, свободную прессу или намордник? Эта абсолютная цензура в прессе должна была стать универсальной; не только потому, что, по его мнению, то, что он делает и говорит, должно быть таковым в силу универсальности его духовной власти, но и потому, что он обращался к общественным журналистам "из всех стран", которые, как ожидалось, должны были увозить с собой домой его папские повеления и повиноваться им. Несомненно, он намеревался провозгласить общий принцип, одинаково применимый везде и ко всем — будь то в Европе или Америке, — так что, где бы перо верующих ни использовалось для донесения информации до общественности, "принимая во внимание обстоятельства" и состояние папства, существует только одно возможное законное применение, к которому оно может быть применено; а именно, объявлять то, что папа делает как безошибочно правильное, и то, что он говорит как безошибочно истинное — осуждая все остальное. Тот, кто использует его, не должен "предполагать, что решает" что-либо или какой-либо вопрос для себя, или взывать к собственной совести, чтобы удостовериться в ее убеждениях, или "делать вид, что у него есть собственное мнение"; но должен считать себя окруженным египетской тьмой, пока луч света не пробьется к нему из Рима. До тех пор он должен оставаться глухим к любым просьбам о предоставлении информации и "подобно ягненку, неметь перед стригущим его". Это, несомненно, дало бы папе свободу, к которой он стремится, но это поработило бы всех остальных, попавших в круг его духовной юрисдикции.

Что не может ускользнуть от внимания в этих мнениях папы, так это степень, в которой он придерживается доктрины папской непогрешимости. По общему признанию основной массы христиан, принимающих учение Римской церкви, это учение считается применимым только к вопросам, касающимся религиозной веры, а не к фактам. Они отличаются от иезуитов, которые настаивают на том, что оно включает в себя как веру, так и факты; то есть все духовное по своей природе, а также такие временные явления, которые относятся к духовному. Лев XIII придерживается иезуитской позиции, поскольку факты неизбежно смешивались бы с верой в политико-религиозные вопросы, представленные ему Конгрессом редакторов и писателей. Поэтому, когда он приказывает, чтобы все, что он будет делать и говорить относительно восстановления светской власти и интересов папства, принималось как безошибочно правильное, не подлежащее никем сомнению, он убедительно демонстрирует эффект своего раннего иезуитского образования и выучки. И поскольку он ожидает, что все римские католики

примут это учение как необходимую часть своей веры, особенно важно, чтобы народ Соединенных Штатов понимал, в какой степени он ожидает, что оно будет распространено везде, куда достигнет его духовный авторитет. Нам ясно и недвусмысленно сказано, что это включает в себя "политико-религиозные вопросы", и это подтверждается им самим в инциденте, рассказанном его биографом. Сами иезуиты не могли сказать больше и стараются не сказать меньше в своем определении папской непогрешимости, опасаясь, что некоторые пытливые умы могут обнаружить лазейки в доктрине, через которые могут ускользнуть индивидуальные мнения, и таким образом одобрить свободу мысли, слова и печати, а также формы народного правления, которые на них основаны.

Папа не желает, чтобы его неправильно поняли, и поэтому прилагает все усилия, чтобы не оставить ни малейших сомнений относительно его мнения по важному вопросу о праве народа создавать и поддерживать правительство, отделенное от Церкви и независимое от Нее, — как это было сделано народом Соединенных Штатов, когда они формировали свое правительство, основанное на их собственной воле. Он хорошо знает, что все правительства такого характера были результатом и являются плодами Реформации, и поэтому, когда он счел необходимым направить письмо архиепископу Кельна, касающееся событий в Германии, он осудил их как "социалистические", или, другими словами, как угрожающие миру и счастью общества. Чтобы его не ввели в заблуждение относительно характера и форм правления, которые он намеревался осудить исходя из этого характера, он определил "шестнадцатый век" как период, когда были посеяны семена, из которых они выросли, хорошо зная, как и все разумные люди, что тогда право народа управлять собой с помощью законов, отражающих его волю. Этот период особенно ненавистен ему из-за предвещаемых им результатов и потому, что он видит в нем зародыши тех мер государственной политики, которые приобрели такой рост и силу — что подорвали светскую власть папы, без которой мир кажется ему отданным во власть зла. Намереваясь поэтому показать — что, очевидно, является постоянной целью его разума, — что он считает источником бед, которые угрожают погубить современное общество, он воспользовался случаем из своего епископского письма архиепископу Кельна, чтобы сказать: "Следовательно, нечестивая вещь, о которой не мечтали даже древние язычники, государства были созданы без какого-либо отношения к Богу или установленному им порядку. Это было дано как указание истины, что общественная власть не исходит от Бога ни по своему происхождению, ни по своему величию, ни по своей власти повелевать — все это, напротив, исходит от толпы; и что *люди*, считая себя свободными от всех божественных санкций, *соглашались только на то, чтобы ими управляли по тем законам, которые они сами выбрали для принятия*". И, доводя эти мнения до их логических следствий, он рисует состояние, в которое было ввергнуто общество такими институтами, которые люди создали для себя, отделив Церковь от государства — как в Соединенных Штатах. Таким образом, он рисует печальную и прискорбную картину: "Распространяя такие доктрины повсюду, повсюду зародилась такая необузданная распущенность мыслей и действий, что неудивительно, что люди низших классов, испытывающие отвращение к своим убогим домам и унылым мастерским, преисполнены непомерного желания напасть на дома и судьбу богатых; неудивительно, что спокойствие изгнано из всей общественной и частной жизни и что человеческий род, кажется, стремительно движется к гибели".^[201]

Созерцая картину современного процветания и прогресса — то, что можно найти главным образом, если не только, там, где монархи лишены власти или их руки связаны конституционными ограничениями и охраной, — он не представляет себе ничего, кроме

"необузданной распущенности мыслей и действий" — ничего, кроме запустения, разложения, разорения, смерти! Таким образом, он объясняет свое стремление вернуть светскую власть, которую итальянский народ отнял у Пия IX, чтобы, получив полную свободу для себя как духовного и светского монарха, он мог рассеять свои церковные силы по всему миру и так реформировать его, чтобы полностью избавиться от "нечестивой вещи", называемой народным правительством, и научить людей, что, взяв на себя право устанавливать свои собственные законы, они достигли границ пропасти, из которой только папская рука может их спасти. Следует ли принимать эти высказывания Льва XIII как безошибочно верные, как он требовал от них, которые он сделал публичным журналистам, которые проделали весь путь до Рима, чтобы спросить его совета? В обоих случаях речь идет о вопросах политико-религиозного характера, и поскольку он приказал последним не иметь собственного мнения — и, похоже, не иметь такового, — даже иезуитская изобретательность и софистика не могут обнаружить различия между ними. Как в одном, так и в другом случае его смысл ясен и безошибочен — все эти вопросы находятся в пределах его духовной юрисдикции, и что все, что он сказал или может сказать впоследствии относительно них, должно быть принято как выражающее волю Бога. От этого вывода никуда не деться, и он не собирается этого делать; ибо вместо того, чтобы раскрывать его смысл, читая между строк, он ясен, осязаем и отчетлив. Его красноречивый биограф не ошибается в нем. Когда те же вопросы обсуждались им в энциклике и по существу повторялись те же аргументы, этот выдающийся богослов восторженно утверждал, что его высказывания "были подобны второму провозглашению закона, на котором покоятся основы нравственного мира".[202]

Таким образом, ясно и осязаемо представляется, что современные нации сталкиваются с фактом, что папа осудил принятие законов народом, то есть самоуправление, как "нечестивую вещь", которая неизбежно ведет к "необузданной распущенности мыслей и действий" и торопит человечество "вперед, к его гибели", [203] и что, с его собственной санкции и папского одобрения, верующим предписывается уподоблять его повеления по этому и другим родственным предметам обнародованию закона Моисеем на горе! Какой более важный и интересный вопрос мог бы быть поставлен перед современными прогрессивными странами, и особенно перед Соединенными Штатами, чем этот? Это обвинение главному фундаментальному принципу наших гражданских институтов — предложение убрать краеугольный камень, на котором покоится наше национальное здание. Наши отцы сознательно и мудро разделили Церковь и государство, и более чем столетний опыт обеспечил нам уровень процветания, непревзойденный нигде в мире. И все же папа, считая это торжеством зла, государства над Церковью и Велиала над Христом, приглашает нас войти в круг его духовной юрисдикции, чтобы всякий закон народа, противоречащий Каноническому праву Римской Церкви, был вычеркнут из наших сводов законов, а наши конечности скованы цепями, выкованными в папских мастерских. Если бы он мог достичь этого результата, он все равно признал бы наше право управлять такими нашими делами, которые не противоречат интересам и политике Церкви, которой он руководит; но если бы он это сделал, он бы утвердил духовную и божественную власть управлять собой. Он был бы доволен, если бы мы продолжали наши промышленные занятия, сеяли и собирали урожай зерна, строили наши дома и амбары, прокладывали наши дороги и спокойно занимались нашими обычными занятиями. Но он добавит десятину к нашим налогам, откажет в праве гражданского брака, положит конец возведению протестантских церквей, поставит свою папскую ногу на все формы несогласного богослужения и потребует от имени религии, чтобы он был признан как духовный, так и

светский монарх над каждым футом земли, отведенным для использования Римской Церковью, и над каждым приверженцем этой Церкви, насколько этого потребуют ее интересы и нужды. И чтобы убедиться, что все это станет прочным и вечным, он закроет все наши школы и отправит всех наших учителей на произвол судьбы, чтобы умы учеников формировались под влиянием иезуитов - таким же, каким было его собственное, — чтобы *возродился* благословенный период средневековья, а всякая память о Реформации была стерта навсегда.

Биограф папы, чтобы показать свою готовность к той роли, которую ему предстоит сыграть в этой революции в наших делах, пользуется случаем, чтобы в недвусмысленных выражениях дезавуировать доктрину естественного равенства человечества, изложенную в нашей Декларации независимости, — по-видимому, предполагая, что, когда наступит надлежащее время, может найтись какой-нибудь современный папа, который объявит этот бессмертный инструмент недействительным, как Иннокентий III объявил Великую хартию вольностей Англии. Он опровергает это следующими словами: "*Неравенство*, существующее среди людей, живущих в обществе, проистекает из природы и ее Автора, точно так же, как от Него исходит право магистрата управлять, а от подданного - обязанность повиноваться".[204]

Не следует предполагать, что это хорошо звучит в ушах любого американца. Автор пользуется общим мнением о том, что все вещи имеют свой источник в Боге как их создателе, и исходя из этого предполагает, что, поскольку люди по-разному одарены природой интеллектуально и физически, следовательно, по законам природы они политически разделены на высший и низший классы — первые для правления, а вторые для подчинения. Это папская теория общества и правительства; но с точки зрения современного прогресса легко увидеть, что она содержит две капитальные ошибки: она ошибочно принимает социальное неравенство за политическое и увековечивает власть править у одного класса и обязанность повиноваться у другого, не оставляя последнему никаких шансов изменить свое состояние неполноценности и покорности. При этом не учитывается, что то, что люди делают в социальном общении, - это одно и касается только их самих и ближайших партнеров; тогда как то, что они должны делать в гражданском и политическом общении, - это другое и касается сообщества, членами которого они являются. Из того, что они не пользуются социальным равенством в своих отношениях друг с другом, не следует, что они не должны разделять равное политическое равенство, чтобы тем самым способствовать всеобщему благосостоянию. Гораздо разумнее и справедливее противоположное — чтобы восторжествовало гражданское и политическое равенство, чтобы все общество могло быть как можно ближе приведено к общей основе социального равенства; то есть чтобы возможности для достижения равенства были открыты для всех. Это прогрессивная теория государственного управления. Но папская и регрессивная теория, изложенная Львом XIII и его биографом, противоречит этому по той причине, по которой последний утверждает, что Бог и природа установили "*неравенство*", чтобы право высшего класса управлять и обязанность низшего класса подчиняться оставались вечными. Эта ошибочность успешно поддерживалась в Средние века и до тех пор, пока Церковь и государство оставались едины, потому что монархизм обладал достаточной властью, чтобы позволить правящему классу держать толпу в подчинении. Но поскольку пример Христа во время его человеческой жизни продемонстрировал, что люди могут вести благочестивую и христианскую жизнь независимо от характера правящих ими правительств; что фактически гражданские правительства не могут иметь законной власти над внутренними религиозными убеждениями, — влияние этого примера открыло через Реформацию путь к такому просвещению, которое указало на необходимость возвращения к первоначальному

христианству, чтобы приспособить сообщества, организованные как государства, к равенству прав при их собственных правительствах во всем, что касается их общего благосостояния. Это равенство не ограничивается только совокупными сообществами, но распространяется на составляющих их индивидов во всех вопросах, не относящихся к благу целого. Среди них, на первый план выдвигаемых гражданскими институтами Соединенных Штатов, является естественное право каждого человека поклоняться Богу так, как диктует его собственная совесть, без вмешательства со стороны кого бы то ни было, чтобы, достигнув просветления, он мог полностью осознать смысл своей собственной личности и тем самым увеличить свою способность вносить свой вклад в общее дело процветания. Опыт показал, что этого нельзя было достичь никаким другим способом, кроме как путем разделения Церкви и государства; и поэтому мы, в этой стране, твердо уверены, что создатели нашего правительства поступили мудро, сделав это, возложив на первых духовную, а на вторых светскую сферу, как это было при жизни Христа и апостолов. Для достижения этой цели стало необходимым, чтобы наша Декларация независимости установила в качестве фундаментального принципа положение о том, что все люди по закону природы имеют право на полное равенство прав, и, хотя наше чувство безопасности может побудить нас с некоторой долей терпения сносить папское порицание этого принципа, ошибаются те, кто утверждает, что нас можно убедить на любых условиях заменить этот принцип принципом, предполагающим гражданское и политическое неравенство, который папство рекомендует нам как единственно соответствующий божественному закону, как его интерпретирует папа.

Когда папа говорит нам, что "необузданная распушенность мыслей и действий" является результатом правления людей, и что таким образом "спокойствие изгоняется из всей общественной и частной жизни", а "человеческий род, кажется, стремительно идет к гибели", он явно позволяет своему рвению превзойти его благоразумие. Это вытекает из его положения, а также из желания вернуть себе светскую власть, утраченную его предшественником. Он упускает из виду тот факт, что наиболее процветающими среди существующих наций являются те, где Церковь и государство были разделены, и цепляется за идею, что он не может примириться с этим процветанием, не нарушив божественного повеления. Одна из причин, по которой он обосновывает эту веру, заключается в том, что "распушенность мыслей и действий", которую он считает результатом развития гражданских институтов, отвечающих воле народа, — там, где Церковь и государство разделены, — возбудила у "низших классов" "непомерное желание посягнуть на дома и состояния богатых". Он, конечно, не хотел, чтобы его поняли как намеревающегося подстрекнуть эти "низшие классы" к анархии; но тщательное размышление позволило бы ему увидеть, что, объявив им, что те, кто отделил Церковь от государства и создал народные правительства, согрешили, нарушив божественный закон, он предоставил этим "низшим классам", послушным его учению, аргумент, которым многие из них с готовностью оправдали бы себя за то, что бросились "на дома и состояния богатых". Если неподчинение папским указам является ересью, как заявляли множество пап и священнослужителей; если ересь может быть законно подавлена путем истребления еретиков, как наставлял верующих Иннокентий III, и как постановил Констанцкий собор; если на разногласиях с верой Римской Церкви лежит проклятие Божье, как утверждал сам Лев XIII, то есть те из этих "низших классов", готовые стать мстителями за божественный гнев, обрушиваясь "на дома и состояния богатых" под предлогом того, что они могут быть уничтожены. они несправедливо лишены своей законной доли собственности, которую Бог предназначил для общего пользования человечеством. Говорят, что недалеко от Рима есть бандиты, которые после поимки своих жертв

крестятся перед образом Марии; и хотя Лев XIII не испытывает к ним сочувствия и с готовностью помог бы наказать их как преступников, все же в более спокойные моменты он не может не понимать, что, когда он выражает "неудивление" их преступным действиям, потому что они совершаются против тех, кто виновен в "необузданной распущенности" и грехе ереси, он предлагает им предлог, которым они не замедлят воспользоваться. Очевидно, что он сам позволил себе — как и многим другим добрым и христианским людям — зайти слишком далеко.

Опасность заключается в чрезмерности, в которую папа и другие, стремящиеся к восстановлению его светской власти, впадают из-за особых условий, окружающих их. Не может быть никакого отрицания того факта, что это политико-религиозный вопрос, и нет никаких попыток отрицать это. Политически это предполагает превращение папы в короля над итальянским народом не только без его согласия, но и вопреки его протесту. Не может быть вопроса более важного для любого народа, чем этот; ибо он напрямую связан с их правом быть свободными, независимыми и самоуправляющимися. Но это вынуждено принимать религиозный аспект по причине того факта, что папа и его последователи считают необходимой частью божественного плана, что главой Церкви должен быть — независимо от согласия народа Италии или нет — абсолютный временный монарх в Риме. Это они делают неотъемлемой частью религиозной веры, а все, что противоречит ей, еретическим. Следовательно, любые учреждения, признающие право народа издавать свои собственные законы и выбирать своих собственных агентов для их исполнения, подпадают под запрет папства. Это приводит папство к конфликту со всеми современными нациями, которые отделили государство от Церкви; и поскольку папа не может поддерживать папскую теорию, не обвиняя их в нарушении божественного закона, он не может избежать эксцессов, не отказываясь, по-видимому, в какой-то степени от своих притязаний на светскую власть. Эта политико-религиозная позиция прямо нападает на один из фундаментальных принципов нашего правительства, и попытка побудить какую-либо часть нашего населения принять ее как религиозную веру неизбежно настраивает против себя само правительство; ибо, хотя этот вопрос в первую очередь и практически касается только итальянского народа, рост этих настроений в этой стране не может иметь никакой другой тенденции, кроме угрозы окончательному свержению наших народных институтов и права на самоуправление. Перед лицом всего этого биограф Льва XIII, несомненно отражающий его чувства, осмеливается сослаться на нынешнее конституционное правительство Италии следующими словами: *"Оккупация Рима является международным преступлением, которое все католики обязаны осуждать и противодействовать, пока с ним не будет покончено"*.^[205]

Этот язык экспрессивный, прямой, выразительный. В его значении нет ни малейшей неясности; и, имея одобрение папы римского и его американского кардинала вместе с его официальным благословением, оно, несомненно, предназначено для того, чтобы проинструктировать каждого католика в Соединенных Штатах, что он должен относиться к потере светской власти как к международному вопросу; и что все верующие должны объединиться в политико-религиозную партию, чтобы заставить правительство вмешаться для ее восстановления; и не прекращать агитацию, какие бы последствия за этим ни последовали, пока это не будет достигнуто. Это серьезный вопрос — слишком серьезный, чтобы пройти мимо него праздно или невнимательно. Восстановление светской власти папы - это исключительно иностранный вопрос, потому что он включает в себя только вопрос о том, как иностранный народ должен управлять своими

внутренними делами; другими словами, должны ли они управлять сами или им навязан король с абсолютной имперской властью в руках, чтобы управлять ими по своей собственной воле и без их согласия, как управляли их предками в средние века, а также ими самими, пока, подражая примеру, поданному им народом Соединенных Штатов, они не взяли скипетр правления в свои руки в результате патриотической и успешной революции. Правительство Соединенных Штатов не имеет ни права, ни власти вмешиваться, так же как оно не имеет права и власти диктовать, кто будет преемником трона Англии после смерти королевы Виктории или кто будет папой Римским после смерти Льва XIII. Кроме того, из-за отделения Церкви от государства в этой стране не может быть, в силу юридической санкции, никаких политико-религиозных вопросов, которые могли бы волновать нацию и подвергать ее мир опасности. Это в достаточной степени делалось во всем мире до того, как были сформированы наши институты, и, чтобы уберечься от повторения этого здесь, наши отцы должным образом и мудро исключили все подобные вопросы из сферы американской политики. Попытка представить их сейчас может иметь только одно значение — желание расстроить работу, столь мудро проделанную и до сих пор столь патриотически поддерживаемую.

Мы не должны позволять папе или его апологетам вводить нас в заблуждение под предлогом того, что они не намерены вмешиваться в чисто политические вопросы, как они их понимают. Если они обманулись в этом вопросе, нам следует быть осторожными, чтобы не быть обманутыми ими; ибо требуется совсем немного ума, чтобы предвидеть пагубные последствия, которые неизбежно последуют за появлением среди нас политико-религиозных вопросов, особенных, которые имеют тенденцию вовлекать нас в опасную полемику с иностранной и дружественной державой. Это, вне всякого разумного сомнения, привело бы к формированию политико-религиозной партии и вызвало бы огромные и угрожающие волнения. Тогда людям пришлось бы заново решать вопросы, давно решенные, как они полагали, окончательно. Такой спор мог иметь только один конец, который, однако, мог быть достигнут путем беспорядков и раздоров, если не скорби; ибо народ вряд ли решил бы, что он некомпетентен в самоуправлении, или согласился бы с юрисдикцией папы над фундаментальными принципами своего правления, или увидел бы, что его собственная власть настолько сужена, что охватывает только управление местными и второстепенными делами. Если эта битва должна начаться сейчас, то на нее не был приглашен народ Соединенных Штатов. Они удовлетворены фундаментальными принципами своих институтов такими, какие они есть, и ошибутся те, кто попытается превратить свою терпимость в точку опоры, на которую может опираться папский рычаг, чтобы их можно было вернуть в те "благословенные века", когда беспрекословное повиновение папе, по любому вопросу, который он решил охватить в рамках своей духовной юрисдикции, считалось высшим гражданским долгом и единственной дорогой на небеса.

СНОСКИ:

[199] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страницы 365-366.

[200] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страница 368.

[201] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страницы 371-374.

[202] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страница 377.

[203] Предисловие к "Жизни Льва XIII" датировано Римом, где ему был представлен этот труд. Его кардинал-викарий в письме издателям говорит, что оно получило "поощрение, апробацию и

благословение его святейшества" и было подготовлено "на основе подлинных и авторизованных документов с согласия и по указанию лиц, занимающих высокое положение рядом с суверенным понтификом". Оно также получило особое одобрение кардинала Гиббонса. Смотрите Вступительные письма.

[204] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страница 378.

[205] О'Рейли, стр. 471.

ГЛАВА XX.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Нельзя допускать никакой несправедливости по отношению ко Льву XIII. Если его положения официального главы великой Церкви было недостаточно, чтобы защитить его от несправедливости, то это должны были сделать его выдающиеся христианские добродетели. Еще до своего избрания на понтификат он приобрел репутацию выдающегося человека. Он был, несомненно, самым способным защитником исключительных прав папства среди всего корпуса кардиналов; и это отличие было вполне заслуженным. Его аргументы тогда были адресованы главным образом духовенству и были призваны поощрить их в их усилиях по подавлению революционного духа, охватившего римско-католическое население Европы.

Теперь, когда он стал папой, круг его влияния расширился настолько, что он достигает всего тела Римской Церкви через посредство его иерархии и священства; о них с полным правом можно сказать, без намерения оскорбить, что у них нет другой духовной работы, кроме той, которую он им поручает. Чтобы они могли быть пригодны для этого, их лишили всякого участия в обязанностях, связанных с ведением человеческих дел, — всякого участия в активной деятельности общества и всех тех домашних объединениях, которые возбуждают щедрые и добрые эмоции и придают жизни ее величайшее очарование. Следовательно, они сформированы им в компактную организацию, удерживаемую в единстве силой общей цели, с особым намерением нападать в любой части мира на все, что он решит подвергнуть запрету из-за своего папского недовольства. Имея в своем распоряжении такую силу — сплоченно сопротивляющуюся тому, чему он прикажет им сопротивляться, и защищающую то, что он прикажет им защищать, — он представляет собой такую силу в присутствии наций, какой больше нигде нет. Таким образом, охватывая более широкое количество людей и обладая большим потенциальным влиянием, чем любой другой человек в мире, ничто не должно препятствовать нашему обязательству ознакомиться с его нынешними папскими взглядами и целями, а также с образом мыслей, который подготовил его к его нынешнему выдающемуся положению. Нельзя с полным основанием жаловаться на то, что его папские мнения интерпретируются в свете тех, которые ранее высказывались им самим, тем более что его биограф так щедро использовал их, чтобы доказать его пригодность стать потенциальным главой христианского мира.

Будучи кардиналом, он часто пользовался возможностью осудить итальянскую революцию как греховную и поддерживал все меры, направленные на ее подавление. Он помогал Пию IX

своими советами и наставлениями и защищал весь ряд его папских мер, осуждая как ересь любую исповедуемую форму христианства, которая не признавала обязанности повиновения папе как назначенному богом светскому суверену. Он считал все другие Церкви — кроме Римской, нечестиво претенциозными, не имеющими законного права на существование, и, следовательно, находящимися под Божественным гневом. Поскольку он считал единство христианской веры необходимым для единства Церкви, а светское владычество папы абсолютно необходимым для обоих, он тратил большую часть своего времени в качестве кардинала на то, чтобы снабжать духовенство Перуджи аргументами против революции и указывать как на ее духовные, так и на временные последствия. В рамках своей пастырской работы он настаивал на том, что разрушение светской власти папы обязательно и неотвратно приведет к неверию и атеизму, потому что это откроет дверь для терпимости к другим религиям, помимо римской. Это, по его мнению, положило бы начало царствованию "безбожия и распутства" по той причине, что не было промежуточного состояния между повиновением папе как абсолютному светскому монарху, обладающему полной властью над верой и совестью своих подданных, и разрушением общества. Он разделил общество на два класса: одни верны Христу и, следовательно, послушны папе римскому; а другие представляют Велиала, то есть сатану, из-за отказа от этого послушания. По всем этим пунктам его смысл был ясно выражен красноречивым и безупречным стилем.

Хотя он отличается от Пия IX в отношении продолжительности светской власти — устанавливает ее в "одиннадцать столетий", а не в том виде, в каком она была получена при падении Римской империи несколькими сотнями лет ранее, — он, тем не менее, считает ее "божественным учреждением", наделяющим папу "высшей и управляющей властью в спиритуалах". Однако, прежде чем объяснить, что он подразумевает под "спиритуалами", он настаивает на том, что какими бы они ни были, они не могут стать предметом какого-либо человеческого вмешательства или ограничения в какой-либо части мира, но должны быть повсюду полными. В этом пункте его биограф предполагает помочь ему, вставляя между его предложениями в качестве ключа к пониманию его смысла идею о том, что светская власть "некоторым образом воплощена в римском понтифике"; то есть, что каким-то странным таинственным образом она настолько пронизывает папу, что провиденциально становится неотделимой как от его личного, так и от официального существования! Но, по-видимому, не осознавая смехотворности своей смелой гиперболы, он не объясняет, почему та же самая власть не была воплощена в папах до того, как они возложили короны на свои головы после падения Римской империи. Возможно, он воображал, что воплощенный принцип находился в зародыше в первые века существования Церкви и что процесс его развития в абсолютный империализм не был завершен до тех пор, пока мирный союз между восточными и западными христианами не был разорван вторгшимися армиями Пипина и Карла Великого, когда эти монархи передали часть своих королевских прерогатив папам и защитили их военной силой. Какой бы смысл ни был задуман, он явно предназначен для передачи и усиления чувства как части доктринальной веры Церкви, что, поскольку светская власть "поддерживает в их единстве и целостности Церковь и религию", следовательно, она божественна и наделяет папу сверхчеловеческой властью над чувствами, мнениями и поведением человечества. "Кроме того, - сказал Лев XIII, еще будучи кардиналом Печчи, - можно ли понять, что живой толкователь божественного закона и воли должен быть передан под юрисдикцию гражданской власти, которая сама черпает свою силу и авторитет из той же воли и закона?" На этот вопрос он не пытается дать конкретного ответа, но смысл его слов был хорошо понят теми, кому он был адресован, то есть церковниками, чьи умы

формировались в результате того же обучения, что и его собственный. Она заключается в следующем: поскольку власть папы и власть государства проистекают из одного и того же божественного закона, и поскольку только папа является "живым толкователем" этого закона, следовательно, государство должно принять и повиноваться тому, что он провозгласит "голосом Божиим". Продолжая, однако, он обнимает тот же смысл в столь же выразительных выражениях. Счастье в этой жизни он считает единственным средством достижения высшего счастья в будущей жизни, и поэтому папа как "первосвященник" "получил от Христа миссию вести человечество к вечному счастью"; это означает, что нет другой истинной религии, кроме той, которую провозгласил и поддерживает папа; что все другие формы ложны и еретичны; и что те, кто не исповедует ее, в великом и неизвестном будущем будут ввергнуты в кромешную тьму, чтобы вечно рыдать, стенать и скрежетать зубами. И затем, основывая свой вывод на этой гипотезе, он раздражается таким восклицанием: "Посмотрите, тогда, какими разрушительными идеями было бы сделать первосвященника Католической Церкви, римского понтифика, субъектом любой земной власти"; как будто Бог настолько наделил всех пап - даже Александра VI (!) — способностью к непогрешимости, что только им во все века были открыты тайны природы и откровения! Он никогда не позволяет этой идее вселенского папского суверенитета ускользнуть от него, не выразив ее значения таким образом, чтобы показать, что где бы и в какой бы стране он ни утверждал ее, она не может подчиняться никакому другому закону, кроме того, который установит сам папа. Не требуется особого внимания, чтобы увидеть, что он намеревается, когда папа посылает своих церковных представителей в любую часть мира, его инструкции должны быть для них сводом законов, которым они должны подчиняться при любой опасности, хотя может возникнуть необходимость нарушать любые противоречащие друг другу законы, которые могут принять гражданские власти. Если бы народ Соединенных Штатов подчинился этому, с того момента, как он это сделал, он прекратил бы свое существование как независимая нация, и их прогрессирующее процветание увяло бы и умерло под духовной тиранией папского Рима, как другие республики до сих пор увядали и умирали под временной тиранией имперского Рима. И таким образом, этот древний город, который из-за своих беззаконий стал Вавилоном апостольских времен, снова обретет силу восстанавливать безвозмездным трудом памятники на своих семи холмах и ликовать при виде упадка нынешних прогрессивных наций, как это делал ее великий прототип, когда она смотрела на несчастное, но послушное население, которое кишело по долинам Тибра.

Лев XIII излагает свою посылку с такой предполагаемой авторитетностью, что не допускает оспаривания, и логически выводит из нее определенные удовлетворительные выводы, не останавливаясь на том, чтобы выяснить, истинна или ложна сама посылка. В этом отношении он подражает некоторым логикам, которые, похоже, не осознают разницы между предположением и доказательством. Например, он настаивает на том, что Христос основал независимую Церковь и зависимое государство, так что первое не существует во втором, но последнее должно существовать в первом, в его состоянии зависимости. Он упускает из виду тот факт, что государства существовали до Церкви и что вместо того, чтобы вмешиваться в их мирские дела, Христос воздал им должное и признал независимость каждого в его собственной сфере — одной духовной, а другой мирской. Духовное послушание, которого он требовал, заключалось в соблюдении божественного закона с целью содействия духовному благополучию отдельных людей и, следовательно, общества; светское послушание заключалось в обеспечении политических прав гражданина, включая права личности и собственности. Он рассматривал государства не как способные к вознаграждению и наказанию в другой жизни, а просто как

объединенные сообщества, которые могли бы положить им конец, покинув свои территории. Следовательно, он предоставил государство его собственному временному правительству, независимому от Церкви, и не только сам подчинялся его законам, но и возложил обязанность такого же послушания на своих учеников и последователей, то есть отдавать "Кесарю то, что принадлежит кесарю". Он предоставил Церкви равную независимость, чтобы, заботясь о духовном благополучии отдельных людей, повысить временное благосостояние государства и лучше обеспечить общее процветание. И таким образом, если бы мы также отдавали "Богу то, что принадлежит Богу", общее благосостояние государства покоилось бы на более прочных основах.

История за все века, прошедшие со времен Христа, хорошо свидетельствует о характере его плана. Более пятисот лет Церковь и государство действовали независимо друг от друга, не вторгаясь в сферу другого, и христианство прогрессировало до тех пор, пока язычество не исчезло у него на глазах. Когда амбициозные папы вызвали конфликт, который отделил западных христиан от восточных, и приняли корону светского владычества от Пипина и Карла Великого в связи с папской ратификацией измены первого Франции, мир погрузился во тьму и оцепенение Средневековья, и они получили возможность использовать свою силу абсолютного монархизма, чтобы добиться повиновения государства Церкви и инквизиции, чтобы добиться единства религиозной веры. Когда облако народного невежества стало настолько плотным, что его едва можно было пробить, и такие папы, как Александр VI, могли с наглой безнаказанностью утверждать свою непогрешимость и сжигать на кострах тех, кто это отрицал, необходимость реформы стала настолько настоятельной, что период Реформации начался с таким насилием, что папство с помощью иезуитов было бессильно остановить ее. И когда Реформация породила протестантизм и позволила ему достичь кульминации, благодаря влиянию свободной религиозной мысли, в гражданских институтах Соединенных Штатов, либерализующему духу прогресса был придан такой импульс, что монархизм как в Церкви, так и в государстве ускорил бы свой окончательный упадок, если бы Лев XIII не бросил огромную тяжесть своего христианского характера на чашу весов в его пользу и против прогрессивного духа, который привел мир к его нынешнему состоянию процветания и счастья. Те, кто советует нам повернуть назад, от этого процветания и счастья, к средневековью, под предлогом того, что они вызваны триумфом безбожия и распущенности над христианством, являются, мягко говоря, пособниками зла.

Лев XIII рассуждает в узком кругу; или, скорее, в нескольких кругах, приходя всегда к одному и тому же выводу, что всему, что враждебно папству, следует противодействовать до тех пор, пока это не будет устранено. Его духовная власть должна быть настолько всеобъемлющей, насколько он желает ее реализовать, включая любые временные меры, которые он сочтет необходимыми для ее свободного осуществления или в интересах Церкви; и в пределах этого круга его юрисдикция должна быть настолько полной и независимой, чтобы ни правительства, ни сообщества, ни отдельные лица не могли накладывать на нее какие-либо ограничения или нарушать правила и принципы, которые он установит, без ереси. Он всегда откровенен в вопросах, касающихся отношений между папой и правительствами, никогда не упуская из виду идею, что он должен быть абсолютно независим от них; настолько, что, хотя они должны подчиняться ему, когда он сочтет нужным от имени Церкви и религии требовать от них повиновения, он не обязан подчиняться никаким из их законов, которые, по его мнению, противоречат его папским планам или интересам Церкви. "Он должен быть свободен, - говорит он, - беспрепятственно общаться с епископами, суверенами, подданными, чтобы его слово,

орган и выражение божественной воли, могло свободно распространяться по всей земле и быть там канонически провозглашено". Здесь он снова подчеркивает идею о том, что он является единственным толкователем божественной воли, соединяя с ней дополнительную, согласно которой не только епископы, но и монархи и народы повсюду, где бы то ни было, должны признавать и повиноваться ей; ибо послушание обязательно подразумевается, поскольку без этого его повеления не имели бы "свободного хода". Ни одно правительство не должно обладать властью запрещать это, потому что оно действует канонически; то есть его указы, будучи воплощением божественной воли, становятся частью канонического права, которое, таким образом, имея на себе печать божественности, должно быть общепризнанным и соблюдаться, независимо от того, что правительства могут делать или говорить об обратном. Практически это то же самое, как если бы он сказал, что законы всех правительств, касающиеся вопросов, находящихся в пределах его папской юрисдикции, должны уступить место Каноническому праву, потому что они человеческие, а оно божественное.

Есть много способов проиллюстрировать действие этой папской доктрины, которые придут в голову разумным умам; но на данный момент достаточно одного. В Соединенных Штатах мы разделили Церковь и государство и основали наше гражданское правительство на принципе терпимости к различиям религиозной веры. Но папскими указами и Каноническим правом все это объявлено ересью и поставлено под папский запрет. Следовательно, суверенная духовная власть, на которую претендует Лев XIII как папа, дает ему божественное право перед лицом всех наших Конституций, национальных и государственных, предавать анафеме еретическую форму наших институтов и налагать на всех, кто признает повиновение ему, обязательство противостоять этой ереси и искоренять ее, когда это будет целесообразно предпринять. С этим связано также требование дополнительной власти для перестройки нашего правительства таким образом, чтобы объединить Церковь и государство и подчинить последнее первому, положив конец всем религиозным различиям и установив религию папы римского — какой бы она ни была — в качестве национальной религии.

Но кардинал Печчи — ныне Лев XIII — выразил себя по этим пунктам более ясно и выразительно, объяснив причины, по которым папа должен обладать этим необычайным духовным суверенитетом и осуществлять его во всем мире. Это необходимо, сказал он, для того, чтобы папа мог быть уполномочен "не допускать раскола; предотвращать распространение общественных ересей; разрешать религиозные споры; свободно говорить с правителями и народами; посылать нунциев и послов; заключать конкордаты; применять порицания; фактически регулировать совесть двухсот миллионов католиков, рассеянных по всей земле; сохранять незыблемые догмы и мораль; получать апелляции со всех частей христианского мира; судить представленные таким образом причины; обеспечивать исполнение приговоров". произнесено; выполнять, одним словом, все свои обязанности и поддерживать все священные права своего первенства".

Перечислив таким образом эти экстраординарные полномочия папы — каких больше нет нигде в мире, он делает шаг дальше, определяя отношения между папством и теми правительствами и народами, которые лишили или отказались признать существование этих полномочий. При этом он ссылается, в первую очередь, на королевство Италия, которое совершило преступление, заключающееся в упразднении светской власти папы римского и разделении Церкви и государства; и, во вторую очередь, на все другие правительства по всему миру, где союз между Церковью и государством запрещен; то есть там, где были созданы правительства

народа, для него и посредством него. "Итак, вот, - говорит он, - к чему они стремятся, отнимая у папы его светскую власть: они хотят лишить его возможности осуществлять свою духовную власть". Это касается сути вопроса и ясно излагает идею, присутствующую в его уме; то есть, что духовная власть, будучи выше мирской, обязательно включает ее в той степени, которую он сочтет нужным утвердить — ограниченной только его папским усмотрением, — так что последняя должна до такой степени находиться в подчинении у первой и подчиняться ее командам. Например, папа считает своим долгом послать армию священнослужителей во все части мира и требовать от них безоговорочного повиновения себе, чтобы, где бы они ни обнаружили временные законы, запрещающие им выполнять свои духовные функции так, как он их определит, он и они должны быть наделены достаточной духовной властью, позволяющей им не подчиняться этим законам и отменять их, когда это станет целесообразным. Он предполагает, что "каждый католик" — где бы он ни находился — принимает это как часть своей религиозной веры, будучи проинструктирован о том, что папа должен обладать такой властью как над духовными, так и над мирскими людьми, которая сделает его независимым от любого правительства на земле во всех тех вопросах, которые он объявит входящими в его духовную юрисдикцию. Цитируя какую-то малоизвестную "ложу карбонаризма в Италии", чтобы показать, что там, где папа не обладает властью, на которую он претендует, безбожие, неверность и безнравственность должны, по необходимости, преобладать, он заявляет, что "это больше не вопрос политики; это вопрос совести" устранить с пути все препятствия на пути к папскому верховенству, и что каждый христианин должен стоять рядом с папой, чтобы подавить врагов религии, которых он называет теми, кто отнял у папы или отрицает его любая или все вышеперечисленные полномочия.

Он не преминул сделать свое осуждение как можно более всеобъемлющим и огульным, охарактеризовав как "безбожие и либертинизм" прогрессивное развитие современных наций, которое преобладает там, где Церковь и государство разделены. Он придает этот характер всем им, потому что, по его словам, они не верны Христу, или Церкви, или папе римскому. Он осуждает революцию в Италии как "результат заговора, обмана, несправедливости и святотатства" только потому, что она отменила светскую власть папы без малейшего ущерба для какого-либо единого принципа религиозной веры, который можно проследить до Христа, апостолов или первых христиан. Что казалось ему одним из его прискорбных и наиболее отвратительных последствий, так это потеря власти папой римским вследствие положения, которое ставило духовенство наравне с другими гражданами в отношении гражданских обязанностей и прав и возлагало на них ответственность перед законами штата, точно так же, как это происходит в Соединенных Штатах. Это вопрос, по которому ни папа, ни духовенство не пойдут на компромисс, иначе как по принуждению. Для них нет более вопиющей ереси, чем принуждение духовенства соблюдать любой закон, требующий от них делать то, что папа запрещает как наносящее ущерб Церкви. Право папы требовать от них неподчинения любому такому закону и их право не подчиняться ему - это то, что они называют независимостью, которая, по их мнению, не может быть нарушена без нарушения божественного закона. Они подчиняются этому в Соединенных Штатах и везде, где Церковь и государство разделены, но всегда с неизменной целью обеспечить, в конце концов, полную победу закона Церкви над законом государства. Следовательно, когда в результате революции закон Умбрии поставил духовенство в равные условия с другими гражданами и возложил на него ответственность перед законами государства, как это происходит сейчас в Соединенных Штатах, нынешний глава папского престола осудил это как кощунственное нарушение божественного закона. Является

ли это требование менее "святоотечественным" в Соединенных Штатах, чем в Умбрии? Градусы широты и долготы не меняют значения божественного закона, но разница в условиях может быть причиной притворного согласия в одном случае и открытого протеста в другом.

Он также видел в "распространении пагубных книг, ошибочных доктрин и неортодоксальных учений" еще одну причину папского проклятия, поскольку оно ослабляло власть папы налагать ограничения на свободу прессы, что открыло путь либерализму и сделало короны королей ненадежными. Но то, что он осуждал больше всего и считал источником неисчислимых бед, было тем фактом, что Церковь и государство были разделены, и каждое ограничивалось своей отдельной и независимой сферой. Ссылаясь на закон Умбрии, который требовал от духовенства принять это — как духовенство в Соединенных Штатах обязано принять это, — он сказал: "Им предлагается в качестве основы примирения принять *осужденную и ложную систему отделения Церкви от государства*, которая, будучи эквивалентной отделению государства от Церкви, вынудила бы католическое общество освободиться от всякого религиозного влияния". Он явно намеревался произвести впечатление на умы всех, кто признавал повиновение папе, будь то в Европе, Соединенных Штатах, или где-либо еще, с чувством, что единственная истинная религия в мире требует, чтобы Церковь и государство были объединены, причем последнее подчинялось первому во всем, что касается веры и морали, и что там, где они были разделены, их союз должен быть восстановлен. Таким образом, сделав это священным религиозным долгом "каждого католика" во всем мире, он тем самым поставил себя и готовит их к тому, чтобы поставить, когда наступит надлежащее время, в прямую враждебность принципам, которые преобладают во всех современных либеральных правительствах, включая правительство Соединенных Штатов.^[206]

Во всем этом нет никакой маскировки - ничего двусмысленного. Также нет никаких причин, почему это должно было быть, поскольку эти увещевания были адресованы населению, воспитанному в вере Римской Церкви, веками послушному приказам папы и его духовенства, и в умах которого, как предполагалось, сохранялись такие чувства почтения к папству, которые, если бы к ним энергично апеллировали, побудили бы их требовать восстановления светской власти. Поэтому выдающийся человек среди духовенства — тот, чье красноречие волновало сердца и чьи добродетели были общепризнаны, — был избран защитником папского дела. Если бы не события, которые произошли впоследствии — особенно его избрание на понтификат, — и дух терпимости, который пронизывает наши институты, маловероятно, что они когда-либо достигли бы народа Соединенных Штатов. И даже сейчас, с тех пор как они сделали это в биографии папы римского, едва ли найдется пять человек из каждых ста тысяч нашего населения, которые когда-либо прочтут их, или, если они это сделают, отвернутся от множества своих занятий, чтобы исследовать и просмотреть их достаточно внимательно, чтобы обнаружить их истинный смысл, ясный и справедливый в том виде, в каком он выражен. Благодаря такому расследованию и открытию они увидели бы, что Лев XIII считает следующие положения безвозвратно установленными как религиозные догмы: что Бог предоставил итальянскому народу форму гражданского правления, подчиняющуюся абсолютному владычеству папы, как единственную, которую можно религиозно терпеть; что революция, направленная на отмену этого закона и установление на его месте популярной и конституционной формы правления, нарушает закон Божий и является ересью; что самоуправление народа - это мерзость, которая никогда не сможет получить санкции и одобрения папства; и что народ Италии, в свою очередь, не может принять закон Божий. чтобы оставаться верными Церкви, они должны вечно оставаться послушными подданными этого

имперского абсолютизма, какими бы жестокими ни стали его притеснения, или как бы сильно они ни желали избавить от него себя и своих детей. И следует заметить, что состояние Италии, бунтующей против мирского абсолютизма папы, служит ему иллюстрацией принципа, лежащего в основе всех его рассуждений; что, поскольку Бог управляет миром справедливо и предоставил этот имперский абсолютизм для этой цели, а папа должен руководить всем духовным и любыми мирскими делами, которые связаны со спиритуалами, следовательно, все другие формы правления основаны на "безбожии и распутстве", особенно такими, которые делают все население источником гражданской власти.

Честность Льва XIII никем не ставится под сомнение. Но его можно было бы заподозрить в неискренности, если бы он лично имел возможность сравнить нынешнее улучшенное положение народа Соединенных Штатов, достигнутое немногим более чем за столетие, с положением народов, которые на протяжении более чем тысячи двенадцати столетий были вынуждены подчиняться власти и духовному владычеству папства. Во всяком случае, умам, находящимся под влиянием свободного народного правления, трудно оценить силу или достоинства его аргументов, когда он пытается сделать мирскую власть необходимой для духовной власти и утверждает божественное право поддерживать ее, когда обладает, и обязанность приобретать ее, когда не обладает, как одинаково необходимые части религиозной веры. Тот факт, что итальянский народ—иначе посвящены Римской Церкви—отвергли это учение как *politically* и религии, должны были впечатлены его разум с его хотя и адаптивности к современному состоянию мира, отличается, как это ни какого прогресса и стремление к нему у всех народов. И все же, вместо того, чтобы прийти к какому—то соглашению с этим прогрессивным духом среди итальянцев, которому требовалось лишь смириться с потерей светской власти, он был вынужден объединенным обещанием Коллегии кардиналов во время его избрания продолжать протестную и агрессивную политику своего непосредственного предшественника. И поскольку он не мог повернуть назад, не отказавшись полностью от мирской власти, он также был вынужден определить степень, в которой эта власть, в случае восстановления, должна быть признана как вопрос религиозной веры за пределами Рима и государств Церкви. Без этого верующим оставалось бы предполагать, что реставрация была задумана только для того, чтобы навязать народу Италии абсолютного временного монарха без его согласия, и, следовательно, никаких религиозных мотивов для этого не существовало. Следовательно, он определил всеобщую веру как то, что с восстановлением светской власти папа снова станет настолько абсолютно суверенным и независимым от всех правительств, что он не сможет "быть передан под юрисдикцию гражданской власти" нигде в мире, так что, что бы он ни приказывал в своей "миссии руководства человечеством", ему должны повиноваться, независимо от того, что какая-либо гражданская власть может утверждать обратное; то есть, что законы каждого государства, вступающие в противоречие с такими религиозными догмами, которые он объявит, должны стать недействительными в той мере, в какой они могут препятствовать мерам, направленным им. Вдаваясь в подробности, он не уклоняется от ответственности заявить, как мы видели, что папа должен обладать властью предотвращать раскол и ересь, что включает в себя средства, необходимые для их подавления; то есть положить конец протестантизму и всему, что он породил. Он один должен решать "религиозные споры" и каждый вопрос, связанный с догмами и моралью, и то, что он решит относительно всего этого, должно направлять совесть всех "верующих" по всему миру. И он должен иметь право "обеспечивать исполнение" любого судебного решения, которое он вынесет, независимо от того, направлено ли оно против

правительств, сообществ или отдельных лиц. Слово "принуждать" - его собственное, очевидно, употребленное с полным пониманием его значения; ибо завершенность его стиля показывает, что у него нет привычки тратить слова впустую или использовать их необдуманно. Он не мог иметь в виду применение силы в качестве основного средства борьбы с ересью, но, вероятно, считает это оправданным, когда обстоятельства делают это необходимым, как в случаях с мятежными и упрямыми еретиками, чье неповиновение папской власти становится вопиющим. Желательно, однако, следовать за ним дальше, чтобы полностью ознакомиться с практическим применением его доктрин, поскольку он сам применял их к положению дел, которое его непосредственно касалось, в борьбе с "безбожием" и революцией.

Когда архиепископы и епископы Умбрии сочли уместным выразить протест правительству Пьемонта против нарушения им папских прав, кардинал Печчи был выбран ими как специально приспособленный для этой деликатной и важной работы. Поскольку население Пьемонта было римско-католическим, и со стороны правительства не было попыток вмешаться в то, что они считали установленной верой Церкви по строго религиозным вопросам, этот протест был в основном направлен на выражение несогласия с законами, которые регулировали отношения духовенства с государством, требуя от них подчиняться государственным законам, как это требуется в Соединенных Штатах и в таких странах, где Церковь и государство разделены. До этого времени они были исключительным и независимым классом, обладавшим привилегиями и прерогативами, которыми не пользовалась основная масса граждан — такими, как освобождение от налогов и от поддержки правительства, — и этот протест был направлен на изменение этих отношений. Существовавшие тогда законы считались нерелигиозным посягательством на свободу духовенства, то есть на их право освобождения от всех государственных обязанностей. Вследствие этого чувства по этому поводу среди духовенства стали очень сильными, как и следовало ожидать после стольких лет распущенности и потворства своим желаниям; и это дало кардиналу Печчи возможность восхитительно продемонстрировать свои интеллектуальные способности и красноречие. Без предисловий он прямо подошел к вопросу в следующих словах: "Это прискорбная ошибка против католической доктрины - делать вид, что Церковь является субъектом какой-либо земной власти и связана той же экономикой и отношениями, которые регулируют гражданское общество. Церковь не является человеческим институтом и не является частью политического здания, хотя ей предназначено способствовать благосостоянию людей, среди которых она живет. Она утверждает, что непосредственно от Бога произошли ее собственное существо, ее устройство и необходимые способности для достижения ее собственного возвышенного предназначения, которое отличается (от предназначения государства) и в целом имеет сверхъестественный порядок. Божественно упорядоченный, со своей собственной иерархией, он по своей природе *независим от государства.*"

Он строит всю надстройку своего аргумента на том основании, что, поскольку конституция и все способности Церкви исходят от Бога, следовательно, она с необходимостью должна иметь "собственную иерархию" и полностью "независима от государства"; то есть духовенство должно быть обязано подчиняться папе и освобождено от всех обязательств подчиняться законам государства, если только они также не будут одобрены папой. Требовать от них такого подчинения государственным законам, согласно этому протесту, "вторгается" в "священную область священства", а также в "права и свободы Церкви", потому что это соблазняет их "уклоняться от должного подчинения своим начальникам", которые управляются только папой и каноническим правом. И, чтобы показать, что Церковь не может мириться с либерализмом в

форме свободы религиозных убеждений или прессы, этот протест выражает сожаление по поводу "распущенности театра и прессы и постоянных ловушек, расставляемых, чтобы удивлять благочестивые души, подрывать веру путем распространения позорных брошюр и неортодоксальных сочинений, а также декламаций фанатичных проповедников нечестия";[207] другими словами, протестантизмом и протестантками.

Кардинал Печчи более прямо говорил о "безбожии и распутстве" современности в великопостной пасторали "о нынешних заблуждениях против религии и христианской жизни". Здесь он выразил жесткую нетерпимость к тем, кто провозглашает, что *"человек свободен в своей собственной совести; он может принять любую религию, которая ему нравится"*; то есть он осудил свободу религиозных убеждений. Он не мог поступить иначе, не вызвав подозрений в своей верности папству. Следовательно, он совершенно ясно изложил свой смысл, чтобы никто из верующих не мог ошибиться в нем, и, несомненно, потому, что свобода совести необходима народному правительству, которое, служа папе, он был вынужден осудить. Тем не менее, он был вынужден признать, что человек создан "свободным и одаренным разумом", но пытался опровергнуть силу признания, настаивая на том, что эта естественная свобода должна быть ограничена, потому что Бог возложил на него обязательства и продиктовал ему законы, которым он обязан подчиняться. Он, однако, не дает никакой свободы действий отдельному человеку и не учитывает его личную совесть, но считает его некомпетентным принимать самостоятельные решения в рамках религиозных законов и пригодным только для подчинения авторитету, то есть Римской церкви и папе, который может в настоящее время председательствовать в ней. Излагая способ, которым Бог обнародовал свои законы для направления и управления индивидуальной совестью, и как он требует, чтобы им повиновались, он настаивает на том, что они только такие, какие провозгласила Римская церковь, и что естественное право человеческого разума на его свободу должно быть ограничено повиновением им, так что единственная разрешенная свобода мысли или совести должна быть той, которая сосредоточена в этом повиновении. Для него любая другая свобода, кроме этой, нарушает божественный закон и является ересью. Но он явно вовлекает себя в абсурдность предположения, что это свобода, которая прямо противоположна ей; ибо не может быть утверждения более очевидной истины, чем то, что человек не обладает свободой мысли или совести, когда принужден силой, которой он бессилен противостоять, менять свое собственное мнение на мнение других. Вполне можно усомниться в том, что мнения, сформированные под диктовку авторитета, на самом деле таковыми являются. Страх перед последствиями может побудить к молчаливому согласию с ними или даже к их признанию; но поскольку законы, управляющие умом и совестью, не имеют никакого влияния на их производство, они являются простыми высказываниями уст, на которые не откликается сердце. Так должно быть с просветленными умами, за исключением случаев, когда ранее существовавшие мнения изменяются силой аргументации и новым просвещением. Папство понимало это и поэтому держало в неведении население, находящееся в сфере его влияния и юрисдикции; и кардинал Печчи, поскольку его ум был ориентирован на общие темы, был неспособен постичь какие-либо другие методы человеческого мышления, кроме тех, которые были привиты ему его иезуитским образованием и которые его официальное положение делало необходимым для него поддерживать.

Полностью подчиненный идее безропотного подчинения авторитету, без какого-либо учета требований индивидуальной совести или подсказок разума, он объявил логический результат своего собственного и папского учения в следующих словах: "На свободную волю человека не

возлагается отказ от него или создание для себя такой формы поклонения и служения, какую ему заблагорассудится оказывать". Не требуется быть образованным человеком, чтобы понять это; это ясно и осязаемо для любого обычного ума. Он не мог бы подобрать слов, более явно осуждающих свободу совести; не мог бы он и более формально обвинить народ Соединенных Штатов в том, что он отстаивал право каждого человека поклоняться Богу так, как диктует его собственная совесть, и сделал это фундаментальным в своих институтах и необходимым для своего существования. По его словам, это ересь, потому что она уводит людей от повиновения папе; и ни один человек не имеет права отказаться от этого повиновения или "создать для себя форму богослужения", которую папа осудит! Он безмерно шокирован идеей, что людям должно быть позволено придерживаться различных религиозных взглядов и выражать их, а также отвергать учение папы римского, которому единственному надлежит безоговорочно повиноваться! На карту было поставлено слишком много репутации, чтобы что-то скрывать в этом вопросе, предоставив это другим в свободных странах, где можно поддерживать видимость терпимости в надежде, что это в конечном итоге проложит путь к папской нетерпимости. Продолжая, следовательно, то же самое неприкрытое осуждение свободы совести, он говорит: "Было бы не только нечестиво, но и чудовищно утверждать, что любая форма богослужения приемлема и безразлична, что человеческая совесть свободна принимать любую форму, какую ей заблагорассудится, и формировать религию по своему вкусу". Нет необходимости комментировать здесь это смелое и вызывающее нападение на наши гражданские институты. Но нелишне заметить, что это должно было бы тронуть румянцем щеки тех в этой стране, кто на одном дыхании заявляет о повиновении папе, произнесшему процитированные здесь слова, а затем бойко рассказывает о своей защите свободы совести, которую он осудил как "нечестивую" и "чудовищную" — как непростительное оскорбление Бога!

Затем он переходит к разговору об отношении государства к образованию молодежи, говоря, что оно "призвано не выполнять этот великий родительский долг, а удерживать прирожденных воспитателей в их работе", позволяя ей "осуществляться под руководством Церкви, хранительницы религиозных доктрин". Это все равно, как если бы он сказал, что государству должно быть запрещено участвовать в воспитательной работе даже в той степени, в какой оно прививает патриотизм своей молодежи, по той причине, что такое государственное воспитание имеет тенденцию заменять любовь к родине верностью папе; и по другой причине, что все образование, которое можно терпеть, должно "осуществляться под руководством Церкви" и ограничиваться исключительно "религиозными доктринами". Он выражает ту же идею более полно, настаивая на том, что все другие виды образования "лишены всех внешних практик и обязанностей христианской веры и рассчитаны на ознакомление молодых людей со "свободой совести" и индифферентизмом"; то есть поощрять их в вере в то, что народная свобода стоит того, чтобы за нее бороться, и что люди более процветают и счастливы, когда ими управляют законы, созданные ими самими, чем те, которые продиктованы амбициями тех, кто утверждает, что только они божественно избраны управлять человечеством. Он не видит в такой религиозной свободе, которую устанавливают наши институты, ничего, кроме "безбожия и распутства", к которым это привело и против которых он упорно стремится заручиться поддержкой всех сторонников папства.^[208]

С точки зрения папы, его аргументы звучат здраво и логично, потому что общее просвещение разума, которое позволяет ему исследовать и понимать причины вещей и делает его компетентным делать собственные выводы, имеет тенденцию создавать уверенность в себе и противодействие деспотическим законам; и, по этим причинам, было ненавистно папам с тех

пор, как они приобрели светскую власть и с ее помощью превратили Церковь в самый мощный инструмент поддержания монархизма. Поэтому изучающий историю приходит к выводу, что папство становилось слабее по мере того, как мир становился все более просвещенным. Но с точки зрения наших свободных институтов, и его позиция, и рассуждения в корне неверны и не имеют оправдания, потому что они посягают на свободу совести, которую наши институты гарантируют каждому человеку, и на нашу систему общего школьного образования, которая более чутко реагирует на общественные настроения и волю, чем любая другая мера нашей государственной политики. Простой и очевидный смысл того, что он сказал, заключается в следующем: если бы ему была предоставлена полная свобода в этой стране диктовать, что должно и что не должно рассматриваться как истинная религия, у нас не было бы ни свободы совести, ни государственных школ. И это, в связи с его последующим возведением на понтификат, представляет сегодня величайшую, если не единственную опасность, которая угрожает нашей свободной, популярной форме правления.

Своим избранием папой Лев XIII занимает должность, отличную от той, которую он занимал в качестве кардинала Печчи. В последнем он защищал папские доктрины и рекомендовал их к строгому соблюдению верующими; в первом он диктует и повелевает, не допуская никакой вольности и не допуская неповиновения. Поэтому совершенно справедливо и необходимо, чтобы мы в этой стране знали, в какой степени религиозные доктрины кардинала воплощены в авторитетном учении папы римского. В этом последнем качестве он, несомненно, льстил себе, как это делал Пий IX, что за его спиной и в его подчинении двести миллионов послушных подданных по всему миру, и, следовательно, воспользовался своим первым консисториальным распоряжением, чтобы подготовить их к подчинению, объявив, что он избран "занять на земле место Князя пасторов, Иисуса Христа!" Он должен был знать, когда эти слова были выведены его папским пером, что Христос никогда не был пастором организованной Церкви с конституцией либо духовного, либо светского правления; что, когда апостолы основали первые Церкви, они были независимы друг от друга; что ни у одной из них никогда не было епископа или пресвитера со светской властью в руках; что эта власть была приобретена только после падения Римской империи, согласно Пию IX, и только несколько сотен лет спустя, согласно ему самому; и что даже тогда она была вырвана у народа с помощью амбициозных монархи и их армии, поддерживаемые фальшивыми "пожертвованиями Константина", псевдодекретами Исидора и другими средствами, давно отвергнутыми во всех частях света, а теперь защищаемыми только самыми лживыми. И все же, имея в своем распоряжении это знание, он странным образом жалуется на то, что "Апостольский престол" был "насильственно лишен своего временного суверенитета" в нарушение божественного закона, делая тем самым вид, что Христос осуществлял и обладал таким суверенитетом, когда был на земле, и что он, как его единственный представитель, является его законным преемником!

Его разум, должно быть, был переполнен радостным возбуждением, когда, дав полную волю своему воображению, он вообразил себя таким образом возвышенным над всеми другими человеческими существами. Но, как и многие другие, предающиеся подобным полетам и "строящие воздушные замки", излишества его фантазии сдерживались убежденностью в том, что мир, наконец, стал практической реальностью в том, что касается его благополучия, и что итальянский народ, который на протяжении многих веков подчинялся папскому владычеству, не позволит ему возложить на свою голову корону мирской власти. По-видимому, опечаленный

этим печальным убеждением, он оказался вынужден объявить своим "достопочтенным братьям" из епископства, что папство было "доведено до состояния, при котором оно никоим образом не может пользоваться полной, свободной и беспрепятственной властью", хорошо зная, что оно не было лишено какой-либо своей духовной власти, за исключением той, которая связана с его правом носить светскую корону и произвольно управлять народом в качестве временного монарха. И затем, воодушевленный надеждой, он возложил на них религиозное обязательство трудиться для восстановления этой утраченной мирской власти, напомнив им, как славно Пий IX служил папству своими усилиями "восстановить епископальную иерархию" в Шотландии, вопреки правительству Англии и религиозным чувствам шотландского народа. Под влиянием этих смешанных эмоций уныния и надежды начался его понтификат. Плоды, которые ему суждено принести, скрыты в недрах времени. То, чего он намерен достичь, насколько это в его силах, цивилизованный мир обязан понимать не из того, что скажет какой-нибудь кардинал, архиепископ, епископ или священник, а так, как он сам решил официально объявить об этом. Согласно папской теории, ни один другой человек на земле, кроме него, не имеет права предписывать ни одного догмата религиозной веры, потому что он один занимает место Христа на земле!

СНОСКИ:

[206] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страницы 200-214.

[207] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страницы с 219 по 222.

[208] Жизнь Льва XIII, стр. 230 - 239.

ГЛАВА XXI.

ВЕРХОВНАЯ ЦЕРКОВЬ.

Во всех энцикликах, изданных Львом XIII, он проявлял беспокойство, которое, как можно справедливо предположить, было вызвано замешательством из-за того, что трудности на пути восстановления светской власти увеличивались, а не уменьшались. В этом нет ничего удивительного, поскольку все способности его разума поглощены размышлениями о средствах достижения этого результата, и его папское влияние не является необходимым для принуждения к признанию какого-либо другого принципа веры. Он слишком умен, чтобы не понимать, что среди мирян Церкви существует сильная тенденция к "либеральному католицизму" — особенно среди тех, кто разделяет преимущества свободного и популярного правления, как в Соединенных Штатах, — и что, если эта тенденция не будет каким-либо образом пресечена официальным осуждением, нынешняя эпоха может разрушить всякую надежду на превращение папы в коронованного короля и оставить его навсегда во владении только духовной властью. Будучи неспособным убедить себя в том, что с этим следует смириться, он неуклонно упорствует в попытках включить все народы в круг своей папской юрисдикции в той мере, в какой это касается вопросов, касающихся веры, морали и дисциплины — как он их определит. Поэтому мы часто видим, как он провозглашает принципы,

которыми должны руководствоваться все римские католики во всем мире в своих отношениях с гражданскими институтами. И, чтобы показать, что он не желает отказываться ни от каких своих притязаний на официальную королевскую власть, он неизменно принимает позу универсального опекуна и, следовательно, использует язык авторитета. Очевидно, что он и сейчас продолжает говорить в том же духе, который до сих пор побуждал его утверждать, "что ложная мудрость или философия, которой следовали последние три столетия, *должна быть отброшена*, и христианская мудрость и философия стали источником образования.... Религия, христианство, католицизм, должны теперь прийти с неизменным светильником своей божественной философии, *вывести общественный порядок из смертельной опасности и вернуть его на старые пути*." [209] По его мнению, средство, очевидно, простое — всего лишь это, и ничего более, — что современный мир вернется "к послушанию Церкви" посредством "послушного принятия учений *единого назначенного богом авторитета на земле*", который сейчас является им самим, а после него будут его преемники. Каким странным увлечением должно быть для такого просвещенного человека, каким, несомненно, является Лев XIII, полагать, что он может так владеть скипетром своей духовной власти над народами, что заставит их "отложить в сторону" свой нынешний прогресс и процветание и вернуться "на старые пути"!

Он не упускает возможности вновь заявить о своих притязаниях на духовную власть над "жизнью, моралью и институтами наций", то есть над их конституциями и законами, вплоть до требования, чтобы они соответствовали "предписаниям христианской мудрости", провозглашенным папским престолом. Те нации, которые сделают это, он признает претендующими на постоянное существование; те, которые этого не делают, обладают только незаконной властью, полученной путем узурпации. "Отбросить" последних — особенно когда они настолько пренебрегли "христианской мудростью и философией", что разделили Церковь и государство, — он, очевидно, считает долгом, возложенным не только на него самого, но и на всех, кто принимает его учение как непогрешимую истину. Следовательно, чтобы обеспечить выполнение этого обязательства — сделать папу, а не народ, суверенным источником гражданской власти во всем, что относится к вере, — как это делает восстановление светской власти, - он поддерживает утверждение, что римские католики повсюду обязаны своим первым долгом перед Церковью, а после этого - верностью государству; то есть они не обязаны подчиняться какому-либо закону государства, который требует от них делать что-либо, наносящее ущерб Церкви. Следовательно, его папское учение сосредоточено на следующем: когда он официально заявляет, что какой-либо закон государства противоречит божественному закону, их главная обязанность - повиноваться ему, хотя, поступая таким образом, они нарушают закон государства. И, чтобы гарантировать это, Он требует, чтобы они повиновались своим епископам, а епископы - ему. Хотя он признает право государств регулировать такие чисто светские дела, которые касаются общих интересов общества, духовная власть, на которую он претендует, над ними достаточна, чтобы позволить ему вмешиваться и регулировать по своему собственному усмотрению такие вопросы, которые находятся в пределах его духовной юрисдикции, как он определит это, потому что "Церковь - владычица всех наций". Из этого суверенитета, который выходит за географические границы наций, как если бы их не существовало, он выводит право Церкви "заботиться о законах, сформулированных в государстве", то есть вмешиваться в политические вопросы, затрагивающие интересы Церкви. И это вмешательство оправдано не только тем, что оно способствует благосостоянию государства, но и потому, что в отсутствие этого государства иногда выходят за рамки своих

справедливых полномочий, посягая на права Церкви — как они это делают, разделяя Церковь и государство и предписывая каждой независимую сферу. Это последнее преступление, по его мнению, непростительно, потому что те, кто его совершает, как это сделал народ Соединенных Штатов, "разрывают на части гражданское и священное государственное устройство, связанные друг с другом по самой своей сути".

Эти религиозные доктрины являются не единственными официальными высказываниями Льва XIII. Они присущи как папской, так и иезуитской системам, ни одна из которых не может существовать без них. Теория иезуитов заключается в том, что никакие законные права не могут быть приобретены в соответствии с какой-либо конституцией или законом, которые нарушают божественный закон, как его интерпретирует папа римский; и что нарушение такой конституции или закона не является ни государственной изменой, ни мятежом, поскольку, будучи недействительными, они не могут налагать справедливого обязательства повиновения. Авторитетное провозглашение этих доктрин в настоящее время и требование подчинения им представляют собой серьезный факт, который должен привлечь всеобщее внимание. По очевидным причинам они требуют этого внимания от народа Соединенных Штатов больше, чем от любых других народов, потому что свобода и терпимость нашего правительства позволяют их обнародовать, несмотря на их явную и прямую тенденцию поощрять предательские заговоры против наших народных институтов. Обращаясь только к нашему времени — к понтификатам Пия IX и Льва XIII, не говоря уже о таких папах, как Григорий VII, Иннокентий III и Бонифаций VIII, — мы обнаруживаем вполне определенную папскую политику осуждения как нарушающую божественный закон этих фундаментальных принципов наших институтов: Отделение Церкви от государства; свобода совести и религиозных убеждений; свобода слова и печати; подчинение священнослужителей законам, как и других граждан; народ как исключительный носитель политической власти; отказ уступить папе потенциальную власть наделять епископов и духовенство исключительным правом распоряжаться церковной собственностью вопреки законам; и последнее, но далеко не по значимости, наша система общего образования в том виде, в каком она преобладает во всех частях страны. Следовательно, человек должен быть глупым, если он не может, и своевольным, если он не хочет видеть, что, согласно религиозным доктринам, провозглашенным Пием IX и Львом XIII — исключая других пап - все эти великие, фундаментальные принципы нашего правительства и все законы, принятые для их сохранения, считаются нечестивыми и, таким образом, нарушающими божественный закон, что им можно справедливо сопротивляться, когда папа сочтет целесообразным так распорядиться. Какой вопрос большего масштаба и важности мог бы привлечь внимание как протестантских, так и римско-католических граждан Соединенных Штатов? Это прямой удар, нанесенный иностранной и чуждой державой по самому основанию наших гражданских институтов. Если это было спровоцировано безразличием протестантов, то они, будучи осведомлены об этом, обязаны по долгу патриотизма осудить это. Если папа действовал только в соответствии с иезуитской теорией о том, что миряне Церкви всего лишь животные и годятся только для пассивного повиновения своим начальникам, которые считают себя их хозяевами, они окажутся недостойными американского гражданства, если не проявят себя достаточно мужественными, чтобы научить папу, что заговор против божественной справедливости был бы большим преступлением против божественной справедливости против правительства, которое они поклялись поддерживать и защищать, чем неповиновение тому, с головы которого их собственные религиозные братья сорвали светскую корону, и который сейчас пытается подтолкнуть их к войне против тех, кто поклялся поддерживать и защищать. те же братья, чтобы

его утраченная корона могла быть восстановлена. Те, кто спрашивает об этом, и все их помощники и подстрекатели, несомненно, были воодушевлены знанием американской и протестантской терпимости, а также желанием низвести наше римско-католическое население до унижительных условий исповедования верности правительству, в то время как, в то же время, они лелеют надежду на его окончательное свержение каким-то таинственным провидением, которое еще не раскрыто. Чтобы указать на почву, на которой может покоиться эта надежда, стране время от времени напоминают о предполагаемом количестве проживающих в ней римско—католиков — от 8 000 000 до 12 000 000 человек, - как будто все они по праву могут быть на стороне папы в войне против самых заветных принципов правительства, точно так же, как раньше считали рабов с плантаций перед отправкой на работу в поле. Насколько далеко им суждено зайти в этом разочаровании, еще предстоит выяснить. Но принято уверенно считать — с уверенностью, действительно, несколько превышающей веру, — что они были введены в заблуждение ложной и обманчивой надеждой превратить множество римских католиков в этой стране в простые бездумные машины, подчиняющиеся, как если бы все они были иезуитами, пассивному и беспрекословному подчинению чуждой власти, которая присваивает себе духовное и исключительное право повернуть "назад на старые пути" все современные прогрессивные нации, как если бы Бог доверил ему одному эту экстраординарную и полную власть над интересами и счастьем всей человеческой семьи. Пока мы терпеливо ждем, что покажет будущее в связи с этими вопросами, протестанты Соединенных Штатов не могут освободиться от обязанности готовиться к любым трудностям, которые возникнут в будущем. Каждый подход к цитадели, которая до сих пор охраняла их конституционные и народные права, должен тщательно охраняться. Они не должны быть равнодушны к медленным и коварным методам приближения к той цитадели, которую изобретательность иезуитов изобрела и продолжает создавать. Не следует также слишком отводить глаза от Льва XIII; ибо если у него тоже нет никаких зловещих целей в отношении наших заветных национальных принципов, то почему, "во имя всех богов сразу", он не предоставляет Соединенным Штатам и другим современным нациям самим вести свои дела без его постоянного вмешательства? Почему он и его церковные представители так непрестанно грохочут в наши уши об ужасных наказаниях, которые ожидают нас за неверие протестантизму, за отделение Церкви от государства, за терпимость к различным религиозным верованиям и за наши "безбожные" обычные школы?

Требуется лишь ограниченный интеллект, чтобы понять, что только иезуиты — а не Церковь — выиграют, если принципы и политика Льва XIII утвердятся. Они увидели бы в таком результате повод для радости, что работа их общества была проделана так хорошо, когда молодой и пластичный ум Иоахима Печчи наложил на них такой неизгладимый отпечаток своих доктрин, что теперь, когда он стал папой в преклонном возрасте, он, кажется, поддерживает в себе жизнь вдохновляющей надеждой успешно использовать их, чтобы остановить современный прогресс и цивилизацию и вернуть народы "на старые пути". Иезуиты уже проявляют признаки ликования, проистекающие, очевидно, из веры в то, что папская благосклонность и покровительство, оказанные им, заставили мир забыть их историю; как они пытались опорочить Церковь своим поведением в Индии, Китае, Парагвае и других местах; как они не подчинялись императивным приказам одних пап и пытались унижить других; как их принуждали к послушанию только самыми суровыми методами порицания; как они были изгнаны из каждой римско-католической страны Европы и из других стран. Рим Пием IX в последние годы его понтификата; как они были подавлены и упразднены одним из лучших пап за преступления, которым нельзя было оправдать; как они оскорбляли и очерняли его имя и память, чтобы

оправдать свой отказ подчиняться авторитетным приказам Церкви; и как их возрождение было оправдано только тем, что они лучше, чем любая другая группа людей в мире, по привычке, образованию и выучке подходили для того, чтобы стать воинами в деле политического абсолютизма.

Но еще более лестную причину удовлетворения иезуитов, несомненно, можно найти в том факте, что Лев XIII, верный своим ранним впечатлениям, возложил на членов этого общества особую обязанность быть воспитателями молодежи и посылает их во все страны мира, и особенно в те, где преобладает протестантизм, с этой конкретной целью, заранее хорошо проинструктированных об обязательстве поддерживать такую систему образования, какую он установил в Перудже, чтобы каждый разум, соблазненный его влиянием, мог прийти к религиозной вере, что Церковь и государство должны быть настолько объединены, чтобы государство могло быть единым. будут подчинены Церкви; что в мире существует только одна форма истинной религии, а все остальное — ересь; и что ни одно правительство не может получить божественного одобрения, которое не признает папу как обладающего суверенной властью диктовать свою политику в той мере, в какой затрагиваются все вопросы, касающиеся веры, морали и дисциплины. Свидетельства этой устоявшейся цели постоянно наваливаются на нас. Едва ли проходит день без новой атаки на нашу систему обычных школ — метод образования, который пользуется всеобщим одобрением в гораздо большей степени, чем любая другая часть нашего общественного устройства. Их называют "безбожными" школами, потому что закон не разрешает им учить тому, что римско-католическая религия абсолютно истинна, а все другие формы религиозных верований ложны и еретичны. Утверждается, что они являются рассадниками порока и безнравственности и что они отправляют молодых мужчин и женщин в мир распространять заблуждения и распутство и сеять семена морального и социального упадка. Время от времени какой-нибудь фанатичный священник — неспособный держать свои страсти в разумных пределах, угрожает членам своей паствы отлучением от церкви за то, что они отправляют своих детей в государственные школы и позволяют им заражаться ложным учением и общаться с протестантскими детьми. Следовательно, американский народ должен решить, будет ли жить их система общих школ или умрет, будет ли изгнан компетентный и выдающийся корпус американских учителей, а двери наших школ широко открыты для иезуитов. Почему протестантская часть нашего населения должна оставаться равнодушной, когда эти оскорбления так нагло бросаются им в лицо? Они сочли мудрым и лучшим для себя и из доброго уважения к своим противникам запретить преподавание любой системы религиозных верований в своих государственных школах или взимание любого налога с этой целью; и для того, чтобы Церковь и государство оставались навечно разделенными, они предусмотрели это запрещение конституционными положениями — как национальными, так и государственными. Следовательно, для иезуита все это "безбожно", и правительство "безбожно" за разделение Церкви и государства, и протестантский народ "безбожен", быстро приближающийся к неизбежной гибели в этой жизни и к страшному наказанию в будущей!

Должно наступить время, когда этот спор, навязанный людям против их воли, прекратится. Наши государственные школы предназначены для обучения американских граждан — тех, кто должен увековечить наши институты после ухода существующих поколений, — и нет ничего удивительного в том, что те, кто сами не достигли полной степени американского гражданства и желают, чтобы этого не делали другие, стремятся их уничтожить. Несмотря на то, что они полностью защищены в праве содержать и управлять своими собственными частными школами

по-своему, без малейшего вмешательства с чьей-либо стороны, они самонадеянно, если не нагло, развязали беспощадную войну против всей нашей системы государственного образования, потому что наши общие школы являются рассадниками патриотизма и поддерживают живую в умах наших детей обязанность повиновения Конституции и правительству такими, какие они есть. Если бы система, которую мы так долго лелеяли, была существенно ослаблена этой пагубной войной, это было бы справедливой причиной серьезной тревоги. Но все происходящее создает противоположную веру, давая уверенность в том, что оно продолжает распространять влияние, быстро достигая самых отдаленных и малоизвестных мест в стране, заставляя сердца людей радоваться победам, которые оно уже одержало над невежеством и пороком, и демонстрируя, что оно обладает установленной властью, достаточной для обеспечения дальнейшего роста и полного триумфа. Тем не менее, всем нам хорошо и важно знать, какое отношение занимает Лев XIII к нашим общим школам и какой тип образования он предлагает установить здесь в противовес тому, которым мы так дорожим. Таким образом, будет ясно видно, что его первой и высшей целью является уничтожение протестантизма путем лишения власти тех, кто беспрекословно ему подчиняется, чтобы они стали американскими гражданами в смысле Конституции Соединенных Штатов. Он ничего не знает ни о природе этого гражданства, ни о тех обязательствах, которые оно налагает. Как иностранец, не знающий нашего языка, Конституции и желаний, его главная цель - создать здесь политико-религиозную партию, единую желанием вернуть ему его утраченную корону в качестве религиозного долга, чтобы, когда он преуспееет в этом, он мог включить всех нас в свою духовную юрисдикцию и поступить с нами соответствующим образом. Достигнув этого, история папства за более чем тысячелетнюю историю доказывает, что следующим шагом было бы рассматривать нашу национальность как фикцию, а наши границы - как просто воображаемые, чтобы вместо нашей нынешней независимости мы были низведены до низшего и покорного ведомства в обширной и универсальной "Священной империи", корона которой покоилась бы на его собственной голове, а после него - на головах его преемников.

Не так давно Лев XIII направил в Соединенные Штаты официального представителя в лице монсеньора. Сатолли, номинально архиепископ Лепанто в Греции. Его называют "делегатом", но ввиду того факта, что он полностью представляет папу, как его второе "я", и что его полномочия настолько полны, что его решения не могут быть обжалованы, более уместно называть его вице-папой. Говорят, что он образованный и благоразумный человек, и, несомненно, верно, что он заслуживает всех тех комплиментов, которыми его обычно одаривали. Однако он недолго пробыл в этой стране, прежде чем обнаружил, что среди римских католиков существуют разногласия в отношении наших общих школ: одни посылают в них своих детей, несмотря на указания своих священников не делать этого, а другие отказываются, потому что считают их "безбожными", то есть неверующими. Это возлагало на него обязанность и необходимость решить вопрос, который до сих пор ставил в тупик самые изобретательные умы, — вопрос, который усложнялся тем фактом, что он включал либо одобрение, либо неодобрение хорошо зарекомендовавших себя и популярных мер государственной политики. Его решение заслуживает рассмотрения и должно быть тщательно изучено, поскольку утверждается, что оно является окончательным решением большой и загадочной проблемы. Изложение этого, которое следует далее, в значительной степени заимствовано из того, что он сделал архиепископам на встрече, проведенной ими в Нью-Йорке.

Он утверждает за "католической церковью" как "обязанность, так и божественное право" преподавать религию "всем народам" и "наставлять молодежь"; то есть "она сохраняет за собой

право преподавать истины веры и законы морали, чтобы воспитывать молодежь в привычках христианской жизни". Тем не менее, "нет ничего противного в том, что они изучают *начальные элементы и высшие отрасли искусств и естественных наук* в государственных школах, контролируемых государством", которое защищает их личность и собственность. "Но, - продолжает он, - католическая церковь уклоняется от тех черт государственных школ, которые противоречат истине христианства и морали"; поэтому он настаивает на том, что как епископы, так и другие лица должны приложить все усилия для устранения этих "предосудительных черт". И он рекомендует, чтобы епископы и гражданские власти согласились "управлять школами с взаимным вниманием и должным учетом их соответствующих прав"; то есть, чтобы школы находились под их совместным контролем, чтобы учителям "светских отделений" было "запрещено оскорблять католическую религию и мораль", а Церкви было разрешено проливать свой "свет", "обучая детей катехизису, чтобы устранить опасность для их веры и морали откуда бы то ни было".

Это было ловко, но неудовлетворительно. Хотя было понятно, что Mgr. Решения Сатолли должны были быть окончательными, это вызвало такое недовольство, что было сочтено необходимым передать дело папе римскому, против мнения которого, когда оно было официально обнародовано, не могло быть никакого протеста. Лев XIII некоторое время обдумывал этот вопрос и получил от американских прелатов аргументы обеих сторон. Однако он пришел к выводу, о котором сообщил кардиналу Гиббонсу в энциклике от 31 мая 1893 года, которая представляет собой одно из последних папских заявлений. Помимо его многочисленных сольных концертов, некоторые из которых не имеют прямого отношения к теме, он явно одобряет решение Mgr. Сатолли, потому что это было одобрено и рекомендовано ему архиепископами на их встрече в Нью-Йорке. Он выражает огромное восхищение народом Соединенных Штатов — особенно его римско-католической частью - и говорит, что послал монсеньора. Сатолли здесь для того, чтобы его "присутствие могло стать, так сказать, постоянным среди верующих благодаря *постоянному* учреждению апостольской делегации в Вашингтоне". Это он, вероятно, рассматривает как предупредительный шаг; ибо, как монсеньор. Сатолли не может иметь никаких официальных отношений с нашим правительством — поскольку Италию представляет министр, назначенный королем, — он может оставаться в качестве "постоянного представительства" в столице страны, чтобы он мог не только наблюдать за ходом событий, но и быть готовым стать полномочным апостольским министром, когда бы при помощи верующих за пределами Италии он ни смог сорвать корону с головы, на которую ее возложил итальянский народ, и надеть ее самостоятельно!

Одобрение монсеньора. Однако к решению Сатолли Лев XIII приложил следующее важное условие: "Что *католические школы должны самым усердным образом поощряться*, и что решение о том, когда законно, а когда незаконно посещать государственные школы, должно быть оставлено на усмотрение *обычных людей*, в зависимости от обстоятельств". Это наиболее важное условие. Во-первых, оно отнимает у родителей право руководить образованием своих детей и передает его в руки рядовых, которые официально представляют папскую власть. Во-вторых, это оставляет папское осуждение все еще лежащим на нашей системе общих школ, и только удаляет его, здесь и там, из тех местных и частных школ, которые ординарии Церкви могут счесть приемлемыми для себя. И, в-третьих, это положительное и безоговорочное подтверждение того, что сказали множество священников, что наши школы "безбожны" и что,

чтобы противодействовать их нерелигиозному влиянию, "католические школы должны быть самым усердным образом поощрены".

Но есть еще одно условие, поставленное Львом XIII, которое не менее важно, чем только что названное. Именно благодаря ему это должно быть изложено его собственными словами. Он говорит: "Как мы уже заявляли в нашем письме от 23 мая прошлого года нашим distinguished братьям, архиепископу и епископу провинции Нью-Йорк, так и мы снова, насколько это необходимо, заявляем, что *постановления, которые Советы Балтимора*, согласно указаниям Святого Престола, приняли в отношении приходских школ, и *все остальное, что было предписано римскими понтификами*, будь то непосредственно или через священные конгрегации, касающиеся того же вопроса, должны неуклонно соблюдаться".

Какими бы полномочиями папа ни намеревался наделить монсеньора. Сатолли — будь то вице-папа или простой легат — несомненно, что он не собирался уменьшать свои собственные. Это пленарные заседания, и поэтому его папские решения абсолютно обязательны к исполнению, потому что он непогрешим! Следовательно, для того, чтобы выяснить, какое отношение в дальнейшем будут иметь римские католики Соединенных Штатов к нашей системе общего образования, мы должны обратиться к решению монсеньора. Сатолли соответствует условиям, приложенным к нему Львом XIII. Все вместе это составляет в этом: что Бог специально оборудованных Римско-Католической Церкви воспитатель молодых; что там, где другая система образования настроена против того, что предписано Церковью, то обязательно греховны и еретических, и может быть по праву свергнут и уничтожен; что церковная система образования предполагает, что школьники должны обучаться религии, и, прежде всего, что нет другой истинной религии, кроме той, которую Римско-Католическая Церковь учит; что, несмотря на это, Римско-католический ребенок может, как либо необходимость или целесообразность, будут отправлены в государственных школах США, лишь для того, чтобы узнать "первые элементы", чтение, письмо и оцифровки, и "высшие разделы искусств и естественных наук" математики, химии, технике и т. д.; что Римско-Католическая Церковь сжимается от мысли, что промежуточные филиалы должны учить детей, опасаясь, что они должны обнаружить, что протестантские страны являются более богатыми и счастливыми, чем Римско-Католической; что, когда римо-католические дети отправляются в муниципальные школы, следует прилагать усилия, чтобы выхлопотать назначение Римско-Католической учителей, чтобы обучить их на свои религиозные обязанности, и обязанности, и специально о том, что протестантизм-это ересь и многообразие религиозных убеждений оскорбительным для Бога, и следовательно, имеет свое проклятие отдыхает на нем; что в "неудобных особенности" нашей школьной системы должны быть удалены по наблюдениям в школах необходимо для этого, так что вместо того, чтобы быть свободными, они должны быть изготовлены церковных школах; что, пока дети не учат "катехизиса", они так и останутся "безбожники" и еретическими; а что если в школах дети будут научены, что государство должно продолжаться отделена от церкви, или, что различия религиозной веры должны быть терпимы, или что в нашей протестантской учреждения должны быть сохранены, поскольку они—все или любой из этих вещей должна рассматриваться как "оскорбление католической религии и нравственности". Пока что Mgr. Сатолли; но папа добавляет императивное предписание о том, что римско-католические школы должны "самым усердным образом продвигаться"; то есть они должны быть созданы в противовес нашей системе обычных школ, чтобы противоядие могло искоренить зло; что обычные люди, а не родители, должны решать, каким детям будет разрешено поступать в школы; и это при интерпретации решения монсеньора. Сатолли, это должно быть сделано в соответствии с

постановлениями Балтиморских советов и правилами, "предписанными римскими понтификами".

Это ничего не решает и оставляет весь вопрос неоднозначным. Это иезуитство, потому что оно "действует на нас в двойном смысле", сохраняя "слово обетования для наших ушей", в то же время нарушая "его для нашей надежды". Обращаясь к Советам Балтимора как к своему руководству, верующие обнаруживают, что им предписано не упускать ничего, что в их силах, чтобы снести обычные школы и построить на их месте Церковные школы, по той причине, что первые нерелигиозны, а только вторые имеют божественное одобрение. И они также обнаруживают, что второй совет Балтимора проинструктировал их, что их детей следует учить, как существенную часть их религии, тому, что государство не является независимым от Церкви и что "вся власть от Бога", так что все, что государство предписывает, не подчиняющееся закону Божьему, не является обязательным для гражданина, и что у римского католика есть такой "проводник в Церкви"; что если государство потребует от него чего-либо, запрещенного Церковью, он должен подчиняться последнему, а не первому.^[210] Но независимо от этого папа повелевает, чтобы те же самые верующие интерпретировали решение монсеньора. Сатолли в свете "всего остального, что было предписано римскими понтификами".

Это неопределенно. Было более двухсот пятидесяти пап. Многие из них были хорошими, некоторые плохими, но эти последние не теряют своего непогрешимого церковного авторитета, будучи плохими. К кому из всех них должен обратиться исследователь, когда он исследует то, что они предписали в отношении образования? Многие из них утверждали, с *кафедры*, что исключительное право на образование молодежи было божественно даровано Римско-католической церкви, и Лев XIII в своем недавнем письме американскому кардиналу недвусмысленно подтверждает это утверждение. Не верится, что какой-либо папа когда-либо утверждал обратное. Следовательно, эта общая и огульная квалификация монсеньора. Решение Сатолли либо полностью разрушает его действие, либо оставляет его для неопределенных правил толкования. Таким образом, школьный вопрос остается таким, каким он стоял перед монсеньором. Сатолли приехал в эту страну.

Но монсеньор. Сам Сатолли предусматривает две школьные системы, которые, по его мнению, соперничают друг с другом, потому что он, как и Лев XIII, считает, что Римско-католическая церковь божественно наделила ее правом обучать молодежь. Но Лев XIII придает этой идее еще большее значение, когда приказывает "самым усердным образом продвигать католические школы". Все это, следовательно, сводится к следующему: где бы ни был католик, который не может избежать этого, он может посылать своих детей в обычные школы с единственной целью научить их "начальным элементам и высшим отраслям искусств и естественных наук"; но на всех промежуточных уровнях образования они должны находиться исключительно под присмотром тех, кто назначен Церковью быть их наставниками в религии. Следовательно, будет продолжаться соперничество не только между школами, но и между системами в целом. В обычных школах учеников учат, что наша народная форма правления рассчитана на содействие и сохранение общего благосостояния; что наши отцы поступали мудро и благоразумно, когда отделяли государство от Церкви; что законы, требующие всеобщего подчинения какой-либо конкретной форме религиозной веры, не только неразумны, но и нарушают естественное право; что те люди, которые управляют собой по законам, созданным ими самими, счастливее и состоятельнее тех, кто позволяет управлять собой монархам и принцам; и что регулирование общественных дел конституционными правительствами лучше для общества, чем там, где они

регулируются по воле какого-либо одного человека. . В папских школах — возможно, в двух шагах от обычных школ — учеников учат, что каждое из этих положений является ересью, и что как те, кто учит, так и те, кто принимает их как истину, подвергаются Божественному осуждению. В обычных школах учитель подкрепляет то, что он говорит, примером Соединенных Штатов, дает уроки нашей революционной истории, объясняет положения наших национальных конституций и конституций штатов, которые делают народ единственным источником публичного права, и стимулирует патриотизм своих учеников, убеждая их в необходимости сохранения наших институтов в их нынешнем виде на благо их потомков. В папских школах от учителя требуется, когда он осуждает все эти положения наших учреждений как ересь, подкреплять то, что он говорит, объясняя своим ученикам, что бесчисленные непогрешимые папы так заявляли, и что они оскорбят Бога, если не примут то, что они объявили, как абсолютную истину, и для того, чтобы их юные ученики не могли заподозрить их в ошибке, им не нужно возвращаться к истории пап, кроме Пия IX и его "Учебной программы" 1864 года, в которой, после указания на семьдесят девять современных ошибок, которые он осудил, включая " государственные школы", где преподавание "освобождено от всякой церковной власти", - он добавляет еще одно, заявляя, что невозможно, чтобы "римский понтифик мог и должен был примириться с прогрессом, либерализмом и цивилизацией в том виде, в каком они были представлены в последнее время". Или, если это будет признано необходимым пойти дальше, чем Пия IX, он нужен, Но относятся к знаменитому энциклике его предшественника, Григория XVI, выдан 15 июля 1832, в котором он заявил, что те, кто утверждал, что Бог мог быть по праву служили люди разных религиозных конфессий "будут гибнуть вечно без всякого сомнения," если они не покаются и не "держат в католическую веру;" что это "ложным и абсурдным" делать вид ", что свобода совести должна быть закреплена и гарантирована для каждого человека;" что "свобода печати" является "самым смертельным свободы, омерзительный свободы, для которой не существует и не может быть достаточным ужас;" что сочинения, которые "подрывают преданность и покорность из-за князей" подлежат осуждению, потому что они разжиганию "зачинщики крамолы", то "божественного и человеческого права, то рост осуждения в адрес тех, кто, от черных происков бунт и крамолу, стремиться уничтожить верности из-за князей, и метать их с тронов;" что "постоянное подчинение князей" обязательно имеет свой источник "в священных принципов христианской религии;" что они преступны пред очами Бога, который "требование отделения Церкви от государства и разрыву согласия между священством и империей", то есть государства; и, что союз церкви и государства опасаются и противостоят защитники свободы, потому что она "всегда было так спасительно и так счастлива, для Церкви и государства".[211]

Если, однако, ученики этих папских школ выскажут подозрение, что эти официальные провозглашения доктрины Пием IX и Львом XIII не имели санкции более ранних пап, их учителя, особенно иезуиты, с удовольствием объяснят им, что эти два последних папы, находящиеся в конце списка, строго следуют по стопам некоторых из наиболее выдающихся своих предшественников. А затем они красноречиво остановятся на великолепных понтификатах Григория VII, Александра III, Иннокентия III, Бонифация VIII и других, столь же амбициозных, но с меньшей силой воли. Задача будет несложной - объяснить историю этих великих пап и политико-религиозные принципы, которые им удалось привить к догмам Церкви. Они расскажут им, как Григорий VII срывал короны с голов непокорных королей, освобождал их подданных от присяги и ставил на их места других послушных королей; как он заявлял о праве папы распоряжаться королевствами, потому что "духовное выше мирской власти" до такой степени,

что все люди "должны убивать своих принцев, отцов и детей, если он прикажет"; и как он заставлял монархов, принцев и народы трепетать перед ним, как будто он, только благодаря своей папской власти, был хозяином мира. И они показывают им, как Александр III освободил немецкий народ от их верности Фридриха Барбароссы, и внушил, что гордиться императору, чтобы поцеловать его ногу, вести его коня за уздечку, и представить имеющих папский каблук посадили на свою шею; и, как Иннокентий III заявил, торжественным папский указ, что английской *Великой хартии*, является недействительным, поскольку в ней заложен фундамент популярных свободы, и отлучил от церкви Всех, кто в патриотической работы в ее получении; и как Бонифаций VIII издал указ, в своей буллой "*Clericis laicos*", что лежал правительства "нет власти над людьми или собственностью священнослужителей", и что те, кто налагает десятины, налогов и повинностей их, без авторитета папы римского", - влечет отлучение от церкви;" и как он распорядился также, по его бык "*u Unam Sanctam*," что Церковь—то есть, папа—держит в руках как в духовном, так и временные мечи, с властью, чтобы принудить последнего использоваться и в интересах бывших; о том, что временное меч, таким образом, "при условии духовной силы", и что "статья надо веру", что "у каждого человека должны быть подчинены римскому понтифику."

Не требуется большого ума, чтобы увидеть, в чем разница между этими двумя системами образования — одна расширяет, другая уменьшает интеллект. Однако, если каждый из них одинаково развивает интеллект, государственные школы имеют право на предпочтение по той причине, что они внедряют в умы учеников великие фундаментальные принципы, на которых основано наше правительство; тогда как тех, кто посещает папские школы, учат, что наиболее существенные из этих принципов являются плодотворным источником ересей, и, следовательно, бедствий для человеческой семьи. Таким образом, две системы остаются в конфликте — точно так же, как они были до сих пор, — и величайший вопрос, который призвано решить нынешнее поколение, заключается в том, какая из них восторжествует? Для тех из нас, кто желает сохранить нашу популярную форму правления, этот вопрос не связан с религиозной верой. Но для защитников папства и последователей папы это имеет значение. И, следовательно, тем, кто желает сформировать политико-религиозную партию, поклявшуюся восстановить светскую власть папы, даже под угрозой войны с Италией и запутанных союзов с другими европейскими державами, обещается венец вечной славы; в то время как те, кто стремится сохранить наши институты такими, какими их создали наши отцы, подвергаются анафеме за грех восстания против папской власти.

СНОСКИ:

[209] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страницы 482-483.

[210] Пастырское послание этого Собора можно найти в Ежегодной энциклопедии Эпплтона за 1866 год, стр. 677. Его смысл ясен — Церковь выше государства и должна подчиняться государству во всех вопросах, которые Церковь считает относящимися к своей юрисдикции.

[211] Жизнь и времена римских понтификов. Де Монтор. Том II, стр. 783-793, где подробно приводится эта энциклика. Эта работа получила особое одобрение архиепископа Нью-Йорка.

ГЛАВА XXII.

ИЕЗУИТСКИЕ УЧЕНИЯ.

Поскольку Лев XIII считал себя вправе в силу своей духовной силы авторитетно предписывать отношения, которые его последователи в этой стране должны впредь поддерживать к нашей системе государственного школьного образования, нам уместно поинтересоваться, чем система, которую он предлагает ввести, отличается от нашей собственной. Таким образом, мы не только сможем понять контраст между ними, но и выясним, почему он отдает предпочтение папской или иезуитской системе. В начале этого расследования нас избавляет от каких-либо хлопот его биограф, который сообщает нам, что, будучи кардиналом Печчи, "он составил в 1858 году устав и правила академии святого Фомы Аквинского, которые должны были распространить ее преимущества на всю Умбрию", и что с тех пор, как он стал папой, он "сделал философский метод святого Фомы руководством для всех католических учителей".[212]

Фома Аквинский жил в тринадцатом веке, задолго до Реформации, когда мир был окутан почти полной тьмой средневековья и когда повиновение деспотическим правителям, как духовным, так и светским, считалось высшим жизненным долгом. Церковь и государство были едины, и первое управляло вторым "железным жезлом". Свобода мысли подавлялась хворостом и пламенем. Он был объемистым писателем, в основном на богословские темы, и поскольку он трактовал их в соответствии с системой, поддерживаемой папами, от которых исходил весь авторитет, его называли "Ангелом школ", "Ангельским Доктором", "Орлом богословов" и "Святым доктором-доктором". Он был канонизирован в 1323 году, примерно через пятьдесят лет после своей смерти, Иоанном XXII, вторым из пап, правивших в Авиньоне во Франции, в то время, когда, по словам Де Монтора, "Церковь томила в страшной анархии".[213] Эти обстоятельства не свидетельствуют о его пригодности в качестве руководства для любой системы современного образования, особенно для существующей в Соединенных Штатах. Теология Средних веков, которую он отстаивал, наполнила мир суевериями; и теперь, после того как невежество того периода было рассеяно светом Реформации, нет никого, кто желал бы возрождения этого суеверия и невежества, за исключением тех, кто, подобно Льву XIII, считает времена до того, как этот свет начал сиять, "благословенными веками".

Этот преподобный биограф Льва XIII говорит, что с "ложным образованием" и "антихристианским воспитанием" молодежи, которое преобладает в Соединенных Штатах и среди либеральных и прогрессивных народов мира, необходимо покончить, отказаться от него и "Фома Аквинский должен снова быть возведен на престол как "Ангел школ"; его метод *идоктрина* должны быть светом всего высшего учения, ибо его труды - это всего лишь *открытая истина*, представленная человеческому разуму в ее наиболее научной форме".[214] Доктринам Фомы Аквинского не придавалось такого значения как "богооткровенной истине" без должного учета их важности для папства. Их специально преподавали в школах Умбрии под покровительством Льва XIII. Когда он был архиепископом, и с тех пор, как он стал папой, он сделал их универсальным руководством для "католических учителей" по всему миру. Повинуясь приказу самого Лойолы, при его жизни они также были положены в "основу всей учебной программы философии и богословия" во всех иезуитских колледжах и школах и, таким образом, стали абсолютно необходимой частью иезуитского образования. Таким образом, становится совершенно ясно, что, чего бы еще Лев XIII ни достиг или не достиг за время своего понтификата, он авторитетно повелел, чтобы *доктрины* Фомы Аквинского внедрялись в умы

всех, как молодых, так и старых, кто может попасть под влияние папской системы образования, как в Соединенных Штатах, так и в других местах. Следовательно, именно с помощью этой системы он предлагает вытеснить наши обычные школы, чтобы достичь цели, к которой стремился Лойола, то есть уничтожения всех народных правительств. Потребуется лишь краткое изучение этих доктрин, чтобы полностью объяснить цель Льва XIII сделать их неотъемлемой частью римско-католического образования в Соединенных Штатах, а также показать, что папская теория гражданского правления основана на них как на "богооткровенной истине".

В первой главе этого тома упоминался Бальмес, испанский священник, снискавший репутацию "предмета гордости испанского духовенства" и самого способного защитника доктрин иезуитов. Его ум был хорошо знаком с философским учением Фомы Аквинского, изучению которого он посвятил несколько лет, приняв толкование, данное им в комментариях Беллармина и Сауреса, оба из которых были иезуитами. Он умер в 1848 году, незадолго до начала великих революций среди римско-католического населения Европы; но до этого времени прилагал серьезные усилия, чтобы повернуть вспять волну, которая тогда угрожала захлестнуть папство. Его основная работа, предназначенная для этой цели, была призвана, как указывалось в первой главе, противодействовать влиянию трактата Гизо "О цивилизации", который произвел очень заметное впечатление на самые просвещенные умы Европы в пользу протестантизма, а не Римского католицизма. Следовательно, его особой целью было продемонстрировать, что верно обратное тому, на чем настаивал Гизо, и что римский католицизм был реальным источником всего существующего просвещения и цивилизации. Поскольку он писал исключительно с точки зрения иезуитов, его аргументы относительно обязанности подчиняться законам гражданских правительств были полностью основаны на доктринах "Святого Доктора", как он называл Фому Аквинского. Это можно с полным основанием заключить из того, что он говорит в высокопарных похвалах ему в конце своей работы.^[215] Доктрины, которые он излагает, восхваляются народом Соединенных Штатов в предисловии к американскому изданию его работы, где говорится, что он разоблачил "недостатки или, скорее, пороки протестантизма с социальной и политической точки зрения", и что "протестант, если он искренен, откроет глаза на несовместимость его принципов с другими религиями". счастье человечества".^[216] Поскольку этот ученый труд был широко распространен в этой стране для выраженной здесь цели, мы вправе принять его доктрины и учения как с "социальной, так и с политической точки зрения", поскольку они точно выражают мнения Аквината относительно права гражданских правительств требовать подчинения своим законам от всех, кто живет под их властью. И нам необходимо знать и полностью понимать, что представляют собой эти доктрины Фомы Аквинского, чтобы ознакомиться с "учебной программой философии и богословия" в иезуитских колледжах и школах, а также с принципами, авторитетно предписанными Львом XIII как "руководством для всех католических учителей". Когда мы добьемся этого, мы сможем лучше решить, было бы благоразумно и мудро заменить курс обучения, который сейчас преподается в наших государственных школах, на эту папскую и иезуитскую учебную программу; будут ли наши американские школы управляться духом святого и "Святым Доктором" или останутся такими, какие они есть, под опекой, защитой и покровительством американского народа.

Бальмес цитирует Фому Аквинского, чтобы доказать, что "человеческие законы, *если они справедливы*, обязательны для исполнения совестью и черпают свою силу в вечном законе, из которого они сформированы".^[217] Но он ставит их справедливость полностью в зависимость от

их соответствия божественному закону; другими словами, применяя его доктрину практически, поскольку папа обладает единственной законной властью на земле решать, что божественный закон разрешает, а что осуждает, поэтому только ему одному должна быть подчинена справедливость или несправедливость всех человеческих законов; и его решение, когда оно принято, является окончательным и должно выполняться повсеместно. Следовательно, обязательство повиновения относится только к тем законам, которые папа сочтет справедливыми, в то время как те, которые он сочтет несправедливыми, должны игнорироваться или им должно оказываться сопротивление, или там, где открытое сопротивление невозможно, могут быть составлены заговоры против них и свергнуты любым наиболее целесообразным способом. Чтобы проиллюстрировать и подчеркнуть смысл своих слов, он спрашивает: *"Должны ли мы повиноваться гражданской власти, когда она приказывает что-то, что само по себе является злом?"* Отвечая, он говорит: *"Нет, мы не такие, по той простой причине, что то, что является злом, запрещено Богом; теперь мы должны повиноваться Богу, а не человеку"*. Затем он дополняет это другим вопросом: *"Должны ли мы подчиняться гражданской власти, когда она вмешивается в дела, не входящие в круг ее полномочий?"* Он снова отвечает: *"Нет, потому что в отношении этих вопросов это не власть"*. И это ограничение гражданской власти он объясняет далее, утверждая, что духовная власть Церкви, находящаяся исключительно в руках папы, который стоит на месте Бога, всегда служила "напоминанием людям о том, что *права гражданской власти ограничены*; что есть вещи, выходящие за рамки ее компетенции, случаи, в которых человек может и должен сказать: *я не буду подчиняться*".[218]

Применение этой доктрины, изложенной таким образом "Святым Доктором", подтвержденной Бальмесом и скрепленной папской санкцией Льва XIII, к положению дел в наших гражданских институтах ясно, незамысловато и легко понимается. Нет необходимости повторять здесь фундаментальные принципы нашего правительства, которые Лев XIII, Пий IX, Григорий XVI и многие другие папы осудили и предали анафеме как еретические и нарушающие божественный закон. Согласно их папскому учению, объявленным *cathedra* с "кафедры Святого Петра", американские конституции и законы, которые требуют подчинения любому из них или всем им, не только требуют "чего-то злого", но и выходят за рамки полномочий правительства, посягая на те, которые Бог определил как принадлежащие исключительно Церкви или папе как ее божественно созданному главе! Поэтому, согласно Фоме Аквинскому, Бальмесу, Льву XIII и иезуитам, им не следует повиноваться, потому что "нужно повиноваться Богу, а не человеку". Лев XIII, конечно, не обязан, как чуждый и духовный правитель Церкви, подчиняться им; но, требуя, чтобы эти доктрины преподавались во всех римско-католических школах Соединенных Штатов, он принимает на себя духовное и преимущественное право требовать от всех в этой стране, кто подчиняется его учению, нарушать свою верность правительству, поскольку оно поддерживает эти греховные и несправедливые конституции и законы. Это совершенно логично - столь же ощутимо, как то, что дважды два равняется четырем. Но Бальмес, по-прежнему следуя за Фомой Аквинским, на этом не останавливается.

Он повторяет, что несправедливые законы "не являются обязательными для совести, если только не из-за боязни вызвать скандал или причинить еще большее зло; то есть в определенных случаях несправедливый закон может стать обязательным *не в силу какой-либо обязанности, которую он налагает, а из побуждений благоразумия*".[219] Это сводит обязательство подчиняться низкому стандарту политики и целесообразности и не признает ничего, что было бы обязано достоинству или авторитету правительства, которое его

устанавливает. Эта доктрина является чисто иезуитской, и метод ее изложения вряд ли мог быть улучшен самим Лойолой. Никакие двусмысленные слова не используются, чтобы замаскировать действительный смысл; он отчетлив и осязаем. Дело вот в чем, ни больше ни меньше: если человеческий закон, будь то конституция или статут, несправедлив, потому что он нарушает божественный закон, то те, кто так к нему относятся, могут, имитируя повиновение ему, идти на компромисс с несправедливостью и даже грешить ради какой-то будущей выгоды! Это точно так же, как если бы нации или государству было сказано, что их конституция и законы еретичны и атеистичны, потому что они нарушают закон Божий, но что им будут подчиняться только до тех пор, пока не будут получены средства отменить их. Этой доктрине, применяемой к таким обычным внутренним законам государства, которые касаются собственности и общего управления государственными делами, противодействует применение таких законов соответствующими судами. Но все обстоит иначе, когда отвратительные положения воплощаются в фундаментальных принципах, таких как отделение Церкви от государства, свобода религиозных убеждений, народный источник всей политической власти и другие принципы, на которых основаны правительственные структуры. В случаях такого характера, то есть когда принципы воплощены в конституциях и, таким образом, становятся основополагающими, повиновение становится простым прикрытием для сокрытия тайной цели окончательного восстания против них; или, скорее, окончательной измены самому правительству. Это практический пример деморализующей доктрины о том, что "средства оправдываются целью". Это доктрина, которую иезуиты открыто и смело насаждали в Индии и Китае, когда они стали браминами и поклонялись идолам, и упорствовали в этих нехристианских практиках, презрительно игнорируя неоднократные указания пап, пока их абсолютное подавление и отмена не стали необходимостью для Церкви. Но в наше время и в этой стране требуется несколько больше осторожности и осмотрительности, потому что даже там, где существует совершенная свобода религиозных убеждений, "соображения благоразумия" запрещают открыто провозглашать эту неамериканскую доктрину. Мотив, однако, существовавший тогда, тот же, что существует и сейчас; то есть достижение косвенным путем и скрытностью скрытой цели, которую "благоразумие" требует лицемерно скрывать. Именно эти же благоразумные мотивы диктуют, что протестантизм должен быть на время признан существующей и влиятельной силой, но с тайной целью обращаться с ним как с несправедливой и нелегитимной властью, подлежащей полному свержению, когда эти "благоразумные мотивы" перестанут существовать!

Фома Аквинский провозглашал свои теологические доктрины совершенно свободно, потому что в его время — в средние века — суверенитет пап был неоспорим; и Бальмес был лишь немногим менее сдержан в повторении их в Испании, когда был написан его великий труд. Ни у одного из них "мотивы благоразумия" не были столь властными, как сейчас среди тех, кто принимает их учение в Соединенных Штатах. Поэтому Бальмес был осторожен, указывая на метод определения случаев, когда законы и конституции настолько несправедливы, что им можно скрыто не повиноваться, уклоняясь или иным образом, в то время как на вид они принимаются молчаливо. Он говорит: "Законы могут быть несправедливыми и с другой точки зрения, когда они *противоречат воле Божьей*"; и "в отношении таких законов *недопустимо ни при каких обстоятельствах им подчиняться*." Все правительства, виновные в преступлении, заключающемся в принятии таких законов, следует рассматривать как узурпировавшие полномочия, которые им не принадлежат, и им следует сказать прямо и недвусмысленно, когда "благоразумие" позволит это: "*Ваши законы - это не законы, а безобразия; они не обязательны*

для исполнения совестью; и если в некоторых случаях тебе повинуются, то это не из-за каких-либо обязательств, а из благоразумия."[220]

Примененная практически, эта папская и иезуитская доктрина сводится к следующему в соответствии с нашими гражданскими институтами: тот, кто принес присягу на верность нашему правительству, имеет право не чувствовать себя обязанным подчиняться Конституции и законам в их американском смысле и духе, но только в той мере, в какой может действовать со скрытой целью нарушить и то, и другое, в какой бы степени их принципы ни противоречили божественному закону, определенному папой. Это утверждение легко проиллюстрировать. Конституция возлагает на Верховный суд Соединенных Штатов обязанность и полномочия принимать решения о действительности всех наших законов, когда утверждается, что они недействительны. Этот трибунал с самого начала правления признавал Церковь и государство разделенными, абсолютную свободу религиозных убеждений и народ как суверенный источник политической власти, и все это подчиняется Конституции. Все, что противоречит этому, несомненно, было бы шагом в направлении свержения правительства и прекращения существования Республики. Тем не менее, эта иезуитская доктрина, основанная на теологических принципах Фомы Аквинского, которые, как нам говорят, являются "откровенной истиной", не только разрешает, но и поощряет в качестве христианского долга обращение Верховного суда к папе римскому и повиновение последнему вместо первого. Лев XIII, Пий IX и Григорий XVI в наше время, как и многие другие папы до них, решили — и первый считает себя готовым повторить это решение, когда это необходимо, — что правительство не обладает законной юрисдикцией в вопросах, которые касаются Церкви или папства, независимо от того, предоставлена ли эта юрисдикция Конституцией или основными законами, но что они находятся исключительно в кругу духовной юрисдикции папы. Таким образом, опираясь на авторитет этой доктрины, Лев XIII при поддержке иезуитов предлагает добиться власти над народом, отменив решения Верховного суда; и вмешивается в работу нашего правительства вплоть до того, что инструктирует граждан Соединенных Штатов, что неподчинение некоторым нашим основным законам, как их истолковал Верховный суд и как их понимает народ, является абсолютной религиозной обязанностью, и что повиновение ему - это служение Богу! С полным единодушием создатели правительства разделили Церковь и государство и сделали этот принцип центральным и контролирующим среди принципов, лежащих в его основе; но Лев XIII торжественно заявляет со своего папского трона в Риме, что это нарушает божественный закон и является таким "либертинизмом", который ведет общество к гибели. Таким образом, он вступает в прямой конфликт с нашими институтами, которые неизбежно рухнули бы, если бы ему повиновались и его принципы были заменены нашими. И, чтобы достичь цели, к которой он стремится, он повелел, чтобы доктрины Фомы Аквинского преподавались как "богооткровенные истины" во всех римско-католических колледжах и школах, чтобы дети всех римско-католических граждан этой страны получили такое образование, чтобы быть готовыми к союзу Церкви и государства и подчинению последнего первому, когда "благоразумие" позволит ему или его преемникам руководить этим. Если это не предполагает создания чуждого и антагонистического правительства внутри нас, основанного на принципе, что "не Церковь в государстве, а государство в Церкви", то потребовалось бы введение в наш язык нового набора слов, чтобы передать его значение. То, что это превращает религию в предлог для постепенного подрыва наших гражданских институтов, может видеть любой человек, у которого достаточно ума, чтобы уехать из дома без сопровождающего. Те, кто занимается этой работой — независимо от того, кто они и где, — являются саперами и шахтерами агрессивной армии. По

приказу папы римского и генерала иезуитов — обоих в Риме — они день и ночь стремятся низвести все наше римско—католическое население, от основной массы которого они скрывают свои истинные цели, до низкого и унижительного положения эмиссаров иезуитов, не имеющих собственных чувств, мнений или мыслей, а просто молчаливых, пассивных и безропотных рабов папской и императорской власти.

Изложив вышеизложенные общие положения, основанные на учениях "Святого Доктора" и "Ангела Школ", Бальмес, руководствуясь тем же авторитетом, переходит к объяснению обстоятельств, оправдывающих сопротивление гражданской власти правительств. Чтобы прояснить этот важный вопрос, он выделяет класс правительств, которые он называет *фактическими*; то есть такими, которые сформированы в результате революции против законной власти и способны поддерживать свое существование вопреки любой оппозиции, как в Соединенных Штатах. Они, по его словам, не имеют права требовать повиновения своей гражданской власти или законам просто из-за факта своего существования. Не будучи основанными на принципах божественного закона, определенных непогрешимыми папами, и, следовательно, не являясь *де-юре*, они должны рассматриваться как незаконные; и, по этой причине, никакое обязательство повиновения им, поскольку они нарушают божественный закон, не может быть создано даже клятвой верности. Им следует подчиняться только "из соображений благоразумия" до тех пор, пока *де-юре* или пока их не заменят законные правительства. По его мнению, правительство, обладающее правом требовать и принуждать к повиновению своим законам, должно обладать законной властью повелевать; а этого оно не может приобрести, если оно не соответствует божественному закону, как его определит папа. "Окончательные факты", то есть фактическое существование независимого *де-факто* правительства, не могут предоставить этого права, каким бы прочным и постоянным оно ни было. Период его действия, длинный или короткий, не имеет значения, поскольку, согласно доктрине канонического права о давности давности, никакой срок не может быть установлен против Церкви или папы римского. Тем не менее, поскольку те, кто повинуются папе, иногда вынуждены жить под защитой того, что он называет *де-факто*, а не под властью *де-юре* правительств, он рекомендует им иезуитское послушание, хотя и незаконное, потому что "сопротивление было бы бесполезным" и "привело бы только к новым беспорядкам". Следует, однако, отметить, что это послушание предполагает просто политику и целесообразность, а не выполнение долга. Уступать следует только тогда, когда это неизбежно, вследствие того факта, что незаконная власть слишком сильна и устоявшаяся, чтобы ее можно было преодолеть. Все было бы иначе, если бы он был слишком слаб, чтобы защитить себя от агрессии. И чтобы более тщательно утвердить эти доктрины и принципы в качестве религиозных догм, он приводит тот факт, что, когда архиепископ Пальмиры написал книгу, доказывающую, "что самого факта существования правительства достаточно для принуждения подданных к послушанию", "работа была запрещена в Риме" и, конечно же, внесена в Запретительный список.^[221]

Он очень скупно ссылается на методы сопротивления незаконным или *фактическим* правительствам. Как выразитель доктрин, одобренных иезуитами, непогрешимость папы была принята им как доктрина Церкви, хотя она никогда не была провозглашена или принята всей Церковью. Это было необходимо для его главной посылки, которая заключалась в том, что, поскольку папа представлял Бога на земле, вся власть Церкви должна, по необходимости, быть сосредоточена в нем, так что все, что он объявлял божественным законом, должно быть признано как таковое всеми верующими. Если папа обладал этой властью тогда, то сейчас он обладает ею более решительно, поскольку его непогрешимость стала частью веры, и,

следовательно, все, кто принимает это учение, обязаны делать все, что он прикажет в отношении подчинения или сопротивления конституциям и законам гражданских правительств, когда они вторгнутся в его юрисдикцию, как он ее определяет,. Следовательно, истинное церковное учение состоит в том, что только папе римскому, как единственному земному толкователю божественного закона, позволено решать, являются ли правительства *де-юре* или *де-факто*, и каким конституциям и законам следует подчиняться или неподчиняться; и его решение не подлежит обжалованию. Поскольку этот последний вершитель судеб народов постоянно присутствует, чтобы направлять верующих с помощью бдительной иерархии, учений Фомы Аквинского, иезуитов и различных пап, от них требуется с величайшим усердием развивать привычку повиноваться папской власти, чтобы постоянно готовиться к будущим чрезвычайным ситуациям. Какими будут эти чрезвычайные ситуации, будет зависеть от самих прогрессивных правительств и, в этой стране, от народа; который не должен, даже по видимости, соглашаться ни с какими мерами Церкви или государства, священников или мирян, которые нарушат или поставят под угрозу какие-либо фундаментальные принципы, на которых основаны их гражданские институты. В этой стране нет места, которое можно было бы использовать в качестве захоронения народного правительства; но есть место для еще большего распространения влияния той формы правления, которая сейчас посылает свой свет по всему миру, продвигая цивилизацию там, где она существует, и создавая ее там, где ее нет.

Извлекая из этих источников папские доктрины, которые Лев XIII авторитетно повелел рассматривать как основу всего римско-католического образования, человек должен отупеть, чтобы не видеть, что фундаментальные принципы нашего правительства не могут войти в это образование и стать его частью. Римско-католической молодежи папская система запрещает принимать за истину принципы Декларации независимости или Конституции Соединенных Штатов. Оба этих документа должны были бы быть исключены из римско-католических школ, иначе папе не подчинились бы. Или, если бы их ввели туда, учеников пришлось бы учить, что они содержат нерелигиозные принципы, которые Церковь всегда осуждала и продолжает осуждать. Наставник-иезуит говорил им, что американская революция сама по себе была грехом, потому что это был бунт против существующих принципов монархического правления, которые одни имеют божественное одобрение; что не все люди созданы свободными и равными, потому что одни рождены повелевать, а другие повиноваться; что правительства не получают своей справедливой власти с согласия управляемых, но множество управляемых обязаны повиноваться своим начальникам, а они - папе; и что когда наши отцы обратились к "Божественному Провидению" за поддержкой нашей национальной независимости, их призыв был богохульным, потому что папа римский, представляющий Бога на земле, предал анафеме провозглашенные ими принципы. И после того, как с Декларацией независимости будет покончено таким образом, они будут дополнительно проинструктированы о том, что первая статья поправок к Конституции является недействительной, поскольку правительство обязано установить римско-католическую религию законом, поскольку это единственная истинная религия, когда-либо открытая, а протестантские религии являются ложными и еретическими; что эти ложные религии должны быть запрещены законом, и что свобода слова и прессы должна быть ограничена настолько, чтобы не допустить посягательств на Римско-католическую религию, подвергнуть сомнению авторитет, на который претендует папа римский, или римский патриархат. Католическое духовенство должно быть подчинено, как и другие люди, общественным законам.

Выполняя великую работу по созданию для себя и для нас правительства, основанного на Декларации независимости и Конституции Соединенных Штатов, наши отцы, как мы искренне верим, оказались под защитой Божественного Провидения. Готовы ли мы к тому, чтобы молодежь этой страны учила, что это такое заблуждение, которое может существовать только в умах "мечтателей о несбыточных мечтах"? Если это не так, мы должны отвергнуть советы любой чуждой силы, духовной или мирской, враждебной прогрессивному духу, который до сих пор обеспечивал наш рост и величие и обещает еще больший прогресс и развитие в будущем. Вековой опыт научил нас тому, что основатели нашего правительства были не только умелыми строителями, но и мудрыми и предусмотрительными советниками. Когда они избегали путей, по которым другие нации разрушали свои состояния, они, как мы считаем, проявили мудрость, невиданную за всю предыдущую историю мира, создав систему светского правления, которая сосредоточивает в руках народа — свободного, умного и патриотичного народа — всю полноту власти над законами. Не может быть никакого нападения на какую-либо материальную часть этой системы без посягательства на народный суверенитет и отказа народу в праве на самоуправление.

Поэтому, когда нам говорят — как сейчас говорят нам иезуиты — что эти светские институты, созданные нашими отцами, греховны и еретичны, потому что они нарушают божественный закон, как определили этот закон Лев XIII, Пий IX и Григорий XVI в наше время, а до них и многие другие папы, мы сталкиваемся с альтернативой: либо сопротивляться этому нападению каким-либо эффективным методом, доступным нам самим, либо согласиться с папской политикой регресса, которая предлагает вернуть нас в состояние униженной зависимости от чуждой силы, которая учит, что народные правительства не должны подчиняться. нарушают божественный закон, и на них ложится проклятие Божье. Нам больше не остается догадываться об этом или делать по этому поводу выводы, которые могут быть изобретательно иезуитски опровергнуты под предлогом того, что они исходят из протестантских предрассудков. Двери были так широко распахнуты нашим либерализмом и терпимостью, что конечная цель, к которой стремится папство, не обсуждается в молчании, как это было раньше, а прямо и отчетливо провозглашается, так что это будет наша собственная вина, если мы не сумеем обнаружить точки, по которым нападают на наши гражданские институты.

Наше правительство было построено настолько хорошо и мудро, что оно ни в каком отношении не вмешивается в свободу совести. Напротив, она защищена конституционными гарантиями, которые мы сохраняем с самой тщательной заботой. Но папские противники некоторых из его самых заветных принципов пользуются этой свободой, чтобы оправдать свои совместные усилия по восстановлению светской власти папы, хорошо зная, что если это может быть достигнуто для установления его власти здесь, как они того желают, он воспользуется своим прерогативным правом отказывать в той же свободе совести всем, кроме тех, кто послушен ему, и предъявит нам обвинение в суде Римской курии, потому что в соответствии с нашими конституционными гарантиями мы терпимо относимся ко всем разновидностям религиозных верований.

Без малейшей маскировки те же самые противники открыто заявляют о своей цели не ослаблять своих усилий до тех пор, пока наша система народного образования не будет полностью вырвана с корнем из фундамента, а наши государственные школы не будут преобразованы в папские конгрегации, где ученики Лойолы будут иметь верховную власть и им будет позволено внедрять принципы и теологические доктрины Фомы Аквинского в умы каждого

юноши. Достигнув этого, они ожидали бы, что грядущие поколения, вместо того чтобы извлекать патриотические уроки из примера тех, кто основал Республику, склонят головы в абсолютном и беспрекословном подчинении всем доктринам и догмам папы римского — заменят Конституцию и законы Соединенных Штатов декретами и энцикликами пап и Римским каноническим правом — и, полностью отбросив предостережения наших отцов-революционеров, примут как непогрешимую истину все, что папа провозгласит относительно отношений между духовной и светской властью, то есть между Церковью и государством.

В этой работе по искоренению каждого зародыша патриотизма, который инстинктивно растет и приносит плоды в умах молодежи, иезуиты были экспертами с тех пор, как Юлий III и Лойола основали колледж в Риме, чтобы обучать немецкую молодежь измене. Время и практика повысили их мастерство, а их разочарование от того, что им пришлось быть свидетелями триумфа протестантизма, в то время как они стали беглецами среди народов, усилило их ненависть ко всем свободным и независимым правительствам. Лев XIII, не забывающий о своем собственном раннем воспитании, обозначил свою цель избрать их в качестве воспитателей американской молодежи, чтобы они могли быть воспитаны в религиозной вере в то, что наша национальная независимость ведет нас к "либертинизму" и гибели; и что они могут верно служить Богу, только забыв о доме и родине и выбросив из головы всякое чувство личной мужественности и все облагораживающие качества; чтобы вместо того, чтобы стать влиятельными гражданами свободной и прогрессивной страны, они могли подготовить себя к "беспрекословному повиновению" иностранной и чуждой власти, как это было раньше. Это сделали сами иезуиты. Этой стране, столь благословленной обильными плодами Реформации и народного правления, нельзя позволить вернуться на старые пути, которые папский и императорский деспотизм наполнил ловушками. Принципы Декларации независимости и Конституции Соединенных Штатов не должны подменяться папскими и иезуитскими догмами — такими, какие были выдвинуты амбициозными папами и Лойолой, чтобы обеспечить полную победу монархизма над народной свободой.

Чувство патриотизма почти повсеместно распространено среди жителей Соединенных Штатов — как среди католиков, так и среди протестантов. Первые имеют такое же желание, как и вторые, участвовать в принятии законов, которые ими управляют. Их итальянские братья испытывали это желание настолько сильно, что прибегли к революции и таким образом добились этого единственно возможным способом - упразднив светскую власть папы. Зачем же тогда с таким неутомимым упорством убеждать их снова восстановить эту брэнную власть и возродить ее зло? Почему от них следует требовать, чтобы они организовались в политико-религиозную партию, послушную папскому посланнику из Рима и поклявшуюся в соответствии с торжественными обязательствами религиозного долга отменить решение своих итальянских братьев и возложить на них бремя, которое они сбросили с себя? Почему они должны принимать религию, которая учит, что человечество по своей природе неравноценно, что некоторые рождены для господства, а большинство - только для повиновения? Почему им должно быть приказано относиться к гражданским институтам, которые сейчас защищают их и увеличивают их земное счастье, как к греховным и еретическим? Почему им постоянно должно звучать в ушах, что отделение государства от Церкви, свобода вероисповедания, свобода слова

и печати являются такими преступлениями против божественного закона, которым нельзя потворствовать в этой жизни и которые не будут прощены в следующей?

Эти вопросы не праздны, но полны смысла для тех, кому они адресованы, и их можно было бы множить почти бесконечно. Они достаточно красноречивы, чтобы показать — чего мало найдется настолько слепых, чтобы не видеть, — что существующая агитация по поводу прав Церкви и страстные декламации, используемые иезуитами для ее поддержания, имеют лишь одну цель — превращение папы римского во временного и имперского правителя итальянского народа вопреки его согласию. Это — с этими агитаторами — должно быть достигнуто любой ценой, независимо от того, какие другие последствия могут последовать. Это внушается как религиозный долг, которым нельзя пренебрегать, не послушавшись Бога! Поэтому всем послушным предписывается принять в нем участие, пренебрегая всеми человеческими законами, запрещающими представителям одной нации вмешиваться во внутренние дела другой. Преподобный автор биографии папы римского, выступая от имени и по поручению самого Льва XIII, говорит, что отмена светской власти "является *международной* ошибкой, которую все католики обязаны осуждать и противодействовать, *пока с ней не покончат*".^[222] Это приказ папы римского, авторитетно произнесенный императорским тоном. Он разослан всем римским католикам по всему миру, от которых он требует пренебречь законами стран, которые их защищают, потому что это всего лишь человеческие законы, и восстановить абсолютный монархизм папы римского, потому что божественный закон предусматривает, что человечеством должны править короли, а не они сами.

Римско-католическая часть нашего населения, по-видимому, довольна тем, что она есть, в своих мирных и безмятежных домах, где, окруженные своими женами и детьми, они защищены протестантскими законами в праве беспрепятственно поклоняться Богу в соответствии со своей совестью, а также в своем стремлении к счастью и процветанию. Готовы ли они подвергнуть все это опасности, потворствовать гордости и тщеславию тех, кто считает себя их правителями, кто ничего не знает о домашних радостях, о мирных домах, о таких симпатических привязанностях, которые вырастают из самых нежных отношений в жизни, или о смехе и болтовне невинных детей, которые радуют сердце? Будут задействованы все средства, которые могут использовать ученость, красноречие и авторитет, чтобы сделать их таковыми; и считается, что одним из наиболее эффективных из них является разъяснение им — как это с необычайным самодовольством делает биограф папы, — что Римская церковь всегда была на стороне свободы мысли в религии и народного самоуправления в гражданских делах! И в подтверждение этого удивительного утверждения он хвастливо заявляет, что великая английская *Великая хартия вольностей* — основа нашей гражданской и религиозной свободы — была написана "католическим пером" когда он должен был знать и, несомненно, знал, что Иннокентий III, который утверждал, как и Лев XIII, что он "наместник Бога", обладающий апостольской властью созидать и разрушать нации, насаждать и ниспровергать королевства, проклял и предал анафеме эту хартию, потому что, по его словам, она нарушала божественный закон; объявил ее недействительной по этой причине; отлучил от церкви ее авторов и защитников как еретиков; и сказал, что если бы эта хартия была доставлена в Рим, она была бы сожжена в огне, разожженном обычным палачом, как и тела графов и баронов, которые вымогали ее у малодушного короля. Указ об отмене светской власти папы римского также был написан католическим пером.

Тем не менее, это правда — и ни один здравомыслящий человек не станет этого отрицать, — что во всех частях света было множество римских католиков, которые были горячими сторонниками гражданской и религиозной свободы и которые мужественно и преданно защищали свое дело. В Соединенных Штатах таких много — мужчин, которые каждый день ощущают теплое и дружеское пожатие протестантских рук. Для всех патриотически настроенных американцев благополучие этих людей близко к их собственному. Но сколько таких было найдено на папском престоле или среди тех, кто претендует на божественное право диктовать мировую религию и требовать безоговорочного повиновения от ее приверженцев? Эхо, которое возвращается со страниц истории, — Это ... Сколько их? Если Лев XIII является одним из них, объявление о факте, столь важном для мира, должно исходить от него самого, а не от других людей, которые не предъявляют никаких полномочий, обязывающих их отказаться от его имени от его хорошо вызревших и часто высказываемых официальных мнений. Если он — теперь, когда его разум созрел благодаря размышлениям о долгой и хорошо прожитой жизни, — обнаружил, что отделение Церкви от государства и свобода религиозных убеждений не являются нарушением божественного закона; если он убедился, что правительство "для народа, из народа и через народ", подобное правительству Соединенных Штатов, не является еретическим, — тогда пусть объявление этих фактов исходит непосредственно и авторитетно из Ватикана. В этой стране есть множество римских католиков, чьи сердца подпрыгнули бы от радости при таком объявлении, а протестанты приветствовали бы это как верное предвестие будущего согласия, мира и тишины среди всех классов исповедующих христианство, подобных тем, которые существовали среди протестантов и римских католиков Германии до того, как социальная атмосфера была заражена ядом иезуитизма. Тысячи людей, склонных признавать власть папы над своей совестью в пределах соответствующего круга его духовных владений, оценили бы энциклику на этот счет, как если бы каждая буква была из золота или драгоценных камней, потому что это доказало бы миру, что Пием IX двигали только его собственная импульсивная натура и возбужденное воображение, когда он заявил, что папство не может примириться с "прогрессом, либерализмом и цивилизацией" в том виде, в каком они преобладают среди современных наций. Но до тех пор, пока это не будет сделано — регулярно и авторитетно, — о нем следует судить только по записи, которую он сделал и которой его восторженные поклонники хвастаются, как будто каждое произнесенное им слово было написано пером ангела. Если протестанты Соединенных Штатов все еще видят в этом открытое или скрытое наступление на самые заветные принципы своего правительства — отделение государства от Церкви, свободу религиозных убеждений, слова и печати, право народа на самоуправление, — их нельзя с полным основанием обвинять в нетерпимости, когда они заявляют о своей решимости стоять на стороне и отстаивать эти принципы до последнего. Это они должны и будут делать, как делали раньше их отцы, против всех объединенных держав мира, независимо от того, из каких арсеналов их противники достанут свое оружие. Они также не должны забывать, что "вечная бдительность - это цена свободы".

СНОСКИ:

[212] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страница 151.

[213] Де Монтор, т. I, стр. 495.

[214] О'Рейли, стр. 482-483.

[215] Бальмес, стр. 411-412.

[216] Там же., стр.

[217] Там же., стр. 320.

[218] Бальмес, стр. 326.

[219] Бальмес, стр. 328.

[220] Бальмес, стр. 329-330.

[221] Бальмес, стр. 333.

[222] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страница 471.

[223] Жизнь Льва XIII. Автор: О'Рейли. Страница 409.

ГЛАВА XXIII.

НЕПОГРЕШИМОСТЬ ПАПЫ.

Для народа Соединенных Штатов мало что так важно, как то, чтобы он разумно понимал, какие последствия неизбежно последуют за успешным прекращением Mgr. Миссия Сатолли в этой стране в качестве заместителя папы римского. Если ему удастся разрушить нашу систему общих школ или отобрать у них всех детей наших граждан-католиков и полностью или частично заменить американскую систему образования папской, что за этим последует? На этот вопрос есть только один ответ, который заключается в том, что в школах будут преподавать *религию*; не религию Христа, или апостолов, или мучеников, или ту, которая преобладала во всем христианском мире в течение первых пятисот лет нашей эры — вплоть до падения Римской империи, — но ту, которая зародилась в амбициях императоров и пап и достигла кульминации в таком союзе Церкви и государства, который требовал, чтобы папы были светскими монархами, обладающими полной властью управлять сознанием человечества. Это то, к чему стремится Лев XIII, и для достижения чего он отправил монсеньора. Сатолли в Соединенные Штаты. И именно для достижения этого Пий VII объединился с деспотичными монархами "Священного союза" и восстановил иезуитов; и Пий IX провел через Ватиканский собор 1870 года декрет, который провозглашает, что все папы, которые когда-либо жили, и все, кто будет жить после, являются и должны быть абсолютно непогрешимыми. Следовательно, эта доктрина папской непогрешимости отныне должна составлять великую фундаментальную черту каждой системы римско-католического образования, центральный факт, из которого должна исходить вся интеллектуальная культура, подобно лучам света, исходящим от солнца. Что это такое, не требует обучения, чтобы объяснить, и какой эффект это оказало бы на наши институты, если бы преподавалось во всех наших школах, для предсказания этого не требуется дух пророчества. То, что это подорвет и уничтожит их, столь же ощутимо, как и то, что яд, распространенный по всему телу, если его не удалить, приведет к смерти.

Борьба между папами, то есть папством, и Церковью как организованной группой христиан, за соборное постановление о непогрешимости папы продолжалась в течение более чем тысячи лет, в течение которых одни папы пользовались им без всяких полномочий, как прикрытием для

преследований и оправданием своих безграничных амбиций; другие, чтобы убедиться в безнаказанности при совершении чудовищных преступлений; в то время как другие, под влиянием честных христианских инстинктов и чувств, отвергали и осуждали его как деморализующее и антихристианское. Церковь больше всего пострадала, когда эта борьба достигла апогея, о чем свидетельствуют семидесятилетнее пребывание пап в Авиньоне; сорокалетний раскол; одновременные претензии Иоанна XXII, Григория XII и Бенедикта XIII на папский престол; заключение Иоанна XXII в тюрьму Констанцским собором; сожжение Гуса и Иеронима на костре; и общая деморализация духовенства, не говоря уже о других вещах, с которыми знакомы все интеллигентные читатели церковной истории. Когда Церковь оправилась от этих и других невзгод, было бы утомительно перечислять; это было сделано под влиянием добрых и неамбициозных пап, а также под влиянием большого числа ее членов, которые объединились, чтобы опровергнуть притязания на непогрешимость, потому что они были основаны на тщеславном предположении, что простой человек со страстями и импульсами других людей равен Богу в мудрости и авторитете.

Когда двадцать три года назад Пий IX получил этот указ от Ватиканского собора, иезуиты одержали самую гордую победу со времен своего восстановления. Для них, или для Пия IX, или для их послушных последователей не имело значения, что Климент XIV также был непогрешимым, когда он подавил их торжественным папским декретом, рассказывающим о том, как они нарушили мир Церкви и народов своим множеством беззаконий, и о том, как один акт непогрешимости может быть отменен другим. Ни одна мысль не была вызвана таким несущественным вопросом, как этот, потому что все было сосредоточено на великой цели достижения триумфа над либерализмом и современным прогрессом, на иезуитской теории о том, что "цель оправдывает средства". На Соборе присутствовал Пий IX, и один из восторженных защитников декрета впоследствии дал волю своему необычайному воображению, заявив, что души всех присутствующих были "поражены ярким сиянием солнца праведности и вечной истины, отраженного сегодня от того, кто *больше, чем Моисей*, самого наместника самого Христа Иисуса".^[224] Неудивительно, что такой автор должен был стать историком такого Собора, но немного странно, что его книга была опубликована в этой стране примерно через два года после этого в такой дешевой форме, чтобы обеспечить ей большой тираж среди нашего римско-католического населения. Мотивом этого, однако, явно было то, что книга должна стать образовательной в папских школах, занять место исторических трудов, которые указывают на преимущества, которые мы извлекли из протестантизма, и в то же время запечатлеть в умах старых и молодых впечатление, что папа, как единственный хранитель и диктатор истинной христианской веры, есть и должен оставаться — независимо от того, обладает ли он хорошими качествами или плохими — "более великим человеком, чем Моисей", потому что он непогрешим, а Моисей им не был. Этот характер работы хорошо подтверждается тем фактом, что среди прискорбных зол того времени он указывает на узурпацию образования молодежи "неверующими секулярами", то есть теми, кто, несмотря на свою профессию, ничего не знает об истинной религии, потому что они протестанты; и еще одним фактом, что главным средством от этих зол, на которое он указал, является установление "суверенной власти папы над миром"; и еще одним дополнительным фактом, что, говоря о тех римских католиках, которые живут под защитой протестантских учреждений, он добавляет: "Церковь всегда считала важным, чтобы законы тех гражданских властей, которым подчиняются ее духовные дети, формировались в полном соответствии с ее собственными законами";^[225] то есть, поскольку папа, наконец, после более чем тысячи лет тяжелой борьбы, был признан непогрешимым, они

не должны рассматриваться "верующими" как обязательные для исполнения. их совесть, если только он не одобрит это. И затем, утверждая в качестве краеугольного камня, на котором покоится надстройка папской системы, что Церковь "когда-либо доказывала, что является самым мощным оплотом мирской власти светских князей", он продолжает инструктировать тех, кто тогда не знал, что подразумевается под непогрешимостью папы, в каком смысле Церковь ожидала, что они примут это. Его слова должны глубоко запасть в сознание каждого гражданина этой страны, который желает знать, какие принципы правления были бы привиты американской молодежи, если бы это произошло. Сатолли и его союзники-иезуиты должны преуспеть в уничтожении наших общих школ и замене их приходскими или религиозными школами. Вот что он говорит:

"Церковь может не желать вмешиваться в чисто светские дела других государств или в принятие чисто светских законов для управления иностранными подданными, но она заявляет о своем праве, и праве божественном, предотвращать применение любого светского закона или власти во вред религии, разрушению морали и духовной гибели ее детей. Она претендует на право контролировать такие законы, поддерживать их применение, если это полезно, контролировать злоупотребление ими. В области морали царствовать - прерогатива Церкви. Везде, где существует моральная ответственность, это ее прерогатива, по божественному повелению, направлять и управлять, санкционировать, повелевать или осуждать, вознаграждать за заслуги и наказывать за моральные проступки". [226]

И в дальнейшем определении непогрешимости он говорит:

Совет подтвердит свою власть над миром и докажет свое право, основанное на божественном поручении, самым тщательным образом вникать во все духовные проблемы мира; контролировать действия короля, дипломата, философа и генерала; ограничивать пределы их спекулятивных изысканий; поддерживать светильник, который должен освещать их единственный путь к знаниям и образованию; подчинять человеческий разум игу веры; уничтожать либералов, рационалистов и деистов одним ударом кулака. ее непогрешимость. Непогрешимая догма - это яркий свет, который каждый интеллект должен признать, вольно или неохотно.... Церковь заявляет о своем праве вторгаться во владения мира и не признает никаких границ, кроме окружности христианского мира; навязывать свои законы своим подданным; контролировать их разум и суждения; направлять их мораль, их мысли, слова и действия рассматривать временных суверенов, хотя и имеющих право осуществлять власть в мирских делах, как вспомогательных лиц и подчиненных в достижении цели ее учреждения, славы Божьей и спасения бессмертных душ людей, и в обеспечении им их вечного счастья. И этот порядок вещей она считает истинной свободой —Ubi Spiritus Domini ibi libertas.

Он настаивает на том, что Церковь имеет право вмешиваться "в общественные отношения всего мирового сообщества"; а также имеет "право контролировать лекции профессора, дипломатию государственного деятеля, правительство королей, а также тщательно изучать их мораль и наказывать за их ошибки".

Имея в виду союз Церкви и государства и то, каким образом политико-религиозные мнения попадают под юрисдикцию папы, он говорит:

"Современные политические теоретики доходят до того, что провозглашают право светских государств быть тем, что они называют свободными и независимыми от законов Церкви; то есть они заявляют, что выводят *свои временные правительства из Церкви*, в которую Бог намеревался поместить и благословить их, а также освящать их в Церкви и через Церковь. Есть даже те, кто имеет наглость выступать за выведение Церкви из подчинения законодательным актам светского государства! Государственные деятели знают цели вашего преходящего существования: принимать светские законы для светской юриспруденции и для светского общественного блага, а затем жить в Церкви; сотрудничать с Церковью; быть освященным через Церковь; и благодаря этому счастливому союзу наслаждаться взаимностью влияния Церкви на совесть ваших подданных, что является прочной основой их лояльности и вашей стабильности; и помогать Церкви продвигать то, что полезно для спасения их душ, что также должно быть для вас предметом первостепенной заботы. Неужели мир дошел до того, что социальные дипломаты должны *отделить государство от Церкви* или установить господство над христианским обществом? Должна ли природа отделиться от благодати и основать династию для себя? Нет, нет; *Это отдельно? Священный союз Церкви и государства составляет союз души и тела — жизнь и силу христианского общества!* Настало время, чтобы Генеральный совет преподавал государственным деятелям этот спасительный урок и чтобы они не ступали своей ногой на ступени трона Петра; что их долг - сотрудничать с Церковью; и что во всех вопросах, относящихся к ордену благодати, их позиция заключается в том, чтобы *сесть и почтительно слушать перед кафедрой церковного преподавания.*"[227]

Ничто, кроме важности вопросов, связанных с доктриной непогрешимости папы римского, и последствий, которые, как ожидается, последуют за этим, не может оправдать такие длинные выдержки из одной книги. Но эти соображения имеют значение по той причине, что, поскольку книги, подобные этой, мало кто видит и еще меньше читает, этот метод предоставляет лучшую возможность для понимания целей, которые должны быть достигнуты с их помощью, как протестантам, так и римским католикам. Множество последних обмануты и введены в заблуждение, полагая, что доктрина о непогрешимости папы необходима для Церкви, христианское учение которой они почитают; тогда как, если бы они путем разумного обучения и вдумчивого размышления были уверены, как это действительно есть, что это относится только к силе и авторитету пап — то есть к папству, а не к Церкви, — считается, что они не согласились бы с этим сами и не позволили бы, чтобы это преподавалось, как необходимый догмат веры, их детям, либо в школах под эгидой церкви. в Церкви или где-либо еще. Было бы несправедливо по отношению к ним сомневаться в том, что они отвергли бы это, если бы их заверили, как заверяют их эти выдержки, что непогрешимость требует уничтожения всех форм народного правления, чтобы можно было создать великую папскую конфедерацию для управления миром под единоличной властью папы. После надлежащего расследования они увидели бы и узнали, что Совет, принявший декрет, не был представительным органом, уполномоченным связывать их совесть, но, с другой стороны, он состоял из тех, кто был обязан только папе всей властью, которой они обладали, и что он мог по своему усмотрению лишить их мантий в случае неповиновения его приказам. И они также узнали бы, что вместо того, чтобы декрет был принят единогласно всем Советом — как им было указано — отсутствовало 157 человек, которые сняли свои голоса из-за него, оставив голосовать только тех, кто был за него; что, по сути, это был конфликт между Церковью, поскольку он существовал при более чем 250 папах до Пия IX, и папством, и что победа была одержана последним, к замешательству и сожалению огромного множества их набожных братьев-христиан во всех частях мира. Совет состоял из 692 членов. На

момент принятия указа присутствовало всего 535 человек, что свидетельствует, как указано, о 157 отсутствующих. Из них 63 епархиальных епископа и представители того, что называют "самыми прославленными престолами христианского мира", подписали письменный протест против папской клеветы. Из присутствующих 533 проголосовали за указ и 2 — против него, один из которых был из Соединенных Штатов, но они были настолько увлечены волнением, что отказались от своего согласия. Многие отсутствующие покинули Рим с отвращением, выразив перед отъездом свое несогласие. В день голосования в Риме было 66 человек, которые отказались присутствовать на сессии. Среди них были 4 кардинала, 2 патриарха, 2 примаса, 18 архиепископов, а остальные были епископами. Результатом, следовательно, была простая победа большинства над меньшинством, как это происходит в законодательных органах. Претензия на единодушие лишена оснований, за исключением фактически поданных голосов. Сравнение полученного таким образом результата с прямым вмешательством Провидения, имитирующим передачу закона Моисею, указывает на обладание чрезвычайно высокой способностью к изобретательности; это близко граничит с заблуждением. Следовательно, вполне уместно сказать, что описание сцены автором, из книги которого взяты приведенные выше цитаты, назвавшем Пия IX "более великим, чем Моисей, наместником самого Христа Иисуса", настолько перешло границы разумного, что их автор выглядит человеком, живущим только в неземной атмосфере. Нет никаких оснований утверждать, что он иезуит; но если бы его нашли в компании с кем-то, кто, как известно, был иезуитом, было бы непонятно, кто из них был "близнецом Дромио", потому что, вне всякого сомнения, это были бы "два Дромио, один по внешнему виду".

Чего ожидалось достичь декретом о непогрешимости папы, торжественно провозгласив, что у Бога есть только один представитель на земле и что он настолько наделен божественной мудростью, что только он может предписать универсальное правило веры и наделен достаточной властью, позволяющей ему требовать и принуждать к повиновению своим повелениям? Пусть вдумчивый ум, желающий получить удовлетворительный ответ на этот вопрос, хорошенько поразмыслит над учениями всеобщей истории — о рождении, росте и упадке бывших наций. На бесчисленных страницах он найдет это, написанное более неизгладимо, чем если бы это было вырезано на металле инструментом гравера, что с самого зарождения христианской церкви в Риме — какой бы она ни была — папская непогрешимость никогда не признавалась и не утверждалась как догма религиозной веры. Если апостол Петр был первым из пап — как утверждается, — то до понтификата Пия IX было двести пятьдесят восемь пап, не говоря уже о многочисленных антипапах. Кроме того, существовало множество Генеральных и провинциальных соборов, начиная с собора в Ницце при Константине в 325 году и заканчивая собором в Ватикане в 1870 году — период между ними составлял тысячу пятьсот сорок пять лет. И все же, в течение всего этого долгого, затянувшегося периода среди догматов религиозной веры, время от времени провозглашаемых Церковью, нельзя найти ни одного предложения, ни слова, ни слога, которые требовали бы верить, что папа непогрешим! Является ли вся эта история мифической? Привела ли она "верующих" к заблуждению и греху? Были ли послушны божественному закону только те папы, которые считали себя непогрешимыми и действовали соответственно, в то время как те, кто этого не делал, были еретиками? Зачем были нужны Генеральные Соборы для получения всеобщего согласия Церкви, если папы были непогрешимы и могли устанавливать веру по своему собственному усмотрению? Когда папы расходились во мнениях — как это делали Иоанн XXII, Николай III, Иннокентий III, Целестин, Пелагий и Григорий Великий — по важным вопросам, как их следовало решать?^[228] Были ли

папы, отрицавшие свою собственную непогрешимость, обречены на вечное изгнание из присутствия Божьего за свою ересь? Эдгар перечисляет восемь из них, которые прямо опровергли свою веру в это,^[229] и было много других, которые этого не подтверждали. Были ли все эти еретики? И были ли также еретиками великие церковные историки, такие как Лонуа, Алмен, Марка, Дю Пен, Боссюз и другие - и вся группа французских или цизальпийских христиан? А что можно сказать о Генеральных соборах в Пизе, Констанце и Базеле, все три из которых отрицали непогрешимость папы с точки зрения решительного осуждения? Было бы легко умножить эти вопросы; но достаточно сказать, что если папы, отрицавшие непогрешимость, были еретиками, то линия апостольской преемственности нарушается удалением нескольких важных звеньев в цепи, и попытка проследить нынешнюю Римскую Церковь до апостольских времен и апостола Петра является полным и унижительным провалом. И это неизбежный вывод из длинного ряда фактов, хорошо доказанных историей, что, если бы не неудачный союз между амбициозными папами и иезуитами с целью создания и усиления своей власти за счет Церкви, христианский мир наших дней не проявил бы интереса к проведению этого расследования. Церковь имеет для иезуитов меньшее значение, чем их собственное общество, и поскольку они неизменно осуждали ее, когда были не на их стороне, то после смерти Лойолы не было ни одного случая, когда они не рассматривали бы ее унижение с их стороны как способствующее "вящей славе Божьей", когда таким образом можно было бы увеличить их собственную силу и авторитет.

Когда Пий IX в 1854 году ознаменовал окончание восьмого года своего понтификата изданием указа о том, что отныне Непорочное зачатие Девы Марии должно приниматься как догмат веры, он действовал по собственному желанию и без созыва Генерального совета. Поэтому справедливо будет сказать, что он счел это актом непогрешимости, который затем впервые был приведен в практическое исполнение. Несомненно, это был эксперимент, проводившийся с целью выяснить, получит ли он одобрение тех, на чью совесть он должен был повлиять. Эксперимент прошел успешно, и поскольку он касался только вопроса *чисторелигиозного* характера, никаких особых или вредных последствий не последовало. Протестанты не считали себя вправе жаловаться на это по той простой причине, что религиозная вера римских католиков касалась только их самих. Пий IX, однако, намеревался этим указом нечто большее, чем просто добавить новую догму к вере. Несомненно, его целью было использовать это проявление непогрешимой власти, чтобы, в случае единодушного принятия членами Церкви, это можно было считать таким одобрением доктрины, которое оправдало бы его созыв Генерального Собора и постановило, что не только он сам, но и все другие папы, как хорошие, так и плохие, были непогрешимы.

Это сказано не с упреком, а скорее для того, чтобы указать на проницательность, которой он пользовался, чтобы влиять на большую часть верующих в Церкви. Вся история папства того времени доказала, что для его будущего успеха было важно, чтобы доктрина непогрешимости вышла за рамки простых вопросов религиозной веры, чтобы охватить другие вопросы, связанные с революционными движениями, происходившими тогда в Европе, которые угрожали подорвать, если не уничтожить, папскую власть, то есть светскую власть папы. Революционные беспорядки всегда угрожают тем, против кого они направлены, и Пий IX, полагая, а он, несомненно, верил, что те, которые тогда существовали в Европе, были направлены или будут, если их не остановить, направлены против его светской власти, счел необходимым получить, по возможности, санкцию соборного указа на осуществление им новых полномочий в дополнение к тем, которые тогда были ему повсеместно предоставлены в

религиозных вопросах и делах. Таким образом, он намеревался получить явное или подразумеваемое согласие Церкви на осуществление им юрисдикции *вполитико-религиозных* вопросах, чтобы иметь возможность издавать такие указы, которые при посредничестве и влиянии "верующих" среди различных европейских наций остановили бы развитие революционных движений и сохранили его светскую власть. Следовательно, когда декрет о непогрешимости был истолкован им в свете этих событий и его собственных целей, ему не составило труда прийти к выводу, что он наделил его юрисдикцией по всем таким *политико-религиозным* вопросам, которые прямо или косвенно затрагивали духовные или мирские интересы Церкви во всех частях мира. То, что его преемник, Лев XIII, согласен с ним в этой интерпретации, ни один разумный человек не может отрицать. Если бы на него не повлияло желание вернуть светскую власть, отнятую у его предшественника, то его образование и выучка у иезуитов внушили бы ему убеждение, что светская корона на его голове является несомненной необходимостью для того, чтобы он мог способствовать "вящей славе Божьей". Следовательно, когда таким образом становится слишком ясным и осязаемым, чтобы допустить справедливое отрицание, что непогрешимость папы является главнейшей и фундаментальнейшей догмой веры — основой всей системы папских верований, — для нас, в этой стране, положительно обязательно понимать ее всю важность и значение. Если что-то и требовалось, чтобы сделать это обязательство более обязательным, чем оно есть на самом деле, то это обнаруживается в фактах, с которыми мы сталкиваемся сейчас, а именно, что наши государственные школы объявлены "безбожными", потому что этой религиозной догме не учат наших детей, и что ее преподают детям римско-католической церкви в приходских школах, в основном под контролем иезуитов.

Какими бы утомительными ни казались уже приведенные доказательства тем, кто смотрит на подобные вопросы лишь поверхностно, для досконального познания истины необходимо, чтобы политико-религиозные вопросы, которые этот указ передал в юрисдикцию папы римского, были ясно и отчетливо доведены до сведения. Без этого знания может показаться, что наша терпимость влечет за собой опасные посягательства со стороны иезуитов и тех, кто им подчиняется, на некоторые из самых высоко ценимых принципов нашего правительства. Мы видели у одного папского автора, что подразумевается в Риме под религиозным образованием, и в следующей главе мы увидим совокупные доказательства у другого, вероятно, более влиятельного.

Из этого последнего автора, даже более отчетливо, чем из первого, мы увидим, насколько безоговорочно мы должны были бы подчиняться приказам папы; как над нами должны были бы господствовать его церковная иерархия и их союзники-иезуиты; как все наши действия, мысли и импульсы подчинялись бы церковной и монархической диктатуре; и как вместо правительства народа у нас было бы правительство под произвольной диктатурой иностранного суверена, который не может ни говорить на нашем языке, ни понимать нашу конституцию и законы. Нам могло бы быть позволено управлять нашими светскими делами — такими, которые связаны с ведением нашего обычного бизнеса, — но во всем, что мы должны рассматривать как относящееся к Церкви или к нему самому, он стал бы нашим абсолютным и безответственным правителем. Церковь и государство объединились бы, и все меры, принятые создателями нашего правительства для защиты наших естественных прав, таких как свобода религиозных убеждений, печати и слова, были бы уничтожены. Свободному правительству пришел бы конец, и угрожающая туча нависла бы над нами, как покров смерти. Мы были бы возвращены в Средние века, и все плоды Реформации были бы утрачены без малейшей вероятности того, что

наши потомки когда-либо смогут их вернуть. Внимательный просмотр того, что следует ниже, покажет, что это изображение не перерисовано. А если это не так, то обязанность позаботиться о том, чтобы эти бедствия не постигли нас, ложится такой же тяжестью на римско-католическую, как и на протестантскую часть нашего населения. Общий дух должен оживлять сердца всех, независимо от их религиозных убеждений, и стимулировать их к совместному протесту и взаимной защите. Те, кто отваживается на опасности плавания на одном судне в море, должны, когда бушует шторм, объединиться сердцем и руками, иначе рискуете утонуть в водной могиле. Так бывает с теми, чьи жизни, состояния и земные интересы находятся под защитой тех же гражданских институтов; если они разделяются на озлобленные и враждебные группировки, находящиеся во власти необузданных страстей, они приглашают нарушителя подорвать основы крепости, которая укрывает и защищает их.

То, что иезуиты в войне, которую они сейчас ведут и всегда вели против гражданских и религиозных свобод, представляют собой такого нарушителя, подтверждается историей во многих томах. Где бы гражданское правительство ни подчинялось воле народа, оно неустанно трудилось над его свержением. С этой целью монархизм был сделан центральным и контролирующим принципом их организации — настолько полно, что их общество никогда не существовало и не могло бы существовать без него. Они злобно воевали с лучшими из пап и бросали вызов авторитету Церкви более ста лет — никогда не ослабляя своей мести, за исключением тех случаев, когда папское кресло занимал папа, подчинившийся их диктату. Сегодня они, как и каждый час со времен Лойолы, плотно объединились, чтобы разрушить, как греховные и еретические, все гражданские институты, созданные народом для своей собственной защиты, и заменить их такими, которые послушны монархам и их собственному толкованию божественного закона. И теперь, когда папская власть возложена на папу, чей юношеский ум был впечатлен и дисциплинирован их учением, и они готовы ниспровергнуть любое правительство, отделившее государство от Церкви и обеспечившее свободу совести, слова и прессы, и напрягают все нервы, чтобы получить контроль над нашей системой школьного образования, чтобы внедрить свои доктрины в умы американской молодежи, — времена стали такими, что все граждане Соединенных Штатов, независимо от их форм религиозных убеждений, должны сформировать сплоченное тело в противостоянии насилию. их неамериканские заговоры.

Чарльз Кэрролл из Кэрролтона, подписавший нашу Декларацию независимости, был католиком, но не иезуитом. Он любил свою Церковь и придерживался ее веры, которая тогда не требовала от него верить в непогрешимость ее папы; и, переполненный патриотическими чувствами, он встал рядом с Томасом Джефферсоном, Бенджамин Франклином и пятьюдесятью четырьмя другими патриотами и объединился с ними в разделении Церкви и государства, в установлении Правительства народа, в гарантировании абсолютной свободы религиозных верований; и когда он и они посмотрели на великую работу, которую они совершили, они торжественно заявили, что это было сделано в соответствии с "законами природы и Богом природы". Тот, кто теперь настаивает, как это делают иезуиты, что во всем этом он нарушил свою христианскую совесть, оскорбив Бога совершением акта ереси, не только несправедливо очерняет память этого бескорыстного патриота, но и ранит чувства каждого истинного американского сердца. В то время, когда была установлена наша независимость, папой римским был Пий VI. Он не был объявлен непогрешимым, и иезуиты не существовали как общество, находящееся под защитой Церкви; ибо они были репрессированы за свои бесчисленные преступления против Церкви и народов его непосредственным

предшественником Климентом XIV и были странниками по земле, ищущими убежища у еретических князей и государств, где им разрешалось строить заговоры против Церкви. Следовательно, папа римский, обладая только *духовной* юрисдикцией, не произносил папского проклятия нашим зарождающимся институтам не только потому, что они не входили в эту юрисдикцию, но и потому, что они обеспечивали надлежащими гарантиями свободу религиозных убеждений римским католикам. У него было полно дел в попытках разобраться с Французской революцией, на которую, как он предполагал, распространялась его юрисдикция, поскольку Франция на протяжении нескольких столетий признавала духовное господство его предшественников и их право регулировать свою веру. Следовательно, он встал на сторону Людовика XVI против народа Франции, осудил Законодательное собрание и заявил о своей цели сохранить все исключительные права "Святого Престола". Он, соответственно, выпустил энциклику, в которой осудил усилия французского народа по установлению Республики и Законодательного собрания следующими словами: *"Это Собрание, после отмены монархии, которая является наиболее естественной формой правления, передало почти всю власть населению, которое не следует никакой мудрости и никаким советам и не понимает вещей"...* Далее он проинструктировал епископов, что все *"отравленные книги"* должны быть изъяты *"из рук верующих силой и хитростью"*. Он заявил, что *"священство и тирания поддерживают друг друга; и если одно свергнуто, другое не может долго существовать"*. Он осудил свободу, к которой стремилась Франция, подражая нашему революционному примеру, как имеющую тенденцию *"развращать умы, извращать мораль и ниспровергать всякий порядок в делах и законах"*, а равенство людей как ведущее к *"анархии"* и *"быстрому распаду"* общества.^[230]

И поскольку этот же папа, Пий VI, и нынешний папа, Лев XIII, были торжественно провозглашены непогрешимыми, неспособными ошибаться в вопросах веры и стоящими на месте Бога на земле — а Лев XIII никогда не отвергал эти учения Пия VI или многие другие, имеющие подобное значение, другими папами — и декрет о непогрешимости настолько расширил его духовную юрисдикцию, что все политико-религиозные вопросы по всему миру попали в его круг, и иезуиты были восстановлены в соответствии с их первоначальной конституцией, как она была создана другими папами. руки Лойолы, и они все еще полны жизни и энергии, которые они постоянно демонстрируют в своих неустанных усилиях по контролю за образованием американской молодежи, обязанность, возложенная на весь наш народ, каждого религиозного вероисповедания, определить, в каком направлении мы движемся, является позитивной, абсолютной и незаменимой.

СНОСКИ:

^[224] Ватиканский собор. Автор: Томас Кэнон Поуп. Страница 272.

^[225] Ватиканский собор. Автор: Томас Кэнон Поуп. Страница 10.

^[226] Ватиканский собор. Автор: Томас Кэнон Поуп. Страница 11.

^[227] Ватиканский собор. Автор: Томас Кэнон Поуп. Страницы с 12 по 15.

^[228] Церковная история. Дюпен. Т. XV-XVI, стр. 260.

^[229] Разновидности папизма. Автор: Эдгар. Страница 188.

ГЛАВА XXIV.

ЦЕРКОВЬ И ЛИТЕРАТУРА.

Крайне важно, чтобы было понято папское толкование декрета о непогрешимости. В этом можно убедиться, только получив информацию из авторитетных источников, от тех, кто связан с папой такими отношениями, которые дают право тому, что они говорят о намерениях и целях лиц, ответственных за управление церковными делами, не только в Риме, но и во всем мире, на высочайшее уважение. В отсутствие какого-либо прямого признания, отправленного из Ватикана, следующее лучшее доказательство содержится в папской литературе, явно предоставленной для объяснения характера таких учений, которые призваны внедрить в римско-католических религиозных школах в Соединенных Штатах и в наших обычных школах, при условии, что ваше величество. Сатолли должен добиться успеха в своей миссии.

Добросовестный "искатель истины" — будь то протестант или католик - найдет себя достойно вознагражденным за любой труд, который он может затратить при использовании этого метода исследования. Если он протестант, он увидит, что все принципы протестантизма, религиозные и гражданские, находятся под угрозой; а если он римский католик, не принадлежащий к церковному корпусу, он, вероятно, обнаружит, что его молчание истолковывается церковными властями как согласие с политико-религиозными мнениями, которые его совесть отвергает и осуждает.

Во время итальянской революции 1868 года в Италии вышла работа П. Франко, в которой подробно обсуждались отношения между Церковью и светскими правительствами, а также отдельными лицами и сообществами. Эта работа, очевидно, была авторитетной, и если она не получила особого одобрения Пия IX, то, несомненно, получила одобрение высокопоставленных лиц Ватикана. У него было две контрольные цели: *первая*- остановить революцию и привести итальянский народ в надлежащее состояние повиновения папе как временному монарху с абсолютной властью; *вторая*- подготовить почву для признания непогрешимости папы, которое тогда рассматривалось. Оно потерпело неудачу в первом, потому что это касалось гражданских и политических прав итальянского народа, которые он решил больше не оставлять под властью безответственной монархической власти; и, как предполагается, способствовало осуществлению второго, потому что утверждалось и считалось, что оно относится только к вопросам религиозной веры. Во всяком случае, принятие декрета не встретило прямого сопротивления со стороны итальянского народа, как это, несомненно, произошло бы, если бы он предполагал, что оно направлено на противодействие влиянию революции в той мере, в какой оно затрагивало их политические права.

После принятия указа было сочтено важным перевести эту работу Франко на английский язык, чтобы довести всех англоговорящих римских католиков до признания папской непогрешимости как свершившегося факта и единственной истинной религиозной веры; и убедить их в огромном грехе, который они совершат, отказавшись это сделать. Лорд Роберт Монтегю, член британского парламента от римско-католической церкви, стал переводчиком, следуя

оригиналу, насколько он считал это целесообразным, по вопросам религиозной доктрины и добавив некоторые собственные размышления. Он был опубликован в Лондоне в 1874 году — через четыре года после принятия указа — с целью создания в Англии общественного мнения в пользу восстановления светской власти папы римского и признания его непогрешимости. В этом труде 428 страниц, почти каждая из которых содержит утверждения, призванные доказать, что дух нынешнего прогрессивного века оскорбителен для Бога, и что человечество может быть спасено от вечной гибели не иначе, как признав папе универсальность власти, на которую он претендует, и которая, в случае ее предоставления, перевернула бывшее правительство, существующие в мире, и, в первую очередь, нынешнее правительство Италии. Почти невозможно, в разумных пределах, объяснить что-либо большее, чем его общие идеи, и только те из них, которые призваны показать, как на силу и авторитет Церкви и папы римского — которые в указе стали эквивалентными терминами — смотрят те, чье положение и характер дают им право говорить сознательно и авторитетно. Из-за отсутствия такой информации, какую содержит этот том и другие подобного рода, множество людей с благими намерениями, как протестантов, так и римско-католиков, вводятся в заблуждение.

Он объясняет нынешнее "распространение ложных принципов", преобладающих в прогрессивных странах, двумя причинами: *первая* - "современная цивилизация"; и *вторая* - "свобода совести", или "право на личное суждение". Он считает всех, кто "уважает любую религию", виновными в "формальном отступничестве"; и говорит, что "католики, безусловно, нетерпимы, и такими они должны быть", потому что "если католик не нетерпим, он либо лицемер, либо на самом деле не верит в то, что исповедует".^[231] Он настаивает на том, что когда возникает спор "между церковным и мирским авторитетом, Церковь безошибочно знает, что ей принадлежит решать вопрос" не только по "духовным вопросам", но и "является ли спорный вопрос духовным вопросом или обязательно связан с духовным вопросом". Следовательно, в качестве объяснения он утверждает, что "следовательно, светская власть должна быть подчинена духовной; гражданская власть и ее права и полномочия должны быть предоставлены в абсолютное распоряжение Церкви"; то есть государство должно повиноваться папе во всем, что он прикажет или потребует. Следовательно, говорит он, "Церковь, цель которой является высшей целью человека, *должна быть предпочтительнее государства*; ибо все государства рассматривают только временную или земную цель. Итак, если мы должны избежать *imperium in imperio*, необходимо, чтобы *временное государство уступило место вечной Церкви*"; то есть законы Церкви должны соблюдаться раньше законов государства. Он осторожно определяет обязанности светского правительства, подобного нашему, следующим образом: "Пусть оно следит за гражданскими и уголовными законами, своей армией, своей торговлей, своими финансами, своими железными дорогами, своими винто-фрегатами и своими телеграфами; но пусть оно не выходит за пределы своей провинции и, подобно Озе, не протягивает руку, чтобы поднять ковчег Божий". Чтобы сделать Церковь свободной, папа должен быть абсолютно независимым, а не "находиться во власти какого-либо правительства - с контролем образования и правом "управлять и распоряжаться своей собственностью". Имея в виду свободное правительство, такое как Соединенные Штаты, он говорит: "Государство, свободное от Церкви, является атеистическим государством; оно обозначает безбожное правительство и безбожные законы, ... которое ничего не знает ни о какой религии и, следовательно, намерено обходиться без Бога". Чтобы избежать путаницы, государство должно быть подчинено и зависеть от Церкви, потому что "разделяя Церковь и государство, вы разделяете человека надвое и вносите неразрешимую путаницу", а также

потому, что "отделение Церкви от государства - это разрушение как государства, так и религии народа". И поэтому он утверждает, что "государство не может быть отделено от Церкви, не начав ее упадка и разорения"; поэтому "государство должно *подчиняться* законной власти Церкви и находиться в подчинении у Церкви, чтобы не было столкновения властей или конфликта юрисдикций".[232]

Он яростно осуждает тайные общества, такие как масонство, но странным образом опускает иезуитов, деятельность которых всегда была скрыта за непроницаемой завесой. Всех тех, кто не одобряет папские требования, он называет "рабами дьявола" и представляет их принадлежащими к "синагоге сатаны" только по той причине, что они не склоняют свои шеи под папское ярмо — метод обличения, которому упорно следуют такие авторы, как будто Христос повелел культивировать страсти ненависти и мести, а не подавлять их. Ссылаясь на буллы Климента IX, Бенедикта XIV, Пия VII и Льва XII, отлучающие от церкви всех, кто проявляет к ним благосклонность или укрывает их, он заявляет, что любые клятвы, которые они могут принести, не являются обязательными. Он основывает это не на заключении о том, что они не разрешены законом и являются просто добровольными, а на третьем каноне Третьего Латеранского собора, который применяется ко всем клятвам любого характера и предусматривает, что *"это не клятва, а акт лжесвидетельства, когда человек клянется сделать что-либо против Церкви"*; как, например, наша клятва натурализации и верности, которая требует верности еретическим учреждениям и соблюдения атеистического принципа, который требует отделения государства от Церкви.[233]

Под "свободой и независимостью папы в его духовном управлении" он понимает "не только свободу и независимость его собственной личности, но также свободу и независимость многочисленных великих сановников Церкви, которые помогают ему, а также должностных лиц, служителей *ислужащих* всех сословий, в которых он нуждается, и которые требуются многочисленным церковным учреждениям, которые его окружают и которые распространяют свою деятельность на весь мир". В этом экстраординарном и претенциозном заявлении нет никакой маскировки - даже двусмысленности. Все назначенные папой, включая целую армию служащих всех рангов, должны быть освобождены от действия публичных законов всех протестантских правительств и подотчетны только папе! Пусть друзья народного правительства хорошо заметят причину такой универсальности абсолютной юрисдикции папы римского над миром. Она заключается в том, что "если бы какое-либо правительство имело юрисдикцию над ними, за исключением юрисдикции только папы римского, или если бы какое-либо правительство было в состоянии воспрепятствовать их действиям, то у папы было бы меньше иммунитета и свободы действий, чем у посла самой подлой державы в мире", потому что он не мог заставить их подчиняться его законам и повелениям, то есть Каноническому праву, а не законам государства. И он несет эту идею антагонизма между законами государства и каноническими законами вплоть до отлучения первых от церкви за "санкционирование какого-либо антихристианского принципа", такого, например, как отделение Церкви от государства, светское образование или гражданские браки. В любом из этих случаев *"этому несчастному государству могут противостоять двести миллионов католиков в мире и Бог воинств, которые защищают Церковь!"*[234] И поскольку эти "двести миллионов католиков" — что превышает фактическое число на двадцать пять миллионов — не протестуют против таких напрасных угроз, как эта, церковные власти интерпретируют их молчание как одобрение, и таким образом они превращают свои безумства одного дня в увлечение следующего и, наконец, в позитивную галлюцинацию. Этот выдающийся автор приводит множество

дополнительных свидетельств этого — свидетельств, достаточных, чтобы убедить любого непредвзятого человека, вне всяких разумных сомнений, в том, что иезуиты одержали полную победу над папой, а он - над Церковью.

Все независимые правительства заявляют о своем праве регулировать свои собственные дела и управлять ими, и когда это право утрачивается по какой бы то ни было причине, их независимости приходит конец. Тем не менее, этот автор утверждает в качестве устоявшегося принципа церковного права, что Церковь, то есть папа римский, обладает исключительной властью определять свою собственную юрисдикцию в отношении духовных и временных лиц. Заявив, что "только Церковь компетентна заявлять, кто она есть и что ей принадлежит", он подтверждает доктрины, провозглашенные в знаменитом Учебном плане Пия IX, и обвиняет тех, кто не принимает эти учения, в отречении от единственной истинной веры. "Папа, - говорит он, - не может санкционировать индифферентизм или свободу вероисповедания, ни гражданские браки, ни светское образование; он не может признать свободу или, скорее, вседозволенность прессы; ни признать суверенитет народа; ни признать необходимость "социального зла"; ни легализовать грабеж и убийства" — таким образом, ставя некоторые из основных принципов нашего правительства в один ряд с самыми вопиющими преступлениями. Он характеризует "the daily paper" как "обычную сточную канаву человеческих беззаконий" и считает народное правительство такой мерзостью, что Церковь не должна молчать везде, где "восторжествует ложный принцип — суверенитет народа". Следовательно, чтобы исправить это зло и искоренить эти ереси, "священники должны заняться политикой", потому что Церковь "имеет право и обязанность вмешиваться в каждый вопрос, насколько это соответствует моральному порядку", приводя, в качестве иллюстрации, "торговлю, коммерцию, финансы, а также военные и военно-морские дела". Если государство предпримет что-либо, препятствующее достижению какой-либо из сверхъестественных целей, к которым стремится Церковь, это должно быть сведено к подчинению, поскольку "исправить это - обязанность высшего общества". Следовательно, "религия по необходимости должна войти в политику, если мы не хотим, чтобы правление стало невозможным". И, обзревая все поле, занятое современными нациями, он призывает общество избегать республики и добавляет: "Пусть формой правления будет республика, и тогда вы перенесете ужасы демократии 89-го или коммуны 71-го; ибо нация, несомненно, ввергнет себя в нищету, как только попытается управлять собой".[235]

Он посвящает свободе главу, в которой говорит: "свобода мысли - это, по сути, принцип беспорядка и неопределенности, а также разрешение на совершение любого преступления". Он осуждает "свободу слова", "свободу печати", "свободу вероисповедания или равенство Церквей" и заявляет, что "свобода вероисповедания или свобода вероисповедания - это ложная и пагубная свобода".[236] Но, будучи вынужденным осознать, что католикам разрешена свобода религиозных убеждений и богослужений в протестантских странах, он обнаруживает, что вынужден давать объяснения. Однако, поступая таким образом, он поразительно демонстрирует римскую и иезуитскую нетерпимость, какой бы властью для ее навязывания он ни обладал. То, что выйдет из-под его пера, должно привлечь самое серьезное внимание всех американских читателей, независимо от их вероисповедания. Его книга была написана и опубликована не под влиянием, благоприятствующим свободе печати, а исключительно под покровительством папы. Справедливо предположить, что он был избран надлежащей папской властью для этой цели, и что он не только не был внесен в "Запретительный список", но и имеет высшую папскую санкцию. Он говорит:

Таким образом, католики в некоторых странах требуют свободы образования, свободы вероисповедания, свободы слова, свободы печати и так далее; *не потому, что это хорошо*, а потому, что в этих странах обязательное образование, закон о соответствии вероисповедания, закон о печати и т.д. Обеспечивают то, что *намного хуже*. В египетской тьме заблуждений хорошо обрести маленький пробивающийся лучик света. Лучше находиться на пароходе "Кунард", чем на плоту, но если бы пароход шел ко дну, то плот был бы предпочтительнее. Таким образом, *относительно хорошо в языческой или еретической стране получить свободу вероисповедания*; но этот выбор не больше доказывает, что он абсолютно хорош и *должен быть предоставлен и в католических странах*, чем то, что вы садитесь на плот посреди океана, доказывает, что каждый, во всех случаях, должен это делать. *Из этого еще в меньшей степени следует, что, поскольку свобода вероисповедания востребована в протестантских странах, следовательно, она должна быть предоставлена и в католических странах*. Отрицать свободу вероисповедания противоречило бы принципу протестантизма, который заключается в праве на личное суждение. *Но принцип католицизма противоречит свободе вероисповедания*; ибо принцип католицизма заключается в том, что Бог назначил непогрешимого Учителя веры и морали".[237]

Он продолжает с поразительным самодовольством утверждать, что протестанты не имеют права проявлять нетерпимость к римлянам Католики, потому что "они не имеют права воображать, что правда на их стороне", а "ложь и заблуждения не имеют прав";[238] но римские католики имеют право проявлять нетерпимость к протестантам, потому что истина пребывает только с ними.

Свобода прессы подвергается особому осуждению. Ее называют "самой вредной из свобод", а на прессу должны быть наложены ограничения и "проверки". Это осуждается как "преступление", и, как говорится, "нет права на свободу прессы". Чтобы доказать, как усердно папы и Соборы боролись за то, чтобы положить конец "публичной лжи" со стороны "редакторов газет", он цитирует "строгие распоряжения", изданные Латеранским собором при Льве X, о том, что не должно публиковаться ничего, чего не одобряли епископы; и возобновление этих распоряжений Тридентским собором. Затем он перечисляет следующих пап, которые установили правила и предписания, предотвращающие невыполнение этих заповедей: Александр VII, Климент VIII, Бенедикт XIV, Пий VI, Пий VII, Лев XII, Пий VIII, Григорий XVI, последний из которых представлен как говорящий, что "свобода прессы "отвратительна" и "омерзительна"; и, наконец, Пий IX в семьдесят девятом предложении своей учебной программы.[239]

Он выражает глубочайшее презрение к народу и принципу братства, который объединяет их во взаимных узах для установления и поддержания их собственной гражданской и религиозной свободы. "Как у собак есть свой лай, - говорит он, - а у тигровых кошек - свое мяуканье, как у лошадей есть свое ржание, а у ослов - рев, *так и у населения есть свои крики*". Он продолжает: "Грязные демократы свергают тех, кто выше их, чтобы запрыгнуть на свои места и выступить против всех других грязных демократов".[240] Он самым суровым образом осуждает идею суверенитета народа в том виде, в каком она утвердилась в Соединенных Штатах. Там, где эта максима преобладает, по его словам, "никакое правительство было бы невозможно", потому что все было бы в "ужасающем беспорядке", по той причине, что "люди всегда жили в подчинении", и каждое общество должно продолжать иметь "постоянную власть над" ним. И поскольку эта власть должна исходить от Бога, папа должен быть этим постоянным правителем, потому что он

один представляет Бога. Он рисует картину людей, выполняющих "жонглерские трюки и акробатические подвиги при исполнении служебных обязанностей государя". Он высмеивает "высшую мудрость в законодательстве ремесленников"; "дальновидную осмотрительность в приказах бездельников, торгашей и мусорщиков"; и "покорность и готовность подчиняться в их перегруженных пивом, недисциплинированных умах". Классифицируя все народы, создавшие правительства, подчиняющиеся их собственной воле, как включенные в нарисованную им ложную картину, он утверждает, "что люди не обладают властью, а поскольку у них ее нет, они не могут делегировать ее". "Суверенитет народа, напротив, является источником всякого рода зла и разрушения общественного блага или "общественного блага". "Люди никогда не смогут понять принципы справедливости; они потеряли за своими прилавками то небольшое чувство справедливости, которое у них было".[241]

В главе, из которой взяты эти выдержки, есть пара предложений, намеренно пропущенных мимо ушей как заслуживающие особого внимания и комментариев. Они полны смысла и особенно интересны для нас в этой стране, учитывая тот факт, что протестанты считаются мятежниками против Церкви и как класс все еще считаются находящимися под ее юрисдикцией и подлежат, подобно отбившимся овцам, возвращению в стадо. Задаются следующие вопросы:

"Если вы отказываетесь признавать власть Христа в Церкви, как вы можете ожидать, что ваши подданные признают вашу власть в государстве?*Если для вас законно восстать против Церкви, то должно быть законно и для других восстать против государства?*"[242]

Хотя это открыто не утверждает право римско-католиков на восстание против протестантизма и протестантских институтов, это не только предполагает, но и оставляет за собой право сделать вывод. Всем известно, что протестантизм был плодом восстания против власти Римской церкви. Согласно этому автору и учению этой Церкви, таким образом не было приобретено никаких справедливых прав, потому что ничто не может вырасти из сопротивления ее авторитету. Следовательно, протестантизм не имеет права на существование, и долг Церкви — привести его к послушанию, то есть уничтожить, когда бы это ни было достигнуто. Следовательно, предложения автора включают два положения: во-первых, поскольку протестантизм является бунтом против Церкви, он подал пример, которому по праву можно следовать в бунте против самого себя; и, во-вторых, если протестантизм своим бунтом против Церкви установил гражданские институты, которые Церковь считает враждебными себе, "должно быть законно" бунтовать против таких институтов до тех пор, пока они не будут приведены в соответствие с интересами и благополучием Церкви. Следовательно, по мере развития своих теорий он отрицает, что такая вещь, как *национальность*, в понимании всех современных народов, может иметь какое-либо законное существование, потому что "это противоречит церковному предписанию подчиняться законной власти";[243] другими словами, это противоречит праву непогрешимого папы игнорировать все границы государств и делать себя суверенным и универсальным распределителем управляющей власти мира в пределах любой юрисдикции, которую он сам определит. В этой же связи он осуждает доктрину *невмешательства* между нациями и настаивает на том, что их долг - вмешиваться в дела друг друга по той причине, что "христианское милосердие повелевает людям и нациям приходить на помощь друг другу".[244] "Взаимопомощь, - говорит он, - является фундаментальной обязанностью христианства; и поэтому невмешательство должно быть принципом, принадлежащим язычеству".[245] Эта доктрина явно используется, чтобы убедить всех римских католиков во всем мире, что их долг -

довести не только себя, но и правительства, под властью которых они живут, до вмешательства в дела Италии, при необходимости, силой, чтобы обеспечить восстановление светской власти папы. В той мере, в какой это применимо к Соединенным Штатам, оно рекомендует игнорировать наши законы о невмешательстве, поскольку, вводя их в действие, правительство узурпировало власть, которая ему не принадлежала, поскольку это приводит к результатам, наносящим ущерб суверенным правам папы римского. Развивая ту же идею, он яростно сопротивляется доктрине того, что известно как *свершившиеся факты* — то, что французы называют *свершившимся фактом*; то есть признанию независимости и национальности правительства, которое успешно поддерживало себя, как это сделало королевство Италия, революционным сопротивлением произвольной светской власти папы римского. Следовательно, поскольку нынешнее правительство Италии является "деспотической тиранией", не приобрело никаких прав, но продемонстрировало "только преступление за преступлением в бесконечной цепи беззаконий", следует вернуться к "старому порядку вещей", когда папа является временным монархом, обладающим абсолютной властью диктовать все законы.[246]

Мы должны следовать за этим автором несколько дальше, потому что, прежде чем закончить, он достигает точки, абсолютно жизненно важной для гражданских институтов, подобных институтам этой страны. Он посвящает более дюжины страниц *"либеральным католикам"*, чтобы доказать, что, поскольку Церковь обязательно должна быть нетерпимой, либерализм является одной из форм ереси. "Быть католиком по отношению к папе римскому и быть либералом по отношению к правительству - противоречивые личности; они не могут существовать в одном и том же предмете".[247] потому что первое включает в себя то, что является истинным, а второе - то, что является ложным, когда гражданская конституция не соответствует идеям папы. Такие "либеральные католики", которые "верят в свободу прессы, представительное правительство, материальную ответственность министерства" — как поклялись делать все католики иностранного происхождения, принесшие присягу на верность Соединенным Штатам, - *"демонстрируют не только незнание или забвение того, что жизненно важно для религии, и принципов, которых христианство требует от правительств и конституций; но и самое ложное и пагубное мнение"*. И, выражая свое изумление по поводу того, что в Церкви есть люди, столь либеральные по отношению к правительству, которое является полностью светским и не подчиняется диктату папы римского, он задает такой вопрос: "Разве не удивительно, что кто-то воображает себя католиком, в то время как он *либерален по отношению к Правительству?*" Он не признает никакой власти для управления обществом, кроме власти Церкви, потому что соответствие закону Божьему не может быть достигнуто никаким другим способом; и поэтому он говорит: "Если эта идея власти противоречит, уравнивается или сдерживается конституцией страны, то правительство основано на основе, которая противоречит разуму, природе и христианской вере". И по этой причине *"таким образом, современные конституции вступили в прямой антагонизм с католической религией"*. [248] Следовательно, продолжает он, "каждый честный человек в каждой стране теперь произносит новую молитву к своей литании: Из Законодательной палаты: "Господи, избави нас!" [249] Он настаивает на том, что верность Церкви заключается в соблюдении всех догм, изложенных в Программе Пия IX, и, таким образом, перечисляет эти важные положения, содержащиеся в ней: 55-я, осуждающая отделение Церкви от государства; ограничение прав правительств, объявленное 67-й; свобода вероисповедания, осужденная 77-й; свобода прессы, осужденная 79-й; гражданский брак,

запрещенный 65-й по 74-й; светское образование, которое называется узурпацией, запрещенное 45-й по 48-й; угнетение духовенства осудили в 49-м; и "все принципы либерализма, прогресса и современной цивилизации", объявленные в 80-м, "несовместимыми с католицизмом папы римского".[250]

Еще несколькими краткими комментариями о "гражданском браке", "секуляризации образования" и иезуитах завершается эта необыкновенная книга предостережением верующим не позволять своим детям получать "безбожное образование" в таких государственных школах, которые разрешены законами всех наших Штатов — потому что все образование должно находиться под надзором Церкви — и серьезным и торжественным заявлением, что *"протестантизм наполнил мир руинами!"*[251]

Какая степень увлечения, должно быть, вызвала это последнее замечание! Об этом нужно сказать только то, что в прежние времена существовали могущественные правительства, подчинявшиеся владычеству пап, но все они ушли в прошлое — не осталось ни одного. Протестантские правительства поднялись из руин одних и сейчас поднимаются из руин других, и все они счастливы, процветают и прогрессивны; в то время как сам папа с огромным количеством своих союзников, помогающих ему, использует всю власть, данную ему Церковью, чтобы убедить их вернуться к регрессивному периоду Средневековья. Автор работы, которой было отведено так много места, является одним из его заметных союзников, далеко не наименее выдающимся среди них; и по этой причине доктрины, которые он провозгласил от имени папства, были изложены необычно подробно. После того, как это было сделано, для того, чтобы то, что он сказал, могло быть полностью понято, здесь нужно только дополнительно отметить, что, согласно тому, что он изложил как устоявшееся религиозное учение Римской церкви с непогрешимым папой во главе, ни для кого невозможно поддерживать это учение и в то же время быть лояльным правительству Соединенных Штатов. От этого никуда не деться; но перед дальнейшими комментариями по этому пункту, есть другие свидетельства, показывающие, что с тех пор, как была провозглашена непогрешимость папы, границы между народной и папской формами правления были объявлены настолько отчетливо, что требуется совсем немного проницательности, чтобы различать их, и еще меньше - чтобы понимать, что они не могут сосуществовать в одной стране.

Преподобный педагог, прикрепленный к семинарии Святого Иосифа в Лидсе, Англия, после Ватиканского собора также взял на себя задачу разъяснить англоязычному миру, каковы единственные отношения между гражданскими правительствами и Церковью, которые может одобрить непогрешимый папа. Его взгляды впервые были изложены в колонках *"Католического прогресса"*, периодического издания с большим тиражом; но они были признаны настолько важными и столь существенной частью постоянной литературы Церкви, что в 1883 году они были опубликованы в виде книги, чтобы обеспечить более широкое чтение. Эта книга, озаглавленная *"Католическая церковь и гражданские правительства"*, содержит немногим более ста страниц и, будучи в дешевой форме, попала в Соединенные Штаты, где, конечно, ожидается, что ее учения привьют умы всем верующим и предоставят инструкторов для проведения обучения в религиозных школах. Чего от него ожидается добиться, будет видно из следующих ссылок на его содержание.

При открытии книги читатель заранее информируется о том, чего он должен ожидать в плане доктринального обучения. Он посвящен нынешнему папе римскому Льву XIII, к которому, помимо того, что он назначен наместником Христа, обращаются как к "Христу на земле!" — не как к человеку со способностями и слабостями человеческой природы, а как к самому Богу! Хотя автор не представлен как иезуит, из этих богохульных слов, которые шокируют чувство христианской пристойности и должны вызывать негодование в каждом разумном христианине, вполне можно заключить, что он им является.

Он начинает с предположения, что нынешний папа "все еще король" и что "он осуществляет реальную власть над своими подданными, независимо от страны, к которой они по рождению принадлежат".[252] В этом он согласен с итальянцем П. Франко и английским государственным деятелем лордом Монтегю в том, что нельзя допустить, чтобы принцип национальности возобладал над папой римским в его стремлении к вселенскому владычеству — что границы штатов и даже океанские рубежи ничего не значат. На этой гипотезе он основывает предположение, что Церковь "является публичным обществом, царством, божественным государством" и обладает "властью публичной юриспруденции".[253] В другом месте он называет это "внешней властью издавать законы", то есть принимать законы, обязывающие совесть своих подданных, принимать меры для обеспечения исполнения этих законов, самой судить о смысле своих законов, наказывать тех, кто нарушает законы, и направлять их на правильный путь путем принуждения.[254] Он пытается различными способами утверждения утвердить положение о том, что Церковь "независима" от всех гражданских правительств, пока не достигнет точки положительного утверждения этого;[255] в качестве причины, по которой Церковь "Церковь - это продолжение авторитетного присутствия Иисуса Христа в мире".[256] Отворачиваясь, лишь на мгновение, от идеи "универсального христианского мира", неограниченного отдельным гражданством государств, он рисует печальную картину состояния мира, если эта независимость Церкви не будет полностью признана. "Стоит допустить, — говорит он, — что Церковь подчинена гражданскому государству, и последует полное крушение плана спасения, полное затопление божественной истины, полное ниспровержение - нет, полное разрушение - царства Христова".[257] "Она знает, что никакая земная власть не может связать ее", и она не может "присягнуть на верность или заявить о своей преданности любому другому суверену", что он доказывает Программой Пия IX.[258] Следовательно, он повторяет: "Церковь - совершенное общество, независимое от государства";[259] и подчеркивает это, заявляя, "что государство находится в Церкви, как колледж находится в штате".[260] У нее есть "право проезда. Она имеет право входить в каждое королевство в мире, разбивать свои палатки, распространять свое учение, создавать подданных ... править в каждом уголке земли",[261] и "использовать оружие, наиболее подходящее для достижения ее цели".[262] Она "обязана использовать средства, наиболее способствующие ее духовной цели", и "просветляющий дух", который руководит ею, "показывает ей преимущество иногда использовать *временные средства*". Помимо поста, воздержания, отлучения от церкви и интердиктов, "иногда оказывались очень полезными и более суровые меры". Она "имеет право использовать *внешнее принуждение* всякий раз, когда это обещает помочь", согласно "принципу принудительной силы", утвержденному Пием IX в двадцать четвертом предложении Учебной программы. В первую очередь эти принудительные меры должны применяться против "только членов Церкви", но могут быть применены по усмотрению папы римского против всех крещеных лиц. "После крещения, - говорит он, - Церковь имеет над ними все родительские

права".[263] Сюда входят крещенные протестанты, которые по постановлению Тридентского собора считаются заблудшими овцами, но все еще находятся под юрисдикцией Церкви.

Церковь, настаивает он, ни в чем не подчинена государству, но государство "подчинено Церкви и находится под ее руководством во всех вопросах, которые затрагивают, даже случайно, нравственную жизнь государства".[264] Государство "обязано не вводить никаких законов или санкционировать какие-либо обычаи, которые могут каким-либо образом помешать Церкви достичь своей сверхъестественной цели", и "обязано оказывать Церкви *материальную помощь* всякий раз, когда оно сочтет такую помощь необходимой".[265] "В настоящее время не осталось ни одного истинно католического государства".[266] Но это не освобождает их от обязанности повиновения Церкви, потому что "большая часть их подданных крещены", а "крещение зачисляет мужчину в число детей Церкви; и, следовательно, несмотря на то, что они отрицают требования своего истинного духовного Учителя, они, как христианские государства, все еще связаны одним обязательством; а именно, воздерживаться от установления любого закона, который противоречит против совести их подданных-католиков".[267] Следовательно, Церкви должны "повиноваться ее подданные, с доброй волей гражданской власти или без нее".[268] "Церковь имеет право выполнять свою божественную миссию в каждой стране и делать это, если потребуется, *вопреки гражданской власти*".[269] "Церковь посылает своих служителей по всему миру", "независимо от благосклонности или разрешения светских властей", и наделяет их "абсолютной властью".[270] Когда папа возлагает на них обязанность, "он дает им право выполнять эту обязанность *вопреки всем земным силам*".[271] "Попытки гражданской власти воспрепятствовать Церкви в осуществлении этого права являются преступлением. Это значит сопротивляться Богу".[272] Он заявляет о праве Церкви посещать все страны мира, с их согласия или без него, и "там утвердиться и развернуть себя, наладить свой механизм" любым способом, который она сочтет целесообразным.[273] "Следовательно, - говорит он, - Церковь имеет право возводить свою иерархию, учреждать свои трибуналы, проводить свои синоды, открывать школы, основывать колледжи и монастыри, и особенно быть свободной в общении с папой римским. Она имеет право распространять веру, и ей *не нужно просить разрешения у какой-либо земной власти*".[274] "И это право Церковь никогда не сможет потерять. Она никогда не может устареть. Никакой срок не может помешать этому";[275] то есть ни одно правительство не может просуществовать достаточно долго, чтобы получить право разработать систему законов, которым папа не может по праву приказывать сопротивляться и отменить, когда он решит, что этого требуют интересы Церкви.

Прежде чем закончить, он говорит об отделении Церкви от государства и оправдывает осуждение этого Пием IX в Учебной программе и говорит, что "после такого заявления верховного пастыря, *ни один истинный католик не может считать, что политика и религия должны быть совершенно разделены*". Но, не довольствуясь авторитетом Пия IX по этому вопросу, он добавляет авторитет нынешнего папы Льва XIII, которого он представляет как возвысившего свой голос, "чтобы научить мир тому, что, хотя Церковь и гражданское правительство являются порядками, различными по своему происхождению и своей природе, воля небес в том, чтобы *религия оказывала помощь государству, и что государство должно поддерживать религию*";[276] то есть Церковь и государство должны быть объединены вместе и помогать друг другу в поддержании своей власти, чтобы своим совместным союзом они были способны сделать невозможным Управление народом. Чтобы достичь этой и других целей, на которые он указал, он представляет, что Церковь "терпит много оскорблений и терпит много несправедливостей и делает себя *всем для всех людей*" — как это делали иезуиты, когда они

поклонялись идолам в Китае и стали браминами в Индии, — чтобы она могла подчинить все нации и народности своему владычеству, а папа стал правящей силой мира, "независимой от всех гражданских правительств" и "не подчиняющейся никакому земному правителю".

Таким образом, мы имеем, изложенное простым и авторитетным языком, полное описание единственной формы правления, которую может одобрить папа. Если ему кажется, что он на какое-то время примирился с какой-либо другой формой, то это просто потому, что так целесообразно поступать, чтобы, будучи "всеми для всех людей", в соответствии с учением иезуитов, он мог тем самым обрести уверенность в окончательном триумфе. Каждый человек, который потрудится просмотреть приведенные выше свидетельства, найдет в них достаточное доказательство того факта — не говоря уже о других независимых правительствах, — что папская система более враждебна гражданским институтам Соединенных Штатов, чем какая-либо другая в мире. Какие бы заявления об обратном ни выдвигались, это очевидная истина, абсолютно неоспоримая, что фундаментальные принципы нашего правительства являются объектами постоянных и мстительных нападков со стороны папской партии - последователей папы Римского — в Соединенных Штатах и за их пределами. Создатели нашего правительства секуляризировали его с помощью мер, которые привели к разделению Церкви и государства, но папа и его иерархия при содействии иезуитов бросают нам в лицо обвинение в том, что, поступая таким образом, они нарушили божественный закон, восстановить который - их религиозный долг. Мы учредили собственное гражданство, признанное всеми нациями земли, но они говорят нам, что оно не имеет права налагать малейшие ограничения любыми законами, которые оно может принять, на власть папы римского или его армии министров и служащих в пределах границ нашей собственной территории. Мы гарантировали свободу совести или разнообразие религиозных верований, но они предъявляют нам из-за этого обвинение в ереси и открыто заявляют о своей цели разрушить эту гарантию, используя объединенные силы Церкви и государства для объединения своей собственной религии, исключая все остальные, с помощью законов, которые выше нашей Конституции. Мы обеспечили свободу слова и печати, предусмотрели гражданские браки и светское образование наших детей за государственный счет; а они говорят нам, что из-за этих и других не менее важных мер государственной политики мы превратились в "безбожную" нацию, живущую по "безбожным" законам, принятым в "безбожных" целях, и что они были божественно назначены для выполнения святого долга истребления всего этого зла, чтобы спасти нас от уничтожения, неизбежно ожидающего нас из-за них. Требуется уделить лишь одно мгновение размышлению, чтобы убедиться в том, что если папе римскому с помощью его иерархии и иезуитов будет позволено достичь результатов, к которым они сейчас с таким нетерпением стремятся, и приобрести такое господство, какого они желают в Соединенных Штатах, нашим свободным институтам придет конец. Они могут добиться успеха, только потерпев наше поражение. Папское правительство сможет восторжествовать здесь только тогда, когда наши нынешние гражданские институты будут уничтожены.

СНОСКИ:

[231] Популярные ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, Введение, стр. 1-5; текст, стр. 42-47.

[232] Популярные ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 122-136.

[233] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 139-140.

[234] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 193-196.

[235] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 201-238.

[236] *Там же.*, стр. 311-316.

[237] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 318.

[238] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 319.

[239] *Там же.*, стр. 328-333.

[240] *Там же.*, стр. 338-339.

[241] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 361-365.

[242] *Там же.*, стр. 356-357.

[243] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 375.

[244] *Там же.*, стр. 381.

[245] *Там же.*, стр. 382.

[246] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, Стр. 387.

[247] *Там же.*, стр. 395.

[248] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 396-398.

[249] *Там же.*, стр. 400-401.

[250] Популярныe ошибки, касающиеся политики и религии. Автор: лорд Роберт Монтегю, член парламента, стр. 406.

[251] *Там же.*, стр. 427.

[252] Католическая церковь и гражданские правительства. Преподобный Джон Эрншоу. Предисловие, стр. vi.

[253] *Там же.*, стр. 18-19.

[254] *Там же.*, стр. 26.

[255] Там же., стр. 31.

[256] Там же., стр. 33.

[257] Там же., стр. 34.

[258] Там же., стр. 44.

[259] Там же., стр. 45.

[260] Там же., стр. 46.

[261] Католическая церковь и гражданские правительства. Преподобный Джон Эрншоу. Страницы 48, 49.

[262] Там же., стр. 51.

[263] Там же., стр. 52-53.

[264] Там же., стр. 64.

[265] Там же., стр. 67.

[266] Там же., стр. 68.

[267] Католическая церковь и гражданские правительства. Преподобный Джон Эрншоу. Страницы 69-70.

[268] Там же., стр. 71.

[269] Там же., стр. 76.

[270] Там же., стр. 77.

[271] Там же., стр. 78.

[272] Там же., стр. 79.

[273] Там же., стр. 82.

[274] Там же., стр. 83.

[275] Там же., стр. 84.

[276] Католическая церковь и гражданские правительства. Преподобный Джон Эрншоу. Страница 99.

ГЛАВА XXV.

ИНТРИГИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Одним из наиболее заметных проявлений духа, преобладающего сейчас среди ведущих наций, является то, что все они из всех сил стараются идти вперед, а не назад. Италия в этом отношении не является исключением из этого общего правила, о чем красноречиво свидетельствует ее нынешнее видное положение в Европе. Следовательно, каждый здравомыслящий человек хорошо знает, что существующее сейчас там правительство не может быть свергнуто, так что светская власть папы может быть восстановлена разве что путем еще одной революции или военного вторжения иностранной державы. Можно только догадываться, к какому из этих средств защиты стремится папство. Но поскольку тот или иной из них должен, по необходимости, приниматься во внимание, существенно важно, чтобы было хорошо понято истинное отношение, которое догмат о папской непогрешимости имеет к светской власти, чтобы увидеть — что будет очевидно любому внимательному исследователю — влияние иезуитов на политику папы, и что, если бы не они, Церкви было бы предоставлено наслаждаться своей религиозной верой, без помех со стороны какой-либо из наций.

Светская власть всегда была врагом мира в Церкви, разделяя ее на враждебные группировки, отделяя восточных христиан от западных и внося раздоры и расколы между папами и антипапами, кардиналами и духовенством, а также теми, кто следовал за ними в их длительных и ожесточенных конфликтах. До того, как эта огромная власть была узурпирована, а папские амбиции были разжигаемы желанием обладать ею, Римская церковь приняла в свои объятия почти весь христианский мир. Однако сейчас она обнаруживает, что представляет лишь меньшинство тех, кто исповедует христианство.^[277] Все это и даже больше, чем это, было совершено неугомонными и амбициозными папами, которые, пренебрегая примером и всеми предостережениями не только самого Христа, но и всех первых христиан, вовлекли Церковь в порочные союзы с властителями и королями, чтобы они сами могли носить короны мирской власти и придавать больше силы своим последователям. принципы монархического правления, удерживая толпу в суеверии, невежестве и неполноценности. И когда в нынешний просвещенный век нет оправдания тому, что он не знал о войнах, кровопролитии, преследованиях и страданиях, которые последовали за этим нечестивым союзом между Церковью и государством, направленным на создание и сохранение мирской власти этих пап-узурпаторов, тот, кто снова обрушит эти или родственные бедствия на любую часть цивилизованного мира, должен иметь весьма мало внимания к благополучию человеческой расы. Римско-католический народ Италии по собственной воле устранил их, и те, кто сейчас пытается вновь противостоять им посредством союзов с иностранными и чуждых им держав, сами нарушают мир во всем мире, стремясь втянуть другие народы в опасные комбинации с такой целью.

Нелегко переоценить важность и серьезность вопроса, связанного с предложением "восстановить светскую власть папы римского — будь то в его отношениях с римско-католическим или протестантским населением". Что касается первых, то это включает в себя обращение их религиозной веры в нелиберальность и эгоизм иезуитизма; принесение древней веры Церкви в жертву принципам общества, которое хвастается, что оно вырвало из сердец своих членов все остатки человеческого сочувствия и привязанности и потратило весь период своего существования на то, чтобы сеять семена раздора и раздоров и так противодействовать признанному авторитету Церкви, когда использовалось для обуздания их мирских амбиций, что один из лучших и наиболее просвещенных пап был убит. вынужденный чувством долга перед Церковью и христианским миром не просто подавить их, но и безошибочно и *ex cathedra* заявить, что подавление было вечным. Для протестантов это представляет лишь две

альтернативы: либо отказаться от всех богатых плодов Реформации, либо осудить попытку посягнуть на права, которые народ приобрел после столетий конфликта с монархической и произвольной властью. Оба эти предложения требуют самого серьезного и вдумчивого рассмотрения, особенно гражданами Соединенных Штатов, где форма правления предназначена для сохранения всех религий и предоставления возможности тем, кто их исповедует, — какими бы разнообразными и противоречивыми они ни были, — жить в дружеских и мирных отношениях друг с другом. Ни один разумный человек не может размышлять над неоспоримыми доказательствами истории и философии, которым они учат, не понимая, что в отношении этого вопроса наш собственный курс прост, ясен и безошибочен.

Амбициозные папы, такие как Григорий VII, Иннокентий III и Бонифаций VIII, а также другие до и после них, приобрели и поддерживали свою светскую власть с помощью длинной серии принудительных и деспотических мер. Чтобы придать этим мерам религиозную санкцию, они узурпировали функции, относящиеся к притязаниям на непогрешимость, не только без согласия Церкви, но и перед лицом положительного неприятия этой догмы несколькими Соборами и вопреки почти единодушному мнению множества христиан. Общее устройство европейских наций, находящихся под властью монархической власти, поскольку она была объединена в Церкви и государстве, было благоприятно для них, поскольку оно держало людей в неведении относительно их естественных прав и слишком слабых, чтобы утвердить их путем революции, если бы они прибегли к этому средству. Таким образом, удерживаемое в подчинении, их непротивление расценивалось как согласие с их собственным смирением. Пользуясь этим, папы и другие короли, как союзники друг друга, отстаивали свое божественное право управлять государством в соответствии только со своей собственной объединенной волей и стремились утвердить непогрешимость папы как догму религиозной веры, чтобы сохранить и приумножить свою монархическую власть. Вдумчивые и интеллигентные римские католики отрицали эту доктрину, но были бессильны избавить толпу от суровости этого совместного правления, потому что вся сила принуждения находилась в руках тех, чьи амбиции поощрялись этим, и кто держал себя в постоянной готовности применить ее всякий раз, когда их интересы, как духовные, так и мирские, оказывались под угрозой. Если история не доказывает всего этого, она ничего не доказывает.

Когда начался период Реформации, и папы и духовенство отказались от необходимых реформ в Церкви, те, кто поддерживал это великое движение, в большом количестве отделились от папской партии, но продолжали отстаивать свою непоколебимую верность первоначальной христианской вере. Таким образом, правящие власти столкнулись с распадающейся Церковью, вызванной их собственным отказом реформировать признанные злоупотребления, некоторые из которых были настолько вопиющими, что послужили иезуитам основанием для признания их общества. Остановить этот распад было нелегко после обращения Льва X с Лютером, и трудности усугублялись обстоятельствами, связанными с Тридентским собором, а также работой этого органа. Есть много свидетельств этого. Заметным среди них является тот факт, что папы были против Генерального собора, главным образом из-за опасения, что он откажется подтвердить их предположение о непогрешимости, что неизбежно привело бы к ослаблению их влияния на светскую власть. Если бы не император Карл V, маловероятно, что Собор тогда был бы проведен. Он неоднократно убеждал папу римского в необходимости его созыва, но безуспешно. Он кокетничал с протестантами-лютеранами в Германии посредством своего знаменитого "временного правления" и других приемов, чтобы усилить свои армии за счет их присоединения. Но в то же время он лелеял надежду, что Собор изобретет какой-нибудь метод

побудить его подданных-лютеран воссоединиться с Церковью, из которой они были изгнаны узурпацией папства и признанными пороками духовенства. Однако его главной целью было сделать союз между Церковью и государством настолько нерасторжимым, чтобы сохранить и увековечить монархический принцип в качестве защиты для обоих. Обнаружив, что папы непреклонны в своем противостоянии Генеральному собору, он приказал созвать национальный собор в Аугсбурге, в его собственных владениях, для рассмотрения и принятия решений по таким вопросам, касающимся Церкви, какие он сочтет целесообразными. Климент VII был тогда папой, и не потребовалось много размышлений, чтобы убедить его, что, если императору удастся созвать Национальный собор в Германии, он почти с абсолютной уверенностью подтвердит решения Констанцкого и Базельского соборов, отвергнув догму о непогрешимости, и таким образом нанесет папству опасную и, вероятно, смертельную рану. Император поставил ему полный мат, и ему ничего не оставалось, как созвать Генеральный совет, который заменил Национальный совет в Аугсбурге. Это была игра в управление государством между соперничающими соперниками за превосходство, ни один из которых не был ограничен никакими высшими мотивами, кроме тех, которые зарождаются в личных амбициях. Что касается папы, он предпочел бы, чтобы распад Церкви продолжался, а не подвергался риску быть отвергнутым Генеральным собором в своей непогрешимости и возможной потере своей светской власти, которой угрожало бы это отрицание. На все это в достаточной степени указывают препятствия, воздвигнутые папами на пути проведения Собора. Климент VII умер через четыре года после созыва, но без указания времени его созыва. Его преемник, Павел III, был вынужден назначить дату на 1537 год и назначить местом проведения Мантую. Но это не исчерпывало всех возможностей для отсрочки. Против Мантуи были выдвинуты возражения по причинам, не до конца объясненным, и Винченца был заменен. Соответственно, сроки были перенесены на год, до 1538 года. Поскольку никакой встречи тогда не произошло, она снова была назначена на 1542 год. Тем не менее, однако, чтобы выиграть больше времени, его перевели в Трент, где он собрался только 13 декабря 1545 года — через тринадцать лет после того, как его впервые созвал Климент VII. Его последнее заседание состоялось 4 декабря 1563 года — через восемнадцать лет после того, как он впервые собрался, и через тридцать один год после того, как он был впервые созван - прошло больше поколения времени!

В течение всех этих лет папы стремились найти самый надежный способ увековечить свои притязания на непогрешимость как средство сохранения своей светской власти. Хотя следует предположить, что они в то же время желали спасти Церковь от свержения, они настолько смешали это дело со своими собственными амбициозными целями, что Собор, вместо того чтобы быть реформаторским, не смог добиться ничего большего, кроме начала контрреволюции для подавления Реформации, которая к тому времени с каждым днем становилась все более грозной. Папа римский, Юлий III и Карл V были заинтересованы в сохранении единства Церкви и государства, чтобы успешно отражать любые удары, которые могли быть направлены против принципа абсолютного монархизма. Но, помимо этого, у папы был свой отдельный и отчетливый интерес в попытке обеспечить, без возможности потери, имперские права и прерогативы папства. Как бы он ни был смущен, когда взоры всей Европы были прикованы к нему, он был вынужден искать поддержки во всех направлениях и не находил вклада в папские притязания, который мог бы стать более ценным, чем тот, который предлагали иезуиты, которые тогда были готовы под руководством Лейнеза, своего генерала, посвятить

себя любой работе, которая была бы необходима для подавления духа восстания против монархизма Церкви и государства.

Помня об услугах, оказанных Лойолой делу абсолютной монархии, и зная, что центральная особенность иезуитской конституции была специально разработана для продвижения этого дела, папа решил привлечь к себе на помощь объединенный и сплоченный корпус иезуитов, заручившись поддержкой в качестве армии для защиты пошатнувшегося дела папства. Главной целью Лойолы в течение его жизни было обратить вспять волну Реформации; и, хотя он явно потерпел неудачу в этом, он проявил такие превосходные качества как полководец и командующий людьми, и настолько преуспел в передаче тех же качеств Лайнесу, своему преемнику, что папа решил направить последнего в качестве одного из своих легатов на Собор, ясно показывая, что он не желает и боится доверять интересы папства в руки тех, кому в соответствии с существующей организацией Церкви была доверена ее административная власть. Он, несомненно, считал, что наиболее надежным, если не единственным методом сохранения папства, в отличие от первоначальной Церкви, было бы вливание иезуитского духа и мужества в ряды его защитников. До сих пор мы видели, как Лайнез преуспел на французском соборе в Пуасси в ограничении права обсуждения только церковниками, и справедливо предположить, что знание этого диктаторского духа привлекло к нему внимание папы. Во всяком случае, он пользовался особым расположением и выделялся как представитель папы римского и иезуитов одновременно — союз, имевший лишь одно значение; а именно, что папа принял иезуитов в качестве своих союзников, предпочтя их любому из существующих монашеских орденов, потому что, как не подлежит сомнению, последние занимались религиозной деятельностью, в то время как первые рассматривали религиозные профессии и практики как ступеньку к приобретению богатства и светской власти. Пользуясь таким благосклонностью выше любого другого члена Собора, Лайнез мужественно вступил в состязание между теми, кто защищал, и теми, кто отрицал доктрину непогрешимости папы, и продемонстрировал свои великие способности, до предела поддерживая крайние притязания на духовный и светский суверенитет, которые такие папы, как Григорий VII, Иннокентий III, Бонифаций VIII и другие, ныне объявленные непогрешимыми, на протяжении веков отстаивали вопреки просвещенным чувствам всего христианского мира. Во время долгих и утомительных заседаний Собора он все дальше и дальше отходил от таких выводов, которые удовлетворили бы тех, кто желал сохранить целостность Церкви; и только когда приблизилось время его заключительных заседаний, Лайнез обнародовал доктрину иезуитов о непогрешимости папы, а также о власти, которую это придаст папству. Хотя, вопреки ожиданиям папы, ему не удалось добиться подтверждения своих доктрин Собором — ибо, если бы была предпринята попытка воплотить непогрешимость папы в символах веры, негативные решения Констанцского и Базельского соборов были бы повторены, — все же ему удалось заверить папство в том, что его самыми грозными союзниками были иезуиты, на которых он мог тогда и всегда после этого полагаться в своих битвах во имя этой догмы, а также светской власти и всего, что потребуется для придания силы и постоянства папскому престолу. принцип монархизма в управлении как Церковью, так и государством. Когда это было достигнуто вместе с таким количеством вливания иезуитизма в Символ Веры, на какое можно было тогда смело отважиться, папа счел папство спасенным, по крайней мере на данный момент, и распустил Собор.

Если бы этот Собор был созван незамедлительно по требованию Карла V и многочисленной группы христиан, можно было бы избежать многого из того, что с тех пор произошло во вред Церкви. Почти наверняка последовал бы один результат — подтверждение доктрины

Констанцского и Базельского соборов путем отрицания непогрешимости папы римского. Какого множества зол избежала бы тогда Церковь! Поскольку вопрос о непогрешимости был решен путем приверженности древней вере, которая возлагала его на пап и Соборы, объединенные как представители Вселенской Церкви, состоящей из всего тела христиан, события, происходившие тогда в Европе, указывают на то, что преобладающие настроения в пользу реформы были бы достаточно сильны, чтобы остановить, если не остановить, прогресс церковного распада. Достигнув этого, вопрос о светской власти был бы оставлен как чисто внутренний вопрос, который должен был бы решаться итальянским народом в одиночку; честолюбие пап больше не искушалось бы желанием обрести всеобщий суверенитет над миром; их вмешательство в мирские дела народов получило бы порицание; гармония и согласие могли бы воцариться среди всех христиан, независимо от их религиозных различий; все споры о свободе совести, по всей вероятности, прекратились бы; людям каждой нации было бы предоставлено самим управлять своими делами, и они могли бы несомненно, наступил бы такой период всеобщего процветания и довольства, который потребовался протестантизму, несмотря на сопротивление и анафемы папства, воцарившегося под властью разочарованных пап.

Но доктрина о непогрешимости папы римского, провозглашенная Лайнцем на Тридентском соборе, заслуживает тщательного изучения, чтобы можно было понять ее истинное значение. Тот, кто проведет необходимое для этого кропотливое исследование, не удивится, обнаружив, что потребовалось более трехсот лет споров внутри Церкви, прежде чем папству удалось создать достаточное количество послушных прелатов, чтобы одобрить иезуитское учение Лайнца, как это сделал Ватиканский собор 1870 года, постановив, что не только правивший тогда папа Пий IX был непогрешим, но и что все остальные папы с самого начала — хорошие, плохие и безразличные — также были непогрешимы! Однако он будет немало удивлен, когда вспомнит, что это было сделано в девятнадцатом веке, перед лицом господствующего ныне народного просвещения, и что именно такой период был выбран для этого иезуитского и папского триумфа над Церковью, который является ни много ни мало передачей будущей судьбы Церкви под контроль иезуитов, а штурвалом корабля, на борту которого находятся ее самые драгоценные сокровища, руководят последователи Лойолы и Лайнеза и генералы-иезуиты, пришедшие им на смену.

Язык, который использовал Лайнез на этом знаменитом Соборе — выступая от имени папы в качестве его особо уполномоченного легата, — не только выразителен, но и поразит тех, кто, возможно, сейчас впервые его изучает. Это должно быть хорошо изучено и рассмотрено гражданами Соединенных Штатов, особенно теми римскими католиками, чье молчаливое согласие с тем, что папство делало и делает сейчас, заставляет рассматривать их как одобряющих то, что, по их чистой совести, подавляющее большинство из них не одобряет. 20 октября 1562 года — после того, как Собор просуществовал семнадцать лет, так и не решив вопрос, действовали ли епископы по Божественному назначению или были просто пассивными созданиями и инструментами пап - Лайнез обратился к собравшимся с тщательно подготовленной и продуманной речью, которая, по словам историка, заняла "более двух часов". Это событие было великим для него и иезуитов — по сути, поворотным моментом в его и их истории. Это был первый раз за все время существования Церкви, когда голос иезуита был услышан на Генеральном соборе, и первый раз, когда генерал этого общества был назначен специальным легатом папы римского. Это был также первый случай, когда Церковь открыто отвернулась от древних монашеских орденов, отдав предпочтение обществу, явно

организованному в антагонизме к ним, по общепризнанной причине, что они были непригодны из-за коррупции для эффективного служения Церкви. Лейнез был на высоте положения — его речь была, как все согласны, грандиозной демонстрацией выдающихся способностей. Он указал на разницу между Церковью и человеческими правительствами — первое было построено Христом, а второе — человеческими обществами. Исходя из этой предпосылки, затем он развил папскую и иезуитскую теорию, сказав: "Что, пока Христос жил в смертной плоти, он управлял Церковью с помощью *абсолютного монархического правления*, и, собираясь покинуть этот мир, *он оставил ту же форму*, назначив своим викарием святого Петра и его преемников управлять ею так, как он это делал, дав ему *полную власть и юрисдикцию и подчинив Церковь ему, как это было с ним самим*". Это было смелое заявление о непогрешимости пап — религиозной догмы о том, что каждый из них сам по себе обладает "полной властью и юрисдикцией" абсолютного и безответственного монарха. Это заявление вызвало как похвалу, так и порицание — последнее особенно со стороны епископа Парижского, который обвинил его в том, что оно было придумано за пятьдесят лет до этого для того, чтобы его автор мог получить от папы кардинальскую шапку; таким образом, было показано, насколько хорошо и отчетливо понималось, что Лейнез был рупором папы и всего лишь повторял его мнения. Несмотря на эту отповедь, Лейнез не смущается, ибо он хорошо знал потенциальную силу за ним — но приступил к созданию утверждения, что Петр, как и Христос, был *абсолютным монархом*, с помощью аргументов, которые с тех пор отвечали той же цели; то есть потому что Христос сказал ему: "паси [то есть, *править*] овцы мои [*животных*, которые уже *ни части, ни в суд, касающихся самих.*]" Затем, настаивая на том, что Христос предназначил это отношение существует между Церковью и "епископ Рима, от Святого Петра до конца мира", он также заявил, что Христос, кроме того, "дал ему привилегию *непогрешимости в суждении о вере, нравственности и религии*", является обязательным для всех церквей, чтобы послушать его, и стоять твердо в то, что должно определяться его". С видом выражая более отчетливо этот примат папы над Вселенской Церковью он продолжил: "Церковь не может заблуждаться, *потому что он не может*, и поэтому он отделен от того, кто является главой Церкви, отделен от Церкви", то есть, никто не может оставаться в его бледное, которые не приемлют как неопровержимая правда, что папа прикажет со ссылкой на веру, нравственности и религии. И чтобы придать завершенность папской и иезуитской системе, которую он объяснял, он унизил епископов, положив их вместе с другими "*животными*" к ногам папы. Он настаивал на том, что поскольку "апостолы рукоположили епископов не Христом, а Святым Петром, получив юрисдикцию только от него", следовательно, их полномочия и функции были возложены на них не божественным законом или волей, а папой римским по его собственной воле и соизволению, что сделало их его созданиями, простыми исполнителями его воли, готовыми в любое время безоговорочно и безоговорочно повиноваться его повелениям и обязанными принимать волю и закон Божий так, как он будет их наставлять.^[278]

Это явное искажение слов Христа, которые имеют ясный и незамысловатый смысл, с тех пор настолько укоренилось, что множество людей, которые не повинуются его повелению "исследовать Священные Писания" самостоятельно, приняли папское и иезуитское толкование как безошибочно верное. То, что он сказал — "*Паси моих овец*", — не поддается истолкованию в том смысле, который эта интерпретация придает этим словам. Английское слово "*feed*" означает только снабжать пищей для пропитания. В латинском вульгатном издании Нового Завета слова Христа выражены так: "*Пасе овес меас*". Слово "*pasce*" означает именно то, что означает английское слово *feed*; так что перевод, принятый сейчас наиболее просвещенной

частью мира, является совершенно точным. Но Лейнез, как будет видно, настолько извратил слово *rasse*, или *feed*, что оно стало означать "управлять"; тогда как, если бы авторы вульгатного издания Нового Завета намеревались передать какую-либо подобную идею, они использовали бы либо слово *guberno*, либо *impero*, либо *dominor*, либо *rego*, что означает *управлять*.^[279] Но он, очевидно, больше заботился об интересах папства и благополучии своего общества, чем о правильном толковании Священного Писания. Принципы иезуитской конституции глубоко укоренились в его сознании; и поскольку они учили его, что множество человечества должно быть сведено к унизительному стандарту абсолютного повиновения вышестоящим, его предположение о том, что все члены Церкви были "животными", не имеющими ни права, ни способности управлять собой, и, следовательно, полностью подчиняющимися власти папы, было законным выводом из его посылки. Чего он, очевидно, намеревался добиться, так это привнести в доктрины Церкви фундаментальный и наиболее отличительный принцип иезуитской конституции — тот, который делает монархизм главным краеугольным камнем во всем духовном и светском правлении. Он был сподвижником и доверенным лицом Лойолы и, несомненно, считал себя исполнителем цели, ради которой им было создано общество; то есть довести Церковь через папство и посредством него до такой степени, чтобы она отбросила все влияния древних монашеских орденов и полагалась только на иезуитов в своей главной защите в конфликте с протестантизмом. В этом он служил обществу как его генерал, в то время как как легат папы римского он служил папству — очевидно, однако, что первое было его главной целью. Рассматривая только эти цели, он упустил из виду важный факт, что Христос, обращаясь к "великому множеству бессильных людей, слепых, хромых, иссохших", велел им самим "исследовать Священные Писания", потому что в них они найдут то, что свидетельствует о нем.^[280]

Тридентский собор не устанавливал непогрешимости папы римского, и попытка сделать это потерпела бы неудачу, если бы на этом настаивали, из-за народной ненависти, которой пользовалась эта доктрина после расколов, вызванных папством, которые сделали абсолютно необходимым для жизни Церкви, чтобы Констанцский и Базельский Соборы прямо отрицали и осуждали ее, объявив, что Генеральный собор, как представитель Церкви, выше папы римского. Это было особенно необходимо в отношении первого из этих Соборов по той причине, что на папский престол тогда претендовали Григорий XII, Бенедикт XIII и Иоанн XXIII, так что никто не знал, кто был истинным папой. Но поскольку должность занимал Иоанн XXIII, Совет судил его по "пятидесяти пяти пунктам обвинения", и после торжественного низложения на его место был избран Мартин V, который является одним из преемников папы.^[281] Несмотря на эти общеизвестные факты, однако, Тридентский собор, под хитрых манипуляций Лейнез, с папой, чтобы поддержать его, пошел так далеко, как он мог в этом направлении, чтобы не вызвать народного возмущения. Легаты папы во главе с Лейнезом охотно приняли бы указ о непогрешимости папы, однако было несколько епископов, которые не были готовы принять теорию иезуитов о том, что вместо того, чтобы черпать свою юрисдикцию и авторитет из божественного закона, они исходили исключительно от папы. Кроме того, представители монархов и князей не желали уступать папе светскую власть, которую доктрина о его личной непогрешимости должна была воплотить в его духовном суверенитете; ибо было легко видеть, что, если признать ее частью веры, они будут распоряжаться своими королевствами и властью по его усмотрению.

Хотя на Тридентском соборе не проводилось прямого голосования, с помощью которого можно было бы численно определить сторонников и противников непогрешимости, весь процесс

доказывает, что своим заключительным действием он заложил основу для окончательного триумфа доктрины иезуитов. Лайнез не одержал полной победы, на которую надеялся, но получил преимущества, которыми его общество продолжало пользоваться в течение трехсот лет, когда их триумф стал полным при понтификате Пия IX. В течение этого длительного периода судьба иезуитов менялась — одни папы пользовались благосклонностью, другие выступали против, — но все эти годы общество с самым упрямым упорством придерживалось учения Лайнца, провозглашенного на Тридентском соборе. Несмотря на то, что члены общества пользовались почти всеобщей ненавистью во всех просвещенных странах, и общество было предано суду, осуждено за многочисленные общественные преступления и подавлено одним из самых выдающихся пап, и нашло убежище от народного возмущения под защитой, предоставленной им врагами Римской Церкви, им, наконец, удалось восстановиться, чтобы служить "Союзным державам" в защите и сохранении абсолютного монархизма. Таким образом, восстановив часть своего утраченного влияния под усиленной заботой и покровительством папства, они в конечном счете получили возможность всего около двух десятилетий назад держать перо и успокаивать нервы Пия IX при подготовке указа о его собственной непогрешимости и непогрешимости всех пап "от святого Петра до конца света". Не бездействовали и сами папы в течение этих трех столетий конфликта между прогрессом и регрессом, просвещением и невежественными суевериями. Подобно искусным политикам, какими были многие из них, они использовали предоставленную им Церковью власть назначать, чтобы создать многочисленный корпус кардиналов и епископов, которые были объединены, подобно армейскому корпусу, торжественными клятвами верности папству. Марш этой церковной армии был медленным по необходимости, потому что те, кто считался всего лишь "животными", постепенно освещались светом Реформации. Но, тем не менее, она была устойчивой по той причине, что ставка, на которую делались ставки, была велика, а мужество, привитое иезуитами, стимулировало. Наконец силы были достаточно консолидированы, а кардиналы и епископы достаточно покорны, чтобы поставить судьбу папства на карту одним броском жребия. Соответственно, Ватиканский собор 1870 года был доведен до того, что провозгласил непогрешимость всех пап в качестве последнего средства, чтобы, по возможности, обратить вспять волны итальянской революции и спасти светскую власть папства от надвигающегося разрушения и обезопасить его будущее, привив отвергнутую догму иезуитов к устоявшейся и признанной вере Церкви.

СНОСКИ:

[277] В позднем "Атласе мира" Варфоломея, таким образом, указаны исповедующие христианство:

Римские католики	175,000,000
Протестанты	110,000,000
Греческая церковь	90,000,000
Другие христианские секты	20,000,000
Абсолютные христиане	395,000,000

[278] История Тридентского собора. Автор Sarpi. Лондонское издание. 1676. Страницы 571-573.

[279] Лейнесу до сих пор удавалось влиять на папство своим методом толкования Священного Писания, что и Дуэ, или Римско-католическая Библия, и Реймская версия Нового Завета содержат пояснительную записку, в которой папское значение слов "*Паси моих овец*" дается как безошибочно верное. Там сказано, что этими словами Христос возложил на Петра "*руководство всеми своими овцами и, следовательно, всем своим стадом, то есть всей своей Церковью*". Это происходит не совсем в той степени, в какой это сделал Лейнез, преобразовав слово *кормить* в *управлять*, но настолько близко, что различие практически не имеет значения. Латинское слово "*rasse*" не означает ни *управлять*— ни *надзирать*, как и греческое слово βόσκει, а просто *кормить*. Если бы Христос намеревался сказать "*управлять*" или "*надзирать*", он использовал бы слово, имеющее это значение, которое в Вульгате было бы *liboscuration*, либо *procuratio*. Следовательно, Он имел в виду только духовную пищу — советы, наставления, наставления, — полностью исключая идею управления или надзора за мнениями или совестью кого-либо из паствы.

[280] Иоанн v, 39: "Исследуйте Священные Писания, ибо в них вы думаете, что имеете жизнь вечную; и они свидетельствуют обо Мне". Слова латинской Вульгаты - "*Scrutamini Scripturas*", а греческой - "Ερευνᾶτε τὰς γραφάς". Каждое из них означает нечто большее, чем "*исследуй Священные Писания*", то есть прилежно исследуй, тщательно исследуй, и язык этот — язык повеления. Чтобы превратить это в простую констатацию факта, Дуэ, или римско—католическая версия, и римская версия на римском языке — последняя получила "одобрение" или особое предпочтение архиепископа Хьюза из Нью-Йорка в 1869 году и была напечатана под его непосредственным руководством "Католическим издательским обществом" этого города - каждая содержит пояснительную записку следующего содержания: "*Или вы исследуете Священные Писания*"; то есть Христос просто объявил присутствующим, что они это сделали. Очевидно, это было сделано для того, чтобы основать на этом предостережение, которое немедленно следует: "Это не повеление для всех исследовать Писания, но упрек фарисеям" за то, что они не приняли того, о ком свидетельствовали Писания. Это искажает простой смысл, ибо в то время Христос не упоминал фарисеев и впоследствии не делал этого, пока не начал учить в храме. И это было достигнуто добавлением слова "*или*", чтобы придать тексту эквивалентное значение, и слова "*вам*", чтобы создать впечатление, что сказанное Христом предназначалось только для тех, к кому он тогда обращался, а не для всего человечества; тогда как он, несомненно, имел в виду последнее, чтобы каждый человек понял, что они свидетельствуют о нем. Заповедь носит общий характер, потому что цель состоит в назидании и очищении совести, и если бы он имел в виду, что другие должны искать их для нас, а мы принимаем как безошибочно верную их интерпретацию свидетельства, результатом было бы ослабление, если не уничтожение, нашего собственного чувства личной ответственности. Христос не мог иметь в виду этого применительно к вопросам, касающимся вечного благополучия души.

[281] Де Монтор, т. I, стр. 566-573.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Триумф, достигнутый иезуитами на Ватиканском соборе 1870 года путем принятия декрета о папской непогрешимости, вызвал самый чрезмерный энтузиазм среди церковных защитников светской власти. Они тщетно полагали, что это было особое вмешательство Провидения, направленное на то, чтобы обратить вспять революционную волну и сокрушить итальянских повстанцев, которые стремились просто утвердить свое право принимать такие законы, которые затрагивали их мирские интересы, оставляя древнюю веру Церкви, какой ее веками поддерживали их отцы, совершенно нетронутой. Пий IX присутствовал на Соборе и, когда было объявлено о событии, взволнованно воскликнул: "*Consummatus est*", учитывая, как говорит импульсивный рассказчик, что говорил Петр! Тот же автор, как историк Собора, продолжает: "В этот момент над Базиликой разразилась ужасающая гроза. Время от времени его окутывал глубокий мрак, и раздвоенная молния пронзала темноту, делая ее видимой, и раскат за раскатом грома грохотал над залом Совета и возвышающимся куполом. Все были поражены сотрясением стихии *итаинственными дуновениями Святого Духа, шепчущими: "Папа непогрешим!"*"[282]

Если бы в описанный здесь, казалось бы, неблагоприятный момент, когда природа проявляет себя скорее в хмурых выражениях, чем в улыбках, возбуждение улеглось достаточно для спокойного обсуждения, мог бы возникнуть некоторый страх перед Божественным гневом ввиду богохульного заявления, что простой человек, со всеми импульсами, страстями и честолюбивым тщеславием других людей, равен Богу во всех духовных и мирских вопросах, которые касаются нравственного поведения общества и правительств и вечного благополучия человеческой души. Ни одна группа людей, когда-либо собиравшаяся прежде, на протяжении всех веков, не осмеливалась объявить о столь явном извращении учения Христа, все общение которого с человечеством было направлено на то, чтобы учить кротости и смирению как отличительным чертам христианской жизни. Почти девятнадцать веков христианской эры прошли без завершения такого посягательства на первобытную веру; и умы, не охваченные странным увлечением, скорее всего, увидели бы в громе, молнии и облаках проявление Божественного недовольства, чем сравнили бы сцену — как это делает этот автор — с той, что произошла на горе, когда скрижали закона были переданы Моисею. Но тогда такого обсуждения не существовало, и оно не присутствовало на заседаниях Ватиканского собора. Декреты были подготовлены заранее под диктовку Пия IX — подобно тем, что были подготовлены Иннокентием III для Латеранского собора 1215 года, собравшегося для осуждения мнимой ереси альбигойцев, придания новой силы его светской власти, приукрашивания его узурпаций и получения папской санкции на ужасные преследования инквизиции. Никакие поправки не были разрешены. Была предпринята попытка снять анафему, но, поскольку это означало бы отказ от принудительной власти, она провалилась. Совет — как указывалось ранее — был далек от заполнения, когда проводилось окончательное голосование, многие члены добровольно вышли из состава, чтобы выразить свое несогласие с указом, после того как потерпели неудачу всеми способами, чтобы его отменить. Однако, помимо этого недостатка единодушия, утверждается, что это учение о непогрешимости было скрыто каким-то таинственным образом в хранилищах веры на протяжении всех лет, прошедших со времен Христа, и не раскрывалось, несмотря на неустанные усилия амбициозных пап добиться его признания! И все это, по-видимому, без осознания того, что говорить об этой доктрине, а также о Непорочном Зачатии, что вера в то и другое абсолютно необходима для спасения в следующей жизни, равносильно утверждению, что миллионы, которые умерли, не веря ни в то,

ни в другое, и другие миллионы, которые явно отрицали и осудили и то, и другое, были и будут навсегда исключены из присутствия Бога!

Сейчас век практичности, и народ Соединенных Штатов, рассматриваемый коллективно, является явно практичным народом. Они стали таковыми в силу того факта, что их политические институты были построены таким образом, чтобы требовать личного участия каждого гражданина в управлении общественными делами. Но если папа на самом деле непогрешим и по праву обладает юрисдикцией в отношении веры, морали и поведения, которую эта доктрина возлагает на него, тогда народный надзор за их делами заканчивается в тот момент, когда начинается папский и иезуитский надзор за ними. Тогда, вместо того, чтобы продолжать быть в авангарде прогрессивных и продвигающихся вперед наций, мы займем неприметное место среди тех, кто осуждает прогресс как неверие. Сам папа Римский, приславший монсеньора. Сатолли, присутствующий здесь, чтобы проинструктировать нас, похоже, забыл — и есть множество его послушных последователей, которые не желают знать, — что максимум, чего могли добиться его амбициозные предшественники, Григорий VII, Иннокентий III и Бонифаций VIII, в силу своей уверенности в непогрешимости, это разделить членов Церкви на соперничающие и разъяренные фракции — цизальпийцев и ультрамонтанов. Первый придерживался религии галликанских христиан, ограничивая верховенство папы только спиритуалами; в то время как второй, как он это делает сейчас, распространил его на абсолютный духовный суверенитет до такой степени над миром, что включает в себя все мирские вопросы, касающиеся интересов Церкви и папства. Ультрамонтаны прослеживали этот абсолютный суверенитет до направлений политики, проводимой несколькими наиболее выдающимися папами, но особенно до буллы "*Unam Sanctam*" Бонифация VIII, в то время как цизальпийцы отвергли авторитет этой буллы. Этот вопрос вызвал затяжные и ожесточенные споры, которые продолжались вплоть до Ватиканского собора 1870 года, когда Пий IX, более успешный, чем кто-либо из его предшественников, получил возможность воспользоваться своим союзом с иезуитами и обеспечить триумф ультрамонтанов. Этому он добился, заставив Собор возродить догмы всех пап, которые были до него, включая, конечно, Григория VII, Иннокентия III и Бонифация VIII, в той мере, в какой они касались веры, морали и всех религиозных обязанностей. В "Догматической конституции", которая авторитетно провозглашает непогрешимость папы и была издана непосредственно под личным покровительством Пия IX, прилагаются особые усилия, чтобы заявить, что эта доктрина основывается не только на "свидетельствах священных писаний", но и на "простых и недвусмысленных постановлениях" "римских понтификов и Генеральных Соборов", [283] несмотря на это, ни один предыдущий собор никогда не принимал такого постановления, а Констанцский и Базельский прямо постановили прямо противоположное. Здесь, как будет замечено, папы сгруппированы посредством использования слова *понтифики* во множественном числе, оставляя нынешнюю веру для сравнения с прежней верой путем поиска среди многочисленных конституций, декретов, энциклик, распределений и булл всех пап, перечисленных в церковном календаре. Таким образом, ультрамонтаны и иезуиты находят свою веру в буллах и политике Григория VII, Иннокентия III и Бонифация VIII, но особенно в булле "*Unam Sanctam*" последнего; и поскольку они, со Львом XIII во главе, представляют победоносную партию в Церкви, не может быть оправдания незнанию религиозных доктрин этой партии, поскольку они воплощены в непогрешимых высказываниях этой знаменитой буллы и теперь используются для оправдания восстановления светской власти папы и расширения его полномочий. духовная юрисдикция в случае их успеха.

Среди папских авторов наблюдалось явное нежелание публиковать эту буллу целиком, чтобы ее точный смысл был понятен обычному читателю. В качестве оправдания за то, что этого не сделал, Де Монтор, авторитетный историк пап, говорит в своей биографии Бонифация VIII, что "ни в Риме, ни где-либо еще" это "больше официально не упоминается".^[284] Хотя это было сказано до того, как Ватиканский собор постановил непогрешимость всех пап, конечно, включая Бонифация VIII, все же сокрытие простого и очевидного значения этой буллы не было оправдано даже тогда; по той причине, что вся ее цель заключалась в определении отношений между духовной и светской властью; и, следовательно, предоставляет высшую официальную и *ex cathedra* свидетельство веры Церкви в том виде, в каком ее тогда поддерживал ее главный функционер, независимо от того, был он непогрешимым или нет. Если, однако, он был непогрешим, как постановил Ватиканский собор 1870 года, то окончательно доказано, что булла "*Unam Sanctam*" излагает истинную веру, признанную ультрамонтанами, иезуитами и всеми теми, кто принимает пап как непогрешимых учителей и проводников. Сокрытие Де Монтором и другими папскими защитниками наиболее существенных частей этой буллы является всего лишь слабой попыткой замаскировать порицание, обычно высказываемое ее автору; хотя то, что он сделал, было открытым и смелым признанием того, что Григорий VII, Иннокентий III и другие папы по существу провозглашали ранее при регулярном исполнении своих папских функций. Де Монтор следует за Де Местром и довольствуется, как и последний, изложением некоторых его выводов, опуская наиболее заметные и важные. Среди уступок, на которые он пошел, — перечисление тех, кто подлежит отлучению, следующим образом: "Все еретики"; "Все, кто апеллирует к будущим Соборам", то есть кто отрицает непогрешимость папы; "Те, кто ссылаются на духовенство перед мирскими трибуналами"; "Те, кто узурпируют территорию папского суверенитета"; и, хотя он осмеливается сказать, "Остальная часть буллы неважна",^[285] очевидный факт заключается в том, что и он, и Де Местр опустили какие-либо ссылки на его наиболее заметные части, ставшие теперь более заметными благодаря торжественному постановлению Совета Vatican о том, что он был непогрешим. Какой бы ни была цель этого подавления до решения Ватиканского собора — а в том, что это была какая-то особая цель, не может быть никаких разумных сомнений, — с тех пор условия изменились, так что Бонифаций VIII, провозглашая веру всей Церкви, был таким же непогрешимым, как Пий IX, или Лев XIII, или любой из их предшественников. Мы видели, что декрет о непогрешимости, судя по его четким формулировкам, охватывает всех "пontiфиков", среди которых Бонифаций VIII играл наиболее важную и заметную роль. Следовательно, то, что он сказал об отношениях между духовной и мирской властью, что обязательно включает в себя веру, все, кто соглашается с доктринами Ватиканского собора, обязаны признать безошибочно истинным. Следовательно, все современные народы, особенно жители Соединенных Штатов, заинтересованы в понимании того, каковы были доктринальные учения тех пап, чье потенциальное влияние, подобно влиянию Бонифация VIII, сформировало курс папства. Если когда-то можно было с кажущимся основанием сказать, что каждый из пап говорил и действовал сам за себя и применительно к периоду своего pontификата, то этого времени больше не существует; ибо, начиная с декрета о непогрешимости, верующие обязаны признавать каждого из них определившим веру по вдохновению Святого Духа, независимо от того, касается ли это поведения наций, народностей или отдельных лиц.

Булла "*Unam Sanctam*" была специально предназначена для определения веры, и поэтому то, что в ней говорится об отношениях между духовной и мирской властью, должно быть изучено с особой тщательностью теми, кто считает, что народная форма правления способствует

человеческому процветанию и счастью. Особенно это должно быть сделано народом Соединенных Штатов, который приписывает свой чудесный рост и развитие отделению Церкви от государства и последующему избавлению от множества бедствий, причиненных европейским народам папским и церковным владычеством, не последнее из которых было оправдано этой знаменитой буллой Бонифация VIII, не говоря уже о том, что сейчас о подобных захватах власти другими не менее амбициозными папами. Ученый и беспристрастный Госселин изложил эту буллу в следующих словах:

"Евангелие учит нас, что в Церкви есть и что Церковь имеет в своей власти *два меча*— духовный и мирской —*оба в силах* Церкви; но первый должен быть обнажен Церковью и рукой суверенного понтифика; второй, для Церкви, оружием королей и солдат, *по просьбе понтифика*. Временный меч должен быть подчинен духовному; то есть, *временная власть - духовной*, согласно этим словам апостола: "Нет власти, кроме как от Бога; и те, которые есть, установлены Богом". Теперь, две власти не были бы должным образом установлены, если бы *временный меч не был подчинен духовному, как низший высшему*. Нельзя отрицать, что духовная сила настолько же превосходит мирскую по достоинству, насколько духовные вещи вообще превосходят мирские. Само происхождение временной власти демонстрирует это; ибо, согласно свидетельству истины, *духовное имеет право назначать временную власть и судить ее, когда она ошибается*; таким образом также подтверждается в Церкви и церковной власти оракул Иеремии: "Вот, я поставил тебя в этот день *над народами и царствами*". Следовательно, если *временная власть ошибается*, ее должна судить *духовная*; если духовная власть низшего ранга совершает ошибки, ее должна судить духовная власть низшего ранга. высший порядок; но если *высшая духовная сила совершает ошибки, это может быть судимо только Богом, а не каким-либо человеком*, согласно словам апостола: "Духовный человек судит обо всем, и сам он никем не судим". Эта суверенная духовная власть была дана Петру этими словами: "Кого ни свяжи" и т.д. Поэтому всякий, кто сопротивляется этой силе, так установленной Богом, сопротивляется порядку Божьему".[\[286\]](#)

Для правильного понимания этого бывшего обычного официального заявления нет необходимости внимательно изучать его формулировки. Это решительное и очевидное утверждение полной папской юрисдикции над нациями и всем, что связано с их мерами внутренней политики, которые имеют отношение к интересам и вере Церкви или налагают наименьшие ограничения на полномочия и прерогативы пап. Она низводит все народы до состояния абсолютной неполноценности и признает папу римского общим арбитром во всех человеческих делах, не ответственным ни перед каким человеческим судом. Его главная цель состояла в том, чтобы сплотить Церковь и государство настолько тесно, чтобы их никогда нельзя было разделить, чтобы сделать невозможной любую форму народного правления, подобную той, что существует в Соединенных Штатах. Она была заперта в секретных архивах Ватикана на шестьсот лет вместе с другими папскими буллами аналогичного значения, где могла бы остаться в забвении, если бы Ватиканский собор 1870 года не постановил, что ее автор был непогрешим, и таким образом не вытащил ее на свет божий, чтобы направлять по стопам других непогрешимых пап. Не требуется богатого воображения, чтобы представить себе радость, испытанную иезуитами, когда они стали свидетелями эффективной поддержки, оказанной таким образом делу монархизма, и с какими светлыми надеждами они ожидали того времени, когда папское владычество станет всеобщим и не будет допускаться никакая другая форма религии, кроме той, которую провозгласил Бонифаций VIII, когда "он объявил еретическим утверждение, что ни один христианин не подчиняется папе".[\[287\]](#)

Все иезуиты принимают как абсолютную истину доктрины, провозглашенные буллой "*Unam Sanctam*"; иначе они не были бы истинными учениками Лойолы. Но считают ли другие верующие это обязательным для себя как акт непогрешимости, зависит, конечно, от учения Церкви или папы римского, который в своем единственном лице представляет Церковь. Примерно за три года до того, как был принят декрет о непогрешимости, и для того, чтобы сформировать мнения в его пользу, была опубликована работа, исходящая из лондонского ораторского искусства под эгидой папы, в которой предмет обсуждался со всей тщательностью. Она называлась "Когда Церковь говорит безошибочно?", и ответ был дан с удовлетворительной ясностью. В 1870 году — в год принятия указа — было опубликовано второе издание этого труда для общего ознакомления. Автор очень откровенен и, несомненно, выразил веру, поддерживаемую папством, со всей корректностью; ибо, если бы он этого не сделал, его работа не была бы напечатана и распространена с одобрения Церкви. Он без колебаний подкрепляет свои утверждения папскими доказательствами еще при Льве I — более чем за восемьсот лет до Бонифация VIII, — из чего, конечно, можно справедливо заключить, что независимо от того, когда жил папа, его определения веры *ex cathedra* следует считать безошибочно истинными, полностью независимыми от последнего постановления Ватиканского собора. Он выдвигает общее положение о том, что непогрешимость "распространяется на все истины, которые имеют отношение к вере и к вечному благополучию человечества", и подкрепляет его, показывая, что Пий IX заявил, что непогрешимое учение не ограничивается только "пунктами доктрины", но охватывает также все, что "касается общего блага Церкви, ее прав и дисциплины".^[288] Помимо этого, он перечисляет в пределах папской юрисдикции "общие принципы морали"; "догматические и моральные факты"; "точный смысл книги или отрывка из книги" и его соответствие истине; "дисциплина и богослужение"; "осуждение тайных и других обществ"; "образование"; "конкретные моральные факты"; "политические истины и принципы"; "богословские выводы" и "философия и естественные науки".

В этот широкий и почти неограниченный круг тем включено практически все, что касается как отдельных людей, так и общества, — даже вопросы, которые относятся к нациям и государствам как таковым. Что касается специального предмета образования, то принимаются все системы, потому что они включают догматические и моральные факты, что дает Церкви "право судить о них"; и "верующие обязаны безоговорочно подчиняться ее суждению об этих системах". Что касается политических истин и принципов, то доктрина столь же ясна, что до тех пор, пока нация или государство находятся в гармонии с Церковью, действуя в повиновении ее заповедям, последняя не будет вмешиваться в это; но когда это не так и противоречит божественному закону, как его интерпретирует Церковь, "в этот момент право и обязанность Церкви, как хранительницы богооткровенной истины, вмешиваться и провозглашать Государству истины, которые оно игнорировало, и осуждать ошибочные принципы, которые оно приняло"; то есть осуждать это как еретическое и незаконное. И чтобы прояснить, что эта власть над государством неограниченна, он ссылается на Учебную программу Пия IX 1864 года, чтобы доказать, что Церковь имеет "право отличать ошибку от истины в области политической науки".^[289] И прежде чем завершить, он считает необходимым предостеречь верующих от любого обращения к их собственному разуму по "столь сложному" вопросу, как непогрешимость, предупреждая их, "что никто, кроме признанного богослова, не имеет права на мнение по этому поводу"; то есть, что абсолютное и безоговорочное подчинение авторитету — даже если это низводит человечество до состояния запасов а камни — это высший христианский долг.^[290]

Несомненно, декрет о непогрешимости восходит к самым ранним эпохам Церкви, уходя в прошлое и включая весь период средневековья, который Лев XIII называет "благословенными веками" веры и послушания. Следовательно, булла "*Unam Sanctam*" находилась в пределах безошибочной юрисдикции Бонифация VIII и должна быть признана выражающей истинную папскую веру; то есть то, что предполагал Ватиканский собор, следует рассматривать именно так. Если папская непогрешимость что-либо значит, это означает, что он был так же неспособен на грех или ошибку в управлении своим кабинетом, как Пий IX или Лев XIII, и, следовательно, что его доктрины были абсолютно верны, когда их объявляли, и остаются таковыми по сей день. "*Semper eadem*" — всегда одно и то же — таков папский девиз. Это должно также означать, что его доктрины являются такой же частью веры, поддерживаемой папством, как декрет о Непорочном зачатии Пия IX или любой другой акт или декрет, касающийся веры, любого из пап. Не имеет значения, что декрет о Непорочном Зачатии был одобрен Ватиканским собором, потому что он вступил в силу до заседания этого Собора в силу признанной силы и авторитета папы римского. И, кроме того, его одобрение не было необходимым для его действительности, если бы Пий IX был непогрешим, потому что любой с *кафедры* акт папы считается настолько обязательным, что даже инакомыслие Собора ничего не сможет противопоставить ему. Следовательно, верующие повсюду считаются обязанными принимать как часть веры все, что любой папа провозгласил или должен провозгласить впоследствии в пределах своей непогрешимой юрисдикции, относящееся к Церкви, папству, Штатам или правительствам, и особенно к такому важному предмету, как образование. Без этого доктрина о непогрешимости папы римского не имела бы практического смысла.

Следовательно, тем, на чьи умы произведут впечатление вышеприведенные хорошо засвидетельствованные факты, остается со всей возможной серьезностью рассмотреть отношения, которые непогрешимый папа должен, по необходимости, поддерживать к нашим гражданским институтам, до тех пор, пока он будет настаивать на той степени юрисдикции над ними, которая, как теперь утверждается, была предоставлена этим папским притязанием. Если это соображение примет во внимание гражданин Соединенных Штатов-католик, находящийся под защитой наших законов, он наверняка обнаружит, что теперь от него требуется отказаться от древней веры Церкви, которую он почитал всю жизнь, и заменить ее новой верой, которую до сих пор отвергала его совесть и для достижения которой потребовалось более тысячи лет споров внутри Церкви и тесного союза с возрожденными иезуитами. Если оно будет дано кем-то "туземным и прирожденным", чей инстинкт и образование привязывают его к форме правления, которая отделяет государство от Церкви и делает народ основным источником политической власти, он столкнется с предложением иностранной державы изменить характер наших институтов, чтобы Церковь и государство могли быть объединены, а последнее поставлено в подчинение первому. И это возложит на всех, кто должным образом ценит преимущества гражданской и религиозной свободы, обязанность — не проявлять нетерпимость и не лишать каких-либо справедливых гражданских прав, но защищать с необходимой твердостью и мужеством все фундаментальные принципы, которые были освящены жизнями и трудами тех, кто заложил основы нашего правительства. Мы не можем позволить, чтобы этой страной правил ни Лев XIII, который в молодости был учеником иезуитов, ни сами иезуиты, которые почитают Лойолу как святого. Среди нас множество римских католиков, как местных, так и родившихся за границей, чья христианская честность и поведение внушают им наше доверие и братство, и многие из них достаточно умны и образованны, чтобы понимать, что если бы иезуитизм был исключен из веры, которую они обязаны принять, не осталось бы причин для

тревожащей вражды между ними и их протестантскими согражданами, но каждому человеку было бы предоставлено поклоняться Богу в соответствии со своей совестью, и никакая человеческая власть "не посмела бы приставать к нему или пугать его".

Мы не можем и не должны позволять последователям Лойолы применять здесь принципы Григория VII, Иннокентия III, Бонифация VIII и других пап, которые свергали с престола королей и освобождали своих подданных от обязанности повиновения правительствам, при которых они жили, на основании претенциозного заявления о том, что в силу своей непогрешимости они были единственными представителями Бога на земле и имели божественное право "назначать светскую власть". Мы не можем и не должны соглашаться на то, чтобы быть включенными в круг какой-либо иностранной мирской юрисдикции или в такую духовную юрисдикцию, поскольку папская доктрина непогрешимости распространяется на мирские дела всех наций. Мы не можем и не должны допустить, чтобы Звездно-полосатый флаг был снят с купола нашего национального Капитолия, а на его месте был водружен папский флаг с крестом и митрой без единой звезды. Мы не можем и не должны вмешиваться в дела европейских народов ни для того, чтобы восстановить светскую власть папы римского, ни для того, чтобы изменить отношение итальянского народа к своему правительству. Ибо мы не можем сделать ничего из этого или допустить, чтобы это делали другие, не разрушив барьеры и не уничтожив ориентиры, оставленные отцами Республики, и тем самым не превратив наше собственное яркое национальное наследие в бесславное наследство нашим детям.

Мы не должны забывать о требовании юрисдикции над народом Соединенных Штатов, которое папа сейчас предъявляет в силу своей предполагаемой непогрешимости и которое побудило его направить владыку. Сатолли в эту страну - без дипломатического признания, без нашего ведома и согласия — чтобы объяснить нам, что наша форма правления еретична и по этой причине может быть удалена с пути папства, как и другие ереси; и что наши обычные школы являются рассадниками порока, потому что они не учат, что протестантизм тоже ересь, на которой лежит проклятие Божье. Чтобы понять природу и характер этой юрисдикции и притязания на папское превосходство, из которых она вырастает, необходимо только помнить, что Тридентский собор взял на себя власть как над протестантами, так и над римско-католиками и тем самым создал прецедент, которому Лев XIII не замедлил последовать. Это собрание признало, что все крещеные, независимо от того, кем была совершена церемония, находятся в пределах его церковной юрисдикции, и хотя протестанты считаются мятежниками и отступниками от авторитета Церкви, они считаются подчиняющимися ее законам и могут по праву быть обязаны подчиняться им — мирно, если это возможно; но если нет, то путем принуждения, когда это станет целесообразным. попытаться это сделать. Их сравнивают с овцами, отбившимися от стада и принадлежащими Хозяину, которого они покинули; и с солдатами, которые покидают свое знамя и подвергаются аресту и наказанию со стороны своего начальства. Таким образом, протестанты Соединенных Штатов являются, в папском смысле, отлученными от церкви еретиками, а их правительство еретично, потому что оно отделило государство от Церкви. Следовательно, иезуиты утверждают, используя свой особенно тонкий метод рассуждений, что и правительство, и протестантский народ Соединенных Штатов находятся в пределах папской юрисдикции, и, следовательно, что папа римский имеет божественное право, как единственный непогрешимый представитель Бога, поступать с этой страной по своему собственному усмотрению.

Как тем, кто учит этому, так и тем, кто принимает это как неотъемлемую часть *религиозной* веры, не хватает истинно американского духа, будь то местного или рожденного за границей, — того духа, который руководил советами "отцов", когда они формировали наше правительство, и который придавал ему силу, а также красоту на протяжении более чем столетия. Они явно готовы увидеть, как мир возвращается к средневековью, когда судьбы всех цивилизованных наций зависели от арбитража и воли пап; когда государство находилось в подчинении Церкви; когда короли были свергнуты с престола, а их подданные освобождены от обязательства верности им, чтобы привести все нации в соответствие с принципами и политикой папства; и когда массы человечества рассматривались просто как "животные", не обладающие ни способностью, ни правом управлять собой по законам, которые они сами создали. Для достижения этих результатов они настаивают на том, что должно быть абсолютное "единство веры", и что все, что стоит на пути к этому, является ересью и должно быть уничтожено. Для этого они заявляют, как догмат веры, что папы должны иметь свободный и непрерывный доступ через свою иерархию к каждой нации и народностям в мире, чтобы еретические правительства могли быть уничтожены, а еретические народы переданы под папское владычество. Здесь они указывают на желание увидеть возрождение в Соединенных Штатах разногласий, междоусобиц и войн, которые посеяли разруху и запустение в самых справедливых частях Европы, что вынудило Францию не разрешать издавать в пределах ее границ буллу "*Unam Sanctam*"; Испанию внести в нее изменения, а ведущие страны — особенно те, которые признаны римско—католическими - исключить из всех папских булл такие элементы, как угроза посягательств на их права и независимость.

Протестантский народ Соединенных Штатов не может подражать этим последним примерам, прибегая к суровым мерам защиты. Гражданские и религиозные свободы, которые они установили в качестве основы своих институтов, должны оставаться всеобщими. Ни одна человеческая совесть не должна быть ущемлена, а справедливые права человека не должны ущемляться. Свобода мысли, слова и печати должна оставаться главным краеугольным камнем, на котором должно покоиться национальное здание. Но для того, чтобы увековечить эти великие права, столь необходимые для каждого гражданина Республики, наша система общего школьного образования в том виде, в каком она существует сейчас, должна быть защищена от посягательств иезуитов. Нам следует даже пойти дальше и прислушаться к совету Мэдисона — одного из наших мудрейших и лучших президентов, — когда в одном из своих посланий Конгрессу он привлек внимание "к преимуществам добавления к средствам образования, предоставляемым несколькими Штатами, учебных заведений, учрежденных национальным законодательным собранием", посредством которых чувства, мнения и умонастроения молодежи могут быть ассимилированы и, таким образом, образуют защитную стену от иностранного влияния, которую никогда нельзя разрушить. И независимо от того, будет это выполнено или нет, долг как перед настоящим, так и перед будущим требует от нас помнить, что сказал великий папа Климент XIV в своей булле, запрещающей иезуитам абсолютное исчезновение "*навсегда*", что "следует позаботиться о том, чтобы они не участвовали в управлении ими", то есть школами, потому что "способность обучать молодежь должна предоставляться и сохраняться только тем, кто, по—видимому, склонен поддерживать мир в школах и спокойствие во всем мире". Он знал иезуитов гораздо лучше, чем мы в этой стране когда-либо могли их знать; и независимо от того, был ли его поступок по их подавлению безошибочным или нет, это представляет собой урок истории, который не следует забывать. И хотя в нашем обращении с ними мы не можем сделать ничего, противоречащего либеральному

и толерантному духу наших институтов или неподобающего самим себе, мы должны помнить, что

"Трижды вооружен тот, кто ведет справедливую борьбу;
И тот, кто наг, хотя и закован в сталь,
Чья совесть развращена несправедливостью".

СНОСКИ:

[282] Ватиканский собор. Томас Каноник Поуп. Бостонское изд., стр. 270-271.

[283] Постановления Ватикана. Гладстон. Страница 159.

[284] Де Монтор, т. I, стр. 476.

[285] Там же., стр. 477-478.

[286] Власть папы Римского в средние века. М. Госселин. Том. II, стр. 233-34.

[287] Де Монтор, т. I, стр. 476.

[288] Когда Церковь говорит безошибочно? Автор: Томас Фрэнсис Нокс из Лондонского ораторского искусства. Страницы 53-54.

[289] Когда Церковь говорит безошибочно? Автор: Томас Фрэнсис Нокс из Лондонского ораторского искусства. Стр. 55 и т.д.

[290] Там же. стр. 118.
